

XVIII ВЕК

СБОРНИК СТАТЕЙ И
МАТЕРИАЛОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА А. С. ОРЛОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1935 ЛЕНИНГРАД

Октябрь 1935 г. Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик *В. П. Воллин*

Редактор издания академик *А. С. Орлов*.

Технические редакторы *Д. С. Бабкин* и *Л. А. Федоров*.

Ученый корректор *О. Г. Крючевская*.

69067

Сдано в набор 19 марта 1935 г. — Подписано к печати 31 октября 1935 г.

4 нел. + 432 стр. + 15 табл.

Формат бум. 62 × 94 см.—29¹/₈ печ. л.—31720 тип. зн. в печ. л.—Тираж 5165
Ленгорлит № 31965. — АНИ № 690. — Заказ № 1547

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

ОТ РЕДАКЦИИ

В начале 1934 года при реорганизации Института русской литературы Академии Наук СССР в составе его Отдела новой русской литературы была образована группа по изучению литературы XVIII века. Первой задачей группы было объединить всех литературоведов, работающих в области изучения XVIII века, организовать и координировать их индивидуальные исследования, направить их по руслу плановой коллективной работы. В работе группы приняли участие ученые не только Ленинграда и Москвы, но и других центров Союза. В течение 1934 и 1935 гг. на регулярных заседаниях группы обсуждались планы исследовательской и архивно-источниковедческой работы, специальные научные доклады и сообщения. Проблема осмысления историко-литературного процесса в России в XVIII веке в целом, проблема построения марксистской схемы этого процесса была поставлена группой еще в начале ее работы и привлекала внимание работников ее в течение всего периода ее существования. Горячие споры вызвали появившиеся за последние три года работы, пытающиеся дать ответ на основной вопрос изучения литературы XVIII века, — вопрос о соотношении классовых сил, поскольку оно отразилось в идеологиях и словесном искусстве в частности. Оправной точкой для этих споров послужила состоявшаяся 6 апреля 1934 г. в стенах Института дискуссия об основных проблемах изучения литературы XVIII века. Однако в процессе двухлетней совместной работы значительное большинство членов группы пришло к единству понимания центральных и решающих проблем литературы XVIII столетия.

Центральное место в работах группы занимало изучение Радищева; социально-политическая позиция Радищева, его общее мировоззрение, его литературно-общественные отношения, самый его художественный метод, его биография — всем этим вопросам старалась уделить внимание группа XVIII века. Отдельные доклады были посвящены творчеству крупнейших писателей XVIII века, таких как Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, Фонвизин, Державин, Крылов и др.

В план работ группы входило и обследование архивных фондов СССР в части, относящейся к русской литературе XVIII века. В первую очередь, естественно, изучались фонды архива Института русской литературы, в которых работниками группы совместно с сотрудниками архива были изучены некоторые ценные документы (напр. письма друга Радищева А. М. Кутузова к Н. П. Тургеневу, бумаги П. В. Капниста, Державина,

литературный дневник Д. И. Хвостова, неизданные тексты Богдановича и др.), затем, исследованы были некоторые материалы в Архиве Академии Наук — совместно с сотрудниками Архива при поддержке зав. Архивом Г. А. Князева (произведения Тредиаковского, бумаги Ломоносова и др.). В круг изучений группы удалось ввести — благодаря участию в ее работах киевского ученого П. И. Рулина — ценный архив В. В. Капниста, хранящийся в Киеве. Ряд материалов по Радищеву удалось извлечь из архива Воронцовых, хранящегося в Историко-археографическом институте Академии Наук, и т. д.

Первым результатом работ группы XVIII века Института русской литературы явилась подготовка к печати четырех книг: двух сборников и двух монографий. Один сборник посвящен Радищеву и содержит исследования о его жизни, творчестве и политической деятельности. Другой сборник, ныне выходящий в свет в качестве первого выпуска трудов группы XVIII века, объединяет доклады, читанные в заседаниях группы, и материалы, представленные в группу ее сотрудниками. Поскольку Радищевские темы оказались изъятыми из этого тома, поскольку некоторые более капитальные работы участников группы выделались в особые монографии, данному сборнику группа решила придать в основном характер сводки разысканий в области неизученных материалов, относящихся к литературе XVIII столетия, отдельных исследовательских этюдов. Институт русской литературы полагает, что отдельные наблюдения и материалы, собранные в настоящей книге, будут не бесполезны при построении марксистской истории литературы XVIII века. Радищевский сборник должен выйти в свет вскоре после настоящего тома, а вслед за ним еще две книги: П. Н. Беркова «Ломоносов и литературная полемика его времени» и Г. А. Гуковского «Введение в изучение русской литературы середины XVIII века».

С самого начала своей деятельности группа работала под председательством академика А. С. Орлова при секретаре Г. А. Гуковском. В работах группы принимают активное участие: Я. Л. Барсков, П. Н. Берков, К. К. Истомин, Б. И. Коплан, П. Г. Любомиров, А. Я. Кучеров, Л. Б. Модзалевский, В. Н. Орлов, Н. К. Пиксанов, Л. В. Пумпянский, П. И. Рулин, В. П. Семенников, Р. М. Тонкова, И. М. Троцкий, В. В. Фурсенко, С. Н. Чернов, Д. Д. Шамрай и др.

СТАТЬИ

«ТИЛЕМАХИДА» В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО

А. С. Орлов

Изучение Тредиаковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей.

Пушкин.

«XVIII-й век», не как хронологическая, а как культурная эпоха, основные черты которой обрисовались еще столетием раньше, похож на лабиринт тогдашних садов, который манит войти, но не дает выхода тому, кто не знает извилин его схемы, основы его коварной симметрии, усложненной еще революциями последней трети столетия.

«XVIII-й век» — век лозунгов и прописей, показным образом трактующих о том, как надо жить в общественных группах, как надо управлять и подчиняться, что и как мыслить, чувствовать и говорить. Эти теоретические рекомендации имели привлекательный вид, но стояли в противоречии действительности, которая не даром называется «суровой». Они были односторонни, обслуживая интересы «немногих» и подчиняя им интересы «многих».

Однако, разрабатывая интересы «немногих», идеологические схемы Запада заключали в себе нечто на общую потребу, в частности — на потребу «отсталых» народностей, ускоряя своим воздействием процесс формирования их общественного сознания и его выражения в слове.

В области чисто книжной, при занятиях русской художественной литературой XVIII в., русские ученые недостаточно исчерпали вопрос о зависимости ее западных образцов и ее самой от философских, в частности от социально-политических систем. Точное определение категорий появившихся у нас новых понятий и словесной формулировки их отражения в русской художественной литературе XVIII в. — вот насущная потребность дальнейшего ее ведения.

Социальный утопист Фенелон, привлекавший с начала XVIII в. пристальное внимание русских, в том числе — Петра I-го, Тредьяковского, Державина, Фонвизина, Радищева, Карамзина и еще десятков трех писателей, безыменных и с именами, почти совсем ускользнул от наших литературоведов. Переводчик Фенелонова Телемака, Тредьяковский также не удостоился надлежащей оценки своего труда с точки зрения его социального значения и обретения языка для новых понятий в общественной.

В дальнейшем мы попытаемся дать библиологическую базу для суждения о «Телемакиде», более существенного, чем прежние эстетические споры.

Одним из важных вопросов литературоведения является вопрос о формировке русского литературного языка, особенно в том периоде его существования, когда русская культура тесно связалась с западноевропейской. Этот период начался собственно и ранее XVIII в., но только с XVIII в. западная культура существенно овладела русской, предопределив главные элементы ее выражения даже до текущего времени. Большинство понятий, а вместе с тем и слов, неизвестных своеобразной, национально замкнутой Московии, хлынуло к нам с чуждого дотоле Запада, не встретив у нас подготовленных семантических и словесных форм. Это наводнение — сначала, обратилось — затем в непрерывную струю изменчивых воздействий, за которыми должны были поспевать русские словесники. Только в начале XIX в. они могли перевести дух в своей вековой работе над организацией литературного языка по всем главным линиям, принятым на Западе. Конечно, нельзя представлять этот процесс так прямолинейно, как делал Шпет, говоря, что «русская художественная литература героически боролась с Кирилло-Мифодиевским наследием в языке, и когда воссиял Пушкин, болгарский туман рассеялся навсегда» (Очерк развития русской философии Густава Шпета. Первая часть. 1922 г. Петербург, издательство «Колос», стр. 22). Но, в общем, время первой из близких к нам стадий в организации русского литературного языка показано Шпетом верно.

Итак —

С XVIII в. в России настала пора подравнения жизни под жизнь стран, предупредивших нас в темпе и организованности развития. Вместе с появлением у нас новых форм экономики,

общественности, государственности, совпадающих с соответственными на Западе, России пришлось считаться и с появлением на своей почве новых понятий, которые на Западе уже не были новостью. И вот, весь русский XVIII в. проходит в формировке этих понятий по образцу Запада, где они систематизировались в специальных учениях, от Лейбница и Вольфа до философов эпохи «Просвещения», Энциклопедистов, сантиментального Гердера, Канта и т. д. Уже с Петровской эпохи начали появляться и в русских переводах, а то и в перепечатках подлинника, политическо-моралистические трактаты, излюбленные у нас.

Припомним знаменитого ученика Гуго Гроция и Гобесса, основателя «естественного» и народного права, Самуила Пуфендорфа, сочинения которого, уважаемые Петром I, по его приказу переведившиеся и издававшиеся, притом не один раз, подвергавшиеся после Петра то изъятию, то одобрению,¹ имели такое влияние на наших мыслителей XVIII в. (В. Н. Татищев, В. К. Тредьяковский).²

¹ Сочинения Самуила Пуфендорфа: 1) *Einleitung zu der Historie der vornehmsten Reiche und Staaten so jetziger Zeit in Europa sich finden*, предназначавшееся, как руководство государственным людям и как учебник для учащейся молодежи, полностью впервые переведено с латинского (невполюне вразумительно) Гавриилом Бужинским и издано так дважды — в 1718 и 1723 гг. под заглавием: «Введение в Гисторию европейскую чрез Самуила Пуфендорфия на немецком языке сложенное, также чрез Иоанна Фридерика Крамера на латинский преложенное» и т. д.; вновь переведено с немецкого Борисом Волковым и напечатано при Академии Наук в 1767 — 1777 гг., под заглавием: «Введение в историю знатнейших европейских государств с примечаниями и политическими рассуждениями». 2) *De officiis hominis et civis*, переведено справщиком Иосифом Кречетовским в 1724 г., напечатано после смерти Петра. Это сочинение Пуфендорфа «О должностях гражданина и человека» было в 1786 г. Синодом признано руководством по нравоучению. 3) *De jure naturae et gentium libri VIII* — «Самуила Пуфендорфия о законах естества и народов книги 2, 3, 6, 7.» См. П. Пеккарский. Наука и литература при Петре Вел., т. I и II, указатель — под «Пуфендорф»; Э. Радлов. Очерк истории русской философии. 1921, стр. 81.

² См. упрек Вас. Никит. Татищева Московской Академии, где «не токмо правильно и порядочно с основания права естественного не учат, но и книг Гроциевых, Пуфендорфовых и тому подобных, которые за лучших во всей Европе почитаются, не имеют» (Шпет, стр. 52). Вводные статьи Тредьяковского к переводу 3, 5—7, 11—14 томов Римской Истории Роллея содержат курс естественного права и этики, причем естественное право изложено целиком по Пуфендорфу (Э. Радлов. Очерк истории русской философии. 1921, стр. 10, 80, 81).

Относительно просвещения русских общественными идеями за границы следует сказать, что еще в пору средневековья и особенно в XVIII в. заведывать этим просвещением претендовало правительство, и первые его опыты производились в царской семье. Новые просвещенские идеи заимствовались из-за границы не только в теоретическом изложении, но и в художественной обработке. Между прочим, за рубежом и на Востоке и на Западе издавна завелись и непрерывно существовали так сказать «царственные» домострои, которые переводились затем у нас и вызвали подражания. Влияние западной социально-политической дидактики в русском XVIII веке было громадно. Большинство наших художественных писателей ввело соответственные ноты в свои произведения, заставляя своих читателей и слушателей одновременно вторить изменчивым лозунгам западноевропейского просвещения. Начнем с Петра.

Академик Пекарский сообщает содержание составленной в 1703 или 1705 гг. бароном Гюйссеном (von Hüysen) инструкции для воспитания царевича Алексея Петровича (род. 1690, умер 1718):

«Как скоро великий князь будет объясняться по французски и понимать авторов, то перевести на этот язык Бунонову Идею истории общей (Bunonis. Idea Historiae universalis cum continuatione), Пуфендорфа «Введение в Историю...» Далее предполагалось перевести на французский язык Пуфендорфа «малую книжицу о должностях человека и гражданина» (De officiis hominis et civis), как преддверие к изучению трудов Гроция и Пуфендорфа. Преподавателю в особенности рекомендовалось: *Les droits civils dans leur ordre naturel*, Символы — Сааведра и «в свете знатный Телемак». Перевод книг, для того назначенных, предположено напечатать в Голландии (Пек. I, 93, 94, 104, 138, 139, 214, 215). Но ни одна из поименованных латинских или немецких книг не была переведена по-французски для Алексея, которого Гюйссен хотел воспитать по образцу бургундского герцога, французского дофина. Часть книг была напечатана в русском переводе уже по смерти Алексея, за исключением «Символов» Сааведры, переведенных, правда, еще в конце XVII в. и затем в XVIII в. при жизни царевича, но непопавших в печать.¹

¹ По сообщению А. И. Соболевского (Переводная литература Московской Руси, стр. 161–162) существуют русские рукописи кон. XVII и нач.

Что касается до «в свете знатного Телемака», то это конечно, — *Les aventures de Télémaque*, педагогический роман, написанный прозой Фенелоном, воспитателем бургундского герцога, французского дофина. Первое парижское издание 1699 г. второе — 1717 г.¹ Фенелонов Телемак полюбился в России; всех русских

XVIII в., озаглавленные: «Образец крестьянского политического князя. Сто один пример. Хорошие, сиречь добрые Симбальские наречия. Писал сию книгу Дидако Сааведра Факсарду, шпанский рыцарь. Прежде сего испанский язык, латинский и цесарский. Преведен на русский. А переводил переводчик иноземец Андрей Дикенсон. Печатано в Амстрадаме, у Егана Яксонуса младого». Это перевод книги: *D. Saavedra Faxardo. Idea principis christiano-politici, 101 symbolis expressa, Amstelodami, 1659.*

Пекарский (1, 214—215) сообщает, что в Публичной библиотеке есть рукописный перевод, сделанный, по приказанию Петра, Феофаном Прокоповичем и озаглавленный так: «Изображение христіано-политического властелина, символами объясненное от Дидака Саведры Факсадра, ныне же с латинского на диалект русский переведенное».

¹ В русских библиографических заметках об истории французского текста «Приключений Телемака» Фенелона встречаются разногласия и неточности. Верные сведения находим в «Предъизъяснении об Ироической Пииме» перед «Телемахидой» В. К. Тредьяковского, который сообщает: «первые самые издания (Фенелонова Телемака), вышедшие против воли Авторovy, и напечатанные с неправых Списков и выкраденых, были разделены на десять Книг, каков есть Выход и Адриана Мутиенса в Гаге, от 1706 года. Однако Наследники, по смерти уже Авторovy, сообщили Свету точный рукописный Подлинник, состоящий в двадцати четырех Книгах разделением». Сочинения Тредьяковского, т. II, отд. I, изд. А. Смирдина, 1849 г., стр. XVII. Написание Фенелоном Телемака Я. К. Грот отнес к 1681 г., а первое издание — ко времени после смерти автора в 1715 г. и не прежде 1717 г., тогда как уже А. А. Куник писал: «В 1689 году Людовик XIV избрал его (Фенелона) в воспитатели своих внуков. Для старшего из них, герцога бургундского, Фенелон написал своего Телемака, сочинение, основанное на педагогических расчетах: в 1698 г. оно, без ведома автора, было напечатано в Париже, и тотчас же конфисковано, потому что завистники Фенелона... находили в нем, хотя вовсе не справедливо, сатиру на двор Людовика XIV. Вследствие того Телемак, при жизни Фенелона (ум. 1715 г.) не был издан во Франции, хотя в чужих краях с 1700 г. он был несколько раз напечатан... Только в 1717 г. явилось в Париже издание, послужившее основанием для следующих изданий Телемака» (Ученые записки Академии Наук по I и III отд., т. III, СПб., 1855, Истор. материалы и разыскания, стр. 260—261, статья А. А. Куника «Несколько слов о Фенелоне и его оде 1681 года, переведенной Ломоносовым»). Если Фенелон только в 1689 г. стал воспитателем королевских внуков, едва ли педагогическое сочинение «Телемак» было задумано им в 1681 г. И следует согласиться с А. Дживи-леговым, который, на основании обширной литературы о Фенелоне, утверждает, что Телемак был им написан в 1695—1696 гг., но появился в 1699 г.

его переводов, по словам А. А. Куника, издано до тридцати. Старший из русских переводов относят ко времени Петра. Но как в определении времени этого перевода, так и в показании его

(Энцикл. словарь Брокгауза-Эфрона). Brunet (*Manuel du libraire . . .*, 5-е изд., II т., Париж, 1861) относит первое издание к 1699 г., как и значится на титуле первой части его текста, прерванного конфискацией: «*Suite du quatrième livre de l'Odussée d'Homère, ou les Aventures de Télémaque, fils d'Ulysse. A Paris, chez la veuve de Claude Barbin . . . M. DC. XCIX*». Остальная часть текста в том же издательстве вышла ранее конца 1699 г., но без указания издателя и места издания. Издание Адриана Мугтенса в Гааге, поименованное В. К. Тредьяковским, соответствует приведенному Brunet: «*Les Aventures de Télémaque . . . suivant la copie de Paris, a La Haye, chez Adrian Moetjens, Marchand libraire. M. DC. XCIX*». Moetjens выпустил 5 изданий с датой 1699 г., и сверх того существовали и другие подобные, выпущенные с его именем. Brunet приводит затем издание А. Moetjens в Гааге 1701 г., текст которого, разделенный на 10 книг, впервые носит в титуле имя автора. Это издание было затем повторено несколько раз, между прочим в 1703 и 1705 гг. (Brunet) и, очевидно, в 1706 г. (Тредьяковский).

Среди ранних изданий Телемака Brunet упоминает Брюссельское 1699 г., выпущенное в 2 томах Fr. Forpens, где текст разделен на 10 книг, и 1700 г., с делением на 16 книг. В Академии Наук есть I том издания 1699 г. Шмуц-титул его: «*Les aventures de Télémaque fils d'Ulysse. Suite de l'Odysée d'Homère*». Титул на следующем листке: «*Les aventures de Télémaque fils d'Ulysse. Nouvelle Edition, divisée en dix Livres. Tome premier. A Bruxelles. Chez François Forpens. M. DC. XCIX*». На обороте титульного листка этого I тома следующий текст: «*Au lecteur. L'empressement que le Public a marqué pour le commencement de cet Ouvrage, m'en a fait chercher le reste avec soin, et je puis dire avec succès, que puisque cette impression a esté faite sur une copie sans lacune, très différente de celles qui sont entre les mains de quelques particuliers: l'ouvrage est présentement complet et entier, tel que l'a fait son illustre Auteur, dont la beauté et le tour des pensées, la variété et la force des expressions ne peuvent être remplacées que par luy même. Il est d'ailleurs inutile de faire l'éloge de ce Livre; le Public en connoît le mérite, et si le commencement luy a tant plu, il sera charmé du reste, et me scaura gré de mes soins. On a trouvé a propos de diviser cet Ouvrage en dix Livres, pour reposer le Lecteur; et pour plus grande commodité, on a mis avant chaque Livre un sommaire ou argument*». Судя по экземпляру Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, II-й том этого Брюссельского издания (François Forpens) вышел в 1700 (MDCC) году, причем и во II-м томе, равно как и в I-м, имени автора не дано.

Самым лучшим изданием, послужившим базой для изданий последующих, было издание 1717 г., текст которого снабжен именем автора и поделен на 24 книги: «*Les Aventures de Télémaque . . . par de La Mothe Fénelon, première édition conforme au manuscrit de l'auteur (avec un discours sur la poésie épique, par de Ramsay)*». Paris, Jacq. Etienne ou Florentin Deaulne, 1717.

текста существует много неясностей. О старшем, Петровском переводе, и его списках сообщешие делали: А. А. Куник в заметке 1855 г. «Несколько слов о Фенелоне и его оде 1681 года, переведенной Ломоносовым»; А. Галахов в «Исторической хрестоматии нового периода русской словесности», т. I, СПб., 1861 г., стр. 42 и 43; А. Н. Пыпин в брошюре «Для любителей книжной старины», М., 1888 г., стр. 58. Сообщение Куника неопределенно: «В академическую библиотеку недавно поступил рукописный русский перевод Телемака из времен Петра В.» (Уч. Зап. АН по I и III отд., т. III, исг. материалы, стр. 260, прим. 7). Мы полагаем, что Куник разумел рукопись Библиотеки Академии Наук, по теперешнему шифру 31.4.27, переданную сюда в составе собрания Толстого в 1854 г. В заглавии этого списка сказано: «нынѣ вновь преведеса на російскіи языкъ в санктъ петерь бурге 1724 году». А. Галахов напечатал около 100 начальных строк перевода «с рукописи Императорской Публичной Библиотеки» и сообщил заглавие его по этому списку. Заглавие с незначительными отменами читается так же, как в академическом списке № 31.4.27, и между прочим: «нынѣ вновь преведеса на росіискіи языкъ. СПб. 1724». Что касается самого текста поэмы, то он также совпадает в списке Библиотеки Академии Наук № 31.4.27 и в списке, использованном А. Галаховым. Мы полагаем, что А. Галахов, использовал список собрания Фролова Публичной библиотеки, F.XV. № 13, о котором сообщил неясно А. Н. Пыпин, как о «переводе Телемака, 1724., в Петербурге». Сверх этого Пыпин указал еще две рукописи. Одна из них принадлежала библиотеке Московского Общества истории и древностей, I, № 161, F. Заглавие списка Общества истории и древностей приведено А. Н. Пыпиным неточно, но текст его все же совпадает с Акад. № 31.4.27 и перевод датирован 1724 г. Наконец, в «Отчете Московского Публичного и Румянцовского Музеев за 1910 год» (Москва 1911, стр. 6—8) описана под № 3596 дефектная рукопись XVIII в. русского перевода Телемака, с заглавием, датою перевода 1724 г. («в санктъ петерь бурхѣ 1724-го году») и текстом, тождественными Академическому списку № 31.4.27.

Итак, можно было бы высказать предположение, что нам известен в четырех пока списках XVIII в. один и тот же прозаический перевод Фенелонова Телемака, деленный на две части и на 24 книги, под таким приблизительно заглавием: «Похождение Телемака, сына Улисса. Сложение чрез господина

Франсоа де Салиньяк де Ламот Фенелон, учителя государей детей Французских, потом архиепископ дюк де Камбре и князь Святыя Империи. Новыя печати с подлинного манускрипта авторова (умножена и исправлена. Две части — Галахов и Пышин). Часть первая. Ныне внове преведесе на российский язык в Санкт Петербурге 1724 году». Но дело здесь не кончилось. В Библиотеку Академии Наук была в свое время передана из фонда Российской Академии рукопись того же прозаического перевода Фенелонова Телемака (XVIII в., в лист, на 186 нумер. листах), которая затем поступила в Архив Академии, где и значится теперь под шифром: разряд II, опись I, № 91. По тексту поэмы, по второй половине заглавия и по делению на две части и 24 книги, рукопись эта совпадает с помянутыми тремя рукописями перевода 1724 г., но самый перевод датирован в ней 1734 г. Заглавие в Архивской рукописи № 91 неполно; верх листа 2-го, где оно находится, оставлен пустым, очевидно, для киновари или какой-либо иллюстрации первых строк заглавия, так и оставшихся невписанными. Итак, заглавие включает лишь следующие строки: «Сложение чрезъ господина Франсоа де Салиньякъ делямоттъ Фенелонъ учителей государей детей французских Потом архиепископъ дюкам декамбре и князь святыя Империи Новыя Печати С подлинного манускрипта авторова Часть Первая Внове переведесе на российской языкъ В Санкт Питербурхе 1734 году». Итак, один и тот же перевод датируется в рукописях то 1724 г. (три списка), то 1734 г. (один список). Можно было бы предположить, что этот единственный список, вообще безграмотный, ошибочно дал 1734 год вместо верного 1724, но такая его дата находит себе поддержку в печатном Академическом издании того же самого перевода, которое вышло в 1747 году под таким заглавием: «Похождение Телемака, сына Улиссова сочинено господином Фенелономъ учителемъ дѣтей короля Французского, бывшимъ потомъ архіепископомъ Камбрейскимъ, и княземъ Римскія Имперіи. Переведено на Россійской языкъ въ 1734 году и по особливому высочайшему соизволенію Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшія Государыни Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійской Напечатано при Императорской Академіи Наукъ Въ Санктпетербургѣ 1747 года». Детали и оформление этой печатной книги лишь несколько отличаются от рукописей того же перевода. Так, содержание каждой из 24 книг суммировано в ней перед I-й частью (12 книг) и перед II-й (тоже 12 книг), как это,

например, сделано и в Архивской рукописи № 91, но противоречит академическому списку № 31.4.27, в котором содержание помещено перед каждой из 24 книг. Затем, в печатном издании 1747 г. нет «Предисловия» с биографическими сведениями о Фенелоне и похвалой ему, а это «Предисловие» есть в № 91, в № 31.4.27 и в № 3596; нет также и «Табели содержания книг», которая имеется в № 31.4.27. Кстати сказать, описатель Румянцевской рукописи № 3596 без основания предположил, что текст «Похождения Телемака» «приготовлен к изданию» именно по этой рукописи.

Время этого русского перевода можно было бы определять по дате французского издания, легшего в его основу, но это нам пока недоступно.

Приведа заглавие списка Публичной библиотеки с датой 1724 г. (вероятно, собрания Фролова, Ф. XV. № 13), А. Галахов заметил: «Слово «внове» показывает, что сочинение Фенелона переводилось и прежде 1724 г.» Скорее однако «внове» можно толковать как «в первый раз».

А. Н. Пыпин сообщает заглавие еще одной рукописи, именно: «Случаи Телемакова сына Улиссова или последование четвертых книги Одиссеи Омира чрез господина Франца де Солиняк де ля Мот Фенелон, архиепископа и дюка Камбрезеского князя священного Империи, графа Камбрезеского, прежде бывшего учителя государей, дюков Бургонских, Анжу Берри и прочая для научения государя дюка Бургонского МДССХII. Скороп. XVIII в., в л., на 265 л. Перевод Петровского времени. См. Рукописи (славянские и русские), принадл. (И. А.) Вахрамееву (М. 1888 г.); А. Титова, № 190, стр. 120». Судя по заглавию, рукопись Вахрамеева № 190 содержит особый перевод с французского издания Фенелона Телемака, вышедшего в печать в 1712 г. Едва ли МДССХII относится ко времени русского перевода. Определение этого перевода Петровским временем совершенно необосновано ни Титовым, ни Пыпиным.

Неблагосклонный отзыв Тредьяковского о переводе «1734 г.» в издании 1747 г. находится в Предъизъяснении, напечатанном при его Тилемахиде: «Уже известно, что Тилемах и на наш язык переведен, как то книге сей необходимо должно читаемой быть всеми народами, хотящими нелицемерно просветить свой разум, а сердце исправить, томуж и другому приобрести услаждение такое, кое от чтения книг и произойти в верховной степени

возможен. Но Тилемах наш переведенный и напечатанный токмо тень, или еще и та, истинного есть Тилемаха. Коль ни благоразумный и ни добронравный переводил его муж, и язык разумевший французский; однако, не обратившийся ни мало в Словесных науках, не мог произвести перевода своего так, как всеконечно надобно было. Списки, с недостаточного его во всецелом содержании перевода, еще беспредельно недостаточнее произникли; а обносясь повсюду, расплодили и сами списки ж с себя, но толь пренесовершенны, что Тилемаха в них по главному токмо почитай имени узнавать стало можно. Из таких точно списков один достался Академической Типографии, которая Тилемаха и произвела печатным тиснением. Правда, видели тогда знающие люди все недостатки в том списке, с коего так называемый набор в Типографии той производим был, и могли оным всех прежде чистого тиснения исправить; но крайнее по нуждению к скорости напечатания не допустило до того: так что каков был Тилемах в оном списке, таков подлинно и в свет издан. Жаль; но «что зделано, то уже не может быть не зделано». — «Factum, infectum fieri nequit. Terent. Phorm. V.8.4. — Factum est illud, fieri infectum non potest. Plaut. Aul. IV.10.15» (Смирд., LVII, LVIII).

Переводчика Телемакова происхождения, напечатанного Академической Типографией (в 1747 г.), Тредьяковский не назвал по имени, хотя и знал его, как можно заключить из признания переводившего «мужем благоразумным и добронравным», что никак не явствовало бы свойств перевода. Для этого умолчания имени были, значит, особые причины, к вскрытию которых мы и переходим.

П. Н. Берков обратил наше внимание на разговор С. А. Порошина с Н. И. Паниным, происходивший 15 января 1765 г. по окончании обеда, на котором присутствовал в. князь Павел Петрович: «Зашла речь о Телемаке. Его превосходительство Никита Иванович изволил говорить, что ему сей книги на русском языке никогда видать не случалось. Доносил я ему, что есть она переводу г. Хрущова, и что я для его превосходительства ее достану» (Семена Порошина «Записки, служащие к истории... в. князя Павла Петровича, наследника престолу российского», СПб., 1844, стр. 256 и 257). Итак, до издания Тилемахиды Тредьяковского (1766 г.) уже был Телемак на русском языке, в переводе некоего Хрущова. Это известие П. Н. Берков пред-

ложил нам сопоставить с данными биографии Андрея Федоровича Хрущова, родственника Артемия Петровича Волинского политического его конфидента с 1731 г. по 1740 г., когда «советник берг-коллегии» А. Ф. Хрущов сложил голову на плахе вместе с кабинет-министром Волинским и другими его единомышленниками. Волинский не знал иностранных языков, и европейски образованные члены его политического кружка не только приносили ему существовавшие на русском языке политические трактаты и памфлеты, но и специально для него переводили их (Макиавелли, Юст Липсий, Боккалини, Бессель). Хрущов, обучавшийся в Голландии с 1712 по 1720 гг., служил затем во флоте, сблизился в начале 30-х годов с Волинским и участвовал в собраниях его кружка, направленного против иноземцев-временщиков, к увеличению политических прав шляхетства, в частности — против императрицы Анны, в династических интересах царевны Елизаветы Петровны. С 1733 г. у Волинского явилась мысль изложить письменно «на подобие книги» свои соображения «о поправлении внутренних государственных дел». Получился обширный политический проект, из которого, после неоднократной его переработки, Волинский сделал в 1739 г. извлечение для императрицы. Хрущов был главным руководителем при составлении проекта и с радостью говорил Волинскому: «Сочинение это будет полезнее книги Телемаковой» (см. Д. А. Корсаков. Артемий Петрович Волинский и его конфиденты. «Русская старина», 1885 г., окт., особенно стр. 35. Русский биографический словарь, СПб., 1901, см. под: Хрущов, Андрей Федорович). Итак, слова А. Ф. Хрущова о «книге Телемаковой» подтверждают его авторство в том ее переводе, который списками датируется 1724 и 1734 гг., а печатным Елизаветинским изданием (1747 г.) только 1734-м, что вероятнее, если допустить, что перевод Телемака был сделан для Волинского. Зная, что этот перевод был исполнен А. Ф. Хрущовым, Тредьяковский стеснялся назвать это имя как потому, что оно принадлежало государственному преступнику, так и потому, что в суде над Волинским, Хрущовым и другими среди обвинений, предъявленных кабинет-министру, значилось избиение им в 1740 г. секретаря деснаис Академии Василия Кирилловича Тредьяковского.

Отзыв Тредьяковского об авторе прозаического перевода «1734 г.», напечатанного впервые в 1747 г., мы находим чрезмерно строгим. В тексте перевода нам не встретилось признаков, обли-

чающих переводчика в недостаточном знакомстве с словесными науками. «Перевод 1734 г.» обнаруживает высокий уровень литературного языка, и в нем наблюдается даже стремление к стилю. Есть местами ритмичность, напоминающая Карамзинскую прозу. Словарь перевода 1734 г. в основе заключает те же главные элементы, что и стихотворная Тилемахида Тредьяковского, то есть книжность и вульгарность, но смесь эта проще, чем у Тредьяковского, при полной разности в подборе слов для перевода и того и другого. Иностранные слова, например, оставленные непереуведенными в тексте «1734 г.», характерны для более ранней эпохи и близки к Петровскому времени. И славянизмы другие, чем у Тредьяковского. Может быть, Тредьяковскому не нравилась некоторая сухость перевода. Так, переводчик местами как бы сжимает французскую фразу, не гонясь за оттенками, тогда как Тредьяковский был склонен не только акцентировать оттенки, но и развертывать их в дополнение к подлиннику. Замечания Тредьяковского о недостатках списка, попавшего в печать в 1747 г., вероятно, справедливы. К таким недостаткам можно отнести несколько мелких пропусков. Затем встречаются досадные опечатки, искажения слов в типе народной этимологии. Для своего стихотворного перевода Тредьяковский опытом этой прозы не пользовался. Правда, нам попало несколько случаев лексического совпадения, но они могли получиться и самостоятельно.

Далее в Предъизъяснении к Тилемахиде Тредьяковский говорит еще об анонимном частичном переводе Фенелонава Телемака, но уже «сходственнейшим со стихотворным слогом»: «По прошествии времени, предприняли некоторые рачители дать нам Тилемаха не токмо исправнейша в содержании, но и в течении слова сходственнейша с стихотворным слогом: уразумели они твердо, что Ироическая лирика не стройна всеконечно без приличного себе, и потоком лиющегося изглашения: чего ради несколько книг и совершили делом, со временем все прочии до самого конца совершить хотяции. Учинена мне честь сообщением, тогда еще, к прочтению сих нескольких книг с Тилемаха, в новом том и исправнейшем произведенных виде. Не можно не похвалить, достоуложного слога, и сего не льстивно, да и по самой справедливости: предложение сие метафрастическое, сходствует всеуовершенно с автороу прозаическую речеточивостию, так что французское слово»

В. К. Тредиаковский.
(Музей Института русской литературы.)

изменилось токмо в Российское; разве сие одно может о Российской Речи сказаться, что она в нем, как не Стопами определено шествующа, лиется **ИСТОРИЧЕСКАГО А НЕ ИРОИЧЕСКАГО** повествования рекою, точно как у Автора, которому впрочем необходимо было нужно, лишенному всемерно Ироического Стиха, прозаичесествовать; но что нам, обогащенным таковым стихом от природныя благодности, в текущей плавно, плающей жарко, и на все извивающейя страны способно и высокопарно Словесности нашей, не прилично б, мнится, было тот пренебрещи, и самоизвольно немущими являться в изобилии, равно как стоящими в воде по уста, а напиться не могущим. Наконец, мы имеем высокий сей Ироический Стих издревле; а Тилемах и есть Эпическая Пима, которая требует Омирова или Маронова ристательного бега» (LVIII, LIX).

Кажется, никто из исследователей не отметил существования этого, очевидно, ритмического, но «не шествующего стопами» перевода нескольких книг Тилемака. Следует пересмотреть рукописные собрания с целью поискать соответствующего списка — тем более что форма речи этого перевода, смутно определенная Тредьяковским, будит интерес своей необычностью.

Наконец, Тредьяковский сообщает о стихотворном переложении Тилемака ямбом с рифмами:

«Другим напротив, в нынешнее точно время, зная что всякой Пиме, по превосходствуж (*χλτ'ἔξοχῆν*), первенствующей пред всеми Ироической, должно теши определеною мерою, потщались прелагать Тилемаха, еще вновь, Стихами, и сими **ΙΑΜΒΙЧЕСКИМИ**, да и с так именуемою окончательною рифмою. Сообщены мне были три первые книги и сего Рифмического предложения, да просмотрю оные. Понравилось начинание: похвалил я стремительство, еще и поострил ободрением трудоположника к продолжению дела. Подлинно, и сей труд есть достохвален. Но видели мы уже выше, что Ироическия Пимы течению не свойственны как Рифмы, так и Стопы мер **ΙΑΜΒΙЧЕСКИХ**» (LIX).

Этот опыт ямбического переложения Тилемака Я. К. Грот приписывает Г. Р. Державину, который, по словам И. И. Дмитриева, сделал его с существовавшего русского перевода (между 1762 и 1766 гг.).¹

¹ Став весной 1762 г. солдатом Преображенского полка и живя в Цеттербургской казарме, Державин по ночам «читал книги, какие мне достать»

Обратимся к «Предъизъяснению об Ироической пииме», которое предпослано В. К. Тредьяковским его Тилемахиде.¹

Кроме сообщения о прежних русских переводах «Тилемака» и характеристики особенностей своего перевода и его издания, а также сверх рассуждения о русском стихе [«шествующем стопами по так именуемому Тбническому Количеству»], и об уместности применения к переводу эпической поэмы стихов «Дактилотроханческих», «Ексаметра» без рифм, все остальные части «Предъизъяснения» Тредьяковский заимствовал из разных западноевропейских поэтик и из текста античных поэтов. «Только есть всего, что я мог выбрать из различных мест об Ироической Пииме вообще, и о Тилемахе из Тилемаха (т. е. Фенелонова) вособности» (Смирд. LVII). Действительно, по крайней мере треть «Предъизъяснения» заимствована Тредьяковским из «Discours sur la poésie épique, et sur l'excellence du poëme de Télémaque» А. Ramsay, из этого именно «Рассуждения», которое впервые было помещено перед поэмой Фенелона в издании 1717 г. Последователь идей Фенелона, его почитатель и биограф, Ramsay, красноречиво изложил привлекательные стороны социально-поли-

случалось, немедкие и русские, и мараз стихи без всяких правил...» (Зап. Д., Соч. Д., ред. Грота, т. VI, стр. 427). «Сюда (по словам Грота, ib., 427, прим. 1) относится следующее место из записок Дмитриева («Взгляд на мою жизнь», стр. 64): «Кто бы мог отгадать, какой был первый опыт творца Водопада? — Переложение в стихи или, лучше сказать, на рифмы плохих припасок на счет каждого гвардейского полка! Потом он обратился уже к высшему рифмованию и переложил в стихи несколько начальных страниц Тилемака, с русского перевода».

¹ Предварительно сообщим несколько данных о первом печатном издании Тилемахиды. Титул книги: «Тилемахида или Странствованіе Тилемаха сына Одиссеева описанное в составъ ироическія пиимы Василиемъ Тредьяковскимъ надворнымъ Совѣтникомъ членомъ Санктпетербургскія Императорскія Академіи Наукъ с Французскія нестихословныя рѣчи сочиненныя Францискомъ де-Салиньякомъ де-ла-Мотомъ Фенелономъ Архиепископомъ Дюкомъ Камбрейскимъ Принцомъ Священныя Имперіи. Томъ первый в Санктпетербургѣ 1766 года». То же заглавие повторено на титуле второго тома (Том второй). В каждом томе заключается по 12 книг Тилемахиды, текст которой поделен на 24 книги. Издание 1766 г. вышло в двух видах: на толстой, отличной бумаге, размером $20\frac{1}{2} \times 27$ см, и на тонкой, плохой бумаге, размером $19\frac{1}{2} \times 25$ см. Этот обмер произведен по переплетенным в XVIII в. экземплярам Академии Наук, причем у лучшего вида издания переплетен каждый том в отдельности (экземпляр Библиотеки Академии), а у худшего — оба тома переплетены вместе (экземпляр Института книги, документа, письма).

гической утопии Телемака, «la morale du Télémaque», чем несомненно воздействовал на миропонимание Тредьяковского, который сам был поклонником философов, воздействовавших на Фенелона. Приводя далее заимствования из Ramsay, данные в «Предъизъяснении», мы, следовательно, сообщаем идеи самого Тредьяковского.

Телемак Фенелона восхищал Тредьяковского. «Книге сей необходимо должно читаемой быть всеми Народами, хотящими нелицемерно просветить свой Разум, а Сердце исправить, томуж и другому приобрести услаждение такое, кое от чтения Книги произойти в верховной степени возможно» (LVII). Как видите, среди достоинств Телемака на первом месте он ставит просвещение разума и сердца. Полагал, «что приема проическая» вообще должна «подавать твердое наставление человеческому роду, научая сей любить добродетель», «вещать то самое, что сущее Нравоучительное Любомудрие, и есть Нравственная истиною Философия» (IV), Тредьяковский считает Фенелона превзошедшим в этом отношении Гомера и Вергилия (XVI, XVII).

Характеристике «превысокого Нравоучения» (une morale sublime), «глубокого Нравоучительства» (une profonde morale) в «Предъизъяснении» отведено много места, соответственно Ramsay. Вот, например, что здесь говорится о том способе нравоучения, который назван «преднаписанием Правил» (les préceptes). «Цель Политики его (Фенелона) вся в том, чтоб мы предпочитали Общее Благо Собственному, и любилб всех обще человекoв. Ведом Махиавил (Махиапель) и Овнсий (Гоббес): сии оба под суетным и ложным предлогом, что будто польза Общества, не имеет ничего общего с существенным Добром Человека, то есть с Добродетелию, полагают за Пpавила Державствования одну только Хитрость, Коварство, Обман, Тиранию, Неправду и Злочестие. Но Автор Тилемаха соединил самую совершенную Политику с прекрайнею Добродетелию. Большое Основание его, на коем все утверждается, есть сие, что весь Мир, токмо едино Общество, и что каждый Народ, как великое некое Домочаство. От сего изрядного и ясного Понятия рождаются Законы Естества и Народов, праводушные, милосердые, человеколюбивыи. Не почитается уже каждая Страна, не зависящею от других; но род человеческий приемлется за некое Всецелое и Неразделимое. Но довольно к тому любви к единому Отечеству: сердце расширяется, становится

безмерное и повсемственным Дружелюбием объемлет всех Человеков» (XXXIX).¹ Далее, повторяя Ramsay, Тредьяковский защищает Фенелона и в том, что он учил предпочитать «многогрудные должности Добродетели своим Услаждениям» и внушал героическую самоотверженность (XL, XLII). Тредьяковский повторяет Ramsay и в формулировке социальных норм «Телемака», делающих «Общество» «блаженным» (XXXIX, XL, XLII, XLIII). Эти нормы изложены кратко, без мотивировки и гораздо осторожнее, чем они изображены в самой поэме Фенелона. О «вольности», как здесь — в «Предъизъяснении», так и в «Указании вещам по алфавиту», нет ни слова. Вскользь упоминается только, что в Телемаке показан «способ», «как изобретать средину между излишествами могущества Деспотического (самопреобладающего) и бесчисленными и Анархическими (не имеющими Начальствующего)» (XLIII).²

Утвердившись в представлении о Тредьяковском, как о мыслителе-гражданине в новом для Московии европейском смысле, мы приводили из «Предъизъяснения» Тилемахиды цитаты, не совсем обычные для недавних русских «словесников», любителей «элоквенции», которые рассматривали Тредьяковского, как бесталанного поэта, хотя и находчивого теоретика версификации преимущественно. Несмотря на то, что пренебрежительная

¹ «... le but de sa Politique est de nous faire préférer le Bien public au Bien particulier, et de nous faire aimer le Genre-humain. On sait les systèmes de Machiavel, d'Hobbes, et de deux Auteurs plus modérés, Puffendorf, et Grotius (Тредьяковский опустил именно Пуфендорфа и Гроция, ибо сам им следовал). Les deux premiers établissements pour seules maximes dans l'Art de gouverner, la finesse, les artifices, les stratagèmes, le despotisme, l'injustice et l'irréligion... » (Далее Тредьяковский опустил кризиску Пуфендорфа и Гроция). Mais l'Auteur du Télémaque est original, en ce qu'il a uni la Politique la plus parfaite avec les idées de la Vertu la plus consommée. Le grand principe sur lequel tout roule, est que le Monde entier n'est qu'une même République... , et chaque Peuple comme une grande Famille. De cette belle et lumineuse idée naissent ce que les Politiques appellent les Loix de Nature et des Nations, équitables, généreuses, pleines d'humanité. On ne regarde plus chaque Païs comme indépendant des autres; mais le Genre-humain comme un Tout indivisible. On ne se borne plus à l'amour de sa Patrie; le coeur s'étend, devient immense, et, par une amitié universelle embrasse tous les Hommes. Discours de la poésie épique et de l'excellence du poëme de Télémaque, de Ramsay.

² la manière... de trouver le milieu entre les excès d'un Pouvoir despotique, et les désordres de l'Anarchie.

оценка школьных учителей «словесности» сказалась и на философах, все же последние заинтересовались Тредьяковским. Так, в «Очерке истории русской философии» (1921 г.) Э. Радлов сообщил следующее: «Справедливость требует упомянуть в числе зачинателей русской философии и трудолюбивого, но мало талантливого противника Ломоносова, В. Тредиаковского; к его „Слову о мудрости, благоразумии и добродетели“ [СПб. 1752] им приложен словарь латинских терминов с переводом их на французский язык. В [этой] своей речи Тредиаковский пользуется русскими терминами. К переводу различных томов [т. 3, 5, 6, 7, 11—14] огромной „Римской истории“ Роллена, сделанному нашим трудолюбивым академиком, им же написаны введения, в которых изложен курс практической философии (стр. 10), [т. е.] курс естественного права и этики. Это весьма обширное произведение составлено, главным образом, по Пуффендорфу (сочинение Пуффендорфа „О должностях гражданина и человека“) и Томазиу (Христиан Thomazius, 1655—1728 г., последователь Пуффендорфа и Локка). . . Естественное право изложено целиком по Пуффендорфу, а этика по Гейнекцию» (стр. 81, 82). И в своих философских суждениях Тредьяковский также был несамостоятелен, следуя тем же — Пуффендорфу, Томазиу и Гейнекцию, или Бекону, конспект философии которого он напечатал.¹ Но дело не в самостоятельности, а в той убежденности, с которой Тредьяковский вводил в русское общество идеи западной философии. Пусть эти идеи не абсолютно правы, или даже абсолютно неправы, но они являлись неизбежным этапом организованной мысли, который полезно было пережить Московии, так и не испытавшей эпохи возрождения, эпохи гуманизма.

Радлов справедливо отметил прежде всего заботу Тредьяковского о философских терминах («философических званиях»), то-

¹ Труд В. К. Тредьяковского «Сокращение Философии Канцлера Франциска Бакова» (напеч. в 1760 г.), заключающий в себе и «Житие Канцлера Франциска Бакова», представляет собой перевод с французского изданных в 1755 г. сочинений двух авторов: Alexandre Deleyere (*Analyse de la Philosophie du Chancelier François Bacon, том I*) и англичанина David Mallet во французском переводе Pouillot (*Vie de chancelier François Bacon*). См. И. В. Шаля. К вопросу о языковых средствах переводчиков XVIII столетия (Тредиаковский как переводчик). Труды Кубанского педагогического института и состоящих при нем: научно-педагогического, литературно-историко-этнологического и физико-математического научных обществ. Том 2—3, Краснодар, 1929,

есть о словах, вместе с которыми входили в наш оборот и новые или обновляемые понятия. Приведем некоторые из них в трехязычных выражениях Тредьяковского: «понятие» (*idea, idée*), «разумность» (*intelligentia, intelligence*), «впечатление» (*impressio, impression*), «достоверность» (*certitudo*), «нравственное» (*moralis, morale, la morale*), «честность» (*honestum, l'honête*), «искренность» (*sinceritas, sincérité*), «постоянство» (*constantia, constance*), «крайнее благо» (*summum bonum, souverain bien*), «право естественное» (*ius naturae, droit naturel*), «общество» (*societas*) — см. «Слово о мудрости, благоразумии и добродетели». Этот подбор удачно подобранных в русском языке терминов, конечно, не исключает неудач в переводческой работе Тредьяковского над философскими сочинениями. Так, анализ переведенного Тредьяковским «Сокращения Философии Канцлера Франциска Бакона» обнаружил почти полный неуспех переводчика в тех случаях, когда французский термин он передавал русским словом. Получалось семантическое несовпадение. Исключением являются, пожалуй, галлицизмы и вообще иностранные слова, оставленные Тредьяковским без перевода и лишь ославяненные формально. В большинстве они еще и теперь не вышли из употребления, но лишь немногие из них относятся к философской терминологии (см. словарь № 3 при статье И. В. Шаля «К вопросу о языковых средствах переводчиков XVIII столетия»). Как бы то ни было, значение этой труднейшей работы Тредьяковского и ее действительных достижений становится совершенно ясным перед лицом нижеследующего факта, сообщаемого Шпетом. В одном году с Тилемахидой (1766) была напечатана переводная книга «Основания умственной и нравоучительной философии обще с сокращенною историею философическою, сочиненная Иоанном Готтлибом Гейнекцием... с латинского языка на российский переведенная». Здесь, в предисловии к благосклонному читателю содержится между прочим отчаянная жалоба переводчика на «недостаток слов в изображении терминов»: «сей недостаток так было меня тронул, что я начатой уже труд мой расудил оставить; однако потѣм, следуя других совету, что лучше хотя малым отечество пользоваться, нежели ничем, предпринял оный совершенно кончить» («Очерк развития русской философии» Г. Шпета, I ч., Пб., 1922, стр. 23, 24).

В «Словаре светских писателей» м. Евгения (1845 г.) сообщено, что «при имп. Екатерине в Эрмитаже установлено было

шуточное наказание за легкую вину выпить стакан холодной воды и прочесть из Тилемахиды страницу; а за важнейшую — выучить из оной шесть строк. Сей закон написан был золотыми буквами на таблице, которая и до ныне дела».

Карамзин рассказывает этот «анекдот» иначе: «Екатерина II, любя успехи Российского языка, желала, чтобы в избранном обществе Эрмитажа все говорили по Русски... За всякое иностранное слово, вмешанное в разговор, виновный осуждался прочесть сто стихов из Тилемахиды Тредиаковского». В «Сыне Отечества», издаваемом Н. Гречем и Ф. Булгариным, часть 175, СПб., 1836, имеется статья «Литературные забавы Екатерины Великой в Эрмитаже», где сообщается: «Эрмитажные правила, написанные Императрицею, выставлены были в галерее, ведущей из внутренних комнат дворца. Оне и донныне хранятся там в рамке под занавескою. Дух их виден из того, что в наказание преступникам предписывалось законодательницею — выпить стакан холодной воды, или выучить несколько стихов из Тилемахиды Тредьяковского, судя по важности преступления» (82 стр.). В журнале «Всякая всячина», которым руководила Екатерина, настойчиво рекомендуется чтение Тилемахиды, как лекарство от бессонницы (1769 г.). Нам, однако, кажется, что в Тилемахиде не нравилось Екатерине не форма, а содержание.

Екатерина не могла отнестись к Тилемахиде иначе, чем отнесся к Телемаку Фенелона Людовик XIV и его двор — «la plus flatteuse Cour qu'il y ait peut-être jamais eu au monde», что в той же мере можно сказать и о дворе Екатерины. Фенелон сам признавался впоследствии, что хотел представить в Приключениях Телемака «все истины, необходимые для правительства, и все прегрешения, в которые может впасть верховная власть». Его современники пошли дальше. Колоссальный успех «Телемака» объясняется тем, что читатели усматривали в этой поэме прозрачные намеки на хорошо знакомых лиц. В Идомеене узнавали Людовика XIV, в Протезилас маркиза де-Лувуа, в Астарбее — маркизу де-Монтеспан, королевскую любовницу, и т. д. (см. les Remarques при лондонском издании 1780 г., воспроизведшем роттердамское издание 1725 г.). Все это однако несомненное преувеличение. Фенелон в своей критике имел в виду более широкие задачи, и на него с одинаковым правом могли обидеться и Людовик XIV со своими министрами и любой король и министр, как справедливо заметил Н. И. Радциг. Критика и оппозиция абсо-

лютной монархии, пасифистские идеи и утопические уроки Фенелона, переведенные Тредьяковским, не только обидели Екатерину, но показались ей прямо опасными, так как через издание Тилемахиды входили в общественное обращение. Но Тредьяковский, чернорабочий просвещения, безродный труженик, не мог удостоиться такой кары, как придворный вельможа Фенелон, тем более, что своим переводом он выполнял только программу Петра. Для Тредьяковского было достаточно только пренебрежения и притом такого, которое обесценило бы его перевод, как смехоподобный.¹ Касаться самого содержания поэмы Екатерине казалось неудобным, так как она сама не прочь была полиберальничать на западноевропейский манер. И вот она облила презрением одну лишь форму перевода, в которой, надо сказать, не могла быть судьей, потому что не любила стихи вообще и не понимала, как следует, русский язык.² Впрочем, она угадала сла-

¹ Приводимые здесь и на стр. 33 соображения о причинах отрицательного отношения Екатерины к Тилемахиде впервые высказаны были нами в 1927 г. на декабрьском заседании Подсекции древней литературы и фольклора Института русской литературы РАНИОН в Москве. Эти соображения были затем печатно повторены в 1928 г. Л. И. Тимофеевым, тогда аспирантом Института (В. К. Тредиаковский. К 225-летию со дня рождения. Л. Тимофеев. На литературном посту. Апрель. 1928 г.).

² В статье Г. Геннади «Еще о драматических сочинениях Екатерины II (Библиографические заметки)», помещенной в «Библиографических записках» 1858 г., т. I, сообщается «относительно куплетов и арий, находящихся в драматических произведениях Екатерины II, что все они вставленные и сочиненные посторонними лицами и что императрица стихов не писала. Это известно и по преданиям и по некоторым печатным свидетельствам. В записках Храповицкого часто встречается известие, что он сочинял хоры к операм, которые ему давала государыня переписывать» (столб. 507). Далее Геннади сообщает показания де-Ливя и Сегюра. Де-Ливь, сопровождавший Екатерину в Крым (1787 г.), рассказывает, как по ее просьбе Сегюр составил для нее руководство к стихосложению с примерами, как она написала всего шесть французских стихов с массой ошибок и затем навсегда отказалась от дальнейших попыток. Но все же она занялась стихами в Бахчисарае и после четырехчасового размышления написала две строки. Сообщая тот же эпизод, Сегюр восклицает: «Не было, я думаю, слуха, до такой степени нечувствительного к созданию стихов» (столб. 507 и 508). Что касается до владения русским языком и грамотою, то показательно «Объявление, написанное императрицею Екатериною II для ее Эрмитажа»: «*Asseyé vous, si vous voulés, et cela où vous plaira sans qu'on vous le repete cent fois.*». «Изволтъ състь, гдѣ хотить, неожидая повторенье деремоніи газайка (-хозяйка) здѣшная ненавидуетъ и за досада принпмаетъ, а всякой въ своем домѣ воленъ» («Библиографические записки», 1859 г.,

бое место творчества Тредьяковского, который в стихах Тилемахиды выявил себя не как удачный гармонизатор русского языка, не как поэт, а как ученый, который создал русский литературный язык так сказать перед глазами читателей, вводя их в самую лабораторию языкового творчества. Достигнутые им результаты были даны в поэме, как опыты, а не как отчищенная до последнего продукция. Это отсутствие окончательной отделки, которая требовала не только ума исследователя, но и гения поэта, и послужило отличной почвой для насмешек Екатерины. Для нее было неважно, что Россия впервые получила верное выражение жанра — эпический гекзаметр, она воспользовалась тем, что этот гекзаметр был грубо сковац и местами вызывал смех у людей «вкуса».

Приведем несколько отрывков Тилемахиды, содержание которых в том или ином отношении могло быть неприятно самовластной Екатерине, стремившейся быть царицей «пышной» и «победоносной», претендовавшей на исключительное мастерство управления. Здесь она не только сталкивалась с критикой и оппозицией, но могла видеть намеки на некоторые черты своей авантюрной биографии, о которой не хотела бы вспоминать.

Горе. Чему цари бывают подвержены часто?
 Часто мудрейший в них уловляется в сети не-чая:
 Люди пронырны, корысть и любящи их окружают;
 Добрыи все отстают от них отлучаясь особно,
 Тем, что-они не-умéют ласкать и-казáться услужны:
 Добрыи ждут, пока не взыщутся и призовутся,
 А Государи почти не-способны снискивать оных.

т. II, столб. 662). Сомнительно, чтобы и беллетристическая проза Екатерины ей деликом принадлежала. Над приведенным в порядок этой прозы, очевидно, трудился весь русский секретариат императрицы. Даже более того. В приведенной выше статье Г. Геннади читаем: «Макаров утверждает, что «по плану задуманному государынею в 1772 году, явилась из под пера княгини Дашковой: г-жа Вестникова с семьею». Если верить этому показанию, сообщенному из рассказов самой Дашковой, то не должно ли признать участие княгини и в сочинении других пьес, сочиненных в Ярославле и совершенно одинаковым образом изданных?» (столб. 499). Может быть, имеет значение и следующая справка Г. Геннади по поводу комедии Екатерины «Шаман сибирской» (напеч. в 1786 г.): «Князь Шаховской в своей Летописи русского театра, помещенной в Репертуаре 1840 г. (июнь, стр. 4) приписывает сочинение этой пьесы актеру Ивану Соколову» (столб. 503).

Злыиж, сему напротѣвъ, суть смелы, обманчивы, дерзки,
Скóры вкрасться, во-всѣм угождать, притворяться искусны,
Здѣлать готовы все, что-протѣвно Совести, Чести,
Толькоб Стрѣсти им удовлетить в Самодержавном.
О! злополучен Царь, что толь открыт Злых-ковѣрствам:
Он погиб, когда Ласкательств не отрывает,
И не любит всех вещающих Истину смело.¹

Кн. II, 40, 41.

Все Государя, всегда которы преспеючи были,
Суть не-весьма за тем своего блаженства достойны:
Нега портит их, а — величье упоевает.
Будешь-же ты когда другим Властелин человекам,
И Добродетельми Отчими править мирное Царство;
Помни, что-сам был слаб, бедн, страждущ равно как-оны,
Сладко тебе да-бывѣет всем им делать отраду,
Пóдданных прямо люби, проклинай ласкательства вредны,
Да и знай притом, что Великим будешь постóлку,
Ты поскольку в стремительствах всех быть станешь умерен,
А всегда Бодр, Храбр, побеждать кипящие Стрѣсти.»²

II, 43.

Слова Сесострия — царя «образцового», но обманутого:
О! пренестчаслив всяк, говорил, кто-Державствует в Людах:
Часто не-мóжет зрить своими Правды очами;

¹ *Helas! à quoi les Rois sont-ils exposés? Les plus sages même sont souvent surpris. Des hommes artificieux et intéressés les environnent; les bons se reti-
rent, parce qu'ils ne sont ni empressés ni flatteurs: les bons attendent qu'on
les cherche, et les Princes ne savent guère les aller chercher. Au contraire,
les méchants sont hardis, trompeurs, empressés à s'insinuer et à plaire, adroits
à dissimuler, prêts à tout faire contre l'honneur et la conscience, pour conten-
ter les passions de celui qui régné. O qu'un Roi est malheureux d'être exposé
aux artifices des méchants! il est perdu s'il ne repousse la flatterie, et s'il n'aime
ceux qui disent hardiment la vérité. Voilà les réflexions que je faisois dans mon
malheur, et je rappellois tout ce que j'avois oui dire à Mentor.*

² *Une voix mugissante sortit de la caverne, et me fit entendre ces paroles:
Fils du sage Ulysse, il faut que tu deviennes, comme lui, grand par la patience.
Les Princes qui ont toujours été heureux, ne sont guere dignes de l'être; la
mollesse les corrompt, l'orgueil les enivre. Que tu seras heureux, si tu surmon-
tes malheurs, et si tu ne les oublies jamais! ... Quand tu seras le maître des
autres hommes, souvien-toi que tu as été foible, pauvre et souffrant comme eux;
prends plaisir à les soulager; aime ton peuple, déteste la flatterie, et sache que
tu ne seras grand qu'autant que tu seras modéré et courageux pour vaincre tes
passions.*

Он окружён такими Людьюми, которыи Правду
 Не допускают всегда доходить к Повелителю прочих;
 Каждому надобность в том, чтоб-его обольстить наилучше;
 Каждый Ревности видом свое любочестие кроет.
 Всяк отвне оказывает любовь к Особе верьховной,
 Внўтьр-же не-любит всяк, как Богатство даемое оным:
 Царь толь мало любим, что,-к-прїятїю милости Царски,
 Льстят царю во всем, и — во-всём Царю изменяют.¹

II, 54..

Из беседы Телемака с Ментором на Крите, управлявшемся
 по законам мудрого Миноя.

Я спросил у-негѳ, состоит в чем Царска Державность?
 Он отвещал: Царь властен есть во всем над-Нарѳдом: —
 Но Законы над-нїм во всем же властны конечно.
 Мошь его Самодержна, единственно Доброе делать;
 Связаны рўки имеет он на всякое Злое.
 Их Законы во-власьть ему Народ поверяют,
 Как предрагий Залог из всех во Свете Залогов;
 Так чтоб-он-был Отец Подчиненным всем и-Подрўчным.
 Хочет Закон, да-одїн человек, за Мудрость и Мёрность,
 Служит многих толь Людєй Благоденствию паче,
 Нежели многїи Людї толь, за Бедность и-Рабство,
 Подлю Гордость и-Нєгу льстят одного человека.
 Царь не должен иметь ничего сверьх в Обществє прочих,
 Разве что-нўжно его облегчить от-труда многодельна,
 И впечатлеть во всех Почтенїє благоговейно,
 Как к Блюстителю всех положєнных мўдро Законов.
 Впрочем, Царю, быть должно трєзвейшу, мнее роскошну,
 Более чўжду Пышности, нежели просту Людину.
 Больше Богатства ему и-Весєлій иметь не-достѳит,
 Но Премудрости, Славы, ктомууж Добродетели больше,
 Нежели стяжут коль сих прочїи все человеки.
 Вне Он должен быть Защитник Отечеству милу;
 Воинствам всем Предводитель, и-сим верьховный Начальник;

¹ O qu'on est malheureux, disoit-il, quand'on est au dessus du reste des hommes! souvent on ne peut voir la vérité par ses propres yeux; on est environné de gens qui l'empêchent d'arriver jusqu'à celui qui commande; chacun est intéressé à le tromper; chacun, sous une apparence de zèle, cache son ambition, et fait semblant d'aimer le Roi, et on n'aime que les richesses qu'il donne — on l'aime si peu, que pour obtenir ses faveurs, on le flatte et on le trahit.

Внутрь Судія, чтоб-Подсудным быть Дóбрым, Разумным, Счаст-
ливым.

Боги Царем его не-емú соделали в пользу;
Он есть Царь, чтоб был Человек всем Людям взаимно:
Людям свое отдавать он должен целое время,
Все свои попечения, и-усёрдие Людям:
Он потолику достоин Царить, поколику не тщítся
Памятен быть о-себё, да предáстся Добру́ всенародну.
Царь Мінóй утвердил, по нем чтоб-не-цáрствовать Детям,
Если они не-по-сím же Правилам Царствовать будут.
Вышше любил он свой Народ своегож Домочадства!
Мудрость сiя то средством была, что-он-весь-Крит соделал
Силен толь, и-прослáвлен толь, и толь Благосчастен.
Мерность его сiя помрачила громкую Славу
Всех Победителей тех, которы стремятся да-рóды
Служат Величiю собственну их, Пустоте разумею,
Правдою он, наконец, заслужил быть в Царствii Мертвых,
В Тартаре мрачном том Председателем и Судиею.¹

V, 133—134.

¹ Je lui demandai en quoi consistoit l'autorité du Roi, et il me répondit: il peut tout sur les peuples, mais les Loix peuvent tout sur lui. Il a une puissance absolue pour faire le bien, et les mains liées dès qu'il veut faire le mal. Les Loix lui confient les peuples comme le plus précieux de tous les dépôts, à condition qu'il sera le Père de ses S jets. Elles veulent qu'un seul homme serve par sa sagesse et par sa modération à la félicité de tant d'hommes; et non pas que tant d'hommes servent par leur misère et par leur servitude lâche à flatter l'orgueil et la mollesse d'un seul homme. Le Roi ne doit rien avoir au-dessus des autres, excepté ce qui est nécessaire, ou pour le soulager dans ses pénibles fonctions, ou pour imprimer aux peuples le respect de celui qui doit soutenir les Loix. D'ailleurs, le Roi doit être plus sobre, plus ennemi de la mollesse, plus exempt de faste et de hauteur qu'aucun autre. Il ne doit point avoir plus de richesses et de plaisirs; mais plus de sagesse, de vertu et de gloire que le reste des hommes. Il doit être au-dehors le Défenseur de la patrie, en commandant les armées; et au-dedans le Juge des peuples pour les rendre bons, sages et heureux. Ce n'est point pour lui-même que les Dieux l'ont fait Roi, il ne l'est que pour être l'homme des peuples: c'est aux peuples qu'il doit tout son tems, tous ses soins, toute son affection; et il n'est digne de la Royauté qu'autant qu'il s'oublie lui-même pour se sacrifier au Bien-public. Minos n'a voulu que ses enfans régnassent après lui, qu'à condition qu'ils régneroient suivant ces maximes. Il aimoit encore plus son peuple que sa famille. C'est par une telle sagesse qu'il a readu la Crète si puissante et si heureuse. C'est par cette modération qu'il a effacé la gloire de tous les Conquérans qui veulent faire servir les peuples à leur propre grandeur, c'est-à-dire à leur vanité. Enfin, c'est par sa justice qu'il a mérité d'être aux Enfers le souverain Juge des morts.

Первый из мудрецов, поставленных Миноем судьями, разогнул Книгу с Законами Миноевыми;

«Все из них ся пред-разгнүтием облобызали:

Ибо они утверждают, что, - после Богов величайших,

От которых нам приходят Законы благи,

Нет ничего иного Священнейша всем Человекам,

Разве Законов, чтоб Людям быть-Добрым, Разумным,

Блаженным.

Кто имеет в руках Законы, да-правит Народом,

Должен всегда и сам поступать по-Законам-же верно:

Ибо Закон, а не Человек, в нас царствовать должен.

Те премудрыи Мужи словá таковы-то вещали!¹

V, 149.

Миноевыми мудрецами

«Предложена потѳм другая Задача в словах сих:

Кто Несчастнейший есть из всех Человеков во-Свѳте?».

V, 150.

«Но вопрошен-был и-я, в ответ им скоро сказавший;

Следя Правилам тем, научился от-Мѳптора коим,

Что во всех Человеках есть то Царь пребесчasten,

Мнитея пресчastлив кой-бѳть, что в бедность прочих

вергает:

Он, по-своей слепоте, еще сугубо несчастлив,

Как не-могүщий знать своегож несчастія тѳчна,

И не может притом от-негѳ никогда устранился,

Тем что-бойтса в себе его познать совершенно:

Чстина, Льстящих к нему сквозь-Толцү не может

продраться.

Мучим он-любо есть всегда своимн Страстями;

Он из Должностей всех отнюд неединн не-знает;

Сладости он никогда не вкусил Добрá в сотворени,

И никогдаж не-видал Красоты в Добродетели чистой:

Он злополучен во-всѳм, и-достоин быть Злополучен;

Каждый день ему несчастнй еще прибавляет;

¹ Tous ces Vieillards le baisèrent avec respect; car ils disent, qu'après les Dieux, de qui les bonnes Loix viennent, rien ne doit être si sacré aux hommes que les Loix destinées à les rendre bons, sages et heureux. Ceux qui ont dans leurs mains les Loix pour gouverner les peuples, doivent toujours se laisser gouverner eux-mêmes par les Loix. C'est la Loi, et non pas l'Homme, qui doit régner. Tel étoit le discours de ces Sages.

К гибели он своей бежит, и-готовятся Боги
 Одного препостыдить вельми Наказанием вечным.
 Весь Собор признал побждена мною Лесвйца;
 А Престарелыи Мужи те и всем объявили,
 Что улучил я Тóлком в истинный Разум Мінóев.

В третей тóт-же Задаче сіе вопрошеніе было:
 Кой из двух Царей предпочтения лучше достоин?
 Царь-ли, кой-есть Победитель и-не ододем на-брани;
 Иль не Войтель Царь, но Миролюбів в Предержавстве?
 .....
 Мысль и-мою восхотели узнать, Я-отвѣтствовал тако:

Царь искусный державствовать токмо в Мире иль-в-
 брани;

И руководствовать свой Народ единственно в сих двух,
 Есть не Полный Царь, да-Царя половина едина.
 Будеж сличить Царя Войнолюбца с мѹдным Державцем,
 Кой, не умея сам, Полководцами брань совершает;
 То сей есть, по мне, Предпочтеннейшій всяко Другому.
 Царь, преклонный к Войне, всегда весть брани восхоцет,
 Распространить-бы Державу свою, и собственну Славу;
 Чем неминуемо он разорит себе Подзаконных.
 Кая Польза сим, что Царь-их Других покаряет,
 Бude в Царстве его несчастны они пребывают.
 Сверх же, долгая брань всегда бесчиніе вводит;
 Портятся и Победители сами в то-смѹтное время.
 Зрите, в колико стало Троян победившей Елладе:
 Десять, и-бóльше, лет без-Царей сія пребывала.
 Брани пожар когда разливается пламенем всюду;
 То Земледельство, Художества вянут, молчат и-Закóвы.
 Лучшіи все из Царей, как брань им выдержать должно,
 Принуждены сносить величайшее Зол, Своевольность,
 И удостоивать в Службу себе Людей пренедобрых.
 Сколько Злотворцев в Мир под смертнѹю казнь

подпадают,

Кои себе получают в брань Награжденія Пóченье?
 Нѣбыл Царь никогда Победитель ни-в-кóем Народе,
 От Властолюбія гдеб его не-страдали премного.
 Царь Победитель, ужé упоенный Славой Деяній,
 Столькож почти Народ победительный свой разоряет,
 Сколько все Племена от-негó побежденыи другия.

Царь, не-имѣя к Миру в себе Дарованій потребных,
 Сладких не-может подать Плодов окончанныя брани:
 Он-есть, как-кто свою защищает от-блѣжняго Ниву,
 Ниву его себе отняв без всякаго Права,
 Толькож не-в-силах ея взорать, засеять, и-плѣд снять.
 Кажется сей Человек рожден разрушать что-ни-видит,
 Опустошать грома, и-всещелый Мир испровергнуть,
 А не соделать счастлив Народ Правительством

мудрым.

Сеж миролюбный Царь. То правда, что-он неспособен
 К Завоеваніям, тоестъ, к общу людей Неспокойству,
 Коих ему отнюдь Справедливость не подчинила.
 Но когда в нем есть способность к правлению в Мире;
 То он может привести свой-Нарѣд от-врагов

в безопасность.

Как же то? Он правдив, умерен, склонен к соседям;
 Он ничего на их Спокойствіе не предприимлет;
 И хранит свои обязательства точно и-вѣрно.
 Он любѣим-есть своими Союзники всеми сердечно,
 Тем что-им-страха нет, а-Надежда на-Оного цела.
 Ежели некій есть Сосед беспокойный и-гѣрдый;
 То окрестныи все Цари, сего опасаясь,
 А к любомирну тому не-имея зависти в сердце,
 Соединяются с Добрым, да-он утеснен-быть не-мѣжет.
 Скромность его, егож бескорыстіе, добрая Верность,
 Делают, что Судія он есть окрестным Державам.
 Царь предприимчивый, всем другим Царям ненавистен,
 И подвержен их-частым Сѣбпам, и-их Заговорам;
 Мѣрна Царя, как-Отца, иль Опекуна величают
 Все Скиптродержцы себе, за-его подобныи свѣйства.
 Си-то суть отвне ему преимущества многи:
 Коимиж внутрь наслаждается он, те твѣрдейши внешних.
 (оборонит. война допускается)

.....
 Я ощутил в Собраніи том находившихся многих,
 Мненія сіи мои -не-могли быть любы которым,
 Часть понеже большая Людей, прельщенна блистаньями,
 Тех и Славных Побед, и-великих Завоеваній,
 Предпочитает тому-их, что-Прѣсто, Тихо и Твѣрдо,
 Как то Миру, и-виутрь Расправе всегда Благостройной.

Но престарелыи Мужи те в слух всем объявили,
 Что мои Слова Минóевым точно согласны.¹

V, 150—158.

¹ Ensuite on proposa la seconde question en ces termes: Qui est le plus malheureux de tous les hommes? . . . Mais on me demanda ma pensée, et je répondis, suivant les maximes de Mentor: Le plus malheureux de tous les hommes est un Roi qui croit être heureux en rendant les hommes misérables; il est doublement malheureux par son aveuglement; ne connoissant pas son malheur, il ne peut s'en guérir, il craint même de le connoître. La vérité ne peut percer la foule des flatteurs pour aller jusqu'à lui. Il est tyrannisé par ses passions; il ne connoit point ses devoirs; il n'a jamais goûté le plaisir de faire le bien, ni senti les charmes de la pure vertu: il est malheureux, et digne de l'être; son malheur augmente tous les jours, il court à sa perte, et les Dieux se préparent à le confondre par une punition éternelle. Toute l'assemblée avoua que j'avois vaincu le sage Lesbien, et les Vieillards déclarèrent que j'avois rencontré le vrai sens de Minos. — Pour la troisième question, on demanda lequel de deux est préférable: d'un côté, un Roi conquérant et invincible dans la guerre; de l'autre, un Roi sans expérience de la guerre mais propre à policer sagement les peuples dans la paix . . . On voulut savoir mon sentiment. Je répondis ainsi: Un Roi qui ne sait gouverner que dans la paix ou dans la guerre, et qui n'est pas capable de conduire son peuple dans ces deux états, n'est qu'a demi Roi. Mais si vous comparez un Roi qui ne fait que la guerre, à un Roi sage, qui sans savoir la guerre est capable de la soutenir dans le besoin par ses Généraux, je le trouve préférable à l'autre. Un Roi entièrement tourné à la guerre, voudroit toujours la faire pour étendre sa domination et sa gloire propre, il ruineroit son peuple. A quoi sert-il à un peuple que son Roi subjugue d'autres Nations, si on est malheureux sous son règne? D'ailleurs, les longues guerres entraînent toujours après elles beaucoup de désordre; les victorieux même se dérèglent pendant ce tems de confusion. Voyez ce qu'il en coûte à la Grèce pour avoir triomphé de Troye; elle a été privée de ses Rois pendant plus de dix ans. Lorsque tout est en feu par la guerre, les Loix, l'Agruculture, les Arts languissent. Les meilleurs Princes même, pendant qu'ils ont une guerre à soutenir, sont contraints de faire le plus grand de maux, qui est de tolérer la licence, et de se servir des méchans. Combien y a-t-il de scélérats qu'on punit pendant la paix, et dont on a besoin de récompenser l'audace dans les désordres de la guerre? Jamais aucun peuple n'a eu un Roi conquérant, sans avoir beaucoup souffert de son ambition. Un Conquérant, enivre de sa gloire, ruine presque autant sa Nation victorieuse que les autres Nations vaincues. Un Prince qui n'a point les qualités nécessaires pour la paix, ne peut faire goûter à ses Sujets les fruits d'une guerre heureusement finie; il est comme un homme qui défendrait son champ contre son voisin, et qui usurperoit celui de son voisin même, mais qui ne sauroit ni labourer ni semer, pour recueillir aucune moisson: un tel homme semble né pour détruire, pour ravager, pour renverser le Monde, et non pour rendre le peuple heureux par un sage gouvernement. — Venons maintenant au Roi pacifique. Il est vrai qu'il n'est pas propre à de grandes conquêtes; c'est-à-dire, qu'il n'est pas né pour troubler le repos de son peuple, en voulant vaincre les autres Nations, que la justice ne lui a pas

ТИЛЕМАХИДА
ИЛИ
СТРАНСТВОВАНИЕ
ТИЛЕМАХА СЫНА
О ДУССЕЕВА

О П И С А Н Н О Е

ВЪ СОСТАВЪ ИРОІЧЕСКІЯ ПИИМЫ

ВАСІЛЕМЪ ТРЕДІАКОВСКИМЪ

Надворнымъ Совѣтникомъ

Ч Л Е Н О М Ъ

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЯ ІМПЕРАТОРСКІЯ АКАДЕМИИ НАУКЪ

сѣ Французскія нестѣхословныя рѣчи

СОЧИНЕННЫЯ

Французскомъ де-Саліньнякомъ де-ла-Мотомъ

ФЕНЕЛОНОМЪ

Архіепіскопомъ-дюкомъ Камбрѣйскимъ

Прінцомъ Священныя Імперіи

Т о м ъ п е р в ы й

—————

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1766 ГОДА.

Титульный лист первого издания «Тилемахиды».

В особенности Екатерине могла быть неприятна одна дворцовая история, которая приводила на память убийство Петра III ради похищения престола. Любовница Пигмалиона, Тирского тирана, Астарвея («нечестивая та Астарвея»)

В сердце своем, погубить Царя, вознамерилась твердо.

Страстно любила она единого Юношу Турска,

Очень богата и-красна, именем Иоазара.

Та хотела сего на-престол посадить воцаривши.¹

VIII, 223.

Оклеветав и устранив двух царских сыновей, Астарвея убила и Пигмалиона, когда тот захотел погубить Иоазара, чтобы воспользоваться богатством последнего. За обеденной трапезой Астарвея отравила Пигмалиона и полумертвого задушила своими руками.

Перстень потóm сорвалá с руки, с головыж Диадиму;

Да и-велела к себé туда быть Иоазáру,

Коему Перстень на-пёрст, на-челó Диадиму взложила,

Мнила, что бывшии все с сторонý ея не замéдят

Следовать страсти еяж, и-Царём проповедят Любимца.

Но наипаче хотевшии той угождать в раболепстве,

Пóдлы имели сердца, корысть имели бездельну,

И неспособны огнюд к усердию искренню были . . .

сourmises: mais s'il est véritablement propre à gouverner en paix, il a toutes les qualités nécessaires pour mettre son peuple en sureté contre ses ennemis. Voici comment: il est juste, modéré et commode à l'égard de ses voisins; il n'entreprend jamais contre eux rien que puisse troubler la paix; il est fidéle dans ses alliances. Ses Alliés l'aiment, ne le craignent point, et ont une entière confiance en lui. S'il a quelque voisin inquiet, hautain et ambitieux, tous les autres Rois voisins qui craignent ce voisin inquiet, et qui n'ont aucune jalousie du Roi pacifique, se joignent à ce bon Roi pour l'empêcher d'être opprimé. Sa probité, sa bonne-foi, sa modération, le rendent l'arbitre de tous les Etats qui environnent le sien. Pendant que le Roi entreprenant est odieux à tous les autres, et sans cesse exposé à leurs ligués, celui-ci a la gloire d'être comme le père et le tuteur de tous les autres Rois. Voilà les avantages qu'il a au-dehors. Ceux dont il jouit au-dedans, sont encore plus solides. . . J'apperçus dans l'assemblée beaucoup de gens qui ne pouvoient goûter cet avis; car la plupart des hommes, éblouis par les choses éclatantes, comme les victoires et les conquêtes, les préfèrent à ce qui est simple, tranquile et solide, comme la paix et la bonne police des peuples. Mais tous les Vieillards déclarerent que j'avois parlé comme Minos.

¹ L'impie Astarbé . . . fut la première à résoudre la perte du Roi. Elle aima passionément un jeune Tyrien, fort riche, nommé Joazar; Elle espéra de le mettre sur le trône.

В том при-Дворе, и-в-Палáтах мятеж восстал превеликий,
 Слышится всюду крик: Царя не стало! Скончался!
 Те утрашились; другии хватают оружие спешно;
 Следствий боятся все: а-что-úмер Царь не-горюют...
 Только ниже́ одного не нашлбсь притом человека,
 Кбй-бы тужил по-Царе издохшем скоропостыжно:
 Смерть его, спасение́ всем, и людям утеха.¹

VIII, 228.

Вернулся спасшийся сын Пигмалиона, Велезар. Тиряне провозгласили его царем — Астарвею схватили; обмануть Велезара ей не удалось; ее посадили в темницу, где она затем отравилась. И Екатерина страшилась возможной в будущем кары тем более, что русский XVIII век специализировался в дворцовых переломках.

Как бы то ни было, вообще вокруг произведений В. К. Тредьяковского, особенно его Тилемахиды, сгустилась с XVIII еще века атмосфера порицаний, разрежаемая немногими выражениями сочувствия и признания. Порицания эти высказывались пренебрежительно, а сочувствие походило на снисходительное оправдание. Замечательно однако, что на защиту Тредьяковского выступали такие имена, как Новиков, Радищев, Дельвиг, Пушкин. В конце концов, Тредьяковский оправдан, как трудолюбец, словесник, как ученый теоретик, но осужден, как безвкусный в общем версификатор и совсем лишен права считаться поэтом.

Остановимся на некоторых суждениях о языке Тредьяковского. Самым суровым критиком в этом отношении был А. П. Сумароков, который между прочим писал: «Г. Тредьяковский в молодости своей, старался наше правописание испортить простонародным наречием...; а в старости глубокою и еще учиненною самим собою глубочайшею Славенщиною» (Полное собрание всех сочинений... Сумарокова, изд. Н. Новиковым,

¹ Ensuite elle arracha de son doigt l'Anneau Royal, lui ôta le Diadème, et fit entrer Ioazar à qui elle donne l'un et l'autre. Elle crut que tous ceux qui avoient été attachés à elle, ne manqueroient pas de suivre sa passion, et que son amant seroit proclamé Roi. Mais ceux, qui avoient été les plus empressés à lui plaire, étoient des esprits bas et mercenaires qui étoient incapables d'une sincère affection... Cependant tout le Palais est plein d'un tumulte affreux. On entend par-tout les cris de ceux qui disent, Le Roi est mort. Les uns sont effrayés, les autres courent aux armes. Tous paroissent en peine des suites, mais ravis de cette nouvelle... et il ne se trouve pas un seul homme qui regrette le Roi; Sa mort est la délivrance et la consolation de tout le peuple.

ч. X, М. 1782 г., стр. 14). Защищая Тилемахиду, Радищев говорит о Тредьяковском «что по нещастию его он писал (т. е. начал писать) Русским языком прежде, нежели Ломоносов впечатлел Россиянам примером своим вкус и разборчивость в выражении и в сочетании слов и речей, сам понесся путем непроложенным, где ему вождало остроумие; словом: прежде, нежели он показал истинное свойство языка Российского, нашед оное забыто в книгах церковных; потому Тредьяковскому и невозможно было переучивагься»... «Знав лучше язык Виргилиев, нежели свой, он думал, что и преношения в Российском языке можно делать такие, как в Латинском», говорит Радищев о новом стихосложении, введенном Тредьяковским по образцу Греков и Римлян. Приводя отдельные строки Тилемахиды, показавшиеся ему удачными, Радищев находит в них «благогласие», «изразительную гармонию», происходящую от употребления тех или иных звуков, которые даже воспроизводят, например, журчание ручья, веяние ветра, соответственно изображаемой картине. «Сладость» звуков он отмечает и «при дурном выборе слов». Отмечает однако и «какафонию» (sic) других стихов, и «галлицизмы» синтаксиса («Пристань и-вся земля у бегать создаи-нас казалась», начало II кн. Тилемахиды: *Le port et la terre sembloient fuir derrière nous*). Известно, что Радищев снабдил свое «Путешествие из Петербурга в Москву» эпиграфом из XVIII книги Тилемахиды, взяв строку, относящуюся к Церберу: «Чудище, обло, озорно, огромно, стозевно, и лайи». Кажется до сих пор никто не заметил, что Радищев здесь остроумно поправил Тредьяковского, у которого этот стих читался так: «Чудище, обло, озорно, огромно, с тризевной и-Лайей» (576, *de ses trois gueules bêantes*). Здесь «и» — обычная у Тредьяковского подмена нехватающего для метра слога, вроде «анснайки» в старинном пении; «лая» же — существительное, означающее пасть. Радищев придал «и» значение союза, опустил «с» и благозвучное «стозевно» согласовал с «огромно», а из творит. падежа «лаей» сделал причастие. — И Пушкин обронил о Тредьяковском золотое слово, сказав между прочим: «Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывает необыкновенное чувство изящного. В Тилемахиде находится много хороших стихов и счастливых оборотов». Замечательно суждение Евгения (еп. вологодского), высказанное им в письме к Д. И. Хвостову 1808 г.: «На вопрос вашего сиятельства

о старинной нашей тонической поэзии, вот что отвечаю: 1) отец ее есть г. Тредьяковскій, и его Телемахида (сколько модные писцы ей ни смеются) останется важным памятником сей поэзии и силы нашего языка в оной. Я часто с удовольствием многия места сей поэмы читаю и думаю, что когда наш язык от французщины обратится к своему началу, то Телемахида будет не столько смешить нас, как теперь. Если читать ее умеючи по скансии, то ухо чувствует отменную гармонию» (Библиографические записки, т. II, 1859 г., столб. 248 и 249).

Из приведенных суждений о Телемахиде, для нас важны те, которые определяют составные элементы языка и утверждают положительность достижений. Установленная Радищевым и особенно Пушкиным, положительность достижений Тредьяковского может быть определена, как пригодность для дальнейшей эпохи литературного языка. Эта пригодность иллюстрируется, как целыми стихами Телемакиды, так и отдельными выражениями, непротивными слуху даже текущих дней. Приведем примеры из первых восьми книг Телемакиды. Сначала полные стихи:

Мы расскажем тебе, что с-отцѣм твоим приключилось I, 5—
Nous vous apprendrons ce qui est arrivé à votre pere.

Тихо журча текли Ручьи по-Полям цветоносным I, 7—

Des fontaines, coulant avec un doux murmure sur des prés
semés d'amaranthes et de violettes.

Издали, гор и-холмовъ верхи пред взором мелькали I, 8—

On apercevoit de loin des collines et de montagnes, qui se
perdoient, dans les nues.

Тут Телемах дивился ее Красоте светозарной, I, 6—

il admiroit l'éclat de sa beauté.

И аромат свой льет душистее всех благовоний I, 7—

repand le plus doux de tous les parfums.

Тотчас накрыли Стол, и-поставили Пищу простую I, 11—

servirent d'abord un repas simple.

Но наконец, от них отставали мы по-не-много I, 20—

Enfin nous demeurâmes un peu derrière.

Где священный огонь пламенел у нас пред-глазiami I, 23—

où le feu sacré étoit allumé.

Так возвратись же, он продолжал, ты лучше в Ифаку I, 16—

Retournez, continuoit-il, en Ithaque.

День светозарный померк, тьма стелется по Океану

Но при-сверкании молний мы увидели тамже... I, 18—

lueur des éclairs, nous aperçûmes.

Боги послали вас сюда на-спасёние наше I, 25 —

les Dieux vous on envoyés pour nous sauver.

Стук на-горáх раздался от-оружий его и-доспёхов I, 27 —

Le bruit de ses armes retentit jusqu'aux montagnes.

Горе! чему Цари бывают подвержены часто II, 40 —

Hélas! à quoi les Rois sont-ils exposés.

Так то я размышлял в моей тогдашней напасти II, 41 —

Voilà les réflexions que je faisais dans mon malheur.

O! когдаб увидать он-мог в землях удаленных II, 34 —

O! s'il pouvoit apprendre dans les terres éloignées.

Ментору я говорил: ах! времяль теперь рассуждать нам
II, 33 —

Je répondois à Mentor: Hélas! il n'est pas question de songer...

Словом, он не-искал отнюдь добросовестно Правды II, 40 —

Enfin, il ne cherchoit pas de bonne foi la vérité.

Все Пастухи возлюбили меня в той дикой Пустыне II, 44 —

Il me fis aimer de tous les bergers du désert.

Часто мне-би повторял, что должен я ободриться II, 47 —

Je me disoit souvent, que je devois prendre courage.

Дыбом поднял Лев свою косматую гриву II, 52 —

Le lion hérisse sa crinière.

Рыком меня оглушал раздававшимся в Рощах дубравных
II, 53 —

il pousoit des rugissement qui faisoient retentir toutes

les forêts.

Все присудили надеть мне кожу грозного Зверя II, 53 —

voulurent que je me revêtisse de la peau de ce terrible

animal.

Было приятно весьма его великому сердцу II, 53 —

touchoit son grand coeur.

Льстят Царю во всем, и во-всем Царю изменяют II, 54 —

On le flatte et on le trahit.

Пенисту воду Гребцы разсекали вёслами сильно; —

Les rameurs fendoient les ondes écumantes,

Море пространное то покрылось все Кораблями III, 63 —

la vaste mer étoit couverte de navires.

Я многократно их и сам себе повторяю III, 67 —

Je me le redis souvent à moi-même.

Часто со-мно́й о самых больших делах рассуждали; —

on m'entretenoit souvent des plus grandes affaires.

Уведомляли меня, что были намерены сделать III, 67 —
on m'instruisoit de ce qu'on avoit résolu . . .

Он их-ужé омочил в невинной крови Сихея III, 69 —

Il les a trempées, ces mains cruelles dans le sang de Sichée.

Все возмущает его, беспокоит, снѣдает и-мучит III, 70 —

Tout l'agite, l'inquiète, le ronge.

Все что-даёт, жалеет; всегда утраты боится III, 70 —

il regrette tout ce qu'il donne, et craint toujours de perdre . . .

В каждой железная дверь о-шести замках и-запорах III, 71 —
et dont chacune a une porte de fer avec six gros verroux.

Горы тот Крѣж закрывают, от-знойных полуденных ветров
III, 77 —

les montagnes mettent cette côte à l'abri des vents brûlants
du midi.

Вечный лед чело ея покрывает не-тая III, 77 —

une glace éternelle couvre son front.

О! несчастный Тур, в какие-ты рѣки достался III, 84 —

O! malheureuse Tur! en quelles mains as-tu tombée.

Но не-давали отплыть нам-еще противный ветры III, 87 —

Mais les vents ne nous permettoient pas encore de nous

embarquer.

Я пойду искать Пришельда с острова Кипра III, 88 —

Je vais chercher cet étranger, qui est de l'isle de Cypre.

Мало помалу к Ттуру путь забывают пришельцы III, 84 —

Les étrangers oublient peu-à-peu le chemin de Tur.

Нечего здесь тебе и некого ныне бояться IV, 96 —

Vous n'avez rien à craindre ici.

Я наслаждался ужé тишиной и спокойствием полным IV,
103 —

Je goûtois une paix et une joie profonde.

Только и-слышал от-них я что-жалостны вопли рыдавших
IV, 108 —

Je n'entendois que des cris pitoyables.

Небыл-уж крепок я, что б-протѣвиться злому Недугу IV.
113 —

je ne me sentois plus la force de résister au mal.

Я его лице омочил слез теплых реками IV, 116 —

J'arrosai son visage d'un torrent de larmes.

Брошусь к ногам ему, обниму колена руками,

И не-спущу́ я с мѣста его, пока не-позво́лит... IV, 119 —
 Je me jetterai à ses pieds, j'embrasserai ses genoux, je
 ne le laisserai point aller, qu'il ne m'ait accordé.

Те Мудрецы разогнули пред-нами Книги большіе V, 147 —
 Les sages ouvrirent les livres.

Я почувствовал стыд и-почтѣние благоговѣйно... —
 Je me sentis saisi de respect et de honte.

В стройном порядке сидели они на-мѣстах неподвижны...
 V, 147 —

ils étoient assis avec ordre, et immobiles dans leurs places.
 Словом, поистинне Волен тот, кто, всякого страха

Чужд... V, 150 —
 en un mot, l'homme véritablement libre est celui qui dégagé
 de toute crainte...

Каждый день ему несчастій еще прибавляет V, 151 —
 son malheur augmente tous les jours.

И хранит свои обязательства точно и-вѣрно V, 155 —
 Il est fidèle dans ses alliances.

Чтож до-меня; то моё Отечество предпочитаю VI, 161 —
 Pour moi, je préfère ma patrie.

Обнял он-нас; а мы от слез не-могли удержаться VI, 174 —
 Il nous embrassa, et nous ne pûmes, en le remerciant,
 retenir nos larmes.

Всюду вода вбегает, Корабль погружается в Море
 VI, 175 —

L'eau entre de tous côtés, le navire s'enfonce.

В том утешение мне, что-с-тобою я умираю VI, 176 —
 C'est une consolation pour moi de mourir avec vous.

Плачет по-жизни своей, спасти ея не-стараясь VI, 176 —
 Regrette la vie sans chercher les moyens de la conserver.

А благодарность в наших сердцах по гроб не-помёркнет
 VI, 179 —

Он опускается весь, засыхает, маковку клонит VII, 191 —
 elle languit, elle se dessèche et sa belle tête se penche.

Нет, нет; чтоб никогда Отечества ты не-увидел VII, 194 —
 Non, non, que jamais tu ne revoies ta patrie.

Слёзы, как-прежде, уже не-текли обильным потоком
 VII, 195 —

Ses larmes ne coulaient plus comme autrefois avec
 abondance.

Смеешь ты говорить, что-Любóвь тобой не-владéет

VII, 209 —

Vous osez dire que vous n'êtes point vaincu par l'Amour.

Но Слепоты в тебе не-могú не-оплáкивать горько

VII, 210 —

mais je déplore votre aveuglement.

Больше советов твоих не-хочú я пагубных слушать

VII, 213 —

Je ne veux plus écouter tes pernícieux conseils.

Все рассказал о-своём путешествии в Критскую Землю

VIII, 238 —

Télémaque lui fit à son tour l'histoire de leur voyage en Grète.

Гóры покрыты везде Стадáми дающими Волну VIII, 245 —

Les montagnes sont couvertes de troupeaux qui fournissent des laines.

Мало в той Земле Художников разных увидишь VIII, 246 —

On voit en ce pays peu d'artisans.

Также хлебы пекут оне и пíщу готовят VIII, 246 —

elles font le pain, appréntent à manger.

Присоединим сюда еще несколько стихов, заключительная фраза которых правилась Дельвигу и Пушкину:

Многажды Та на бреге морскóм, стояла недвижно,

Кой орошала, как-дóждь проливая, своими слезами,

И непрестанно смотря туда, где Корáбль Одиссéев,

Бег ом вóлны делá, из-очéй ушел, и-сокрылся.З.

Souvent elle demeuroit immobile sur le rivage de la mer

qu'elle arrosoit de ses larmes, et elle étoit sans cesse tournée

vers le côté où le vaisseau d'Ulysse, fendant les ondes, avoit

disparu à ses yeux.

Вот примеры удачных выражений Тилемахиды, заслуживающих тем большего внимания, что Тредьяковский, расчленив прозу Фенелона на части, соответственные стихам, не опустил ни одной французской фразы и даже части фраз стремился передать полно и точно. Я мог выбрать немного безупречных полных стихов (приблизительно, 70 из 5000, на 260 страницах, т. е. около $\frac{1}{2}\%$), но выбор этот сделал очень осторожно, именно по сохранившейся жизненности языка. За ничтожными исключениями, мною отстранены все стихи, содержащие в себе: слова, вообще неупотребительные теперь, неповторенные в стихах

ХІХ в., слова с необычным теперь ударением, своевольную постановку слов, превышающую синтаксические вольности стихов ХІХ в., славянизмы лексики, морфологии и синтаксиса, которые неприняты, как обычные, в ХІХ в. При наличии перечисленных «недостатков», даже несомненная поэтичность некоторых стихов не спасала их от нашего отстранения, чего нельзя сказать о цитациях Дельвига и Радищева. Выбранные нами стихи не уступают речевому употреблению Одиссеи Жуковского. Полагаю даже, что Тилемахида не осталась без влияния на гекзаметры последнего. По крайней мере, Тилемахиду и Одиссею Жуковского (но не Илиаду Гнедича) сближает как «благогласие» избранных нами у Тредьяковского строк, так и ораторски прекрасные изменения тона, одинаково свойственные пафосу монологов и диалогов Одиссеи и Тилемахиды (напр., стенания Египтян по Сесострии, стр. 55—57, беседа Наарвала с Тилемахом 65—69, 89—79 и др.). Возможно, что Тредьяковский переводил так не без влияния греческого текста Одиссеи. В конце своего собственного вступления к Тилемахиде (2) Тредьяковский так обращается к Музе:

... утверди парить за-Омиром;

Слог Одиссеи веди Стопѳй в Фенелонове слоге:

Я не-сравниться хошу прославленным толь Стихопѳвцам:

Слуху Россійскому тень подобія токмо представлю,

Да громогласных в Нас изощрю достигать Совершенства.

Подмеченное Пушкиным чувство изящного и наблюдательность ученого литературоведа заставили Тредьяковского не только выбрать для Фенелонова эпоса стихотворный размер Одиссеи, но и придерживаться вообще характерных особенностей античной эпической речи. Так, например, Тредьяковский часто употребляет сложные эпитеты, несвойственные собственно французскому языку и не встречающиеся у Фенелона. Говорю не о тех сложных эпитетах, которые были обычны в славянской книжности (например, сложные прилагательные, начинавшиеся с «благо-», «велико-», «мало-») и которые не являлись чуждыми Тредьяковскому, как поповичу и ученику духовной школы, а о таких эпитетах, которые были сложены им в античном стиле. В них уже ясно чувствуется предвестие гекзаметров Жуковского. Например: стрела быстролетна [le dard] 61, темносиним... цветом [d'un sombre azur] 64, иглолистные ветви [кедров — branches épaisses]

77, печали мрачнотуманны [Les noirs soucis] 71, дожденосные тучи и грозы [Les nuages] 127. Но анализ этой части лексики Тилемахиды очень затруднителен. Дело в том, что сложные античные эпитеты, не исключая ставших общеупотребительными у нас, проникали к славянам вообще, как по непосредственному знакомству с античными подлинниками, так и путем переводов, восходящих частью к глубокой древности. Многие сложные античные эпитеты были использованы византийскими книжниками, и даже довизантийскими, в переводах церковных, например, книг, или в самостоятельных произведениях. Затем, эти греческие по языку сложные слова передавались по-славянски переводчиками церковных, скажем, книг и использовались славянами в самостоятельных произведениях. Далее все это поступало в русское употребление. Трудно, следовательно, решить, каким путем дошел до нас тот или другой сложный эпитет античного склада. Особенно это трудно решить для такой поздней поры, как XVIII век, в частности — для такого начитанного литератора и полиглота, как Тредьяковский. Не имея сил в какой-либо мере решить этот вопрос самостоятельно, мы позволили себе обратиться к помощи знатока античной лексики А. И. Малеина, предложив ему свыше сотни сложных эпитетов Тилемахиды для подыскания им параллелей в античной литературе. Составленный им словарик помещаем в конце настоящей статьи. В этот словарик попало несколько сложных слов, определенных не как античные, а как более поздние, напр., идущие из книг Ветхого и Нового заветов, или из памятников византийской эпохи, церковных (Златоуст) и светских (летопись К. Манассии). Если бы все сложные слова Тилемахиды мы проверили еще хотя бы по Материалам для словаря древнерусского языка Срезневского, в котором показаны и греческие соответствия, мы могли бы точнее установить, какие из этих слов, греческих по происхождению, встречались в переводных славянских памятниках, откуда и могли быть известны Тредьяковскому. Но такой работы мы пока не имели времени произвести и откладываем ее на будущее время.¹

¹ Стремление Тредьяковского к пышным и воистину сложным эпитетам приводит на память отрывок из пародии на Державина, сообщенный С. Т. Аксаковым в статье «Детские годы Багрова-внука»:

.....
 Перлово-сизых облаков.
 Иль дав толчок в Кавказ ногами

Уже из приведенных, как удачные, 70-ти полных стихов Тилемахиды видно, что элементы ее фразеологии встречаются и в позднейшей нашей речи, разговорной и литературной, прозаичной и поэтической. Дополним это цитацией отдельных таких «прижившихся» выражений, указывая частью на их источники или назначение.

Народные: не могла... насмотреться... не сводила очей 5, *ne pouvoit rassasier ses yeux.*

Ни слова ж не смели промолвить 3, *n'osoient lui parler.*

не могил ни слова промолвить 116, *sans pouvoir parler.*

не смела... ни слова промолвить 206, 211, *elle n'osoit plus parler.*

Слова (отнюд) у-меня не вырвалось токмо едина 68, *je n'ai osé vous parler, jamais il ne m'est échappé une seule parole.*

Ясны очи ее напоены были слезами 174, *Ses beaux yeux étoient baignés de larmes.*

Сам на себя не надейся 11, *Défiez-vous de vous-même.*

Я и подумать не мог 41, *et je ne pouvois pas même dire un mot.*

Горькие слезы точил из глаз проливал струями 114, *Je versois des larmes ameres.*

(Через продолжение месяцев многих) из Круглого лета 124, *pendant plusieurs mois de l'année.*

круглый весь год 245, *toute l'année.*

Десять целых лет 4, *dix ans.*

Целыми дни провождали мы 51, *Nous passions les jours entiers.*

Здесь на сыпучий песок моего приморского берега 194, *sur le sable de ce rivage.*

Часто Самá одна по-Лугам ходила 3, *Elle se promenoit souvent seule sur les gazons.*

в темный лес углубился я 45, *je m'enfonçai dans une sombre forêt.*

как частый Лес 58, дремучий Лес 77, *une vaste forêt.*

И вихро-бурными крылами
 Рассекши воздух, прилети;
 Хвостом серебро-злато-махровым
 Иль радужно-гнедо-багровым
 Следы пуриурны замети.

густый лес Щегл корабельных 78, une forêt de mâts de navires.

Он по-зарям... играл на-Свирэли 48, Il jouoit de la flûte.

И не знал ужé куда мой Ментор девался 40, Je ne sus point ce qu'étoit devenu Mentor.

(Был ужé готов совсем тот строй Мореходный;)

Только и-нам осталось сестъ, да в Море пуститься, 54, La flotte étoit déjà prête: nous ne songions qu'à nous embarquer.

У тех отнимет охоту (и бодрость) 83, il les découragera.

гребцы... за Вёслами спали 107, Les rameurs... s'endormoient sur leurs rames.

Также никто не знал и сам, за что бы приняться 108, Personne ne conservoit assez de présence d'esprit, ni pour ordonner les manoeuvres, ni pour les faire.

К народным, но олитературенным выражениям отношу:

Но Тилемах потупив свои (очи), вселюбезнож краснеясь,

Нáчал еще так сказывать повесть... 102,

Télémaque baissant les yeux, et rougissant avec beaucoup de grace, reprit ainsi la suite de son histoire.

А Евхариса краснея и в землю потупивши очи, Стала всех позади 203,

Eucharis rougissant, et baissant les yeux, demeurait derrière.

Идоменей сию речь слушал очи потупив 138,

Idoménée écoutoit ce discours la tête baissée.

Бегала в Лесе Калипса пути не смотря ни-дороги 203,

(Calypso...) couroit au travers de la forêt sans suivre aucun chemin.

Видно, что Тредьяковский пользовался и устной поэзией.

Выражения интеллигентского прозаического обихода (частью происходящие из ославяненной книжности):

Изволь же досказывать повесть 17, Continuez;

всех приходящих с докладом 74, tout le monde;

к себе нас призвали на помощь 69, de nous appeler à leur secours;

воспрепятствовать бегству их уж не-были в силах 216, ne pouvant plus empêcher leur fuite;

от самого зависело жить 13, il n'a tenu qu'à lui d'y vivre;

отнюд не-могу не верить 65, je ne saurois en douter;

А притом не забыть, прошу вас, Аристодема 173, souvenez-vous d'Aristodeme;

Будет сердечно тебе благодарен 23, sera touché;

Он приказы свои сам отдавал спокойно 18, il donnoit tranquillement tous les ordres;

последовать мудрым советам 18, suivre vos conseils;

был выслушан им благосклонно 53, il m'écouta avec plaisir;

Мы напрягли все силы свои 20, nous fimes les derniers efforts;

А потом Председатель нам предложил три-задачи,

Кои решить по Миноевым правилам все надлежало 149,

Ensuite celui qui présidoit, proposa trois questions, qui devoient être décidées par les maximes de Minos;

Следуя правилам тем 151, suivant les maximes;

(Он отринул) все преимущества 13, lui fit rejeter ces avantages;

ни под каковым отнюд благовидным предлогом 65, sous aucun prétexte;

(отдыхал-он)... в дельной беседе 37, (il se délassoit)... à converser;

употребить... во зло 68, Je n'en ai abusé,

Я ощущаю 217, j'éprouve;

поверляли... мне свое недовольство 67, ils me confioient... toutes les peines qu'ils ressentoient;

О вещах..., мне кои поверить изволишь 65, sur les choses que vous voudrez me confier;

(горы, Кои) с трудом еще от облак и волн (мы) отличали 128, (les montagnes de Crète) que nous avions encore assez de peine à distinguer de nuées du ciel et des flots de la mer;

Словом, всё что я-видел там у слабого Пóла 110, en un mot, tout ce que voyois dans ces femmes; ср. приведенное в целых стихах, 150;

состоит... точно В том 210, consiste;

Божеский оный ответ, в подтверждение здесь приведенный 160, L'oracle qu'on vient de rapporter;

(та Старуха, Пособщица ей) помянутая мною 226, cette vieille, dont j'ai parlé;

мне сказана сущая-ль правда 169, si ce récit est véritable;

Тщательно в ней наблюдал 102, observoit;

Члены его... леденеют 113, ses membres... s'engourdissent;

силою разума 141, pour l'esprit;
 возвещал погрешности не обвинясь 62, racontoit ingenu-
 ment les fautes;
 простительны... не-большие погрешности 99, il est par-
 donnable d'en manquer;
 смóтря по-их достоинству 171, selon leur mérite;
 ни мало не медля 159, aussitôt, ни медля ни мало 186,
 aussitôt;
 не взирая на то 129, quoique;
 без-изъятія 75, sans exception;
 Труд непомерный 68, bien de la peine;
 Он представлял, с одной стороны, ... А с другою 16, il me
 représentoit d'un côté... de l'autre, (ср. А с другія
 страны... 75, D'ailleurs);
 жизни... простой... воздержной 130—131, жизнь... воз-
 держну и просту 171, vie simple, frugale;
 не зная еще совершенно 162, ne sachant;
 спросил я вторично 168, j'ai demandé;
 покорить нас вторично 69, pour nous subjuguier encore une
 fois;
 Великим будешь постóлку, Ты поскольку... быть станешь
 умерен 43, tu ne feras grand, qu'autant que tu feras modéré.

Поэтические достижения:

стремлений юности резвы 44, l'impétuosité de ma jeunesse;
 резвая юность 49, la jeunesse folâtre;
 ветрена юность 18, l'ardeur d'une jeunesse imprudente;
 вперили... взоры 164, on s'appliqua à le regarder;
 упоенный славой 154, enivré de sa gloire;
 мраком сомнений 15, en suspens;
 жар любви возбудить 183,
 Повесть Несчастий моих... долга 15, Le récit de mes mal-
 heurs... feroit... long.
 В «парах» слов (ср. Пушкина и Гоголя: «дикий и суровый»):
 «цвет в лице свеж и румян, пронидательны очи 45, son
 teint étoit encore frais et vermeil, ses yeux vifs et perçants;
 Я им когда подавал наставления внятно и просто 51,
 pendant que je leur donnois des leçons;
 богатством и вла́стью 73, par ses richesses et par son
 autorité;

Не боясьб отнюд никогда ни-Кинжала ни Яда 73,
 il ne craindroit ni fer, ni le poison;
 жители все прилежат к Купечеству телом и-духом 78,
 Tous les citoyens s'appliquent au commerce;
 Должно ея воспрять без страха, бодро и-смело 176,
 il faut la recevoir avec courage;
 Боги токмо спасли-нас от-бед и-напастей толпких 176,
 Les dieux ne nous ont délivrés de tant de périls;
 Крепость и-силу 18, une force;
 бодрость и-крепость 176, courage;
 стена и-рыдая 216, rempli de ses hurlements;
 И Тилемах отвещал дивясь и радуясь много 221,
 Télémaque lui répondit avec un étonnement mêlé de joie.

Среди приобретений для интеллигентской литературной речи сказывается зависимость от западноевропейского синтаксиса и лексики — в замечаниях о ведущих диалог:

Кто же твой ищемый есть отец, предприняла Богиня 4,
 Quel est donc votre père que vous cherchez, reprit la Déesse;
 Нет, нет: Та предприняла, мне-знать их хочется в сей час 15, Non, non, répondit-elle, il me tarde de les savoir;
 А Тилемах, предприняв речь-и-пáки, так начинает 17,
 Télémaque reprit ainsi;
 Я, наконец, предпринял речь-опять, и-немедленно каждый заторопился молчать 162,
 Enfin, je repris la parole, et chacun hâta de se taire;
 Так-то, еще ж тот, о Тилемах, ты царствовать должен 32;
 Тут Калипса речь Тилемаху пребила вещая:
 Чтож ты зделал тогда... Ей Тилемах: всегда моя возрастала несчастность 41,
 En cet endroit Calypso interrompit Télémaque, disant: Et bien! que faites vous alors... Télémaque répondit: Mon malheur croissoit toujours;
 Я Наарвалу па-то: попусти Несчастну погибнуть 88,
 Je répondis à Narbal: Laissez périr un malheureux;
 Ты из-какияж земли, предпринял Наарвал вопрошающ?
 Я в ответ ему ж: Тилемах есмь, сын Одиссеев 64, De quel pays êtes-vous donc, reprit alors Narbal? je lui parlai ainsi: je suis Télémaque, fils d'Ulysse.

Не опасайся, е му я, молчать чтоб трудно-мне было 65,
 Ne craignez point, lui dis-je, que j'aie aucune peine à me
 taire;

Как ты-возмо́г, мн е о н, привыкнуть к Тайне толь юный 66,

Comment avez-vous pu, me dit-il, vous accoutumer du secret
 dans une si grande jeunesse;

Нет, сам Мен тор е ще, надлежало-те сказывать оной 99,
 Non, reprit Mentor, il falloit les lui raconter;

Что ж мне делать, ему Тилемах, но гласом сми-
 ренным?

Поздно-уж, Мен тор сие, скрывать приключений оста-
 ток 100,

Mais que ferai je donc, continua Télémaque d'un ton modéré
 et docile? Il n'est plus temps, repartit Mentor, de lui cacher
 ce qui reste de vos aventures;

Но без-отвѣта мои на-вопрóсы: Бегй, мне-сказáл,
 он Голосом страшным... 116, Mais sans répondre
 à mes questions: Fuyez, me dit-il d'un ton terrible;

Но ничего в ответ Отец, быв в острой болезни 137,
 Le père accablé de douleur ne répondit rien.

Приведенные цитации характеризуют Тилемахиду со стороны приобретений для литературного языка даже по-Карамзинского периода. Но в ней есть также особенности, большинство которых не удержалось после Карамзина, хотя они и оставались свойственными позднему XVIII веку, в лице таких мастеров слова, как Державин. Перечислим эти особенности в плане и объеме, данном для од Державина у Грота.¹

«В состав языка Державина, — пишет Грот, — входят три главные элемента: церковно-славянский, русский общеупотребитель-

¹ У нас нет еще систематических словарей для языка каждого из русских писателей XVIII в., исключая Фонвизина. Работы Грота и Истомина дают лишь описательную картину языка некоторых писателей и довольно случайный подбор их выражений. В виду этого трудно представить, что сделал Тредьяковский для литературного языка сверх того, что было уже сделано его предшественниками и в чем точно заключается отличие стихотворной речи Тредьяковского от речи современных ему версификаторов. Пользуясь наиболее совершенной характеристикой поэтического языка XVIII в., именно характеристикой языка Державина, составленной Я. К. Гротом, мы можем только констатировать, что некоторые элементы Тилемахиды встречаются и у Державина.

ный (разговорный) и русский простонародный, из которых у него каждый находит себе выражение не только в самых словах, но также в формах их и в синтаксическом строе предложений. Но выделить слова каждого элемента в особую группу чрезвычайно трудно, потому что часто церковно-славянское слово является у Державина в народной форме и, наоборот, народное облечено в форму церковно-славянскую».

Совершенно то же можно сказать и о языке Тилемахиды, только следует принять во внимание, что соотношение помянутых элементов в Тилемахиде несколько иное, чем у Державина. Так, например, Тредьяковский не в интересах поэзии, а по «ученым» соображениям вводил особо экзотические архаизмы в стих, давая в примечаниях просторечные им соответствия: «пыщ» — «дутик», «превратен» — «вертушка», «углебаешь» — «вязнешь», «тазаний» — «окриков», «негли» — «вослибо» или «может статься, что», «влаясь» — «волнуясь», «поне» — «хотя уже», «леть» — «достойно» или «позволено», «рубь» — «парчи», «тектонов» — «плотников», «уметы» — «сор навозный, помет», «мнее» — «меньше», «уграбление» — «выздоровление», «отдосен» — «откормлен» и т. д.

Примеры церковно-славянских, старорусских и других совпадений у Державина и Тредьяковского:

Предупреждать народа бедства (Держ.): Рыщу по бедствам таким-же 5, лишаются бодрости в бедствах.

вдохни, вдохни ей также страсти (Держ.): крепость вдохнула в него 212, Тверду вдохну я мысль в них всех сжечь оное судно 213.

ея паденье раздалося внутрь сердца зависти (Держ.); внутрь он сердца не привержен (Держ.): и не могла ничем своего внутрь сердца утешить 2.

милее вольности нет в свете для людей (Держ.): Суля вы вольность взяли дани (Держ.): мы возвратили нашу себе свободу и вольность 68, на оборону своей отъемлемой вольности 253.

в рюща светла коноба (Держ.): многопенисто врея (кипя) 7.

Никто им путь не воспящает (Держ.): Он воспящается, сграхом и ужасом зельным объятый 137.

Что было то не придет вспать (Держ.): возвращались вспать (Держ.): вспать возвращались 8, отослать вспать Кипрское войско 75.

всех действий причина (Держ.): как-же дерзает он величаться, что многие действия Дивные столь произвел.

оному державцу Этны (Держ.): Бюдеж сличить царя вольнолюбиа с мудрым державцем 153.

Доверенность! ты стоиши правленья (Держ.): Рад я был, что в сию доверенность ими допущен 67.

кровь по должности пролить (Держ.): Всяк помнит должность, честь и веру (Держ.): да его недопустит Выступить из своего родителю должности всяко 230.

Стербелили кожу львицу (Держ.): Все присудили надеть мне кожу грозного зверя 53, А на те (ложа) постлали с зверей две кожи большие 98.

Иль ад скрежешет зевом к ним (Держ.), (лев) рыкая зевом (Держ.), У гладна льва он зев сжимая (Держ.): (лев) Зев отворяет сухой 53.

Пожар тушить стараться зельный (Держ.); скорби зельны (Держ.): в ярости зельной 48, исполнь огорчения зельна 146.

Я слышу вдалеке там резкий трубный зык (Держ.): звон же их зыком своим повторяли их окрестны 32, Некак подобен был мореливны бушуйности зыку 161.

надежда и избава (Держ.): свету избаву подать поспешит от страшилища мерзка 72.

Никая тварь не убегает (Держ.): И спасти не могла живота нам жалость никая 23, Времяж никое загладит память в вечности вашу 161.

Идет огнистая заря (Держ.), Огнистый солнца конь (Держ.): кажутся и глаза у него кровавы огнисто 53, огнисты Перуны 242.

Ослаблясь, Пифагор дивится (Держ.): Зря их, ослабилась та (улыбнулась) 101, Старшии мужи воззрели на друга друг, ослабляясь 150.

Ишвенны на одеждах рясны (Держ.): Тут Тилемах дивился... Ряси багрецу (ризы, пурпур) 6, Рясны в одеждах (долгонолые и широкополые складки) 109.

Иль шумом будит вдруг вблизи меня перунным (Держ.): Та раздука была мне вместо перуна удара 40.

Ты дождь с превыспренних стремишь (Держ.): ср. Превыспренных... благость 10, О! Превыспренни, весте вы 115.

Приятностью и она и радостью блистала (Держ.): приятности придали новы 196, Вся умильность ее и приятности все помрачились 235.

Почувствовать добра приятно (Держ.): был уловлен приятством его и егож красотою 187.

не уметь про дерзостями льстить (Держ.): за продерзость свою 13.

Как реки, рыцарей соборы Люются в знаменитый сонм (Держ.): на собор приходит богов всех 48, Весь собор признал побеждена мною Лесвийца 151.

Возникает вопрос, не пользовался ли Тредьяковский для обогащения своего переводного словаря еще каким-либо новославянским материалом, который, впрочем, мог существовать в русской речи и до него. Имею в виду влияние на литературный язык украинцев и белоруссов, представителей и передатчиков польской культуры, в том числе и языка, на русской территории. В XVII—XVIII вв. здесь было много педагогов, ораторов и писателей, наводнивших язык своими диалектизмами. Именно польскую стихию можно усмотреть и в переводной речи Тредьяковского. Прилагаем примерный перечень слов Тилемахиды, которые могут быть отнесены к польской речи. Часть этих слов несомненно польские по происхождению, часть говорят о польском влиянии своими суффиксами, ударениями, флексией и орфографией. Некоторые из этих польских слов встречаются не только у Тредьяковского, есть они и у Державина, у Радищева и даже позднее.

Бич, 394 [bicz].

блющ, 653, 774, 800 [bluszcz — плющ]; блющевым, 526 [bluszczowy].

бодец, 383 [bodziec].

боль, masc., 114, 138, 195, 782 [bol — боль, болезнь, скорбь — masc.].

бунты, бунтам, бунтовать, 420, 421, 422 [bunt, buntować].

Вага плодов, 8 [waga — вес, тяжесть].

великость, 56, 62, 180, 286, 347, 506 [wielkość].

вольность, 68, 69, 132, 156, 164, 190, 251, 253, 312, 323, 326, 327, 341, 368, 369, 421, 608, 633, 672, 687, 689, 724, 764, 787, [wolność — свобода].

враз, 214, 329, 330, 729, 738 [wraz — вдруг, вместе].

един быть всяко не может, 391, всяко терпеть не могла, 184, 230 [wszako — ведь, конечно, однако].

- выгода, 36, 82, 83, 413, 735 [wygoda].
 выгодно, выгодным, 82, 376, 580; выгоднейша 82 [wygodny].
 выпредить, 145 [wypzredzić — опередить].
 высосать кровь, 57 [wysysać].
 Гнездится ночь, 96 [gniezdzić się — гнездиться, вселяться].
 [в] горне, 9 [hogno].
 грудка, 262 [grudka].
 Далекость, 696 [dalekość — отдаленность].
 дельны, дельных, 329, 663 [dzielny].
 державец, 153, 163, ср. скиптрдержавца, асс., 16 [dierzawca].
 дегинство, 86, 512, 769 [dzieciństwo — детство].
 доброта, 65, 75, 172, 229, 360, 402, 424, 538, 572, 667, 749
 [dobrota?].
 доверность, 660, 743, [dowierność]; ср. недоверность, 321, 322,
 325, 392, 400, 541, 731.
 доводу, доводы, 570 [dowód].
 должность, 151, 230, 353, 443, 740 [dłużność — обязанность, обя-
 зательство].
 дробностьми, 703 [drobność].
 дуплясты, 528 [dziuplasty].
 Елейком, 524 [ср. olejek].
 еленяток, ген. pl. 128, еленятко, 491 [jelenątko — молодой олень].
 Жбан, 108 [dzban], ср. чванцы 11.
 жизностей, 335 [ср. żyźność].
 Завой (архитектура), 111 [zawój — повязка].
 западагь: солнце когда западает, 650 [zapadać, zapada słońce].
 заручил, т. е. обручил, 731 [ср. zaręczył].
 заслеплены, 616 [zaślepiąć, zaślepić].
 застарелы, застарелых, 463, 528 [zastarzały].
 збойливым смехом, 213; улыбку збойливу, 275 [ср. zbój — разбой-
 ник; zbojecki — разбойничий].
 завсе, 750, 756, 769 [zawsze].
 [не]здолеемы, 639 [zdolać].
 зеленистый, 7, 49, 129, 585, 664, 668 [ср. zielisty — травянистый,
 злачный].
 знак: в знак согласия, 332 [na znak przyjaźni].
 зимна [Тартара], 568 [zimny].
 Имею: всем внушить... имею, 349; я болей быть не имею, 506;
 имеешь быть надежден, 757; разлучиться имею 741 [mam —
 должен, буду].

исплошить, 21, 26, 552, 615 [płoszyć, spłoszyć—испугать, всполошить].

Казнь (в мою нет входа без казни державу), 4; под казнию смерти, 87; пребывают без казни, 131 [kaziń—наказание, кара, казнь]. крушца (примеч. — «металл»), 126; крушцем, 259; крушец (то же примеч.), 579 [kruszec — руда, штуф, минерал].

крыластого змия, 638 [skrzydlasty].

кухарьми, 225 [kucharz].

Лакомы, лакомство, 384, 682, 768 [łakomy, łakomstwo].

любости, 109 [lubość — прелесть].

людскость, 56, 218, 249, 394, 564, 641, 657, 679, 761, 762, 776 [ludzkość — человечность].

Масть, 378, 456, 467, 609, 748, 782 [maść — мазь].

матка, 664 [matka].

мерзаясь, 110; мерзился, 112, 411; мерзятся, 723 [mierzić sobie со — получать отвращение к чему].

мерность, 60, 133, 169, 231, 232, 325, 337, 378, 388, 410, 540, 841 [mierność — умеренность].

мерный, 130, 163, 250, 286, 370 [mierny — умеренный].

младенство, 104, 119, 185, 365, 367, 450, 496, 543 [młodzieństwo — юность].

младолетный, 187, 555 [młoletni], ср. младолетство, 188.

мнсе, мнейше, мнейши, мнейшаго, мнейших, мнейшую, 324, 326, 391, 420, 495, 514, 520 [mniej, mniejszy].

молитель, 675 [modliciel].

мъзгом т. е. лаской, 145 [mizg, umizg].

Набóжность, 569 [naboźność].

наглый: наглыми ветры, 15 [ср. nagła burza]; любовию наглою, 90; в наглом падении, 216; наглый... крик, 471; наглому... впечатлению, 596 [nagły — внезапный].

напольный, 49, 156, 445 [parolny]; ср. напольность, 690.

небытность, 401, 612; в их небытность, 86; в небытность мою, 416 [niebytność, przyjechał w czasie mojej niebytności].

незаводен, 53 [niezawodny — непременный, верный].

неможно, 4, 22, 58, 88, 111, 117, 192, 198, 331, 332, 359, 462, 476, 569, 732, 737, 761 [nie można — нельзя].

неприязна, неприязным, 320, 362 [nieprzyjazny].

несмертельный: богам несмертельным [nieśmiertelny — бессмертный].

Обраты, п. pl., 60, 164, 474, 489, 516, 651 [ср. obróty].

- обратность, 3, 275, 298, 318, 340 [ср. obrotność].
 огнистый, 53, 242, 274 [ognisty — огненный, пламенный].
 однак — при «однако» 404, «однакож» 411: 67, 344, 375, 402, 408,
 436, 467, 533, 540, 615, 715 [ср. jednak].
 оздоб: поставили пищу простую, Но презрительную вкусом ту,
 и-оздоб чистотою, 11 [ozdoba — украшение, ozdoby — кра-
 сивый, изящный].
 оказаніем, 743 [okazanie].
 оказует, оказуюгся, оказуя, 356, 430, 446 [okazo(y)wać, okazać].
 [в] оплакани, 42 [opłakanie — оплакивание, сожаление].
 особа, 54, 85, 371, 553, 755 [osoba].
 огрочаток, 524, [otrąchatko].
 отчизна, 64, 94, 106, 208, 275, 369, 473, 474, 479, 480, 737, 741,
 743, 768 [ojczyzna].
 ошадный (ошадны, примеч. — «скуповаты»), 81 [oszczędny].
 ошадство, 57, 81 (ошадство, примеч. — «скупогь, бережливость»),
 699; благоошадность, 297 [oszczędność].
 Пагорки, 129 [pagórek].
 пащеки, 651 [paszcęka — челюсть].
 перун, перуны, перуным, 40, 204, 242, 282, 380, 509, 652,
 746 [piogun, piogunowy, piogunujący].
 пламенист, 7, 266 [płomienisty].
 плащ, 9, 371, [płaszcz].
 плодный, 29, 347, 557, 672, 689, 732 [płodny — плодородный].
 побожный: обрядам Закона побожным, 34 [pobożny — благо-
 чествивый].
 поверенный, 351 [powierzenie, powieszanie się]; поверился, [powie-
 rzyć się].
 поверность, 92 [powiernik — поверенный, любимец]; ср. поверен-
 ность, 400, 736, 743.
 подданны (люди), 457 [poddanny].
 подзор, 70, 73, 397, 494, 759 [podzór — подозрение]; ср. подзорец,
 подзорный, 70, 233, 322, 400, 430.
 подручным, 348 [podręczny].
 помощное войско, 342, помощных советников 359 [pomocny].
 попускать, 16, 119, 212, 220; попускались, 106 [ср. poruszczać].
 попустить, 14, 17, 88, 123, 184, 209; попустившийся, 14; по-
 пустись, 96; попусгиться, 190 [ср. poruszyć?].
 [в] попушени, 374 [ср. poruszczenie].
 порывчивость, 345 [ср. poręczność].

- похлебцы, 564 [pochlebca — льстец].
- пресличный, 90, преслично, 112 [prześliczny — прелестный, прекрасный].
- преступства, 599, 646 [przestępstwo].
- пречный, пречно, 8, 574; пречну 40, 327; пречен, 498; пречны, 506 [przeczny — противоречивый, противный].
- пречность, 577 [przeczność — противоречие, противоположность].
- привыклость, 360 [ср. przywykłość — навык].
- придал, т. е. прибавил, 439 [przydać].
- приложил, т. е. прибавил, 701 [ср. przyłożyć].
- противность, 344, 414, 460, 721, 735 [przeciwność].
- Роздолы, 380 [rozdoł — овраг].
- румянность, 191, 267, 782 [rumianość].
- рыхлый: в рыхлом суднишке, 80 [rychły — проворный, прыткий].
- Сверч... свёрчу, 687 [świercz, swierszcz — сверчок].
- силит, 779 [silić].
- скрынки Пандоры, 116 [sczynka — ларчик, ящик].
- следства 360, 725 [śledztwo].
- сличный, 7, 103; слично, 36, 126, 707 [sliczny — прекрасный, красивый].
- слоту, 429 [słota].
- служебницы, 3 [służebnica].
- смольный, 471, 576, 651 [smolny — смолистый].
- смятность, 25, 634, 649 [smętność]; ср. смятный, 17, 159, 221, 552, 641, 748, 772.
- срого-ний, 44, 191, 201, 254, 360, 368, 415, 668; срого, 82, 375, 571, 725; срогость, 307, 427, 581; срогось, 186 [srogi, srog, srogo, srogość].
- Тополевый: древ топовлевых, 199, топовлевых прúтов, 300 [topolowy].
- тополи: тополи древа, 8, тополи высоки, 542 [topi l, topola].
- трудность, 10, 336, 427, 442, 459, 460, 430, 458, 469, 494, [trudność — затруднение, помеха, ср. затруднение 430, 508].
- Усильно, 743 [usilnie].
- услужность, 340 [usłużność].
- у́смех лукав, 104 [uśmiech].
- утешные стайки, 77 [ucieszny — забавный, потешный].
- Чаровно 329 [czarownie].
- чуждému, 676, 722 [cudzemu].
- Цельно, 26, 638 [celnie — метко].
- Яблока, 7 [jabłko].

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТАТЬЕ А. С. ОРЛОВА
«ТИЛЕМАХИДА»

А. И. Малейн

А. С. Орлов передал мне нижеследующий список эпитетов из «Тилемахиды» с предложением отыскать их античные источники. Я перевел эти эпитеты на греческий язык, так как к нему они подходили гораздо ближе, чем к латинскому. После перевода я сделал опыт подыскания соответствующих слов в известном *Thesaurus linguae Graecae*. Результаты этих поисков и изложены в прилагаемом списке. Конечно, я отнюдь не считаю, чтобы Третьяковскнй был непосредственно знаком со всеми этими авторами, но позволяю думать, что список может показать, как глубоко проник он в дух языка и как свободно мог располагать им. Все ссылки на источники взяты из упомянутого *Thesaurus*. В конце списка дано несколько эпитетов, о которых можно думать, что они были заимствованы и из латинской поэзии.

1. Багровый	ἐρυθρόμελος	Только у Афиней XIV, р. 652 Е.
2. Безызвестный	ἄγνωστος	Одиссея, II, 174.
3. Белоцветный	λευκανθής	Софокл, Эдип царь 752, Пала- тинская антология XII, 165, I.
4. Благовонный	εὐώδης	Илиада III, 382.
5. Благозрачен	εὐώψ	Софокл, Эдип царь 189.
6. Благоизбыточен	εὐχτέχνος	Эсхил, Персы 897.
7. Благолепный	εὐπρεπής	Еврипид, Ифигения в Авлде 386.
8. Благоличный	εὐπρεπής	Еврипид, Ифигения в Авлде. 822.
9. Богомудрый	εὐτρονέων	Илиада I, 73.
10. Богомудрый	εὐφρων	Илиада XV, 99.
11. Благопоспешный	εὐτλοος	Феокрит 7, 62.
12. Благоразумный	σώφρων	Одиссея IV 158.
13. Благослучный	εὐχαιρος	Софокл, Эдип колонский 32
14. Благостройный	εὐταχτος	Ксенофонт, Анабаз. II, 6.
15. Благосчастный	ευτυχής	Эсхил, Персы 506.
16. Бранно побед	πλεδύχατος	Конст. Манасс., Летопись 5940.
17. Буревейный	ἀελληεις	Илиада II, 13.

18. Быстролетный	ταχύπτερος ὠκυπέτης	Эсхил, Прометей 88. Илиада IX, 42.
19. Быстролетный	ταχυπέτης	Свида.
20. Быстроножный	ποδώκης	Илиада II, 764.
21. Быстронарный	ὠκυπέτης	Илиада IX, 42.
22. Водопивный	ὕδατοφύρτος	Конст. Манасс., Летопись, 409.
23. Водородный	ὕδατος ερής	Одиссея XVII, 208.
24. Вышепарный	ὑψιπέτης	Илиада XXII, 508.
25. Громогласный	βροντοφωνος	Фел. Про-ром, Письма I, 35.
26. Громоперуный	βροντησικήραυνος	Аристофан, Облака 260.
27. Густоистный	παχύφυλλος	Конст. Манасс., Летопись, стр. 8.
28. Девношшно	νυχθημερον	Новый завет.
29. Доброгласный	εὐφωνος	Палатинская антология VII, 35, 2.
30. Добросердцев	εὐχάρδιος	Пиндар, Истм. I до (64).
31. Добросчастный	εὐτυχής	Пиндар, Олимп. 5, 22.
32. Добротворный	εὐργετής	Эсхил, Персы 506.
33. Ложделивый	ὄμβροτόχος	Софокл, Антигона 284.
34. Дожденосный	ὄμβροφόρος	Орф. Г. 20, 2.
35. Доигпротяжный	ταυμιήκης	Аристофан, Облака 298.
36. Домороинный	οικογενής	Палатинская антология VI, 170.
37. Достоверный	ἀξιόπιστος	Аристофан, Мир 789.
38. Достолюбный	ἀξιόφιλος	Палатинская антология V, 130, 6.
39. Древоносный	δενδροφόρος	Ксенофонт, Домострой 10, 3.
40. Женюличный	γυναικοτρόσωπος	Афиней XIV, 621 В.
41. Женонравный	γυναικοσής	Конст. Манасс., Летопись, 13.
42. Живочувствительен	γυναικοσής	Словарь Гесихий.
43. Звездиносный	ευχίσθητος	Платон, Законы 7, 812.
44. Зверонравный	ἀστεροεις	Илиада IV, 44.
45. Зверообразный	θηριότροτος	Позднєвизант.
46. Земнородный	θηιοειδής	Адамант, Физ. I, 1.
47. Златозарный	γηγενής	Аристофан, Облака 853.
48. Златосиянный	γηγενής	Еврипил, Ион 1465.
49. Златотканный	χρυσοφεγγής	Орфика, у Macrobian Saturn. I, 23.
50. Злополучный	χρυσυχής	Софокл, Эпн в Колоне 685.
51. Злосмрадный	χρυσούφης	Дионис V, 46, также визант.
52. Злосчастный	δυστυχής	Палатинская антология XI, 322 2.
53. Кроволитный	δυσώδης	Софокл, Филоктет 1032.
54. Кровопивный	δυστυχής	Эсхил, Семь против Фив 339.
55. Кровотокающий	αιματοσταγής	Эсхил, Семь против Фив 842.
56. Легкодушный	αιματοπότης	Аристофан, Веселники 198.
57. Легкопарящий	αιματοσταγής	Эсхил, Семь против Фив 842.
58. Легкоплавный	κουφόρος	Софокл, Антигона 617.
59. Лукометный	κουφόπτερος	Орфика 80, 6.
	εὐπλοος, ευπλωτος	Феокрит 7, 62.
	τοξοβόλος	Палатинская антология IX, 179.

60. Любомирный	φιλήσυχος	Симеон Метафр., Жизнь Злат. VIII, 378.
61. Любострастный	φιλοπαθής	Часто у Филона, напр., р. 62 А.
62. Люботрудный	φιλόπονος	Софокл, Эант 879.
63. Медоточивый	μελίρρυτος	Нонн, парафраза Евангелия от Иоанна VI, 133.
64. Многодельный	πολύεργος πολυεργής	Феокрит, 25, 27.
65. Многоискусно	πολυτεχνης	Палатинская антология VII, 400.
66. Многомощный	πολυδυναμος	Соловьев у Стобея IX, 25, 49.
67. Многосильный	πολυκρκτης	Иоанн Златоуст, проп. 145.
68. Многоструйный	πολύζυγτος	Эсхил, Хоэфоры 404.
69. Многострунный	πολυχορδος	Эсхил, Умоляющие 843.
70. Многоцветный	πολυχνηθής	[Еврипид] Рес, 548.
71. Мозговиный	μυελωδης	Илиада XIV, 353.
72. Мореходный	ποντοπόρος	Аристотель, История животных III, 8.
73. Новорастный	νεοφυής, νεόφυτος	Илиада 1, 439 и часто.
74. Общенародный	πανδημιος	Псалом 143, 13. ¹
75. Огневержный	πυρφόρος	Одиссея, 18, 1.
76. Огнедышащий	πυρίπνοος	Софокл, Эдип царь 209.
77. Огненометный	πυρσβόλος	Эсхил, Семь против Фив 444.
78. Огненнопылкий	πυρίφλεκτος	Пиндар, Олимп. 13, 128.
79. Одномыслен	ὁμόφρων	Палатинская антология XII, 196
80. Однородный	ὁμογενής	Еврипид, Ион 195.
81. Острорезно	ὀξύτομος	Ксенофонт, Эллиника 3, 9.
82. Острорезный	ὀξύτομος	Илиада XXII, 263.
83. Отделюбный	φιλοπάτωρ	Софокл, Эдип царь 1362.
84. Пенородный	ἀφρογενής ἀφρογένεια	Пиндар, Пиф. IV, 263.
85. Плодоносный	καρποφόρος	Еврипид, Орест 1605, Ифигения в Авлиде 638.
86. Плодорастен	καρπύγος	Гесиод, Феогония, 211, 2.
87. Победоносный	νικηφόρος	Гесиод, Феогония, 199.
88. Подлодшный	χιτήφυχος	Еврипид, Ифигения таврическая 1235.
89. Полелюбный	φίληγρος	Диоскорид 5, 159.
90. Правосудный	δικαιοκρίτης	Эсхил, Эвмениды 477.
91. Разноцветный	ποικιλόχρους	Нет источника.
92. Резкогласный	σξυφωνος	Лукиан, Лексиф, гл. 3.
93. Рогоносный	κερασφόρος	Кн. Эсфирь 8, 13.
94. Рудожелтый	έρυθρόχλωρος	Афиней VII, 319.
95. Самовластный	αυτοκρατής	Софокл, Трахинянки 963.
		Еврипид, Финикиянки 255.
		Гиппократ, стр. 1175, 9.
		Еврипид, Андромаха 482.

¹ Ср. у Мелетия Смотрицкого в опытах гексаметров: «Сарматски новорастныя Музы стоцу перву».

96. Самогосподственная	αὐτοδέσπωτος	Схолии к Еврип. Андромахе 477.
97. Самомненный	αυτογνωμων	Аристотель, Политика, II, 9.
98. Светлозрачный	λευχόφθαλμος	Название жемчуга у Плиния XXX, VII, 9.
99. Светлоструйный	λευχόρριθρος	Конст. Манасс., Летопись 225.
100. Светозарный	φωσφόρος	Орфич. гимны 33, 5.
101. Синезрачный	κυανοβλέφαρος	Палатинская антология 5, 61.
102. Скиптродержавец	} σκηπτουχος	Гомер, напр. Илиада II, 186;
103. Скиптродержец		Одиссея II, 231.
104. Слабодушный	ἀσθενόψυχος	Иосиф о Маккав, гл. 15.
105. Сладковонный	ἡδυσσμος	Аристофан, фрагм. 116.
106. Сластолюбивый	φιλόγλυκος	Аристотель, Этика Евд. II, 10 к.
107. Слепорожденный	τυφλογενής	Глоссарии.
108. Смертоносный	θανητηφύρος	Софокл, Эпип Царь 181.
109. Смехотворный	γελοτοτοώος	Эсхил у Афиней 1, стр. 19. 17 С.
110. Темносерый	μελάνζοφος	Большой этимологик 270, 19.
111. Тризвенный	τρίστομος	Палатинская антология VI, 167.
112. Трудолюбный	φιλοπόνος	Софокл, Эант 879.
113. Хитропритворный	ποικιλομήτης	Одиссея III, 163.
114. Цветоносный	ἀνθόφος	Аристофан, Лягушки 441.
115. Целоденный	πανήμυρ	Одиссея XIII, 31.
116. Чадолубный	φιλότεχνος	Еврипид, Финикиянки 359.
117. Чернозарный	φιλόπικς	Палатинская антология VII, 24.
118. Черномрачный	μελκμφαής	Еврипид, Елена 525.
119. Четвероножка	μελάνζοφος	Большой этимологик.
	тетράπους	Аристофан, Облака 659.

Латинские эпитеты

1. Бранноносый	belliger	Овидий.
2. Вероломный	perfidus	Овидий.
3. Весна ... вековечна	ver erat aeternum.	Метаморф. I, 107
4. Голубокий	caesius	Лукреций.
5. Долговечный	longaevus	Стаций, Фиваида 10, 864.
6. Плодоносный	frugifer	Овидий и арханки.
7. Рогоносый	corniger	Лукреций 11, 368.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

(К проблеме тонического стиха)

П. Н. Бернов

Литературная продукция первой половины XVIII в. обычно мало привлекает внимание историков русской литературы. Единственная проблема, на которой считается допустимым останавливаться современному исследователю, это проблема возникновения тонического стиха, или, как ее предпочитают иначе формулировать, проблема тонизации русского стиха. Мнения новейших исследователей этого вопроса расходятся: одни считают, что «нет оснований фиксировать... переход (от силлабики к тоникосиллабике) на том или ином авторе — Глюке или Тредиаковском или Ломоносове, — налицо был очень постепенный переход, и персонализировать его нет в сущности особых надобностей».¹ Другие все же считают возможным видеть именно в Тредиаковском родоначальника русского тонического стиха, подчеркивая самостоятельность и независимость его изысканий.²

С первой точкой зрения, как, впрочем, и со второй, едва ли можно согласиться. Если принять аргументацию и вывод Л. И. Тимофеева, окажется, что «налицо был такой ход развития, который все равно вел к таким формам» (цит. соч., стр. 155); иными словами, получается имманентное развитие русского стиха. Не говоря уже о нематериалистичности подобного утверждения, оно порочно еще и в том отношении, что совершенно не учитывает социального смысла замены силлаби-

¹ Тимофеев, Л. Проблемы стиховедения. Материалы к социологии стиха. М., 1931, стр. 155.

² Эту точку зрения защищал в своем докладе в ИРЛИ 31 мая 1934 г. С. М. Бонди. Под обнее см. в статье С. М. Бонди «Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков» в «Стихотворениях» Тредиаковского, под редакцией акад. А. С. Орлова (Л., 1935, стр. 84 и сл.).

ческой системы тонико-силлабической. А суть дела заключалась в том, что складывавшаяся в первую половину XVIII в. дворянская классовая культура, светская по своему содержанию, естественно стремилась к секуляризации, к отталкиванию от традиционных форм феодально-боярской культуры, и в том числе от традиционных форм поэзии — преимущественно религиозной по содержанию и силлабической по конструкции. Поэтому не случайно, что все искания в области тонического стихосложения падают именно на первую половину XVIII в.

Если таковы возражения против первой точки зрения по вопросу о начале русского тонического стихосложения, то против второй точки зрения говорят факты. Часть из них известна, их повторять нет надобности; часть еще недостаточно привлекала внимание, и поэтому на них следует остановиться подробнее.

1

В конце 1827 и начала 1828 г. на страницах видных в то время журналов, «Московского Телеграфа» и «Сына Отечества», были помещены статьи Н. Полевого и некоего М. И., в которых, между прочим, затрагивался вопрос о приоритете введения тонического стихосложения в России. Полевой считал пионером тонического стиха Ломоносова,¹ его оппонент, М. И., называл Третьяковского.² В связи с появлением этих статей в одном из последующих номеров «Сына Отечества» было напечатано «Письмо к Издателям С. Отечества» П. М. Строева,³ в котором этот известный археограф сообщал как будто новые и весьма любопытные сведения по данному вопросу. Он писал следующее:

«Г-да соперники! вы оба не правы. Третьяковский возвратился в Россию 1730 года, начал писать хореем в 1735; а первое известное стихотворение Ломоносова относится к 1739 — это вам известно обоим (С. Отеч. 1828, № 2, стр. 191). Но тонические шестистопные стихи (кажется, ямбы), с цезурой и почти все мужские находим в 1729 году; следовательно за год до приезда Третьяковского, за шесть лет до первых его хореев, и ровно

¹ Московский Телеграф, 1827, № 18, стр. 103.

² Сын Отечества, 1828, № 2, стр. 193.

³ Принадлежность статьи именно П. М. Строеву доказывается у Н. М. Петровского, *Analecta metrica*, Русский Филологический Вестник (далее сокращенно РФВ), 1914, № 1, стр. 38—49.

за десять лет до Ломоносова. Неизвестно кем они писаны: *Vive l'auteur!*—Где ж эти знаменитые стихи? В Исторических, Генеалогических и Географических примечаниях к Ведомостям 1729 года. Сии примечания к С. Петербургской Академической Газете издавались с 1729 по 1744 год (Сопиков. Опыт росс. библиограф., ч. IV, № 9016 и 9017), и ныне очень редки; любопытные могут находить их в старинных библиотеках, на Шукином дворе в Петербурге, а иногда на толкучем рынке в Москве. До личных справок, Г-да соперники поверят мне на слово: я, как антикварий, не введу их в заблуждение. Итак к делу». ¹

Затем Строев приводит «семь стихотворных цитат с латинского из Исторических etc. примечаний 1729 года»: «На сей горе растет зеленой виноград... (стр. 71), «В зеленых где лугах источники лились»... (стр. 73) и т. д. ² В заключение своего «Письма к Издателям» П. М. Строев пишет: «Вот памятники тонического стихосложения 1729 года... Если прилежнее порыться в забытых книжонках (а паче рукописных) времен Петра Великого и Екатерины I, то следы тонических размеров найдем еще ранее. Но замечательно, что в примечаниях к Ведомостям 1732 года (кои мне тоже попались) все стихи силлабические, а их там много»... ³

Повидимому, письмо Строева прошло незамеченным и, во всяком случае, не вызвало среди последующих историков литературы интереса, соответствующего важности сообщения археографа. Единственная ссылка на эту статью находится в работе Ольги Покотиловой «Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII и начала XVIII столетия». ⁴ Однако, как ни авторитетен тон Строева, как ни успокаивающи его уверения, что он, «как антикварий, не введет в заблуждение», следует, во избежание принятия на веру сообщенных им сведений, помнить, что «открытие» его есть результат большой неосмотрительности, никак

¹ Сын Отечества, 1828, № VII, стр. 262—263.

² Там же, стр. 263—264.

³ Там же, стр. 264—265. Упоминаемые здесь стихи из Примечаний, 1732, приведены у Н. М. Петровского, дит. соч., РФВ, 1914, № 1, стр. 45 и 47. Н. М. Петровский не указывает, что данные стихи представляют перевод стихов, помещенных в немецком издании Примечаний.

⁴ М. В. Ломоносов. Сборник статей под ред. В. В. Сиповского, СПб., 1911, стр. 91—92. Ср. также статью Н. М. Петровского, *Analecta metrica*, РФВ., 1914, № 1, стр. 39—44.

не прощительной такому осторожному автору, каким был Строев.

В своем «Письме», говоря об «Исторических и проч. Примечаниях к Ведомостям», Строев ссылается на Опыт российской библиографии Сопикова (ч. IV, № 9016 и 9017). Однако, сам Строев не сделал соответствующего вывода из своего указания. Дело в том, что под № 9016 у Сопикова значатся «Примечания астрономические, исторические, географические и физические, при С. Петербургских ведомостях издаваемые, с 1729 по 1744 год»; под № же 9017 указаны «Примечания (исторические, генеалогические и географические) в ведомостях, издаваемые в СПб. при Академии Наук, с 1729 по 1740 год. СПб. 1769» и прибавлена аннотация: «Это сокращение предыдущей книги». Между прочим, и у Сопикова при описании этого номера допущена ошибка: местом издания у него указан Санкт-Петербург, тогда как, на самом деле, Примечания «печатаемы в Москве при Сенагских Департаментах 1765 года».

Это Московское «сокращение» «Примечаний» оформлено не совсем правильно: хотя на титульном листе и указано, что примечания издавались с 1729 по 1740 год, но на первой странице текста название журнала дано в такой форме: «Исторических, генеалогических и географических Примечаний в Ведомостях в Санктпетербурге 1729 года». В связи с этим, найдя на страницах 71, 73 и следующих данного издания стихотворные цитаты, действительно представляющие собой шестистопные ямбы, Строев и заключил, что эти тонические размеры предшествовали опытам В. К. Третьяковского. На самом же деле, в петербургских «Примечаниях» 1729 г. на соответствующих страницах ничего подобного нет. Статья «О возгорении серны, гор Геклы, Эгны и Везувия», в которой имеются, по словам Строева, стихотворные переводы лагинских цитат, была помещена в № 3—11 «Примечаний» 1730 г., причем все цитаты приведены в ней в лагинском оригинале. Перевод же их был помещен лишь в московском «Сокращении» 1765 г., осуществленном, повидимому, кем-либо причастным к херасковскому университетскому кружку и, следовательно, не может приниматься в расчет при исследовании вопроса о начале тонического стихосложения в России.

Таким образом, мнение о том, что русские поэты, работавшие в конце 20-х годов XVIII в. в Академии Наук, пользовались тоническим стихосложением еще до Третьяковского, приходится при-

знать не отвечающим действительности. Впрочем, это не означает, что около этого времени не было некоторых, довольно робких, попыток в том же направлении. Но попытки эти принадлежали не русским авторам, а иностранцам.

2

Интерес иностранцев к русской поэзии можно засвидетельствовать уже в очень раннее время. К сожалению, несмотря на то, что вопрос об обследовании «сказаний иностранцев» со стороны содержания в них сведений о русской литературе давно уже ставился Александром Н. Веселовским,¹ а в недавнее время проф. М. П. Алексеевым,² работа эта не проделана, и сейчас историк литературы располагает случайными и не систематизированными данными.

Еще в конце 1500-х годов посол австрийского императора Рудольфа II, Эрих Лассота, знакомится с «многочисленными, баснословными рассказами о герое или богатыре Илье Моровлине».³ В 1619-1620 гг. для Ричарда Джемса делаются записи народных великорусских песен.⁴ Повидимому, знакомство иностранцев с русской литературой имело место более широкое, чем это можно судить по опубликованным данным, беглый перечень которых приводится в цитированной статье М. П. Алексеевым. Так, автор записки «О нравах татар, литовцев и москвитян» Михаил Литвин говорит как об общеизвестной вещи о том, что литовцы изучают русскую письменность.⁵ Знакомство с русским языком у иностранцев в течение XVI—XVII вв. распространяется настолько, в особенности среди лиц, живущих в Москве или в пограничных местах, что появляются даже опыты создания оригинальных стихотворений на русском или славянском языке.

¹ Мелкие заметки к былинам. ЖМНЦ, 1890, № 3, стр. 6—7.

² Das Studium der russischen Literatur im Auslande vor dem 19. Jahrh. — Slavische Rundschau, 1930, № 9, стр. 659.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1 (XVI ст.) Киев, 1890, стр. 157 (Дневник Эриха Лассоты из Стеблева 1594 г.).

⁴ Симони, П. К. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского государства. Сборник ОРЯС, 1907, т. I, XXXII.

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1, стр. 34 («Мы изучаем московские письменные памятники, которые и не древни, и не заключают в себе ничего, что побуждало бы к доблести»).

Не все эти попытки дошли до нашего времени, но сведения о них все же сохранились.

Так, в 1680 г. вышел в Галле летучий листок известного пастора Глюка под названием *Ara et honoris et amoris — Dno Gottfr. Mathesio in die cum ipsi magisterialis dignitas in alma Philygea concedetur, egesta*,¹ представляющий собой, по указанию биографа Глюка, стихотворение на славянском, еврейском, греческом, латинском и немецком языках.²

Около того же времени упражняется в сочинении русских стихов датский дипломат в Москве Гильдебранд фон-Горн (*Hildebrand von Horn*). В своей реляции от 6 декабря 1681 г. он сообщает, что до царя дошли сведения о том, что он, Гильдебранд, не только говорит по-русски, но даже пишет и стихи на этом языке; поэтому на прощальной аудиенции ему были от царского имени подарены 12 красиво переплетенных русских книг с указанием, что «его царское величество с большим удовольствием узнал как высоко ценит (датчанин) русский язык, почему и решил наградить его названными книгами, не только для того, чтобы он при этом вспоминал о царской милости, но и для того, чтобы и впредь в сем языке упражнялся». «Я поблагодарил — продолжает посол — его царское величество за милость и уверил, что одно это было достаточно сильно, чтобы сделать мне приятным славянский язык, если бы я и не имел вообще никакой к нему охоты».³

Надо полагать, что интерес иностранцев к русскому стиху был как-то связан с системой изучения ими русского языка, точнее славяно-московского языка. Поскольку иноземные дипломаты обучались у московских образованных людей, несомненно проходивших в школе курсы пиитики, постольку можно предположить, что упражнения иностранцев в писании стихов являлись частью их изучения языка страны, в которой они являлись пред-

¹ Жертвенник почтения и любви, воздвигнутый для г-на Готфр. Матезия в день, когда ему присваивалось в университете магистерское звание.

² Подробнее см. Н. М. Петровский, цит. соч., РФВ, 1914, № 2, стр. 532—533.

³ *Aarsberetninger fra det kongelige Geheimarchiv indeholdende Bitrag til Dansk Historie af utrykte Kilder. Kiöbenhavn, 1879, B. VI, N. IV, S. 198.* Знакомством с этим источником я обязан исключительной эрудиции и еще более исключительной любезности М. П. Алексева, которому приношу глубокую признательность.

ставителями своих государств. Что это так, — убеждает следующий факт.

Скандинавский славист А. Иенсен сообщает в статье «Die Anfänge der schwedischen Slavistik»,¹ что в рукописном наследии шведского государственного деятеля и лингвиста Иоанна-Габриэля Спарвенфельдта (1656—1727), бывшего крупным лингвистом, в частности славистом, и археологом,² имеется силлабическое стихотворение на русском языке.

Прежде неже что и речеши кому,
Рассудити то должно ти самому и т. д.³

На переплете рукописи, откуда заимствованы эти стихи, оттиснуто: «relié en 1684 à Moscou» (переплетено в Москве в 1684 г.). В самом деле, с 1683 по 1686 г. Спарвенфельдт был шведским послом в Москве (Svensk ministr i Ryssland). Очевидно, к этому времени относятся его занятия русским языком и поэзией. Прекрасный филолог, Спарвенфельдт владел, по словам биографов, 14 языками, в том числе и африканскими (он путешествовал не только по Европе, но и по северной Африке); славистикой он очень интересовался, оставил ряд лексикографических трудов по славянскому языку, состоял по этим вопросам в переписке с Лейбницем.⁴

Однако, Спарвенфельдт представляет интерес не только как подтверждение мысли о том, что иностранные дипломаты занимались русской поэзией в порядке изучения русского языка. Дело в том, что все приведенные до сих пор материалы говорили о знакомстве с русской силлабической поэзией. Между тем о Спарвенфельдте есть материал более интересный.

В книге лифляндского пастора Н. Бергиуса «Exercitatio historico-theologica de statu Ecclesiae et Religionis Moscoviticae» (Holmiae, 1704—1705) («Историко-богословский опыт о состоянии Московитской церкви и религии») приведено еще одно русское

¹ Archiv für slavische Philologie, 1909, т. XXXIII, стр. 158.

² О Спарвенфельдте, кроме статьи А. Иенсена, см. также Bittner, Konrad. Slavica bei G. W. von Leibnitz, Prag, 1932, SS. 66—79 (или Germanoslavica, 1931—1932, Jhrg. I, Heft 2, SS. 197—211); Ягич, И. В. История славянской филологии. Пбг., 1906, passim; Jacobowsky, Carl Ulf Vilhelm. J. G. Sparwenfeld. Bidrag till en biografi. Stockholm, 1932.

³ Полностью стихотворение это воспроизведено в русской транскрипции Н. М. Петровским в дит. соч., РФВ, 1914, № 2, стр. 537—538.

⁴ Подробнее об этом в работе д-ра Биттнера, указанной выше.

стихотворение И. Г. Спарвенфельдта, напечатанное латинскими литерами. При более внимательном рассмотрении стихотворения Спарвенфельдта оказывается, что это — правильное тоническое стихотворение, написанное четырехстопным дактилем (первые два стиха — шестистопным дактилем). При этом здесь имеет место не случайность, а сознательное намерение, что явствует из представленных в тексте ударений. Вот это стихотворение с сохранением в основном орфографии подлинника:

Lucas 21, vers. 15.

Аз бо вам уста дават, и Мудроет из вишних послати
Буду, да вам же никто не мог бы против глаголати.

Без вычитанія отцев восточных,

И без признанія Правил толь Мочных,

Аще Славяно-Российскую веру

Хочет признати Кто тоя же меру;

Зде в сей беседе обрящет Конечно,

Еже достойно Хвалити есть вечно:

Многих Народов творцы бо Писаху,

Яже той вере Противная бяху:

Глупо, Невеждо, Бесстудно, и ложно,

Хоть бы им было молчати возможно.

Зде 3 самых ясных источников Скачет

Правды вода, хотя несправдливость плачет.

Ныне прииде ты дряхлого века,

Горде Преводниче, Пен человека.

Тебе самому треба Правде учиться,

Ею ж так мир весь наставить ти мнится.

Слепа, как Хочет, слеп путь Показать,

Друг друга будет Пропасть провождати.

Тебе же, владыко достойно Блажити,

Всем належит Благодарным же Жити.

Труд за сей твой, Заслужил ты службою

Мужей разумных заплату дружбою.

Что же есть дружба, мирская плата?

Что нам вельможного ясна плата?

Одна бессмертна себе Добродетель

Самой плата есть и Благодетель.

Независть хоть нас Грызет зло зубами

Также злонравен поклеплет губами;

Нам же утѣха да совѣсть бываѣтъ,
Юже невинность от Бога Давает.

За этим стихотворением следует посвящение, также на русском языке, транскрибированное латинскими литерами:

«Преосвященному, именитому, Достохвальному вельми ученому, Препочтенному, о Христе духовному отцу и владыце, Господину Николе Бергиусу, Его Королевского величества верному мужу, и генеральному Супериентенденту Ливонскому, достойному; Приятелю и благодетелю своему присному и всегда почтенному, в вере Славяно-Российской, к восприятию обычныя во святой Богословии степени докторския, мудренно беседующему, сия во свое воспоминание, со всяким благополучения благоприветствованием писал его милости Приятель и раб Иоани Гавриил Иванович Спарвенфельдт».

Далее идет латинский перевод того же (*Versio latina*).¹

Стихотворение Спарвенфельдта не могло пройти незамеченным как тогдашними западными славистами и вообще иностранными учеными (книга Ник. Бергиуса, в которой оно было помещено, выдержала 3 издания — в 1704-1705, 1709 и 1722 гг.), так и русскими образованными читателями. В частности, стихотворение это было известно и В. К. Тредиаковскому, так как, по указанию Н. М. Петровского, он цитирует книгу Н. Бергиуса в своих «Трех рассуждениях о трех главнейших древностях российских» (напечатанных в 1773, написанных в 1757-1758; см. П. П. Пекарский. История Академии Наук, т. II, стр. 208—209).²

Несомненно, книга Бергиуса, а следовательно и стихотворение Спарвенфельдта были известны пастору Глюку, интересовав-

¹ Первые сведения об этом стихотворении Спарвенфельдта в научной литературе имеются в Записках И. Академии Наук, т. IV, кн. I, стр. 79, где сообщается о находке П. П. Пекарским этого стихотворения в книге Бергиуса и о прочтении его в заседании отделения, а также о том, что Я. К. Грот в следующем заседании сделал сообщение о биографии шведского автора. Затем оно было перепечатано А. Иенсенем в цитированной выше статье в *AfSPb*, и, наконец, Н. М. Петровским в неоднократно упоминавшейся статье *Analecta metrica* (РФВ, 1914, № 2, стр. 535—537). В монографии Якобовского о Спарвенфельдте (Стокгольм, 1932) вопрос о его русских стихотворениях затронут мельком и лишь на материале статьи А. Иенсена (Jacobowsky, op. cit., pp. 77—78)

² Петровский, Н. М., цит. соч., РФВ, 1914, № 2, стр. 537.

шемуся русской поэзией еще в 1680 г., и его помощнику магистру Вернеру Паусу, которых В. Н. Перетц считает родоначальниками русского тонического стихосложения.¹ Конечно, деятельность этих авторов по введению тонического стихосложения в русскую поэзию не могла пройти бесследно не только потому, как полагает В. Н. Перетц, что архив В. Пауса был доступен впоследствии академикам, но и потому, что и при жизни В. Паус высказывал в своих работах, адресованных в Академию Наук, свой взгляд на русское стихосложение. В рукописи «Observationes, inventa et experimenta circa literaturam et historiam russicam in camera obscura et optica ad Academiam Scientiarum instituta» (Наблюдения, мысли и опыты касательно русской литературы и истории), представленной Паусом в Академию Наук, он замечает о русских стихах: «Их (т. е. русских) на такой долготе построенные стихи нелепы (absurd) и стеснительны (gezwungen)».²

Нет сомнения, что мысли эти принадлежали не одному магистру Паусу, а были общи всем иностранным ученым, работавшим в Академии Наук в конце 20-х и начале 30-х годов XVIII в.; в особенности они должны были быть распространены среди академиков, изготовлявших на немецком языке оды, надписи и прочие образцы придворной поэзии. Взгляды эти также несомненно должны были быть известны и лицам, переводившим эти стихи с немецкого на русский. Повидимому, делались также попытки применить на русской почве классический шестистопный ямб, наиболее распространенный размер в немецкой одической поэзии начала XVIII века.³

3

Среди материалов, относящихся к начальному периоду русского тонического стихосложения, особо следует выделить помещенные в LXXXVII части «Исторических, генеалогических и гео-

¹ Перетц, В. Н. Историко-литературные исследования и материалы, г. III, стр. 69 и сл.

² Изучение русской литературы иностранцами в XVIII в. Язык и литература, 1930, т. V, стр. 106.

³ Ср. эпиталамическую оду Пауса (1703), приведенную у В. Н. Перетца (Историко-литературные исследования и материалы, т. III, ч. II, стр. 139); ср. «Библиографическая летопись ОЛДШ», 1917, III, ч. II, стр. 18—19, а также «Slavia», 1924—1925, Roč. III, Sešit 4, str. 715—716.

графических примечаний в ведомостях» от 1 ноября 1729 г. (стр. 349—351) переводные вирши, начинающиеся стихом:

«Державнейший монарх! Твой секретарь трудится...»

Внимания исследователей они не привлекали, если не считать нескольких строк, посвященных им Н. М. Петровским в цитированной статье *Analecta metrica*. Вот что писал этот автор:

«Единственное стихотворение, которое было напечатано в «Примечаниях» за 1729 год, состоит из обыкновенных силлабических вирш; если первые его строки могут быть с грехом пополам признаны тоническими стихами, то уже начиная с четвертой не может быть сомнения относительно силлабического характера их». ¹

Сказанное Н. М. Петровским в известной мере правильно: в целом указанные стихи силлабические, но первые три строки не «с грехом пополам», а без всяких сомнений должны быть признаны тоническими, и, что самое главное, тонический характер их не случаен, а преднамерен: это была сознательная попытка передать на русском языке немецкие стихи (о них см. ниже) с соблюдением размера подлинника.

Для того, чтобы существо дела было яснее, необходимо привести некоторые сведения как из «Ведомостей» 1729 г., так и из «Примечаний» к ним за тот же год. В № 87 «Санктпетербургских ведомостей» от 1 ноября 1729 г. была помещена депеша из Дрездена от 18 октября, в которой сообщалось о приезде короля польского (Августа II, курфюрста саксонского). Затем прибавлено было, что «акцызный секретарь господин Ганке вручил королю увеселительные вирши, в которых он его величество по учиненному предложению о своих акцызных делах и случающихся при оных нужных делах расходах о прибавлении своего жалования просил: которые вирши его величество так благоприятно восприял, что его величество издателю оных вместо прежнего его повсягодного жалования 300 ефимков 600 ефимков всемиловитейше пожаловать изволил» (стр. 349—350). Примечание гласило: «Самые оные вирши зри в изданных при сем примечаниях в LXXXVII части».

В самом деле, в указанной части «Примечаний», помеченной тем же числом, т. е. 1 ноября 1729 г., была помещена статья,

¹ РФВ, 1914, № 1, стр. 42.

озаглавленная: «Из Дрездена». Часть ее, представляющая интерес для анализируемой темы, приводится ниже:

«Объявленные в ведомостях вирши Акцизного секретаря Ганкена, в которых он его величество короля польского по учиненному предложению о трудных своих делах, и случающихся при оных делах многих нужных расходах, о прибавлении повсягодного своего жалования просил, суть следующие».

Затем идут стихи, приводимые ниже, а в примечании редакция указывает: «Мы надеемся сообщением сих виршей благосклонному читателю некоторое особое приятство учинить, от части ради того, понеже он свое прошение увеселительными словами украсил, от части же, понеже самые вирши изрядно сочинены, которые в сем случае за zelo искусные почитать надлежит, и некоторым примером последования быть могут...» (стр. 349).

Державнейший монарх! твой секретарь трудится
Щетами день и ночь, и чрез весь год томится
Щислением долей, и прочими трудами
Непрестанно утружден зборными делами;
Толко что две недели; как времени прошло,
А уже до четвертой доли от ста дошло,
Жена, как и служанка о деньгах скупают,
А откуда мне их взять того не знают.
Занимать стыжуся, а дом кормить принужден,
Которою бедою я весьма утружден.
Сии триста ефимков как ниразделяю,
А с ними быть доволен никак не знаю.

	Ефимки	Гроши
И дабы я неозяб, на дрова положить	40	—
Еженедельно с квасом, вином, пивом прожить...	104	—
На коровье масло, хлеб, крупу и сало		
По четыре ефимка, и толишбы стало.....	138	20
Ефимков дать на месяц людям за работу.....	12	—
Шестьдесят за квартиру, чтоб жить без хлопоту .	60	—
За сахар и тебу, за разные табаки,		
За парuki, рубашки, чулки и башмаки.....	33	8
Церулнику четыре, а что же портному?	4	—
Намесяц два ефимка к платью единому	24	—
Сумма ...	416	4

Четыреста ефимков, вот беда какая!
 А малоль чего нету, в чем нужда всякая.
 Что пойдет на жену лент и кружив к убору,
 Платье, фижмы, туфли, чтоб неиметь позору?
 Малою ли машкары приходят ценою?
 В которых на редуты выходят зимою.
 Если в сад Стамковой ехать приключится,
 На едины колачи грошей с шесть здержится.
 Сколь часто принужден я на свадьбу ходити,
 Бывши также и кумом все денги платити.
 А когда часто пойдут еще свои дети,
 И тут также денги надлежит имети.
 Что станет детский убор? кормилице плата?
 И когда умирают, не минется трага,
 Понеже на церковны всякне доходы
 Всегда чинить надлежит такие расходы,
 Словом: на все потребно денег и немало,
 А как вижу, у меня их уж и нестало;
 Тремя стами неможно пребыть ежегодно,
 Прошу милость показать, аще вам угодно,
 Прибавить сто ефимков иминным указом,
 И я буду доволен таковым образом,
 Которую высокоу милость не забуду,
 И раб ваш

Ганк покорный

во веки пребуду.

Дальнейшая часть статьи «Из Дрездена» не представляет интереса для истории русского тонического стихосложения.

Гораздо важнее обратиться к немецкому изданию как «Санкт-петербургских ведомостей», так и «Примечаний» к ним. Дело в том, что русское издание названных академических публикаций представляло собой точный перевод немецкого подлинника. Иными словами, стихи Ганке, приведенные выше, являются не чем иным, как переводом с немецкого оригинала.¹ Действительно, в LXXXVII Stück der historischen, genealogischen und geographischen Anmerkungen über die Zeitungen 1 ноября 1729 года находится немецкий текст стихов Ганке с предисловием и приме-

¹ В St. Pbg. Zeitung от 1 ноября 1729 г., S. 444, приведена депеша из Дрездена, перевод которой дан выше.

чаием редакции, перевод которых приведен выше; вот самые стихи:

Groszmächtigster Monarch: dein Secretarius
 Der sich durchs gantze Jahr mit Ziffern plagen muss;
 Ich rechne Tag und Nacht, und quäle mich mit Brüchen,
 Doch ist vom Monat noch die Hälfße kaum verstrichen,
 So ist der vierte Theil von Hundert schon verzehrt,
 Da doch so Frau, als Magd fast täglich Geld begehrt;
 Wo nehm ich solches her, ich fürchte mich zu borgen,
 Indessen soll ich doch das gantze Haus versorgen,
 Ich theile, wie ich will, drey hundert Thaler ein
 So will mein Tractament doch nicht zulänglich seyn:

	Rthlr.	Gr.
Für viertzig Thaler Holtz, damit ich nicht erfriere	40	—
Zwey Thaler wöchentlich zu Covent, Wein und Biere . . .	104	—
Für Butter, Fleisch und Brod, für Grütze, Saltz und Licht,		
Setz ich vier Gulden an, sie reichen öfters nicht	138	20
Ein Thaler monathlich nur an Gesindes Lohne, ...	12	—
Auf sechzig Thaler Zinss, damit ich sicher wohne, ...	60	—
Für Knaster, Spagniol, für Zucker und Thee bou,		
Peruquen, Wäscher-Lohn, für Hembde, Strümpff und Schuh	33	8
Vier Thaler dem Barbier, wo aber bleibt der Schneider,	4	—
Ich rechne monathlich zwey Thaler nur auf Kleider . . .	24	—
	<hr/>	
	Summa . .	416 4

Doch leider: dieses macht vier hundert Thaler aus,
 Und dannaoh hab ich nicht noch alles in dem Hauss,
 Was kostet nicht die Frau, was kosten Band und Spitzen?
 Was Adrianen, Schmuck, Pantoffeln, Hauben, Mützen?
 Was kost der Domino mit Spitzen ausgeziert,
 Wann man sie Winters-Zeit auf die Redoute führt?
 Und wann man Sommers-Zeit in Stamkens-Garten fährt,
 So seynd 6 Groschen bald in Kuchen nur verzehret.
 Wie öfte muss man nicht alhier zur Hochzeit gehn?
 Wie öfte muss man auch nicht zu Gevattern stehn?
 Und läst man öftermahls den eignen Zuwachs tauffen,
 So muss man alsobald mit Geld zur Kirchen lauffen:
 Was kost das Kinder-Zeug, was kost der Ammen-Lohn,
 Stirbt etwan aber gar der liebe kleine Sohn,

So wird man nimmermehr das Kind umsonst begraben,
 Warum? die Kirche muss vorher das ihre haben.
 Kurtz, alles kostet Geld, und eh ichs nicht gedacht,
 Ist mir schon wiederum die Casse leer gemacht.
 Wie können nun auff's Jahr drey hundert Thaler reichen?
 Drum grosser König: lass dich meine Noth erweichen
 Setz hundert Thaler zu: dann krieg ich nur ein Blat,
 Dass deine Gnaden-Hand selbst unterzeichnet hat,
 So ist mein Wunsch erhört; ich sterb in tieffen Dancke,
 Mein König, Fürst und Herr

Dein Pflichtverbundner

Hancke.

Сравнение перевода с подлинником показывает, что лидо, переводившее стихи Ганке, держалось довольно близко оригинала и лишь в нескольких местах руссифицировало немецкий текст. Напр., немецкое Covent (пиво)¹ заменено квасом (стих 14); немецкое pflichtverbundner Hancke (много обязанный Ганке) переведено, соответственно русским нравам той эпохи, «раб ваш Ганк покорный» (ст. 46). Особенно любопытно смягчение антицерковного выпада немецкого автора. У Ганке сказано (ст. 36—38):

Stirbt etwan aber gar der liebe kleine Sohn,
 So wird man nimmermehr das Kind umsonst begraben,
 Warum? die Kirche muss vorher das ihre haben.

(Умрет ли маленький сынок, безвозмездно его ни за что не похоронят; почему? церковь прежде всего должна получить свое). Русский переводчик смягчил это антиклерикальное место:

И когда умирают, не минется трата,
 Понеже на церковны всякие доходы,
 Всегда чинить надлежит такие расходы.

Однако, несмотря на удачный в общем перевод, интерес русского текста не в этом. Главное здесь, конечно, в том, что переводчик сознательно стремился перевести немецкое стихотворение размером подлинника. Первые три стиха удачно выдержаны в шестистопных ямбах, как и немецкий оригинал. Но дальше

¹ Ср. Grimm, J. u. W. Deutsches Wörterbuch, 1873, L., B. V, SS. 1574—1575.

идут обычные 13-сложные силлабические стихи. Повидимому, начатую попытку пришлось оставить за недостатком времени. В самом деле. Деша из Дрездена была отправлена 18 октября 1729 г., напечатан материал был в номере от 1 ноября, т. е., в срок меньший, чем две недели, или, если предположить разницу в стилях, в 24 дня. Если отнять отсюда время на пересылку деша и на печатание номера Примечаний, очевидно, на долю переводчика остается очень мало времени. Как бы то ни было, этими тремя начальными стихами перевода демонстрировалась принципиальная возможность применения на русской почве тонического стихосложения. В этом и заключается интерес данного отрывка. При том большом внимании, которым пользовались «Примечания»,¹ стихи Ганке в русском переводе должны были быть известны любителям. Что это так, убеждает и то обстоятельство, что они хотя и в сокращении, были включены в знаменитый «Письмовик» Н. Курганова.² Следовательно, обращение их в кругу знатоков русской поэзии в 30-е годы XVIII в. не подлежит сомнению, и, тем самым, возникает, едва ли безосновательное, предположение, что стихи эти могли служить аргументом в пользу перехода к тоническому стихосложению. Особенно убедительно звучит это предположение, если помнить, что шестистопный ямб перевода не случаен.

В связи со всем этим возникает вопрос, кто же был переводчиком стихов Ганке. Поскольку перевод был напечатан в академическом издании, естественно следует искать переводчика среди лиц, причастных к редакции «Примечаний». Однако, прежде чем обратиться к этому вопросу, следует устранить одно недоразумение.

Дело в том, что перевод стихотворения Ганке, найденный в рукописном сборнике XVIII в., был около полувека назад принят за оригинальное стихотворение одного из крупных писа-

¹ Даже в 1754 г. разыскивали любители это издание. Ср. письмо Ломоносова И. И. Шувалову в январе 1754 г.: «По приказу вашего превосходительства старался я достать примечания на ведомости, но получить их не мог. Уже многие и за несколько лет их спрашивают; однако, сыскать не могли, за тем что их по малу было печатано и не по мере Российского государства, а особенно ныне, узнав наш народ пользу наук, больше такие книги хранит для их редкости...» (Биларский, П. С. Материалы для биографии Ломоносова, СПб., 1865, стр. 250).

² Российская универсальная грамматика, СПб., 1769, стр. 277—278; Книга письмовник, СПб., 1777, стр. 282.

телей того времени и даже вошел в полное собрание его стихотворений. Автор этот кн. А. Кантемир.¹

В статье «Три неизвестные произведения князя Антиоха Кантемира»² В. Г. Дружинин перепечатал указанные в «Отчете Московского публичного и Румянцевского Музеев за 1879—1882 гг.» два неизвестные стихотворения автора «К уму своему». По указанию составителя отчета, сборник, из которого заимствованы стихотворения, писан в эпоху Ант. Кантемира, стихи эти находятся непосредственно за шестью его сатирами первой редакции и поэтому возникает предположение о принадлежности ему этих неизвестных до того времени произведений.

Второе из приведенных В. Г. Дружининым стихотворений А. Кантемира не имеет заглавия и представляет знакомый нам перевод стихов Ганке.³ Впрочем, следует указать, что текст, опубликованный, как Кантемировский, имеет ряд мелких различий с текстом «Примечаний» 1729 г.

Приводить эти различия не имеет смысла, достаточно лишь отметить, что, в тех случаях, когда различия эти не представляют орфографических отступлений, имеют место явные искажения; например:

1 между ст. 12 и 13 в «Примечаниях» «ефимки, гроши», — у Кантемира «ефимки трачу»;

2 ст. 13 — «И дабы я не озяб» — «Как бы я не жил»;

3 ст. 14 — «Еженедельно с квасом» — «Ежедневно с квасом...»;

4 ст. 18 — «Шестьдесят за квартиру» — «За квартиру»;

5 ст. 29 — «сад Стамковой» — «сад станковой»;

6 ст. 46 — «И раб ваш Ганк покорный» — «Верный ваш Ганк».

Ряд стихов у Кантемира оказывается неполным, напр. ст. 2, 13, 14, 15, 16 и др.; некоторые, наоборот, имеют не 13, а 14 слогов, напр., ст. 37 и 45.

Затем имеются ошибки как в отдельных итогах расходов Ганке, так и в окончательной сумме их. Все это убеждает, что так называемый кантемировский текст представляет собой список, а не оригинал. Против авторства Кантемира говорит еще и то обстоятельство, что он был в 1729 г. при дворе Петра II в Москве и, следовательно, едва ли мог быть использован Академией Наук как переводчик, в особенности в столь короткое время, какое

¹ Русская поэзия, СПб., 1897, т. I, примечания, стр. 209—210.

² ЖМНЦ, 1887, № 12, отд. II, стр. 194—204.

³ Там же, стр. 203—204.

было в распоряжении у редакции «Примечаний». Кроме того, в рукописном сборнике перевод виршей Ганке идет за шестью сатирами Кантемира, а, как известно, шестая сатира была написана в 1738 г.¹ Таким образом, запись в сборнике могла быть сделана не ранее 1738 г., а это показывает, что стихи Ганке попали в сборник очевидно, лишь около этого времени, и, повидимому, не непосредственно по тексту «Примечаний», а в каком-то списке, чем и объясняются отмеченные выше разночтения.

Кто же был переводчиком виршей Ганке? Как сказано было выше, лицо это должно было быть связано с редакцией «Санкт-петербургских ведомостей» и «Примечаний». Сведения о последней сохранились полностью.

В «Rapport von dem gegenwärtigen Zustande der Kayserl. Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg... in denen Jahren 1728 und 1729», представленном 27 декабря 1729 г., имеются следующие данные:

«Translateurs:... Schwanewitz, welcher mit seinen Discipeln Elia Petrow und Matfe Alexeiew die Anmerkungen und Zeitungen bisher ins Russische übersetzt hat».²

Относительно этих трех лиц у нас имеются очень незначительные сведения:

Шваневитц, Мартин Иванович, родом из Пруссии, был принят в Академию Наук с сентября 1725 г. как студюозус, затем с 1726 г. был преподавателем (informator) немецкого языка в академической гимназии. С 1728 г. по 1732 г. он переводил с немецкого на русский «Ведомости» и «Примечания». Затем перешел на службу в Шляхетный корпус гофмейстером, сохраняя связь с академической гимназией, как ректор немецких классов последней. Им была составлена грамматика для обучения русского юношества немецкому языку, изданная в 1730 г. и выдержавшая несколько изданий, а другая грамматика для обучения немцев русскому языку была доведена им до глагола. Ему же принадлежит половина немецко-латинско-русского словаря (Вейсманова лексикона). В 1735 г. ему было предписано принимать

¹ Соч. кн. Кантемира, под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1868, ч. II, стр. 449.

² «Переводчики:... Шваневитц, который со своими учениками Ильей Петровым и Матвеем Алексеевым до сих пор переводил Примечания и Ведомости». «Rapport» полностью напечатан в «Материалах для истории Академии Наук», СПб., 1885, т. I, стр. 603.

участие в заседаниях Российского собрания переводчиков. Умер в 1740 г.¹ Фамилия его писалась Шванвиц, Шваневитц, Шванович и Шванвич. Он был предком того Шванвича, который послужил Пушкину прототипом Швабрина.

Что касается двух русских учеников Шваневитца, то о них кое-какие данные сообщают списки учеников академической гимназии за 1726 г., существующие в двух текстах, русском и немецком, пополняющих друг друга.

Об Алексееве известно, что он родился в 1713 г. в Темникове на Украине, был сыном стряпчего (eines russischen Advokaten Sohn), принят был в гимназию при Академии Наук 15 июля 1726 г.²

Илья Петров был сыном церковника (eines Küsters), родился в Костроме (Costrom bey Jaroslaw) в 1711 г., принят в гимназию 26 июля 1726 г.³ В 1730 г. Петров и Алексеев получали по 24 р. в год жалованья.⁴ После ухода Шванвица в Шляхетный корпус (1732), Петров в звании ассистента, единолично переводил «Ведомости».⁵

Кому из этих трех лиц принадлежит перевод стихов Ганке, сейчас установить невозможно. Однако, всего вероятнее, что идея перевода размером подлинника могла принадлежать Мартину Шваневитцу.

Наконец, следует вспомнить еще одну попытку в том же направлении, которую акад. А. А. Куник назвал в свое время «Первое подражание Ломоносова ямба, в конце 1740 года»,⁶ отказавшись, впрочем, позднее видеть здесь подражание Ломоносову.

В № 1—2 «Примечаний к ведомостям» за 1741 г. (от 2 января) было помещено приветственное стихотворение только-что вступившему на престол маленькому императору Иоанну Антоновичу,

¹ Сведения о Шваневитце почерпнуты из «Материалов по истории Академии Наук», тт. I—III и VI *passim* (см. по указателю); кроме того, «Очерк истории языкознания в России» С. К. Булича, СПб., 1904, стр. 321—325 (данные о «Немецкой грамматике» 1730 г., без указания фамилии Шваневитца, и о «Вейсмановом лексиконе»).

² Материалы для истории Акад. Наук, т. I, стр. 225 и 335.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 650.

⁵ Там же, т. II, стр. 122 и 326.

⁶ Ученые записки ИАН по I и III отд., 1885, т. III, вып. II, стр. 264—265; ср. его же: Сборник материалов для истории ИАН, СПб., 1865, вып. I, стр. XLV.

тщательно уничтожавшееся позднее при Елизавете. Комплекты «Примечаний» за 1741 г. с первыми номерами исключительно редки. Как указывалось выше, русский и немецкий тексты «Ведомостей» и «Примечаний» были идентичны, причем русский представлял большей частью перевод с немецкого. Так, очевидно, обстояло дело и со стихотворением, на которое обратил внимание А. А. Куник. Последние строки этого русского текста (с немецким — стихами Штелина, — как указывает Куник, — познакомиться мне не удалось — в виду отсутствия полного комплекта немецкого издания «Примечаний» за 1741 г. в ленинградских книгохранилищах) представляют тонические стихи, именно не до конца выдержанный четырехстопный ямб. Вот они:

... Поздравление к Новому году ...

Чтоб императорский наш дом

был в неперменном щастья цвete

И чтоб Россия

древность лет монарха

Зрила в новом свете.

Чтоб дух Великого Петра

Во внуке Анны равен зрися

Как славы верьх при Анне рос,

Чрез Анну б вядше возноися! (стр. 8).

Перевод подписан буквой «О» — А. А. Куник не мог расшифровать этой подписи, откладывая свои разыскания до большего досуга.¹

Повидимому, переводчиком был «студюозус Академии Наук» Иоанн-Генрих (или Андрей) Осгервальд, поступивший в Академическую гимназию 15 апреля 1729 г.,² работавший в 1740—1741 гг. в Библиотеке Академии Наук³ и принимавший участие во время похорон Анны Ивановны в качестве переводчика в одной из академических комиссий.⁴ В январе 1741 же года он перешел на службу переводчиком в коммерц-коллегию.⁵

¹ Сборник, вып. I, стр. XLV.

² Материалы для истории ИАН. СПб., 1887, т. IV, стр. 437.

³ Там же, стр. 578.

⁴ Протоколы Академии Наук. СПб., 1897, т. I, 1725—1743, стр. 646 и 650. Кроме того, его переводы печатались в «Примечаниях» за 1740 г. №№ 12 и 13, 14 и 15, 58 и 59, 60 и 61, 102 и 103.

⁵ Материалы, т. IV, стр. 545.

Приведенные данные показывают, что опыты иностранцев в применении к русскому языку тонического стихосложения были не единичны и потому не должны быть сбрасываемы со счетов при выяснении путей проникновения и водворения на русской почве новой стихотворной системы. Как немецкая буржуазная наука, насаждавшаяся Петром, явилась до возникновения туземной науки заменой феодально-теологических штудий московской интеллигенции конца XVII и начала XVIII вв., так и западное стихосложение (и именно немецкое, бывшее перед глазами у академических переводчиков) оказалось отправной точкой для перехода от силлабики к тонико-силлабике: Третьяковский, ссылавшийся, как на источник своих опытов, на народную поэзию и на «идиллическую книжку», в которой М. П. Петровский видит поэму И. Гундулича *Suze sina razmetnoga*,¹ безусловно знал и стихотворение Спарвенфельдта, и застольные песни Пауса, и перевод виршей Ганке, — все это было слишком известно, слишком на виду, и именно поэтому Третьяковский предпочел умолчать об этом материале.

---

¹ Библиографические заметки о некоторых трудах Третьяковского. Страничка из истории русского стихосложения. Казань, 1890, стр. 28—29. Ср. Перетц. Исследования, т. III, ч. I, стр. 52.

ОЧЕРКИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Л. В. Пумпянский

I. КАНТЕМИР И ИТАЛЬЯНСКАЯ КУЛЬТУРА

Сокращения: I или II, стр. 258 = Соч. Кантемира, ред. Ефремова, Пб., 1867—1868, тт. I или II, стр. 258. — М., № 124 = Л. Н. Майков. Материалы для биографии Кантемира, с введ. и прим. проф. Александренко, Пб., 1903, документ № 124.

1

Отец Кантемира был высокообразованный левантинский аристократ. В его среде итальянский язык был привычным составным элементом образования. Перелом в пользу греческого языка наступит только в эпоху фанариотов (от отпадения Кантемира 1711 г. и греческого восстания 1821 г.), а во вторую половину этой эпохи начнется «французская» эра, сначала под влиянием офранцуженного греческого же патрициата, а затем и непосредственно, в результате громадного воздействия Французской революции и Наполеоновых войн, — впрочем, последнее воздействие выходит за пределы «боярской» культуры Румынии; «бонжуристы» (ироническая кличка румын, учившихся в Париже в эпоху реставрации) или уже первыми деятелями буржуазной цивилизации новой Румынии.¹

Из этой краткой справки выясняется, что в интересующую нас эпоху (примерно, от господства Василия Волка в середине VII в. до начала XVIII в.):

1) греческий язык еще не был разговорным языком молдавской аристократии. Казус с принцем де-Линь, который в 1788 г.

---

¹ Подробности всего сложного хода этих культурных перебоев — у румынских историков. См. Xéropol. Histoire des Roumains, t. II, P., 1896. Eliade. Histoire de l'esprit public en Roumanie au XIX-e s., t. I, P., 1905. Costolescu. Influence des romantiques français sur la poésie roumaine. 1909. У этих же авторов и дальнейшая библиография.

принял ясских бояресс за гречанок, был бы невозможен в 1688 г. Следовательно, если в семье Кантемира греческий язык был хорошо известен, перед нами вовсе не рядовое явление, а особое, объясняющееся национальностью матери (князя Кантакузены были орумыненны греческие аристократы) и выдающейся широтой образования отца;

2) тем паче, в культуре семьи не преобладала французская стихия. Главный труд Димитрия, «История Оттоманской империи», написан по-латыни (полустолетием позже, он был бы написан по-французски), как и его «История Молдавии». В этом отношении Димитрий был человеком до-фанариотской культуры. Этим объясняется относительно слабое знание французского языка самого Антиоха (о чем ниже). Опять-таки, родись Антиох полустолетием позже, он владел бы французским языком блестяще, и ему не пришлось бы (М., № 97) в 1737 г. самому признать, что его французский язык «далек от правильности и изящества». Какова же была степень «итальянизации» семьи? Мы знаем точно, что Димитрий владел итальянским языком в совершенстве; что Кондоиди (I, стр. XIII, Стоюнин, по аббату Гуаско) учил детей (уже по выезде в Россию), в числе других языков, и итальянскому; что Мария Димитриевна читала свободно по-итальянски, но писала с трудом и на письма брата из Лондона до половины 1734 г. отвечала не по-итальянски: в начале первого ее итальянского письма (от 15 июля 1734 г.) она говорит, что ей очень трудно отвечать брату по-итальянски, так как она «мало привыкла изъясняться на этом языке». ¹ Позднее, под влиянием книг, которые ей постоянно присылал брат, она втягивается (с трудом) в итальянский эпистолярный язык, ² но это ослабленное параллель к той резкой итальянизации, которую брат переживает в Лондоне и Париже (о чем ниже), ослабленное, несамостоятельное отражение. А так как итальянский багаж Марии Димитриевны восходит к тому же Кондоиди, который был общим учителем ее и брата, а также, вероятно, к влиянию отца и культурной обстановки семьи (а это тоже у нее и у брата равномерно общее), то мы вправе предположить, что итальянизм Антиоха до его отъезда в Лондон приблизительно равновелик объему первоначальных итальянских навыков Марии Димитриевны. В него входит: сво-

¹ И. Шимко. Новые данные к биографии Кантемира. ЖМНЦ, 1891, апрель.

² Там же.

бодное чтение авторов,¹ затрудненное полуумение писать, но также — что важнее всего — некоторый потенциал, унаследованный от левантинского типа образования семьи. Этот потенциал развернется и реализуется позднее в Лондоне.

2

Поэтому итальянистские следы в словоупотреблении Кантемира до 1732 г. случайны и не дают почвы для обоснованных выводов. За отсутствием установившейся традиции единообразного русского адекватата иностранных исторических имен, словоупотребление Кантемира колеблется. Иногда он воссоздает итальянскую форму; напр., в изъяснении к 1-й сатире в первой редакции 1729 г., изъяснении, написанном тоже еще в России, мы находим: Марко Тулий Цицерон (I, стр. 198), но какой отсюда возможен вывод, если рядом есть Иовиш (!), Дельфос, Виргилий, Бахус, Юпитер (!), Поппилиус и т. д. (I, стр. 195—203), т. е. чуть ли не все мыслимые типы воспроизведения? Разве только тот, что среди несовместимых элементов этого разнобоя мелькают и такие, которые свидетельствуют о наличии у Кантемира и итальянского (в числе прочих) речевого сознания.

Совершенно загадочен Странгурио в «Петриде» 1730 г.

Странгурио имя есть, римляне уж дали,
Запором мочи россы (впредь себе) звать стали
(ст. 163—164).

Мы говорим не о нелепости олицетворения болезни, от которой умер Петр (у Сен-Сорлена, Шапелена и даже у Триссино есть и более нелепые), а о языковой странности. И по-латыни, и по-итальянски *stranguria* женского рода. Кантемир имеет в виду латинское слово («римляне» могло бы относиться и к современным жителям Рима, но «уж» не оставляет сомнения, что Кантемир думает о древних). Почему же он дает ему итальянскую форму мужского рода? Олицетворения бывали и женские (в незадолго до этого вышедшей «Генриаде» — *la Discorde, la Politique* и др.). Почему, далее, итальянское слово на — он согласует всюду с женским родом?

¹ Знание Ариосто устанавливается из примечаний к переводу трактата Фонтенелля, 1730 (II, стр. 423—424).

Ст. 160 Одна чрезмерно люта стоит вдоль
несмела . . .

Ст. 247 Так Странгурио, прияв власть, в вред нам
ей данну.

В ст. 226 болезни возвращен ее женский род:
Связанну Странгурию влекут за собою . . .

Но ст. 171, читающийся у Ефремова (I, стр. 302):

Странгурио влеком, вождю вслед рыдая . . .

надо, согласно материалам Т. Глаголевой¹ восстановить:

Странгурио влекома . . .

Очевидно, ошибка переписчика объясняется бессознательным желанием выправить странность Кантемирова согласования.

Заметим попутно, что вся поэма вызывает большие и пока еще неразрешимые недоумения. Все писавшие о Кантемире единогласно отмечают неудачу «Петриды» (обыкновенно с наивно-психологическим объяснением: похвала была несвойственна сатирическому темпераменту автора). Действительно, поэма явно не талантлива (исключением являются только стихи 185—206:

Течет меж градом река быстрыми струями . . .

насколько мы знаем, первый в поэзии пейзаж Петербурга), но и неталантливое произведение может быть поучительно для историка литературных стилей, если только выяснена его функция. Но именно это, в данном случае, нелегко. Так как недавно вышедшая «Генриада» (1723 г. в первоначальной, 1728 г. в окончательной форме) гремела тогда во всей Европе, естественно предположить, что Кантемир, работа которого в эти годы целиком подчинена французским образцам (Буало, Лабрюйер и т. д.), исходит из прославленной Вольтеровой поэмы. Действительно, перечень чудовищ, напр., сидящих у входа в ад (старость, глад, нищета, война, зависть, ненависть, болезни — и Странгурио в их числе), можно сравнить с аналогичным эпизодом в 9 п. «Генриады» (пресыщение, ненависть, ревность и т. д. во внутреннем притворе храма Любви), хотя учет зависимости здесь затруднен тем, что подобное описание было (по 6 п. «Энеиды») общим обязательным местом поэмы.

Главная трудность, однако, — в восстановлении плана. Если первая песнь (единственная дошедшая до нас и несомненно един-

¹ Изв. Отд. р. яз. и слов. Акад. Наук, 1906, т. XI, кн. I.

ственная написанная) посвящена смерти Петра, то спрашивается, что собирався Кантемир рассказать в следующих? Неужели известным эпизодическим методом ввести его деяния? Такое построение мало вероятно, противоречит всему, что мы знаем о классической поэме, и прецедентов не имеет. Часть темы может быть отнесена в эпизодический рассказ о прошлом (примеры, от «Одиссеи» до Ломоносова, бесчисленны и общеизвестны), но не вся тема. Или вся поэма должна была быть посвящена одной смерти Петра (за что говорит заглавие)? Образцы такого рода поэм нам неизвестны, но возможно, что они были и в итальянской поэзии придворной эпохи и во французской (напр., на смерть Людовика XIV).

Итак, ни словоупотребление Кантемира, ни «Петрида» не обнаруживают никаких вытчных следов итальянской ориентации, а так как для сатир тоже нет оснований предполагать итальянские литературные источники (а французские и латинские общеизвестны), то вопрос пришлось бы решить категорическим отрицанием, если бы не одно обстоятельство.

Дело в том, что известные приветственные стихи Феофана Кантемиру (I, стр. 22—23) представляют октавы, и притом законченно-итальянского типа, октавы эндекасиллабического стиха. Для образца выписываем вторую (из трех) строфу:

Объемлет тебя Аполлин великий,
 Любит всяк, кто есть таинств его зритель;
 О тебе поют нарнаские лики,
 . Всем честным сладка твоя доброде(и)тель
 И будет сладка в будущие ве(и)ки;
 А я и ныне сущий твой любитель:
 Но сие за верх твоей славы буди,
 Что тебя злые ненавидят люди.

Следовательно, тенденция к итальянизации силлабического стиха существовала у ведущих поэтов последнего периода русской силлабики и до лондонской и парижской работы Кантемира. Объясняется она не просто личной образованностью Феофана или его пребыванием в Риме, но и более существенными, общими причинами: происходящий в начале XVIII в. процесс аристократической секуляризации и модернизации силлабической поэзии естественно ориентируется на Италию не только по семейному родству силлабических систем, но и по социальному родству

поздних русских силлабиков (вернее, уже неосиллабиков) с придворной культурой последних фаз итальянского ренессанса. Данте и даже тречентисты им мало интересны, но неорыцарская поэма эпохи рефеодализации Италии, придворная ода, медийская и римская, блестящая формальная культура поэтов XVI—XVII вв.—естественный ориентир для той светско-аристократической поэзии, которую они строят. А так как Кантемир, до отъезда в Лондон, примыкал к политическому и литературному направлению Феофана, то можно думать, что элементы итальянской поэтической культуры были наличны и в его литературном сознании. Вряд ли (случайно сохранившиеся) октавы Феофана (написанные ровно за 100 лет до Болдинских октав) были единственными у него и у поэтов 1720-х годов. Если бы мы знали весь литературный материал эпохи, вполне вероятно, что перед нами воскресла бы целая струя в истории поздней силлабики, и нас не удивляло бы то, что Кантемир в Лондоне сразу окружает себя итальянцами, погружается в изучение итальянской литературы и несколько лет живет интересами литературно-артистической итальянской колонии.

Возможно, что здесь реализуется не только семейно-levantинский, но, условно говоря, и Феофанов итальянский потенциал. То, что представляется нам единоличной ориентацией, при полном знании материала, возможно, оказалось бы завершением долгой и серьезной классовой тенденции в общей очень сложной истории последней фазы развития русской силлабики.

3

Такой крупный исследователь, как Л. Н. Майков, отчетливо понимал (М., стр. 1), как важно выяснить, что представляло итальянское окружение Кантемира в Лондоне, кто были эти люди, в какой мере Кантемир усвоил их литературные взгляды, и какие именно. Свойственное большому ученому проблемное чувство говорило Л. Н. Майкову, что здесь именно пролегает существенный для развития Кантемира момент, незамеченный прежними биографами, которые, дойдя до лондонского периода, ограничивались обыкновенно подробным пересказом дипломатической деятельности Кантемира, с глухим попутным упоминанием об итальянских литературно-артистических связях, повторявшим, без единой новой черты и без попытки осмысления, сообщение Гуаско (так напр., у Стоюнина, I, стр. LXXXVII). Разыскания в рукописном отделе Бодлеевой библиотеки в Оксфорде, произведенные В. Але-

А. Д. Кантемир.

Портрет типа Амикони.

(Музей Института русской литературы.)

ксандренко по поручению Л. Н. Майкова, полностью оправдали сообщение Гуаско и подтвердили высокую авторитетность составленной им (1749) биографии. Теперь в нашем распоряжении десятки писем, по которым можно восстановить, хотя бы частично, культурное окружение Кантемира 1732—1744 гг.

Итальянские друзья Кантемира в Лондоне — либо дипломатические представители различных дворов, либо артисты.

Цамбони (в транскрипции Кантемира Замбони) был в Лондоне представителем герцога Гессен-Дармштадтского (с 1723 г.; в звании резидента с 1739 г.; умер 1753). Кавалер Озорио — чрезвычайный посол сардинский. Пуччи — резидент герцога Тосканского. Гвастальди — секретарь женевской миссии. Азеведо — португальский резидент. Все — представители второстепенных дворов, игравшие в дипломатическом корпусе в Лондоне незначительную и, вероятно, нехлопотливую роль. Один Цамбони (судя по всем письмам и особенно по рекомендации его 1736 г. Остерману, М., № 50), выходец из купеческой семьи и сам негодьянт, серьезно относился к своим обязанностям резидента. Все, с тем же Цамбони во главе, человеком разносторонне образованным (М., стр. 321), живут преимущественно литературными и артистическими интересами.

Далее артисты: певец Порпора, директор итальянской оперы в Лондоне; его ученик Фаринелли (о нем неоднократно упом. Кантемира: М., №№ 75, 93 и др.), певец Кафаринелли, певица Бертольди. Все — звезды тогдашнего мира вокалистов. Литераторы: поэт Ролли, аббат Паретти, известный Альгаротти. В Париже: аббат Гуаско.

Для 1732—1734 гг. этот круг людей в значительной степени архаистичен. Характерно, что в вопросах музыки Кантемир явно сторонник итальянской оперы и равнодушен к Генделю; исторического значения Генделевой музыки он не понял; здесь он целиком разделял реакционные взгляды своих друзей. Успехи «нашего Орфея» Фаринелли и «неаполитанского соловья» Кафаринелли для него важнее первых великих звуков германской буржуазной музыки. Придворно-аристократическая функция итальянской музыки в первую половину XVIII в. общеизвестна.

Уже с XVI в. и массовым образом в XVII—XVIII вв., на почве глубокого экономического упадка Италии,¹ происходит

¹ М. Гуковский. К вопросу о сущности так наз. итальянского Возрождения (Акад. Наук СССР. Памяти Карла Маркса, 1933).

так сказать экспортирование итальянских талантов во все страны Европы (в том числе в Россию и даже в Турцию). Архитекторы, скульпторы, литераторы, художники, музыканты и певцы оседают во всех столицах и всюду образуют колонию авзонских муз *in partibus infidelium*. Все они представляют не некоторую итальянскую культуру вообще, а совершенно определенную ее фазу; воспитаны они поздним итальянским Ренессансом, его придворной культурой; придворная обстановка и работа для двора им привычна; в чужих столицах им, поэтому, легко применить свои навыки к обслуживанию тамошних дворов (в Дрездене, Мадриде, Париже, Петербурге — итальянская труппа при Анне Ивановне, в те же 1730-е годы — Лондоне и т. д.). Всюду новые местные национально-буржуазные тенденции принуждены пробивать себе путь в борьбе с этой космополитической универсально-европейской «Италией», которая всюду же является носителем типовой художественной мысли, устарелых для Англии эпохи Ньютона — Свифта, как и для Парижа эпохи «Персидских писем». Шаржируя данные вопросы, можно сказать, что эти люди — носители медицейской культуры в эпоху Ричардсоновых романов. Естественно, что всюду наиболее талантливые и светские из итальянских артистов, в бытовом отношении, сближаются с итальянцами — дипломатами, которых (вследствие раздробленности Италии) было немало в каждой европейской столице и которые были обыкновенно на свой итальянский лад образованными людьми. Прибавить вездесущих тогда литераторов — аббатов, и перед нами как раз тип того общества, в которое вошел Кантемир и которому он был настолько созвучен, что позднее, в Париже, с грустью вспоминает «прошедшее счастье», «наш клуб», «сладкую для меня дружбу столь любезного общества» (1739, Франц. письмо кавалеру Озорио, М., № 160).¹ Выражение «наш клуб» (*club* курсивом, как шуточное обозначение особенного интимного содружества) есть уже 1738, в одном из первых парижских писем (кавалеру Азеведо, М., № 124).

4

Почему Кантемир сближается именно с итальянцами? Напрашивается ответ: потому что на первых порах мир английских

¹ Цитаты из писем приводим в русском переводе за исключением тех случаев, когда имеет значение особый оттенок стиля или непосредственно самый язык.

ученых и литераторов ему чужд хотя бы вследствие незнания языка. Что Кантемир в первые лондонские годы не знает английского языка, несомненный факт (Остерману от 9 июня 1732 г., т. е. на пятом месяце пребывания в Лондоне: «наипаче, что весьма мало по аглицки разумею». М., № 11), но выключение английского общества еще не равняется включению итальянского. Была в эти годы в Лондоне и другая, кроме итальянской, иностранная колония, гораздо более численная и много интереснее; это, конечно, Messieurs de la religion, гугеноты, эмигрировавшие после отмены Нантского эдикта. Общеизвестна (после классического исследования J. J. Texte'a) громадная роль гугенотских ученых и журналистов в подготовке «просвещения» XVIII в. Именно здесь, в темных идеологических лабораториях, подготавливалось будущее, между тем как люди типа Пуччи или кавалера Озорио были носителями отрешенной формы прошлого. Вольтер в Лондоне (1726—1729) умеет разыскать французских гугенотов, и они становятся его идеологическими гидами, да, собственно, и инспираторами «Английских писем». Почему Кантемир не обнаруживает никакого интереса к этим людям, хотя, казалось бы, ему, перелазателю Буало, французы в Лондоне должны были бы быть особенно близки? Языковых преград не было. Очевидно, не в них дело, а в иных преградах и иных притяжениях, преградах и притяжениях социальных. Итальянский круг Кантемира — классово-идеологически родственный ему круг.

Как происходило усвоение Кантемиром литературных взглядов его итальянских друзей? Казалось бы, многочисленные письма, извлеченные проф. Александренко из оксфордского архива Цамбони, должны дать нам на это полный ответ. Но исследователя ждет разочарование. Во-первых, лондонские письма в Лондоне же живущим друзьям посвящены бытовым мелочам (приглашения, уговор встретиться и т. д., напр. М., №№ 41, 44 и мн. др.) и в них мы не найдем ни следа тех литературных споров, которые, без сомнения, происходили в устной беседе. Парижские же письма оставшимся в Лондоне итальянцам тоже избегают литературных тем и посвящены либо общим дружеским воспоминаниям, либо сообщению новостей. Во-вторых, эпистолярная манера Кантемира такова, что существенные вопросы остаются за порогом его писем. Кантемир отнюдь не мастер письма.¹ Формулы вежли-

¹ Иное дело его дипломатические донесения на русском языке. Уже аббат Гуаско справедливо восхищается ими. Вряд ли кто другой из русских

ности и, шире, эпистолярный балласт у него чрезмерно развиты; подробно, с фразеологическим развитием, рассказываются бытовые детали, причем и они сглажены невыразительной нейтральностью языка. По всем этим причинам несколько десятков писем почти ничего не дают для интересующего нас вопроса. Приходится поэтому прибегнуть к косвенным данным.

Прежде всего, язык. Первое известное нам письмо к Цамбони относится к самому концу 1735 г. (М., № 41), а в письме от 1 марта 1736 г.¹ Мария Димитриевна, жалуясь, что ей не с кем говорить по-итальянски, добавляет: «вы счастливее меня и, верно, имеете хорошего учителя». Действительно, первым следствием сближения с итальянцами было серьезное изучение языка (основа, как мы знаем, уже была давняя). Учителем его, вероятно, был поэт Ролли, литературная знаменитость в свое время; под его руководством Кантемир переводит с латинского на итальянский «Оттоманскую историю» своего отца. К концу лондонского периода он владеет итальянским в совершенстве. Общеизвестно, что незадолго до смерти, уже больной, он вместе с аббатом Гуаско переводит на итальянский язык свои сатиры.² Свидетельство аббата о том, что владел он этим языком, как родным, подтверждается итальянскими письмами Кантемира, которые по языку не уступают письмам его корреспондентов, чистокровных итальянцев.

Чтобы понять все значение этого факта, надо иметь в виду, что французский его язык как был, так и остался весьма далеким от совершенства. Попадаются (хотя редко) орфографические ошибки. Солецизмы, часто грубейшие, на каждом шагу.

1736... je suis extrêmement fâché de ce que la nouvelle de votre ambassade n'est (вм. ne soit) pas vraie (М., № 72).

1737... un roman qui sera à la capacité (вм. à la portée; итальянизм) de tout le monde (М., № 82).

Примеры бесчисленны. Замечательно, что письма Вольтеру (самому Вольтеру!) не лучше прочих.

тогдашних резидентов умел писать такие насыщенные, наблюдательные и блестящие донесения. В истории русского политического языка они — важнейший памятник.

¹ Шимко. Новые данные и т. д. ЖМНП, 1891, апрель.

² Satires de M. le pr. Cantemir, Londres, 1749, pp. 63—65.

1739... vous me permettez que j'observe (вм. d'observer) la simplicité du pays... Elle m'est encore par cette raison ici avantageuse (расстановка слов!) car (вм. que) je ne suis pas trop éloquent... (М., № 145).

Сам Кантемир прекрасно знал, что по-французски он пишет неправильно и тяжело (М., № 97). Для человека его широкого образования и его круга, в ту эпоху универсального распространения французского языка, случай исключительный. Его надо связать с явной нелюбовью Кантемира к Франции и французской культуре (М., стр. IX—X). Типична ирония: «... des hémorrhôides non rareilles (mot fort joli pour faire la rime à soleil)...» (М., № 141, в письме к Цамбони, 1739 г.), ирония, явно направленная против банальности французских рифм и французского поэтического языка. К Вольтеру отношение недоброжелательное и ироническое: «его история Карла XII не история, а роман, а „Английские письма“ — рассказы, слышанные в лондонских кофейнях. Я бы ему посоветовал писать сатиры и эпиграммы, но с условием не вводить в них философии» (1736 г., французенке маркизе Монконсель, М., № 75). Недавно опубликованные два французских стихотвореньца¹ нисколько не меняют дела, ибо какой образованный иностранец, живущий в Париже, не умел в те годы *toucher son quatrain*? Отметим еще симпатию Кантемира к итальянцам, как национальности. 1738 г. (но еще из Лондона), рекомендуя маркизе Монконсель аббата Паретти, он пишет: «аббат покинул Лондон с намерением всюду показать образец характера своей нации, но так как вы глухи ко всему, что противоречит вашим предубеждениям на этот счет, то быть может он вам не понравится» (М., № 105), — следовательно, между Кантемиром и маркизой были споры об итальянцах, и Кантемир в этих спорах выступал апологетом.

Далее, итальянская литература. Опять-таки, в письмах нет почти ни одного имени, но из совокупности других данных можно восстановить основные моменты его итальянской литературной эрудиции, приобретение которой было, вслед за языком, вторым важным результатом сближения с колонией.

Уже летом 1733 г.² Мария Димитриевна получила от брата 13 книг, все итальянские, среди них Боккаччо (о «Фьяметте»

¹ G. Losinski. Cantemir poète français. Revue des études slaves, v. V, f. 3—4, P., 1925.

² Шимко. Новые данные... ЖМНП, 1891, апрель.

и «Амето» она подробно описывает). Из реестра 1737 г.¹ видно, что она за протекшие четыре года получила еще Ариосто, П. Бембо, Л. Б. Альберти, Б. Челлини, сатирика Боккалини, и из современников — П. Ролли (вероятно, не его перевод Мильтона, а «Риме» в веронском издании 1733 г., книга, имевшаяся и в библиотеке Кантемира), доказательство того, как Кантемир (следуя, впрочем, общему мнению) ценил своего учителя, типичного эпитгона (ныне известного одним специалистам). Так как Кантемир преследует цель литературного воспитания сестры, то мы, очевидно, вправе думать, что эти авторы кажутся ему образцовыми. Кроме того, важно отметить, что вообще-то он посылает ей 1) древних, 2) научные сочинения (исторические и путешествия) и 3) ново-европейскую художественную литературу, причем в этой последней категории одни только итальянцы. Ни разу нет в посылках ни одного французского поэта (англ. и нем. языка М. Д. не знала). Другим источником являются различные цитаты и ссылки (большей частью в примеч. к сатирам и переводам). В примеч. к оде III 1735 г. цитируется эпитафия Аретина (I, стр. 316). В примеч. к сатире IV во второй редакции 1737 г. цитируется стих из Тассо (I, стр. 97). Все вместе взятое устанавливает знание не только прославленных, но и второстепенных произведений итальянской литературы. Вряд ли случайно отсутствие Данте, и уж никак не случайно явное преобладание чинквечентистов. Придворная поэзия эпохи блестяще позолоченного упадка — литературный идеал Кантемира-итальяниста.

5

Исследователи не обращали должного внимания на четыре оды 1735 г. Кантемир называет их «песнями», а в прим. (I, стр. 314) объясняет, что так он переводит слово «ода» — очевидно, имеется в виду ода горадианская, а не торжественная.

Между тем, эти оды (I, стр. 308—320) интересны и сами по себе (как первый русский образец горадианской оды) и особенно для нашего вопроса. Все они без исключения написаны итальянским эндекасиллабом:

Тщетную мудрость мира вы оставьте. . .

Видишь, Никито, как крылато племя. . .

¹ Ibidem.

так что сплошные женские окончания в этой метрической атмосфере теряют свой польский характер, и строфа кажется копией итальянской:

К востоку крайни пространны народы,
 Ближни некреям, ближни оксидракам,
 Кои пьют Ганга и Инда рек воды,
 Твоим те первы освещены зраком;
 С слонов нисшедше, счастливы приемлют
 Тебя и сладость гласа твоего внемлют.

Напомним, что 1735 г., когда написаны все 4 оды, год особо тесного сближения с «нашим клубом», в том числе, с Ролли, год усиленных занятий итальянской поэзией.

Особого внимания заслуживает ода IV «В похвалу наук» (из которой взята только что выписанная строфа). Тема ее — странствия Муз (или Мудрости), которые, озарив Индию, Египет, Вавилон, затем Грецию, пережив затмение средних веков, обосновались в гостеприимной Музам Италии, а из нее обошли всю Европу (шаблон: шествие Муз с Востока на Запад, а в новые века обратно с Запада на Восток). Тема эта трактовалась в эпоху классицизма без счета и числа часто (вариантом ее является, между прочим, и лучшая ода Ломоносова, мусическая ода 1747 г.). Сама география этого странствования Муз была, впродолжение трех веков, общим местом, популярным ракурсом истории наук. Так, наир., сам Кантемир в предисловии к переводу Юстина, написанном позднее в Париже, незадолго до смерти, говорит: «оныя (науки) неинако из Египта в Грецию, от греков к римлянам, от римлян в Италию, в Англию, в Германию и во Францию переселились. Все те народы один другого книги переводили, от чего не только знание наук и художеств размножилось, но и язык их обогащен многими новыми словами».¹

Но есть возможность уточнить происхождение оды.

Рассказав, как варвары уничтожили царство наук в Западной, а потом и в Восточной империи, Кантемир переходит к Возрождению и, опираясь на известное (ходячее тогда) общее место («гибель Византии была причиной Возрождения, потому что бежавшие в Италию греческие ученые . . .») продолжает:

¹ Дружинин. Три неизвестных произв. Кантемира, ЖМНП. 1887, декабрь.

Была та гибель (т. е. гибель Византии) нашего
причина
 Счастья; десница врачей щедра дала
 Покров, под коим бежаша богина
 Нашла отраду, и уж возсияла
 Европе целой луч нового света:
 Врачей не умрет имя в вечны лета.

Довольно одной этой строфы, чтобы убедиться, что ода IV — перевод. Игра именем Медичи, явно невозможная для русского поэта,¹ была обычной в итальянской оде, особенно в Риме при Льве X (Медичи). Последний стих тоже указывает на льстивую медийскую оду. Рифма оксидраком — зраком, за крайней редкостью и необычностью, свидетельствует о том, что у Кантемира перед глазами чужой текст (в ит. стихах *ossydraci* вовсе не «трудная» рифма: *feraci, tepaci, vivaci* и т. д.). Строфа — обычная в итальянской оде укороченная октава. Ссылка Кантемира на диалог Лукиана (Мудрость рассказывает Юпитеру свои странствия) не меняет дела: место это принадлежало к числу общеизвестных, и на него, вероятно, ссылается уже итальянский оригинал. Какую именно оду Кантемир переводит, мы не знаем; вероятно не римскую медийскую (XVI в.), а более позднюю, когда созданная придворными поэтами медийская традиция стала общим местом. Возможно, что оригинал отыщется у Ролли в «Rime» 1733 г.

Смысловой состав этой замечательной оды вне пределов нашей ближайшей задачи, — не столько потому, что ода переводная, как вследствие исключительной сложности вопроса. Мусическая ода (как мы условно назовем оду, трактующую тему «странствия Муз» — или наук — или Мудрости) потому имеет такую громадную разветвленную историю, что она выражала самосознание европейской интеллигенции эпохи классицизма. Самосознание это у флорентийского поэта XVI в., у поэта Пелюды, у лейденского певца голландской колониальной экспансии XVII в., у Ломоносова, наконец, — разное. Отсюда сложная функциональная история мусической оды. У Ломоносова (и в этом гениальная оригинальность оды 1747 г.) Музы уже не аллегории абстрактных «наук», а богини, так сказать, научно-производственные, богини эпохи меркантилизма: «серебро и золото истекают» в обогащенной

¹ Кантемиру приходится объяснить ее в примечании (I, стр. 319).

ими стране. В поучительной истории мусической оды и у Кантемира есть свое место. Мудрость — богиня и его социальной группы; эта социальная группа — тоже интеллигенция, только интеллигенция аристократии.

6

В Париже (1738—1744) литературные взгляды Кантемира не только не изменились, но приобрели еще более отчетливое антифранцузское заострение. В вопросах стихотворной культуры он становится воинствующим итальянистом.

Главный спор между французскими и итальянскими теоретиками шел о *sciolti* и о переносе. В обоих вопросах Кантемир занимает антифранцузскую позицию, окрашенную притом явной антипатией к французскому стиху.

О *sciolti* Кантемир высказался дважды и притом одновременно (1742), в «Письме Харитона Макентина» и в предисловии к переводу «Посланий» Горация. В «Письме Х. М.» стихи эти названы, «итальянцам последую», свободными, с пояснением: «как я не чаю, что стихотворство русское одно и то же с французским (между тем, для силлабического поэта такое отождествление было бы, в популярном плане, естественно), так не могу согласиться, что такие без рифм стихи некрасивы в русском языке, для того, что у французов не в обыкновении» (ирония). Далее идут два довода: французы-мол не могут обойтись без рифмы, потому что 1) у них нет поэтического словаря, отличного от прозы, 2) у них невозможна инверсия. Оба довода не только неверны, но и поражают незнанием дела. Принято «обвинять» французскую классическую поэзию как раз в обратном, в засилии инверсии и «благородной» лексики. Очевидно, доводы неудачно придуманы *ad hoc*, и дело не в них, а в итальянистском литературном сознании автора. В предисловии к переводу «Посланий» Горация этих неудачных аргументов нет, но полемизм еще резче. «Перевел я те Письма на стихи без рифм, чтобы по близку держаться первоначального (= оригинала), от которого нужда рифмы часто понудила бы меня гораздо отдаляться (новый, третий, аргумент). Ведаю, что такие стихи иным стихами... не покажутся; но ежели они изволят прилежно примечать, найдут в них некое мерное согласие и некой приятной звон (четвертый аргумент), который, надеюсь, докажет, что в сочинении стихов наших можно и без рифмы обойтись» (I, стр. 385). Оба новых аргумента уже

положительного характера и притом серьезны. Так как Тредьяковский в трактате 1735 г. о рифме говорит сдержанно и называет ее несущественной частью стиха, то «иные» и «они», вероятно, не русские, а французские теоретики. Кстати, Кантемиру неизвестно, что были французы, которые, по крайней мере теоретически, допускали *sciolti*. Так, напр., Вольтер в *Essai sur la poésie épique* хвалит Трессино за то, что он был первый в ново-европейской поэзии *qui ait osé secouer le joug de la rime* (в конце 5-й гл.). Далее, у Кантемира примеры: Анн. Каро (перев. Вергилия), Маркецио (перев. Лукреция), и, конечно, «Освобожденная Италия» Трессино. За итальянскими поэтами следует Мильтон (которого он, вероятно, знал по-английски, хотя надо заметить, что выше не раз упоминавшийся Ролли перевел «Потерянный рай» стихами *sciolti* и напечатал свой перевод в Лондоне как раз в 1735 г.: о значении этого года в развитии Кантемира мы говорили). Отсутствие, в качестве примера *sciolti*, английского театра XVI—XII вв. нас не должно удивлять: для 1742 г. и для человека Кантемирова круга культуры удивительно было бы обратное.

Итак, «свободные» стихи Кантемира — не отвлеченная теоретическая конструкция, а планомерная попытка перенести *sciolti* на русскую почву (попытка отнюдь не параллельная будущему созданию белого стиха на базе *blank verse* английской трагедии, хотя бы уже потому, что итальянские свободные и английские белые стихи однотипны только на бумаге, а исторически представляют совершенно разные величины). Нечего говорить, что практика Кантемировых *sciolti*, перевод «Посланий» Горация и Анакреона, стоит в зависимости от типично-итальянского узуса применять *sciolti* преимущественно к переводам из древних. § 22 «Письма Х. М.» полемически озаглавлен: Перенос¹ позволен, — как бы прямой ответ на запрет Буало: *et le vers sur le vers n'osa plus enjamber*. Доводы взяты из обычного арсенала итальянских стиховедов: перенос не мешает «чувствовать ударение рифмы»; он нужен для того, чтобы стихотворная речь могла при нужде приближаться к простой. Наконец, последний довод: «без такого переносу долгое сочинение на рифмах становится уху докучно частым рифмы повторением, от которого напослед-

¹ Почему мы забыли этот точный, в соответствующем контексте недвусмысленный термин Кантемира и Тредьяковского? Почему наши стиховеды без нужды говорят и пишут *enjambement*?

док происходит не знаю какая неприятная монотония, как то французы своим стихотворцам сами обличают». Вероятно, весь абзац переведен из итальянского трактата или учебника стиховедения. — «Греки, латины, италянцы, ишпанцы, агличане не только в порок то не ставят, но и украшение стихам почитают», — после древних, итальянцы упомянуты на первом месте: очевидно, из их именно практики Кантемир мысленно и исходит. Сердитый запрет переноса Тредьяковским 1735 ассоциируется в его уме с французской теорией, и против сводного противника он снова воздвигает итальянские доводы и итальянские образцы.

Однако в данном случае дело сложнее, чем с вопросом о sciolti. Перенос практиковался Кантемиром уже в 1729—1732 гг. и практиковался потому, что здесь Кантемир продолжал давнюю силлабическую традицию:

Чернец тот, что намеднись чрезмерну охоту
Имел ходить в клобуке и всяку работу
К церкви легку сказывал, прося со слезами,
Чтоб с ангельскими в счете был и он чинами,
Сегодня не то поет . . .

(из V сатиры, в первой ред. 1731 г.)

Буало не одобрил бы таких стихов своего ученика и перелатателя. Но Кантемир исходит из силлабического стиха, каким он сложился за 150-летнюю свою к тому времени историю. Недаром Тредьяковскому перенос представляется в первую очередь «пороком старых польских наших стихов или, лучше, прозаических строчек». Следовательно, в 1742 г., защищая перенос — Кантемир не просто пересаживает итальянское явление на почву русского языка, а модернизирует старую, задолго до него существовавшую практику (включая и свою собственную).

Запрет переноса памятен нам в перспективе борьбы против него французских романтиков. Поэтому невольно он кажется нам, без учета эпохи, реакционным в существе своем, а свобода переноса — всегда и в существе своем прогрессивной. Но это не так. Для русской поэзии 1730—1740-х годов, рациональная регуляризация стиха была как раз линией прогрессивного его развития, разрыва с церковно-феодалной и придворно-московской культурой. Сам по себе, перенос не «реакционен» и не «прогрессивен»; но в условиях эпохи он приобретает ту или иную функцию; для Кантемира 1742 г. она иная, чем для А. Шенье 1787 г.

или для В. Гюго 1827 г. Тредьяковский и Ломоносов стремились к рациональному, «правильному», регулярному стиху, к осуществлению закона экономии изобразительных средств. В условиях места и времени, этот малербистский (вернее, германо-малербистский) идеал выражал общую тенденцию к разумному упорядочению, нормализации поэтической культуры. Кантемир, ориентируясь на аристократическую итальянскую поэзию, выдвигает противоположный идеал, закрепляющий в модернизированной форме аристократический полонизм поздней московской силлабики.

Отметим еще характерную деталь. В § 9 дактилические рифмы названы скользкими (т. е. sdruccioli). Вероятно, перед глазами у Кантемира итальянский учебник стиховедения.

7

Еще в 1730 г. Кантемир перевел «Разговоры о множестве миров» Фонтенелля (1686 г.); перевод был позднее (1757) конфискован по докладу синода,¹ но уже из письма 1738 г. президенту Академии (II, стр. 328) видно, что Кантемир обеспокоен возможными неприятностями со стороны церковных властей. В Лондоне Кантемир серьезно изучает математику (М., № 28) и следит за успехами точных наук. Англофильство в его политических взглядах (М., № 105) отмечено современниками, в том числе французскими политическими деятелями. Английский государственный строй он ставит выше французского. До «Духа законов» он не дожид, но трактат Монтескье 1734 г. о римской истории ему известен и, вероятно, цитированное выше отрицательное мнение об «Истории Карла XII» («не история, а роман»; М., № 75) объясняется тем, что он усвоил от Монтескье новые взгляды на научную историографию. В науках о природе он несомненный ученик англичан (Ньютонова небесная механика, новая физика, математическое естествознание); интерес его к этим наукам общеизвестен. О глубине его знаний свидетельствует (между многим прочим) и резкий отзыв (тоже цитированный выше) об «Английских письмах» Вольтера 1734 г., как легкомысленном произведении (1736 г., М., № 75). В примеч. к морально-философской сатире VI 1738 г. — цитата из «Опыта о человеке» «славного английского стихотворца Попа» (I, стр. 146). Отноше-

¹ Чт. в Общ. ист. и др. рос., 1867, кн. I.

ние к Локку и английским моралистам общеизвестно. Особый интерес к Свифту не покидает Кантемира и в Париже (упом. о полном собр. соч. Свифта в 11 т. М., № 226).

Как разрешал Кантемир противоречие между религией и данными новой науки о природе, мы в точности не знаем. Известна ли была ему Лейбницева попытка «примирения»? Склонялся ли он к теизму (в духе «универсальной молитвы» Попа) или «примириал» науку с церковным учением? Первое было бы более согласно с общим направлением умов ранне-вольтеровой эпохи, но есть ряд данных, говорящих за то, что свойственный Кантемиру осторожный эклектизм склонял его к попытке апологии христианства (расхождение с Мопертюй и антиматериализм «одиннадцати писем», 1742 г.; богословские споры с католиками в Париже). Как ни разрешен будет этот вопрос в специальной работе о философском мировоззрении Кантемира (такой работы у нас еще нет; соответствующие главы Стоюнинской биографии явно ненаучны), ясен уже и сейчас общий облик Кантемира, как либерально-просвещенного аристократа, усвоившего результаты английской науки своего времени и примыкающего в сдержанной, умеренной форме к ранней фазе просветительского движения века.

На фоне этой относительно-прогрессивной «английской» позиции тем более разительна архаичность его литературного сознания. Противоречие, вообще типичное для эпохи классицизма. Разрешение его, поэтому, далеко выходит за пределы этой работы.

8

За ее пределами и твердые, окончательные выводы. Они возможны будут только после полного выяснения: 1) итальянистских тенденций в русской силлабике до Кантемира, 2) литературных взглядов «нашего клуба», т. е. круга Цамбони. Особенно важно исследование творчества Ролли. «Нас семь собратьев, — пишет Кантемир 1738 г. (но еще из Лондона) аббату Паретти, — жаль, что Вас нет среди нас в качестве восьмого» (М., № 117). Этот спаянный круг итальянцев был носителем определенных литературных теорий, которые всецело разделялись Кантемиром. Теории эти выражали определенный момент в истории позднего итальянского классицизма; какой именно, станет до конца ясно лишь в результате специального исследования вопроса с точки зрения истории и т а л ь я н с к о й литературы. Наша тема является

частью общего вопроса: придворно-аристократическая функция итальянизма вне Италии.

Слишком долго Кантемир рассматривался как «сатирик», «просветитель», «друг Петровских реформ», «обличитель». Сложился образ как бы «первого русского интеллигента». Это в корне неверно. Неслучайно сатира была органическим жанром классической поэзии эпохи абсолютизма. Буало нисколько не обличитель.

Классическая сатира чаще всего была выражением просвещенно-аристократического мировоззрения; недаром она была в сословно-монархическом государстве легальна, и в буквальном и в расширенном смысле слова (вспомним роль ее в школьном преподавании). Просвещенный прелат Феофан и просвещенный аристократ Кантемир оба стоят, в 1729 г. и позже, на позициях модернизированной феодальной культуры.

Борьба за стих была в 1730—1740-е годы борьбой различных социальных тенденций. Как ни далека наша работа от законченного обоснования бесспорных выводов, если она все же способна уточнить а contrario понимание прогрессивности ориентации Тредьяковского и Ломоносова на германскую метрику, наша задача исполнена.

II. ЛОМОНОСОВ В 1742—1743 гг.

Об оде Ломоносова на прибытие Елизаветы Петровны из Москвы в СПб., 1742 г. (Акад. изд. I, 10) Мерзляков высказывает интересное суждение в 1817 г. (цит. Акад. изд., I, прим., стр. 201): «недосгаает единства в оде и ровности, которую в прочем всегда отличался Ломоносов (следовательно, по Мерзлякову, эта ода неровна не в пример прочим); искусственные, принужденные переходы... показывают, что песнопевец писал ее в разное время и не в одинаковом расположении духа». Объяснение наивное, но «неровность», т. е. стилистическая многосоставность оды отмечена верно. Ода, написанная, вероятно, в конце 1742 г. (Елизавета присхала в Петербург 20 декабря), является памятником замечательного стилистического кризиса, который мы и подвергнем краткому анализу.

1

Начало оды не представляет ничего нового.

Ст. 1 «Какой приятный зефир веет» ср. в оде февр. 1742 (1, 7) ст. 105 «Лишь зефир веет тепл, смиренный», а также идилличе-

ский пейзаж в анти-Бироновой оде авг. 1741 г. (1, 4), строфы 1 (Нагреты ясным югом воды...) и 7. С вопросительным зачалом:

Ст. 1—4 Какой приятный зефир веет
И нову силу в чувства льет?
Какая красота яснееет?
Что всех умы к себе влечет?

ср. вопросительное зачалю оды 1741 г. (1, 6):

Какой утехи общей луч
В Российски светит к нам пределы?
Который свет прогнал тьму туч?

(в немецком оригинале Штелина: Welch...? Welch...?).

Ст. 9 «Брега Невы (=Петербург) руками плещут» есть вариант уже устойчивой темы: «ликование Петербурга», которая подробнее была развита во 2-й редакции оды февр. 1742 г. на прибытие Петра Голштинского (1, 8), строфа 9:

Коликой славою блистает
Сей град в прибытии твоём
. . . . .
Но воздух наполняет плеском
. . . . .

Далее, ст. 5 «дщерь Петрова» ср. из той же оды (1, 8) «Петрово племя» и «Петрова кровь». Мифологический лексикон (Зефир, Муза, нектар, Парнасс) того же типа и так же узок, как и в предшествующих одах 1739—1742 гг. Рифмы ниже минимума:

С Гомером как река шуми
И как Орфей с собой веди

тоже характерны для раннего Ломоносова; их много в переводе Штелинской оды 1741 г. (1, 6) — свету: кажу, вступи: вси, тишине: лице. Вообще все начало оды (строфы 1—4) в стилистическом отношении представляет переложение, а часто и редукцию уже разработанных образов и даже словосочетаний.

Все меняется со строфы 5, причем вторжение нового так стремительно, что получается несообразность. За стихом 42

Отверз Олимп всеисильный дверь

непосредственно следует:

Вся тварь со многим страхом внемлет

а далее Елизавета (ст. 47) стоит перед лицом высшего, и вся фразеология становится совершенно библейской (щедро взирает, завет и др.). Строфы же 6—8 (длинная речь «ветхого денми») представляют совершенно консистентную богословскую тираду, стилистически (напр., «утешил я в печали Ноя») резко расходящуюся с началом оды, а, следовательно, и со всей суммой предшествующей работы Ломоносова. С концом речи бога, происходит резкий стилистический обрыв, и строфа 10 возвращает нас к Гюнтеровой баталистике: батальный дым, пожар Финляндии, с явными отзвуками Хотинской оды:

Ст. 81 Тюмень в берегах своих мутится

ср. Хот. ода ст. 220: «Евфрат в твоей крови смутится...»

Строфа 10 (Претящим оком вседержитель...) снова вся теологична, притом написана «грандиозным» (впервые у Ломоносова) языком (о чем ниже), а строфа 11, снова батальная, вполне укладывается в обычный тип военной оды. Строфы 12—13 развивают типично одическое «убеждение врага»:

Стокгольм, глубоким сном покрытый,
Проснись... не жди... отринь... ты все и т. д.,

которое можно сравнить со строфой 17 Хотинской оды, откуда, кстати, стих:

Целуйте руку ту в слезах...

перенесен в нашу оду:

Целуй Елизаветин меч

в форме, еще более близкой к Гюнтеру: *Und küsse Karl's gezeitztes Schwert* (вообще у раннего Ломоносова баталистика и международная политика почти всегда окрашены Гюнтеровской фразеологией). Дальнейшие строфы 15—17 тоже нормальны для военной оды, за исключением ст. 148: Россию сам господь блюдет, представляющего ослабленный отзвук из строфы 10: Я сам Россию защищаю. В общем, строфы 11—17 нормальны. Зато в строфу 18, несмотря на продолжающуюся батальную картину, снова вторгается богословская тема:

Внимай, как Юг пучину давит,
С песком мутит, зыбь на зыбь ставит,
Касается морскому дну,
На сушу гонит глубину
И с морем град и дождь мешает...

М. В. Ломоносов.
(Музей Института русской литературы.)

«Касается» с дательным падежом, «глубина» в см. морской пучины — библеизмы. Тем это интереснее, что «библейское» наводнение начато было, как обыкновенное батальное сравнение (битва — Этна, битва — буря, битва — наводнение и пр.), в соответствии с чем в начале картины Юг (т. е. Нот), так что вторжение богословского стиля произошло уже при разворачивании темы: очевидное доказательство силы нового элемента, который проникает даже в специфически одические строфы.

Строфы 19—20 нормальны, но в конце 21-й снова «грандиозно-геологический» язык:

Мечи, щиты и крепость стен
 Пред божьим гневом гниль и тлен;
 Пред ним и горы исчезают,
 Пред ним пучины иссыхают.

В остальной части длинной оды (строфы 22—44) многое заслуживает внимания, напр. первое появление у Ломоносова американской темы (строфа 29), первый¹ набросок петербургской темы:

Ст. 417 и грады, где был прежде лес

и многое другое. Но для нашего вопроса это материал посторонний.

2

Итак, новая тема обнаружила такую «силу», что в чужеродную ей политическую антишведскую оду ввела три строфы подряд (6—8), потом могущественную строфу 10, а далее, в совершенно небогословских частях (18 и 21) еще два фрагмента. Все эти вводы характеризуются стилистическими обрывами, создающими небывалую у Ломоносова, ни до 1742 г., ни позже, стилистическую чересполосицу. Как понять это явление? Но, прежде всего, каков характер богословских вставок? Строфа 10 есть апология бога в первом лице (я правлю солнце, землю, море, — кто может стать со мною в споре?) и притом в форме «распри бога с противными». Шведы в роли этих «противных» вносят явную

¹ Первый у Ломоносова. Повидимому, в проповедях (Феофана и др.) и в похвальных словах впервые установилась формула «где прежде — там ныне», так что стихи Пушкина: «где прежде финский рыболов... ныне там...» представляют ссылку на ораторско-одическую традицию с давностью в пять четвертей века. Формула почти современна основанию Петербурга.

непропорциональность, так как, в традиции такого рода тем, распря бога возможна только с человеком вообще, с «грешным», с «непокорным», «отпавшим» и т. д. Шведы, в роли адресатов апологического обращения бога, очевидно, не на месте. Естественно предположить, что совершилась транспозиция из круга чисто теологических тем, где и «распря» была чисто теологична. Тип таких од известен; известно и то, как неисчислимо много написано их в XVI—XVIII вв., особенно в лютеранских странах. Одна такая ода есть и у Ломоносова самого; это, конечно, ода из Иова (I, 64, по традиционной условной датировке, 1751 г.), дающая классическую трактовку «распри бога с человеком». Фразеологические параллели разительны:

1742

1751 (?)

Возрев на полк вечерний рек
Кто может стать со мною
в споре
И с морем град и дождь мешает
Мечи, щиты и крепость стен
Пред божьим гневом гвиль и
тлен

Он к Иову из тучи рек
Мужайся, стой и дай ответ
Сквозь вихри, сквозь град,
сквозь дождь блистая
Копье и меч и молот твой
Считает за тростник гнилой

Я правлю солнце, землю море

весь тип апологии космологи-
ческими доводами,
строфы 2—7.

В детали (синтакт., словарные параллели и пр.) не входим; богословские вставки в оде 1742 г. явно принадлежат той же стилистической сфере, что ода из Иова. Но столь же несомненные фразеологические нити связывают оду из Иова с Веч. (1743 г.) и Утр. (предпол. 1743 г.) размышлением, почти современными нашей антишведской оде.

1743

1751

Открылась бездна звезд полна
Звездам числа нет...
О том, что окрест ближних
мест

Бесчисленны тьмы новых звезд
В обширности безмерных мест

Сия ужасная громада

Обширного громаду света

и нек. др. Однако гораздо важнее этих отдельных и разрозненных сближений общая параллельность обоих размышлений и оды из Иова: апология творца, переубеждение инакомыслящих, особая

роль космологических доводов. Кроме того, сближает все четыре анализируемые произведения и родственная тональность энергических пар:

- 1742 Моя десница мечет гром,
Я в пропасть сверг за грех Содом.
1743 Се хладный пламень нас покрыл,
Се в ночь на землю день вступил.
1743 Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно океан.
1751 (?) Словами небо колебал,
И так его на распрю звал.

Напомним, что строфика оды 1742 г. уклоняется от канонического типа. Десятистрочие построено не из 4 + 3 + 3, а из 4 + 2 + + 2 + 2, что тоже сближает эту оду со всеми тремя богословскими, строфы которых построены из различных комбинаций катранов и пар, либо одних пар (как в «Веч. разм.»).

Итак, 4 произведения (если богословские строфы антишведской оды условно представить как отдельное произведение) связаны тождеством стилистических признаков и, в основном, тождеством темы, которую можно определить, как апологию бога (в двух случаях в первом лице) космологическими доводами, с энергической грандиозностью языка.

Замечательно, что после 1743 г. до 1751 г. (?) богословская ода вовсе исчезает у Ломоносова. В «летней» оде 1743 г. (I, II, Уже врата отверзло лето...) библеизмы строф 6—7 принадлежат не «богословскому», а псалмопевческому стилю (Возвысится как кедр высокий... премудрость сядет в суд с тобою...). Лишь в эпиграммической оде 1745 г. (1, 15, Не сад ли вижу я священный... (ст. 30) подвинуть ныне глубину) есть рудимент из группы богословских од 1742—1743 гг., о случайности и чужеродности которого свидетельствует стилистическая несогласованность: предыдущий стих «вы, бурны вихри, не дерзайте» нормального одического строя.

3

Все вышесказанное заставляет серьезно усомниться в правильности условной датировки оды из Иова 1751-м годом, исходящей из того, что она впервые была напечатана в Собр. соч. 1751 г. Прямых указаний на время написания нет никаких.

Однако, ведь и «Веч. размышление» было напечатано в «Риторике» 1748 г., и лишь благодаря случайному упоминанию самого Ломоносова мы знаем, что оно было написано в 1743 г. Что же до «Утр. размышления», оно было напечатано впервые в том же издании 1751 г. рядом с одой из Иова, и только традиция, основанная на сходстве тем (и заглавий) сдвоила оба «Размышления» и датирует 1743 г. и «Утр. размышление». Здесь традиция поступила верно, но чистой случайностью является то, что традиция не присоединила к ним оды из Иова. В издании 1751 г. все три стоят рядом, в таком порядке: ода (духовная) 8-я из Иова, ода 9-я «Утр. разм.», ода 10-я «Веч. разм.». Если указание Ломоносова заставляет одну из этих трех од перенести в 1743 г., то уже этого было бы достаточно — даже если бы других данных не было — для условного отнесения к 1743 г. и «Утр. разм.» (что традиция и сделала) и оды из Иова (что традиция случайно не сделала). Но мы уже видели, что для этого есть и другие, внутренние основания: фразеологическая и тематическая близость оды из Иова к богословским строфам в оде 1742 г. и к обоим «Размышлениям» 1743 г. Принятая же датировка, отрывая на 8 лет оду из Иова и перенося ее в другое десятилетие, приводит к нарушению перспективы и искажению того важного перелома, который Ломоносов переживает зимою 1742—1743 гг.

Конечно, наша датировка прямым образом недоказуема. Но ведь и традиционная датировка условна. *Hypothèse contre hypothèse*, наименьшая вероятность за датировкой акад. издания.

Если вспомнить, что к 1743 г. относится и первый у Ломоносова перевод псалма, то важность совершающегося в это время изменения станет еще яснее. Заметим, что такое коренное явление державинской поэзии, как «грандиозный стиль», будет создано им чрез развитие ломоносовского материала, относящегося именно к богословским одам:

Я небо мраком покрываю,	Я телом в прахе истлеваю,
Я сам Россию защищаю . . .	Умом громам повелеваю (1784)
И гласом грома прерывая	И глас его гремит в горах

(1797)

и мн. др., с полным, конечно, изменением функции, с чрезвычайным обогащением, количественным и качественным усложнением, но с сохранением стилистического зародыша, ломоносов-

ская сигнатура которого несомненна. Вопрос, следовательно, идет о зарождении в 1742—1743 гг. того грандиозного образа и языка, который в будущем станет важнейшим элементом классической поэзии.

Прежде всего, мало вероятно отсутствие иностранного образа. Заглавие «Утр. и веч. размышл. о божьем величии» звучит явным переводом с немецкого (*Morgenandacht, Morgenbetrachtung*) или шведского. Распространенность такого рода благочестивых од в германских литературах общеизвестна. Сплошные мужские окончания в «Веч. разм.» беспримерны для эпохи и русского прецедента не имеют. Ломоносов точно знает, что богословскую оду надо писать иной строфой, чем политическую, — это предполагает знание каких-то образцов. У нас есть основания полагать, что образцы эти были шведские, но вопрос этот, за чрезмерной сложностью, может быть разобран только в отдельной работе об общей роли шведской поэзии в сложении русской оды XVIII века. Не забудем, что обычное в нашей оде именование шведов готами русские поэты переняли от шведских же.

4

Гораздо важнее общий лютеранский характер всех богословских од, вместе взятых. Нет следов не только церковного учения, но и тритеизма.¹ Нет следов евангельской системы образов. Грандиозные образы все ветхозаветного типа. Совершенно ветхозаветна и сама распря Ягве с непокорными и непризнающими его. Космологический тип апологии, с привлечением ветхозаветных образов, был обычным в лютеранской среде. Более того, оба размышления близки к лейбнице-вольфианской стадии лютеранства (на что не раз указывалось в общей форме, хотя настоящей работы о философском мировоззрении Ломоносова в нашей научной литературе еще нет). Возможно, что все три теологических оды именно вследствие их внецерковности не были сразу напечатаны Ломоносовым. Позднее они стали школьными текстами, и несколько поколений заучивало их наизусть, как назидатель-

¹ Случайно Ломоносов переводит из Иова как раз то место, в котором исследователи справедливо видят неистребленный позднейшей священнической редакцией след древнего израильского дуализма (борьба Ягве-витязя с Левиафаном, чудовищем глубин). Но, конечно, Ломоносов не мог знать действительного смысла этого эпизода, и для него текст Иова звучит вполне монотеистически.

ные образцы, но процесс школьного переосмысления когда-то живых и вовсе не нейтральных произведений известен из истории всех литератур. На русской почве начала 1740 г., на фоне церковно-феодалной и дворянской реакции, рациональный, лютерански и лейбнициански окрашенный теизм Ломоносова был явлением европейски-буржуазного типа. Заметим, далее, реально-идеологический характер всей теологической группы: она представляет, не в пример одам 1739—1742 гг., реальный документ мировоззрения Ломоносова (хотя, само собою разумеется, это противоположение не абсолютно). Как раз этим путем и совершалась в XVIII в. эмансипация буржуазной мысли, еще в самих недрах классической системы.

Вслед за германской ориентацией метрического переворота 1739 г. создание теистической, внецерковной оды является вторым важным моментом в истории роста буржуазных тенденций в поэзии Ломоносова. Недаром после этого перелома 1742—1743 гг. основной темой его оды станет «тишина», перечень благ которой развернется в большую программу производственного и научного строительства. Так как почти все царствование Елизаветы прошло без войн и сам Ломоносов постоянно связывает тишину с личностью Елизаветы (одическая условность), получилось впечатление «елизаветинства» и самой темы и всего творчества Ломоносова в 1740—1750-е годы (Ломоносов, как известно, даже играет значением имени Елизаветы в еврейском языке). На деле менее всего монархичны оды тишине: в условиях дворянской реакции 1740-х гг. они оппозиционны.

Вот почему важно было показать, что стоящие у порога этой эпохи вышеразобранные оды заключали философские предпосылки этих буржуазно-оппозиционных тенденций.

III. ЛОМОНОСОВ И МАЛЕРБ

1

Обычное в XVIII в. уподобление Ломоносова Пиндару реального значения не имеет. Ученая Плеяда еще знала Пиндара, и Ронсар в «пиндарических одах» еще соблюдает, облегчая ее, строфическую структуру фиванской оды (хотя, само собою разумеется, создает нечто иное); у него чередуется строфа, антистрофа и эпод (с укороченным на один слог стихом). Но уже Малерб называет оды Пиндара галиматьей (см. в известных

воспоминаниях Ракана гл. 20). Вследствие редкой полноты литературной победы Малерба над ронсардизмом происходит в сознании французских поэтов XVII в. вытеснение всего до-Малербова; Плеяда (которая на деле была первой школой нео-классической поэзии) представляется последним, особо уродливым эпилогом «старой» поэзии; это представление, с полной отчетливостью, выражено в знаменитых стихах Буало: *Enfin Malherbe vint, et le premier en France...* Заодно и образ Пиндара теряет всякое предметное содержание. Пиндар становится своего рода полумифологическим эпонимом особого вида поэзии (аналогичный процесс дереализации Гомера и превращения его в «отца стихов» никогда не достиг такой полноты осуществления). Вот почему бесчисленные у поэтов XVIII в. (а у архаистов и в XIX в.) приравнения Ломоносова Пиндару должны рассматриваться, как уподобление эпониму жанра первенствующего представителя этого жанра. Характерно, что Вяземский в известной эпиграмме 1814 г. говорит «наш Пиндар» (причем Ломоносов по имени вовсе не назван: предполагается, что ключом к разрешению автономии владеет всякий), хотя в данном случае речь идет о Ломоносове, как авторе не од, а эпической поэмы.

Не менее мифологична роль Пиндара и в бесчисленных трактовках темы «недерзание следовать Пиндару». Тема эта (сложившаяся и в западной и в нашей оде на базе *Pindarum quisquis studet aemulari...* Hor. od. IV, 2) была удобным обоснованием и для сатиры (уже у Кантемира, правда, без упоминания Пиндара, 1731 и 1742 гг.) и для гораціанской оды и для бытовой оды «в забавном русском слоге». Ход мысли был такой: мои силы слабы; за Пиндаром вслед я не дерзаю, боясь судьбы Икара (*vitreo daturus...*), выбираю поэтому менее ответственный, менее опасный средний путь. Самоуничижительный реверанс перед старой формой выражал на деле процесс создания новой формы на основе нового социального содержания. На базе прочно установившегося приравнения Ломоносова Пиндару развился у русских поэтов XVIII в. тематический вариант: недерзание вслед за Ломоносовым (из многочисленных примеров сошлемся на державинский, наиболее известный), — с той же функцией.

Совершенно иной смысл имело приравнение Ломоносова Малербу (лишь у поздних архаистов XIX в. превратившееся в выражение полумифологического пиетэта почти того же типа, что «наш Пиндар», но в XVIII в. еще совершенно реальное

и предметно насыщенное). Современники и ближайшие потомки имели прежде всего в виду ряд сходных признаков, содержательных и формальных, как, напр., десятистрочие, планировка, политическая функция и др., но думали также и об аналогии в исторической роли, сыгранной обоими: и Ломоносов первый указал единospасающий путь (*et le premier en France...*), и он оттеснил прошлое в забвение (силлабики=Плеяде), и ему, как и Малербу, подчинились все (*tout reconnu ses lois*), и он тоже, наконец, стал внеспорным руководителем для последующих (*et se guide fidèle aux auteurs de nos jours sert encor de modèle*).

Однако приравнение Ломоносова Малербу имело и более тесный смысл. Литераторы XVIII в., которые Малерба знали прекрасно, видели ближайшую связь между тематикой Ломоносова и Малерба. Это можно было, особенно в связи с только что указанным выше, осмыслить похвально («Он наших стран Малгерб, он Пиндару подобен»), но можно было извлечь отсюда и обвинение в плагиате. Дальше мы увидим, что есть все основания полагать, что именно о Малербе в первую очередь думал Сумароков, когда писал:

... Гюнтера и многих обокрал
И мысли их писав, народ наш удивлял.

Заметим также, что постулат оригинальности, предполагающийся в Сумароковской постановке вопроса, доказывает, как далеко Сумароков отошел от литературного мировоззрения, типичного для ортодоксального классицизма. Один из конститутивных признаков классицизма, воспроизведение прежде бывшей тематики, он осмысляет, как плагиат.

2

Ода на день рождения Иоанна III (VI) Антоновича 12 августа 1741 г. принадлежит к числу слабейших у Ломоносова. Нелепость задачи (славить ребенка) ставила Ломоносова в невозможное положение. Быть может, приглашение (66—67):

Натура, выше встань законов,
Роди, что выше сил твоих

выражает крайнюю литературную трудность дела. Что можно было, далее, сказать о таком ничтожестве, как регентша? Ломо-

носову приходится вспомнить призвание князей, довести воспоминание до Куликовой битвы, оборвать (141—142) перечень:

Молчу заслуги, что недавно
Чинила царска мне любовь,

чтобы не раздавить регентшу непосильными сравнениями, и свети отступление к принужденному переходу:

Оттуду ж ныне взошло светило,
Откуда прежде счастье было

с географической натяжкой (Брауншвейг и Скандинавия!). Недаром в этой оде даже язык изменяет Ломоносову на каждом шагу; нет строфы без прозаизмов, либо неправильных, либо принужденных оборотов.

Ну, где же твой кичливый нрав?...
Исчезли все затей лишны...
Что я пою воински звуки,
Которы быть хотят потом?...¹

и т. д. Ни одной яркой строфы. Вся ода скучна и прозаична. Нет единой концепции. Огдельные, плохо связанные одические темы. Тем не менее, можно на оде, написанной нехотя, проследить некоторые методы работы Ломоносова. Чужое, в значительном и талантливом произведении претворенное и функционально подчиненное новой цели, выступает отчетливее в произведении, которое, в сущности, не переросло творческой стадии черновика.

Когда у Малерба, в оде 1596 г. на взятие Марсели Генрихом IV, за падением непокорного феодала Казо следует пророчество о завоевании Востока, это естественный и понятный ход мыслей. Пал Казо, *set effroyable colosse*, пять лет державший Марсель в своих руках; теперь город взят герцогом Гизом, губернатором Прованса, и возвращен королю (*à son juste possesseur*); естественная мысль: теперь в руках короля база для осуществления давних ближневосточных планов французских королей. Отсюда последняя строфа: «уже мавританский народ — услышал про это чудо, — и до обоих Босфоров — донеслась о нем весть. — О нем знают все равнины, — омываемые Индом и Ефратом, — и уже бледнея от ужаса, — Мемфис мнит себя в плену, — видя, что так близок

¹ Вероятно, неудачный грецизм (τὰ μέλλοντα).

к его берегу — потомок Готфрида». Заключение, нормальное для оды, естественное по ходу мысли (ибо взята приморская Марсель, возможная база для снаряжения флота против Турции) и значительное в политическом отношении (соответствующие планы выработывались с самой середины XVI в.).

Совсем другое в нашей оде, ибо между падением Бирона и завоеванием ближнего Востока:

Геон и Тигр меняют путь

и дальнего:

Бо я з н ь трясет Хинейски стены . . .

Индийских трубят вод тритоны

нет никакой связи. Ломоносов искусственно соединил Малербово «падение титана» и Малербово же «ужас Востока». Из падения «грозного колосса» Казо ближневосточная тема вытекает сама собой. С падением же «дерзкого гиганта» (82) Бирона она связана насильственно и нелогично. Следовательно, вся ода построена по предназначенной схеме оды Генриху IV.

3

Титан (и титаны) и его (их) падение — одна из наиболее упорно повторяющихся и частых в одах Малерба тем. В другой оде, сохранившейся в отрывках, того же 1596 г., Малерб снова называет Казо титаном:

Casaux, ce grand Titan qui se moquait des cieux,

A vu par son trépas son audace arrêtée,

Et sa rage infidèle aux étoiles montée

Du plaisir de sa chute a fait rire nos yeux.

Этим он создал устойчивый, постоянный образ, который пригодился ему еще не раз при Генрихе IV (убитом в 1610 г.) и в особенности при Людовике XIII. В 1614 г., во время так наз. войны принцев, титаны у Малерба уже во множественном числе, соответственно политическим обстоятельствам, а заодно и согласнее с мифологией:

Attachez votre espoir à de moindres conquêtes;

Briare avait cent mains, Tiphon avait cent têtes,

Et ce que vous tentez leur coûta le trépas.

Если непокорные феодалы приравнены Бриаркею, Тифону (в стансах 1615 г. еще nos Gégions), то король становится Зевесом, низвергающим восставших титанов. В стансах 1622 г.

Que voyons nous, que des Titans
De bras et de jambes luttans
Contre les pouvoirs légitimes,

где «законная власть» относится ἀπὸ κοινού и к Зевесу и к королю. Еще в 1623 г., вспоминая «войну принцев», в сонете Людовику XIII Малерб возвращается к уже окончательно установившемуся образу:

Il arrivait à peine à l'âge de vingt ans,
Que sa juste colère assaillant nos Titans
Nous donna de nos maux l'heureuse délivrance,

где словосочетание «наши титаны» ясно говорит о полной и окончательной литературной синонимизации: титаны, понимай мятежные феодалы.

Политическая функция этой темы у Малерба слишком ясна, чтобы нуждаться в пояснениях. Ода выступает, как литературный орган централизованной монархии. Именно эта функция сделала оду столь важным жанром во всех европейских литературах эпохи становления и утверждения абсолютизма. Привлечение Зевесовой титаномании стало возможно только тогда, когда победа королей обозначилась окончательно, т. е. не раньше Генриха IV. Недаром литературная победа Малерба над Плеядой (вернее, ее эпигонами) падает на это же время. Не случайно и то, что сама Плеяда в своих многочисленных одах не дает ни одного примера для интересующей нас темы. Монархическое осмысление титаномании — дело Малерба.

Заметим, не входя в подробности, что греческий миф отнюдь не непосредственно был воспринят Малербом. Политическое его осмысление он мог найти у августианцев, в особенности у Горация, у которого подробный мифологический рассказ (III, 4) о восстании титанов и о сокрушении их Зевесом звучит явно апологией августианского режима, хотя имя Августа и не произнесено. В знаменитой старческой оде 1627 г. (Людовику XIII по случаю похода на отпавшую Ля-Рошель) Малерб, снова, конечно, вспомнив титанов и Зевеса, дает самую расширенную

трактовку темы, особо, притом, близкую тексту Горация. Цитат не приводим для сбережения места. Заметим только, что вообще, естественно, чуждый типичным горадианским одам (из них исходила Плеяда), Малерб не раз исходит в своей работе из так наз. «римских од» Горация, т. е. тех шести од (III, 1—6), которые прославляли августианскую реставрацию. Причины без объяснений понятны. У Ломоносова нет следов «римских од». Блестящее четверостишие:

Герои были до Атрида,
Но древность скрыла их от нас,
Что дел их не оставил вида
Гремящий стихотворцев глас

переведено из IV, 9 (vixere fortes ante Agamemnona . . .).

4

Низвержение гиганта, после оды 1741 г. (где оно занимает три строфы 9—11), прочно вошло в обиход одической поэзии, причем, согласно общей тенденции классицизма к закреплению образа за предметом, гигант (или его различные замены: Антей, исполиц, великан, дракон и др.) становится почти словарным обозначением одиозного и опасного политического лица. Кроме Бирона, образ-формула удобно применим к перевороту 1742 г. Исходя из этой формулы, Ломоносов составил проект иллюминации 1753 г. (на день восшествия Елизаветы Петровны) и соответствующие стихи:

... Взирая на сего Елизавет дракона
... Минервы чудный в ней изображался вид
... Без грому молния из ясности блистая
В Драконовы главы и в сердце ударяя,
Смутила горду кровь, пронзила грозной взор.
Сражен, прогнан, убог Рифейских дале гор.

В ломоносовский период оды создан на основе этих образцов («В Ломоносов след», как типично выражается Державин в 1772 г.) устойчивый словарь, неизменно повторяющийся при воспоминаниях о событиях 1741 и 1742 гг. В 1762 г., за нелепостью приравнения Петра III исполицу или дракону, возобладала другая лексика: «оный ужас» и «счастливая премена», тоже Малербова (об этом ниже), но попытки вернуться к ломоносовскому испо-

лину встречаются разрозненно еще в 1801 г. и в 1812—1814 гг. (напр., у Шатрова). Зато еще у Ломоносова и потом без числа у рядовых и выдающихся одических поэтов исполин реализуется в подходящих случаях и не-Биронова типа.

У Ломоносова в оде 1754 г. (Акад. изд. II, 18) «Дракон ужасный» — турецкий султан; в стихах по поводу саксонских событий 1756 г. (II, 28)

Необузданного гиганта зрю в тебе

сказано о Фридрихе II. В оде 1757 г. (II, 34) сам Марс

Как сверженный гигант ревет:
 Попран российской ногою,
 Стеснен как страшною горою,
 Напрасно тяжки узы рвет.

В оде 1764 г. (II, 54) «напыщенный исполин» (строфа 26) это Китай. Еще шире реализация у позднейших поэтов. В «Россиаде» (1779 г.) в III п. татарский витязь Асталон, претендент на руку Сумбеки, идущий на помощь казанцам,

Является вдали, как новой Энкелад,
 Который будто бы восстал пресилить ад.

Ср. еще турецкого адмирала («Гассан, подобье великана...») в Очаковской оде Петрова (1788 г.). Особенно показательный пример у раннего Державина 1772 г. (III Неизд. 10), в оде строго и сознательно ломоносовской, где строфа 5, в обоих вариантах повторяя (иногда точно) слова Ломоносова о Бироне (из оды 1741 г.), применяет их к Исламу:

Но что мрачится горизонт...
 ...Гора стоит под небесами...
 ...Не бранный ль демон мною зрится?...
 ...Великий страшный исполин
 На полдень наступил ногою;
 Через гор хребты, через глубь долин
 Восток он придавил другою...

и т. д.

Мы далеко ушли от той минуты, когда Малерб создал тему титана и титаномехии, как образную транспозицию определенного политического факта (феодаломехии французских королей).

Но образ не изменился; мало изменились и слова. Слова и образы трудно и медленно менялись в истории классической поэзии. Обычно переносилась на более или менее аналогичные реалии готовая, авторитетным представителем жанра созданная формула.

5

В той же оде Малерба 1596 г. встречаемся и с другой системой образов для означения борьбы короля с феодалами:

Enfin après tant d'années
Voici l'heureuse saison,
Où nos misères bornées
Vont avoir leur guérison
. . . . .
Peuples, à qui la tempête
A fait faire tant de vœux,
Quelles fleurs à cette fête
Couronneront vos cheveux?

Феодалыне распри: «наши бедствия», «буря»; победа короля: «исцеление», «торжество». В оде Марии Медичи 1600 г.: *et soient dans les coupes poyez — les soucis de tous ces orages*; в стансах 1603 г.: *ces fâcheuses années*. Отчетливее всего 1606 г. в оде Генриху IV на победу над герцогом Бульонским:

Enfin après les tempêtes
Nous voici rendus au port;
Enfin nous voyons nos têtes
Hors de l'injure du sort

и т. д.

Однообразная формула встречается у Малерба неоднократно (и почти теми же словами у малербистов Ракана и Мэнара, в мазаринистских одах против первой фронды 1648—1649 гг. и особенно в одах против второй фронды, так наз. фронды принцев, 1649—1653 гг.). Формула так широка, так неспецифична, что, казалось бы, нет нужды видеть малербизм в постоянном применении ее у русских поэтов XVIII в. Однако исследование всей истории вопроса (с привлечением немецкой малербистской оды, особо важной для понимания Ломоносова, потому что ближайшим образом преданйдена им была именно немецкая придворная ода 1690—1730-х годов) показывает, что и здесь перед нами определенная оди-

ческая «тема». За все это долгое развитие устоялась традиция изображать павший режим саксонского или венского фаворита как «плачевные годы», «страшную бурю» и т. д., а результаты дворцового переворота, как «избавление», «спасение» («счастливая премена» у Ломоносова), сопровождаемые «ликованием» столицы (у Ломоносова выработалась тоже устойчивая рифма на этот случай: *лики клики — passim*). Особенности немецкой «конституированной анархии» (Гегель) в империи ни Священной ни Римской (Вольтер) усилила устойчивую Малербову тему (у Малерба централистскую и антифеодальную) и придала ей иной политический смысл. Глубочайшая коррумпированность, свойственная эпохе абсолютной монархии, позволяла поэтам славить по очереди все сменявшиеся правящие группы; в иных случаях «счастливая премена» воспевается искренно, и ода может служить документом действительных политических взглядов автора (или, по крайней мере, политического отношения к событию); в каждом отдельном случае нужен разбор вопроса, с учетом всей политической обстановки: радостная ода 1801 г. имеет иную документальную ценность, чем ода на события 1742 г., и т. д.

Характер русской дворцовой истории XVIII в. определил особое значение этой темы в оде Ломоносова и всей его школы. Абстрактность одического стиля, своего рода универсальная алгебраичность одического языка (чему разительный пример мы видели выше: характеристику Бирона у Ломоносова Державин переносит на ислам) привела и здесь к выработке поэтических формул, применимых и к бироновшине, и к режиму Петра III, и к царствованию Павла. Тредьяковский 1742 г. (в оде Ломоносовского стиля):

Поставлены уж сети были,
Ям оказалась глубина,
Беды и скорби нас губили,
И ненависть вооружена.

и т. д.

Ломоносов 1748 г. (I, 38):

Годину ту воспоминая,
Среди утех мятется ум.
Еще крутится мгла густая,
Еще наносит страшный шум.
Там буря искры завивает

и т. д.

Дражайши музы, отложите
 Взводить на мысль печали тень;
 Веселым гласом возгремите
 И пойте сей великий день,
 Когда . . .

Классический пример в оде 1746 г. на день восшествия Елизаветы Петровны (I, 16):

Уже народ наш оскорбленный
 В плачевнейшей ночи сидел
 . . . . .
 Нам в оном ужасе казалось,
 Что море в ярости своей . . .

и т. д.

после чего немедленно (строфа 10) явление гиганта:

Там грозный злится исполин
 Рассыпать земнородных племя
 И разрушить натуры чин
 . . . . .

чем объединяются оба Малербова варианта; в силу этого, именно данная ода, после перепечатки ее в Собр. соч. 1751 г. (где она стала 2-й похвальной одой), стала образцовой для учеников Ломоносова. Почти буквально повторяет «оний ужас» Поповский в талантливой оде 1754 г.¹ Но самого пышного расцвета (количественного) достигает тема в одах 1762—1763 гг. на екатерининский переворот; эти годы вообще имеют в истории русской оды особое значение, что видно уже из того, что на каждый из предшествующих годов падает никак не больше пяти торжественных од (обыкновенно 1—3), между тем как под 1762-м годом нам лично известно 25 од, почти столько же под 1763-м (на деле было еще больше), а далее (даже до турецкой войны) одическая продукция почти не ослабевает, а в 1768—1772 гг., естественно, расширяется. Ода именно с 1762 г. становится массовым явлением. Еще большее расширение (до 50 одних нами зарегистрированных на каждый год) произойдет в годы второй турецкой войны, Французской революции и II и III раздела Польши. Внимательный анализ мог бы показать 1) что причина этого —

¹ Поповский Н. Ода на день восш. Елизав. Петр., СПб. Акад. Наук (Сопиков, 7247).

не только маркантные события (Чесма, Пугачевщина или Очаков, Измаил, казнь короля, взятие Варшавы), 2) что эта массовая ода, даже официально ломоносовского типа, далеко не однородна по тенденциям и тоже выражает процессы классовой борьбы в литературе, хотя (в силу особой инерции формы) и более глухо, чем, напр., сатирические журналы или комедия. Но это — вопрос специального исследования, не входящего в задачи этой работы.

И вот, в одах на екатерининский переворот, ломоносовский «оний ужас» (у самого Ломоносова технический термин для означения бироновщины) переносится *iisdem verbis totidemque* на одиозный аналог, на царствование Петра III. Зачем придумывать, когда учитель создал авторитетный текст? «Беды», «плачевная ночь», «яростное море», «борьба стихий», порознь и вместе, составляют арсенал Перепечина, Золотницкого, Владыкина (1765 г.) и мн. др. Сумароков в данном случае не изобретательнее других:

Низвергла ты несносно бремя,
Скончалось то злое время . . .
. . . . .
Нас злоба поглотить хотела,
И уж разинула свой зев
. . . . .
Скончала наши ты боязни,
Спасла Империю от казни,
Народ от неисцельных ран
. . . . .
Теряет ныне область ад
. . . . .
Сокрылось адское ненастье
. . . . .

— все из одной оды (На день восш. Екатерины, т. II, ода 8). Крайне любопытно, что оды 1801 г. в большинстве случаев отступают уже от этого шаблона. Пейзажизм державинской эпохи, привычное в сентиментализме «моральное» осмысление календаря, а заодно и календарь события (11 марта) подсказывают образ зимы. В общеизвестной оде Державина: Умолк рев Норда сиповатый . . . В оде Карамзина (1801):

Надеждой дух наш оживлен.
 Так милое весны явление
 С собой приносит нам забвеньё
 Всех мрачных ужасов зимы.

При таком однообразии в изображении «оного ужаса» в одах 1762—1763 гг. тем более замечательно, что сам Ломоносов в своей оде на переворот (II, 51) менее всего повторяет самого себя. Только раз (строфа 16) рудиментарно мелькает старая, уже известная нам Малербова тема:

Теперь злоумышленье в яме
 За гордость свержено лежит

Ср. *Cet effroyable colosse,
 Cazaux, l'appui des mutins,
 A mis le pied dans la fosse
 Que lui cavaient les destins*

(Из той же оды 1596 г.)

Но это исключение. Вся ода нова и непредвиденно нова. Новизна эта, как правильно заметил Сиповский, роднит оду с буржуазно-гражданским пафосом 1760-х годов (который проникает в пояснительно-оправдательную часть манифеста Екатерины II). Ломоносов в последние годы своей жизни был вовсе не так чужд новым буржуазным тенденциям 60-х годов, как это часто думают. Ода 1762 г. исходит из концепции просвещенного абсолютизма. Именно эта новизна содержания, перерождая оду изнутри, заставляет ее сбросить старую кожу. Строфы 17 (Услышьте, судии земные и все державные главы...), строфы 22 (О коль монарх благополучен, кто знает россами владеть...) Ломоносов не написал бы ни в 1747 г. (год мусической оды), ни даже в 1757 г. (год антифридриховой оды), хотя и тогда Ломоносов был преимущественно поэтом буржуазных тенденций в развитии страны. Они показались бы ему не только слишком смелыми, но и слишком внеодичными. В концепции абсолютистской оды, всякий монарх «знает владеть россами»; ныне, в концепции просвещенно-абсолютистской оды, вовсе не всякий. По-старинному, краткое царствование Петра III было бы названо «оний ужас», т. е. названо условным, почти техническим речением. Здесь же оно изображено как эпоха национального стыда:

Слышал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб побеждающий народ
Вдался бы в руки побежденных?
О стыд! о горький оборот!

Буржуазная идея национального достоинства лежит в основе всей этой строфы (6-й), хотя ораторское движение и воспроизводит Малерба (в оде 1605 г. на покушение на Генриха IV):

Que direz-vous, races futures,
Si quelquefois un vrai discours
Vous récite les aventures
De ces abominables jours?

Буржуазным национализмом продиктовано и обращение к иностранцам (строфы 19—21: А вы, которым здесь Россия...). Перед нами реальный документ политических взглядов автора, т. е. нечто выходящее за пределы ортодоксальной оды 1730—1750-х годов. Впрочем, различие здесь только относительное, потому что та ода, которую мы условно называем ортодоксальной, не была и не могла быть реализована до конца. Это, скорее, гипотетический предел некоторой стилевой тенденции. Реальностью была только эта тенденция.

6

Остается кратко рассмотреть третий элемент, выясняющийся из сравнения неудачной оды Ломоносова 1741 г. и оды Малерба 1596 г., именно одическую тему «пророчество о завоевании Востока».

Сложная история восточной политики итальянских владетелей, пап и французских королей после 1453 г. и в особенности со второй половины XVI в. остается за пределами настоящей работы. Напомним только, что во вторую половину XVI в., в связи с церковнокатолической реакцией и процессом рекатолизации западных стран (и особенно Италии), мысль о новом крестовом походе (на сей раз против Турции) усиленно пропагандируется и вызывает целую литературу (в том числе и описаний Турции). Но как раз в эту эпоху в итальянской поэзии намечается перелом от неорыцарской поэмы (Пульчи, Боярдо, Ариосто) к монументально-классической (Триссино, Бернардо Тассо). Далекое неслучайно то, что величайшее произведение этого нового стиля,

мимо каролингского и бретонского цикла, берет сюжетом крестовые походы. «Освобожденный Иерусалим» для современников был и анаграммой «освобожденной (т. е. отнятой у турок) Византии». Так, начало классической поэзии сплетается с ближневосточной политикой Италии эпохи рекаатолизации.

В условиях развития классической поэзии, при конститутивно типичном для нее (и закономерном для эпохи абсолютизма) тематическом консерватизме и ориентации на прежде бывшие литературные явления, достаточно было такого факта, как поэма Тассо, чтобы ближневосточная тема некоторое время, так сказать, по инерции обладала тематической жизнью и в итальянском, и во французском классицизме. Но ее питали и весьма реальные факты. Турецкие отношения имели громадное политическое значение на всем протяжении XVI—XVIII вв., и притом как раз для тех стран, где развитие классического стиля произошло наиболее типическим образом (кроме Италии, Франция, Австрия, Польша, Россия). Антитурецкая ода имеет поэтому свою сложную историю в целом ряде стран.

Поразительно, сколько раз Малерб возвращается, настойчиво возвращается к турецкой теме. Первый пример (из оды 1596 г.) был выписан нами выше. В оду 1600 г. на приезд Марии Медичи Малерб вводит пророчество о будущих ближневосточных победах ее сына (тоже еще будущего): «о, сколько вдов будет тогда — в тюрбаноносном народе! — Сколь многая кровь окрасит реки — омывающие подножье Ливана! — сколько на обоих берегах Босфора — будет пленных султанш! — и сколько мемфисских матерей — в слезах вспомнят силу — его отваги и его меча — погребая своих сыновей!» В оде 1606 г. Генриху IV напоминает, что есть пророчества, согласно которым взятие Мемфиса и освобождение Греции совершит его сын. Примерно, те же провинции турецкой империи названы в оде Марии Медичи 1614 г.: «завоевать для Франции оба берега Пропонтиды — и, отметив победами за неудачи наших отцов — погребенных Египтом . . .») и т. д. В других одах неоднократно названы Дарданеллы, Евфрат, Тир, «народы Нила» (в конце знаменитой оды 1628 г.), Алжир, Тунис, Бизерта, Палестина. Все оды, в сумме, не оставляют за Турцией ничего, кроме слез, чтобы оплакать убитых. Предсказывается, в пожарах и крови, разрушение всей Турецкой империи. Заметно, что католическая идея отсутствует; речь идет об одной военной славе Франции; даже крестовые походы вспоминаются в национальном («наши

отцы»), а не в католическом плане. Все это (связанное у Малерба не только с его личным равнодушием к религии — или внерелигиозностью Генриха IV — но и с национально-абсолютистской функцией его оды) надо иметь в виду для понимания ближневосточных пророчеств Ломоносова. «Отмстить крестовые походы» скажет не он, а Державин.

Перед Гюнтером в 1718 г. стояла иная задача, чем перед Малербом. Победы Евгения были реальны; театром военных действий была Сербия, Румыния, Семиградье, Босния; со стороны Турции это была уже оборонительная война. Пророчество Малерба поэтому звучит для Гюнтера гораздо реальнее. Он пользуется им для того, чтобы придать победам Евгения грандиозную перспективу величавых историко-географических ассоциаций. Вместо притоков Дуная и скудно звучащих славянских городов, развертывается (строфы 32—33) картина будущих побед в Азиатской Турции:

Der Nil erschrickt, Damascus brennt,
Es raucht auf Askalon's Gebirgen,
Und durch den ganzen Orient
Herrscht Unruh, Hunger, Pest und Würgen.

Имена и локализация будущих побед — явно из Малерба, как вариант уже устойчивой темы. Но Гюнтер не заметил, что для французских планов морской экспедиции эта локализация не была нелепа, между тем как для продолжения (хотя бы фантастическим пунктиром в будущее) сухопутных побед Евгения надо было сначала перейти Балканский хребет и, прежде чем повергать в ужас Египет и жечь Дамаск, овладеть хотя бы Константинополем. Следовательно, пророчество Гюнтера и реальнее (потому что процесс падения турецкого могущества уже начался) и нереальнее (потому что локализация его в стратегическом отношении нелепа). Такова, в истории классической поэзии, сила прежде сказанного слова.

Заметим еще, что у Гюнтера бедствия турецких провинций усилены. Столбов дыма, голода и чумы у Малерба не было. Малерб был стилистически сдержаннее своих немецких (и русских) последователей.

В Хотинской оде 1739 г. та же стратегическая нелепость:

Не вся твоя тут Порта казнь

. . . . .

Дамаск, Каир, Алепп сгорит,
Обставят росским флотом Крит,
Евфрат в крови твоей смутится.

Из взятия Хотина это не вытекает военно-географически; естественно было бы перейти Дунай. Ломоносов переводит Гюнтера (что давно уже замечено в комментариях акад. изд., т. I, стр. 52), потому что и ему нужны ассоциативно-значащие имена. Не забудем, что пишется ода в 1739 г., а Гюнтера Ломоносов читает в недавнем посмертном издании 1735 г. Власть зловещей Гюнтеровой картины так сильна, что в оде 1741 г. она повторена, с редукцией и первым реальным осложнением. К стиху:

Боязнь трясет Хинейски стены

см. реальный комментарий акад. изд. (I, стр. 128). Наконец, в оде 1743 г. (I, II) последнее явление Малербо-Гюнтерова пророчества:

Холмов Ливанских верх дымится
 . . . . .
 Текут струи Евфратски вспять
 . . . . .
 Фиссон шумит, Багдад пылает,
 Там вошь и звуки в воздух бьют,
 Ассирски стены огонь терзает,
 И Тавр и Кавказ в Понт бегут.

Недаром во вздорных одах Сумарокова трижды спародированы именно эти места:

Ефес горит, Дамаск пылает (2-я взд. ода),

из чего, кстати, видно, что Сумароков знает Гюнтерovo происхождение всей темы (Damascus brennt)

Пекин горит, и Рим пылает
 . . . . .
 Троянски стены огонь терзает (3-я взд. ода)
 . . . . .
 Атлант горит, Кавказ пылает (4-я взд. ода).

Если присоединить гиганта:

Гигант под тяжелой Этной стонет (4-я взд. ода),

то выяснится, что значительная часть пародической интенции направлена как раз на интересующий нас тематический субстрат. Впрочем, сам Сумароков (II т., ода 18) помнит (1767 г.) Ломоносова и непародически:

От крови скифской Дон смутился

. . . . .

Мамай развеян яко прах.

Дрожат орды, Стамбул бледнеет,

И горда Порта каменеет,

При Доне смерть, в Херсоне страх.

Здесь ужасы смягчены, нет пожаров, «терзающих» города, и, что всего интереснее, завоевательная фантастика заменена реальной военно-политической географией.

Второстепенных текстов из рядовых одических поэтов (французских, немецких и русских) не приводим. Еще Мерзляков не может забыть империалистической фантастики пылающей турецкой Азии.

После 1743 г. условно-одическая локализация завоеваний у Ломоносова отпадает. Слагается основная тема его од, тема тишины; пацифизм, экономизм, развитие производительных сил страны, строительство национальной науки и научное овладение производственным процессом — вот новые темы од и надписей 1740—1750-х годов. Рецидивы батализма встречаются и здесь (вообще конфликт войны и «тишины» — основная проблема поэзии Ломоносова), но с пылающими городами Месопотамии и Сирии мы больше у Ломоносова не встретимся. Пустая форма, даже в условиях конститутивного для классической поэзии тематического консерватизма, жила недолгой жизнью тематической инерции. Новый батализм, связанный со вступлением России в Семилетнюю войну, найдет совершенно иные пути осуществления, равно как уже после Ломоносова, в одах первой турецкой войны создастся иная система баталистических образов.

7

Мы наметили функциональную историю только тех происходящих из Малерб тем, которые связаны с одой 1741 г. Но это только приступ к решению вопроса. Малерб (в его позднейшей и французской и германской трансформации) был общим литературным фундаментом почти всей работы Ломоносова. Доста-

точно сравнить одну из многочисленных «похвал тишине» у Малерба хотя бы с началом оды 1747 г.

C'est en la paix que toutes choses Succèdent selon nos désirs; Comme aux printemps naissent les roses En la paix naissent les plaisirs; Elle met les pompes aux villes, Donne aux champs des moissons fertiles Et de la majesté des loix Appuyant les pouvoirs suprêmes, Fait demeurer les diadèmes Fermes sur la tête des rois.	Возлюбленная тишина Вокруг тебя цветы пестреют Блаженство сел, градов ограда И класы на полях желтеют
---	--

(Из оды на регентство
Марии Медичи),

чтобы убедиться в тематическом характере ломоносовской тишины. Полупереведены из Малерба и пацифистские заклания:

Assez de funestes batailles	Молчите, пламенные звуки и т. д.
-----------------------------	-------------------------------------

Дело, однако, не в текстовом сближении и не в одном Малербе.¹ Конфликт батализма и пацифизма — основная политическая тема, проходящая чрез всю историю европейской оды. Часто этот конфликт выражает прямым образом борьбу классов; прославление войны — голос дворянских тенденций; похвала тишине — буржуазных. Недаром у Ломоносова широкая программа научно-экономического строительства развита в одах тишины. Но не всегда это так, хотя бы уже и потому, что абсолютная монархия вела немало и буржуазных войн. Свойственный эпохе абсолютизма догматический, внеисторический тип мышления мог только противопоставить, в неразрешимом затяжном конфликте, два, будто бы абсолютно противоположных состояния войны

¹ Еще ближе к Ломоносову «похвала тишине» у Ровсара (1-я Пиндар. ода, строфа 7):

Diversement, o paix heureuse,
Tu es la garde vigoureuse
Des peuples et de leurs cités.

Возможно, что начало оды Ломоносова представляет перевод именно этих стихов. Опять-таки, дело не в текстовом сближении самом по себе.

и мира. Что же все-таки «лучше», военная слава или блага мира, осталось неразрешенным. Достаточно ознакомления с любым крупным одическим поэтом, чтобы убедиться, что именно эта неразрешенность является основной темой всей классической оды. Размагничение метафизических полярностей и этим разрешение конфликта принесла новая реальность, именно реальность промышленного капитализма. На почве промышленного капитализма литературная система классицизма стала быстро отмирать, а с нею и абстрактный конфликт «войны» и «тишины».

Заметим еще, что вопрос о Гюнтере не следует ограничивать одной хотинской одой, как это повелось после известных, постоянно цитировавшихся высказываний Штелина и Шледера. Шевырев же (1843 г.), хотя собирается «сличить оды Ломоносова с одами Гюнтера», однако, на деле ограничивается сопоставлением все той же оды Евгению с Хотинской. Между тем, вопрос гораздо сложнее и еще ждет внимательного обследования. Ломоносов (как впрочем и Державин) сплошь да рядом переводит или полупереводит целые строфы Гюнтера. В блестящей оде *An die Frau von Bresslerin* Гюнтер развивает типичную для немецкой молодежно-бюргерской поэзии (в частности, студенческой) тему: «похвала наукам». Выписываем одну резко-тематическую строфу (в которой, в параллель Ломоносову, надо заметить строгое строфическое уединение темы, а также метод перечня):

Die Musen lohnen ihren Kindern
Mit innerlicher Freud und Ruh,
Ihr Spielen kann den Gram verhindern,
Und lockt Geduld und Trost herzu;
Man lernt die Eitelkeit betrachten,
Man lernt sie schätzen und verachten,
Man bessert Wandel und Verstand,
Man überwindet Furcht und Schrecken,
An welchen Wahn und Einfalt stecken
Und macht sich Gott und Welt bekannt.¹

Смысловая интонация (этос студенческой гордости) звучит и в Ломоносовском воспроизведении этой строфы:

Науки юношей питают . . .
Науки пользуют везде . . .

¹ По бреславльскому и лейпцигскому изд. 1735 г. (тому самому, которое было на руках у Ломоносова), т. IV, стр. 45—49.

Материалом послужил, конечно, и школьно-известный текст Цицерона (акад. изд., т. I, прим., стр. 300), но образом превращения Цицероновой мысли в одическую тему послужила строфа Гюнтера. Однако изменилась функция: у Гюнтера моральная самооборона ученой бюргерской молодежи от враждебных ей тенденций феодального государства, у Ломоносова—пафос научно-технической интеллигенции, славящей свою историческую задачу в эпоху дворянской реакции 1740-х годов.

Число таких функционально переплавленных переложений из Гюнтера у Ломоносова очень велико. Кстати, оды Гюнтера именно этого типа, а вовсе не милитарная (для Гюнтера, архаистическая) ода Евгению, были особенно популярны в немецких университетах в годы марбургского студенчества Ломоносова.

8

Наша небольшая работа направлена к освещению и подкреплению следующих положений:

1. Классицизм — литературный стиль эпохи абсолютизма. В тех странах, в которых этот общественный строй развивался наиболее типическим образом, классицизм достиг наивысшего расцвета и превратился в законченную систему (Франция). Противоположный случай: Англия. Там, где рефеодализация раннебуржуазного общества произошла раньше (Италия), возникают (еще в конце XV и отчетливо в начале XVI вв.) первые признаки классических тенденций;

2. Относительное единообразие общественного строя европейских стран в эпоху абсолютизма привело к созданию своего рода единой европейской литературы на нескольких языках. Пастораль (в Испании, Италии и Франции), трагедия и ода (во всех странах), монументальная поэма (то же) представляют черты существенного единообразия. Сент-Аман и Херасков, Буало и Кантемир, Малерб и Ломоносов стремятся к той же художественной цели. Однако это тождество цели остается гипотетической величиной, — в меру структурных особенностей каждой страны, — и становится, в последнем счете, лишь директивной единообразия, директивой, всегда наличной в художественном сознании поэтов и никогда не осуществленной (и неосуществимой). Но, хотя и фиктивное, «тождество» послужило основой для сложения литературных взглядов, в корне расходящихся с позднейшими. «Не подражай, своеобразен гений», стали думать только

в послеклассическую эпоху; сама эта формула выражала литературное мировоззрение буржуазного индивидуализма. Разоблачение зависимости звучало укором. Напротив, Опиц ставит себе в заслугу подражание Ронсару. Ζῆλος ἑμιμητικός «рвение вслед за Гомером» латинских эпиков становится с XVI в. общим явлением «последования». Кантемир «последует» Буало, Ломоносов Миллера, Третьяковский Буало (как автору Намюрской оды), Ротру Корнелю, Сумароков Расину, и все вместе античности (или, вернее, тому, чем им античность представляется). Конечно, и это литературное мировоззрение никогда не было осуществлено бесспорным образом; всегда были (даже во Франции XVII в.) противоположные тенденции, в атмосфере которых «присвоение» понималось как непохвальное дело. «Химически чистый» классицизм такая же нереальность, как «химически чистая» общественная формация. Но типическим для всей будущей школы образом Пеллеа ставила себе в заслугу «ограбление» (pillage) древних. Обвинения в плагиате, в эпоху классицизма являются зародышевой формой более поздних литературных взглядов, которые сложатся в систему на почве иной общественной формации. В гипотетическом (никогда нереализованном) пределе, абсолютизм создал фикцию единой литературы на разных языках, а не гипотетически, приблизился к этому идеалу настолько, что литературное единство Европы («польский Ронсар»: Кохановский, «датский Мольер»: Гольберг, «русский Расин»: Сумароков, и т. д.) было относительно осуществлено.

3. На почве замедленного общественного развития, кажущейся окончательности существующих форм (сословия, абсолютизм, церковь и т. д.) сложилась 1) тенденция к монументальным литературным жанрам, которые должны были быть таким же κτήμα ἕως ἄει («зданием навеки»), какими казались социальные установления эпохи, 2) представление о единоспасующем, единственном «правильном» литературном пути, все отклонения от которого объясняются «гофическим варварством», незнанием «истинных» законов поэзии, 3) инерция формы, в особенности, жанровой формы. Арсенал сложившихся жанров, тем (консолидировавшихся для каждого жанра), образов (закрепившихся за темой) и даже готовых словосочетаний переходит из страны в страну (с Запада на Восток, от Италии XVI до России XVIII в.), от поэта к поэту. Субъективная иллюзия каждого сводится к представлению о тождестве его дела с делом предшественника или

авторитетного учителя (Ломоносов думает, что он воссоздает оду Малерба). Объективная же реальность заставляет это «то же» быть одновременно и «иным». Таково ведущее противоречие в истории классического стиля.

М. В. ЛОМОНОСОВ В ОДАХ 1762 г.

С. Н. Чернов

Императрица Елизавета умирала долго и мучительно, умирала в пору сильного обострения внутренних отношений и сложнейшего переплета внешних дел, при доказанной негодности правительственного аппарата для удовлетворения текущих запросов и нужд повседневной действительности, а тем более для тех грандиозных работ, без которых нельзя было облегчить тяжелый кризис расстроенного государственного хозяйства, финансовых недостатков, острого брожения начинавшего восставать крестьянства, тяжелого дворянского ропота, затянувшейся неудачной войны и общей связанности страны системой союзов в делах Средней и Западной Европы.

Положение осложнялось вопросом о престолонаследии, так как давно объявленный императрицею преемник совершенно не отвечал настроению и интересам придворных и бюрократических дельцов елизаветинского царствования, и необходимость его устранения от престола была совершенно ясна для их основной и определяющей группы. Однако в глубоком сплетении запутанных отношений этой группы, при сильном расхождении составляющих ее частей по основным вопросам внутренней политики, и при очевидной оторванности группы от рядовой дворянской массы, — в ней не нашлось ни общих лозунгов, ни решимости на «превентивный» переворот. И новый император спокойно взшел на престол и сразу же начал по новому ворочать «колесо истории».

Надо прямо сказать, что его политика, в ее основном содержании, гораздо более соответствовала интересам рядового дворянства, чем деятельность оторвавшейся от этой решающей силы правительственной среды последних лет Елизаветы, крупнейших землевладельцев и привилегированных откупщиков-монополистов. Но основная линия его внешней политики, в общем отвечавшая интересам широкой дворянской массы, не подымавшейся

в своей повседневной хозяйственной работе до мыслей о продуманной организации торгово-промышленной политики, с ее сложнейшими проблемами ввоза и вывоза, торговых путей, гарантей и рынков, имела своеобразный голштинский *specificum*, подчинявший русскую политику прусской и вовлекавший Россию в новую войну с Данией: одно оскорбляло дворянский национализм, гордый победами над первым полководцем своего времени, другое вновь отрывало широкие дворянские массы от хозяйства и семьи для военной службы в далеких местах. А идея крупной культурной реформы, углубленного и расширенного повторения сложных мероприятий его деда Петра «Великого» в делах церкви, веры, народного быта и самосознания, не могла не задевать дворянского национализма, — тем более, что образцом реформы бралась фактически побежденная Пруссия. Впрочем, идея этой реформы должна была не только обижать, но и тревожить широкие дворянские круги: ведь решительные перемены в делах веры и церкви могли или до чрезвычайности обострить недовольство миллионных крестьянских масс, или дать им, помимо воли инициаторов реформы новые толчки и лозунги к мыслям о свободе: и в том и в другом случае разрозненные крестьянские движения этих десятилетий могли смениться мощным, все сметающим взрывом всей уже глухо бурлящей крестьянской массы.

Молодой император в долгую свою бытность великим князем имел достаточно времени и возможностей обдумать свою и внешнюю и внутреннюю политику. Вероятно, еще тогда он учел недовольство, которое вызовет его деятельность в дворянской среде; вероятно, еще тогда ему была подсказана мысль ослабить роль дворянства в армии и гвардии актом предоставления ему «вольности» служить или не служить. И тогда же, вероятно, было решено фактически заменить отпускаемых со службы дворян голштинскими войсками императора и реорганизовать русскую армию на прусский образец, сделав ее таким образом более послушным орудием в руках императора и высшего командования. Но при этом приходилось не только опять задеть дворянский национализм, но и сделать нечто гораздо большее: ударить основную дворянскую массу по службе, которая ее обеспечивала, создав ей сильнейшую немецкую конкуренцию, что, конечно, не могло не озлобить рядовое дворянство еще сильнее, чем его озлобляли другие меры Петра III, не могло не встревожить его еще более, чем они его тревожили. Ответом Петра III на

дворянские тревоги и озлобление мог быть лишь террор. Петр и встал на этот путь, демонстративно прокламировав его невозможность «уничтожением» Тайной канцелярии.

Дворянство же, встревоженное и озлобленное, нашло себе организационный центр и знамя восстания возле Петра III, в его дворце, — в лице его жены Екатерины.

Время Петра III, пора тревог и озлобления в дворянской среде, было трудным и для молодого дворянина из старого поморского мужичьего рода, академика, художника и поэта М. В. Ломоносова. Только его отношение к Петру III строилось и определялось не по общедворянской линии, а по линии, если можно так выразиться, разночинного интеллигента из мелкой буржуазии, прочно, хотя и медленно растающего в ряд средних по достатку буржуазных кругов, одворяненного службою, усвоившего дворянский быт, но внутренне остающегося чужим дворянской среде.¹

Положение М. В. Ломоносова при Петре III оказалось и оставалось трудным главным образом по двум причинам. Во-первых, поколебалась та правительственная среда, с которою он был прочно связан всею своею деятельностью, — круг Шуваловых. Правда, Шуваловы оставались на верхних ступенях административной и дворцовой лестницы, но их реальное значение упало; то же случилось и с Воронцовым. Во-вторых, ориентация императора на Голштинию и Пруссию и связанный с нею поворот всей его внешней политики, его идея расширения и углубления культурной реформы Петра I и первые его шаги в этом направлении и, наконец, его попытка строить военную силу империи на прусский образец, с заменю немцами офицеров из русского дворянства, при параллельном внедрении немцев в весь бюрократический аппарат государства, не могла не иметь своих отзвуков и в Академии Наук, где муть русско-немецких отношений, весьма сложных по своему составу и характеру, к этому времени достигла очень большого напряжения. Если ослабление Шуваловых и Воронцова, в их реальном правительственном значении, колебало положение М. В. Ломоносова и в Академии Наук, и вне ее, то коренное изменение в ряде моментов внутренней и между-

¹ Отлагая до будущего исследования, на более широкой базе источников, общее изображение социально-политических настроений и взглядов М. В. Ломоносова, останавлиюсь в настоящей статье на рассмотрении двух его од 1762 г. — Петру III и Екатерине II как источников для изучения его социально-политической идеологии.

народной политики должно было его совершенно обезоружить: как было продолжать бороться с немцами в Академии и строить новую русскую культуру на базе органического сочетания многовековой западной культуры со старою русскою, когда вне Академии везде торжествовали немцы, тесня русских и перестраивая на свой лад и русскую внешнюю политику, и армию, и все, — даже церковь и веру? Положение казалось заранее проигранным; самочувствие невольно делалось тяжелым.

Императрица Елизавета умерла почти в самом конце 1761 г. — 25 декабря, процарствовав 20 лет и 1 месяц. М. В. Ломоносов, который все время ее долгого царствования «пел» ее так же усердно и льстиво, как и ее предшественников, и только за месяц перед ее кончиною выступил с новою пышною одою в ее честь, теперь, после ее смерти, стоял перед задачей славить нового, молодого императора Петра III Феодоровича.

В самом начале 1762 г. М. В. Ломоносов и выступил с одою в его честь.¹

Эта ода во многих отношениях замечательна. Начать с того, что М. В. Ломоносов, не почтив перед этим память Елизаветы, которую он так долго и пышно «пел», ни одним специальным стихотворением, был, казалось, должен в оде ее преемнику найти место для выражения своей печали. Между тем этого, в сущности говоря, нет.

Только в первой строфе звучат и то уже преоборенные новою радостью, ноты сожаления об императрице Елизавете:

«Сияй, о новый год, прекрасно,
Сквозь густоту печальных тучь:
Прошло затмение ужасно,
Умножь, умнсьжь отрады лучь.
Уже плачевная утрата
Дрожайшая сокровищ злата
Сугубо нам возвращена»...

Но ода целиком посвящена не печали, а торжеству, не смерти Елизаветы, а восшествию на престол Петра III. И если Елизавета фигурирует в ней и далее I строфы, то совсем не в качестве оплакиваемой героини, а лишь в скромной роли участницы

¹ «Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова», изд. Акад. Наук, т. II, СПб., 1893, стр. 235—244 и (примечания!) 333—337; ода Екатерине II — стр. 245—54 и 337—345.

П. П. ШУВАЛОВ.

торжества Петра III и той отправной точки в прошлом, идя от которой в будущее, легче всего было намечать пути царствования нового императора.

В связи с этим небезинтересно, что, намечая пути своего правления, Петр III сказал сам о себе в своем первом же манифесте «Мы, навывкнув ее императорского величества бесприкладному великодушию в правительстве, за главное правило поставляем: владея всероссийским престолом, во всем подражать, как ее величества щедротам и милосердию, так во всем последовать стопам премудрого государя деда нашего императора Петра Великого, и тем восстановить благоденствие верноподданных нам сынов Российских»,¹ — т. е. сам Петр III признал в своем манифесте своим моральным образцом Елизавету и политическим — ее отца, своего деда, Петра «Великого».

Тем большее значение должно иметь, что поэт делает оценку всего царствования, всей деятельности и даже самой личности Елизаветы устами «духа Петрова» — «духа» Петра «Великого». Эта поэтическая речь «духа Петрова» к Елизавете изображает заслуги, по которым она «жить с бессмертными достойна».

В перечне этих «заслуг» переплелись моменты разного характера: личные добродетели Елизаветы, ее заслуги персонально перед Петром III и перед «домом Петровым» и, наконец, ее политические стремления и достижения. В последнем кругу поэтом отмечены политика «льгот» и щедрости внутри страны, заботы о Петербурге, расширение государства, удачная эксплуатация производительных сил страны, увеличение населения, покровительство науке, удачная и справедливая внешняя политика, увенчанная победною войной. Но при этом следует отметить, что выше политических заслуг Елизаветы М. В. Ломоносов провозглашает удачное устройство ею личной жизни Петра III браком его с Екатериною (строфы 8—12).

Что касается Петра I, как действующего лица оды и объявленного Петром III своего образца, то он — и официальный герой царствующего дома, и идеологическое знамя, и поэтический кумир М. В. Ломоносова, политическое «божество» его новой России. В соответствии с этим, и российская императорская фамилия, русский царствующий дом — прежде всего «дом Петров»,

¹ ИСЗ, XV, № 11, 390, стр. 875. Очень характерно, что Петр III соби-
рался «восстановить благоденствие... сынов Российских»; стало быть, он
для времени Елизаветы считал его в упадке, не восстановленным.

в полноте прав своего «великого» основателя и в целостном объеме унаследованных от него грандиозных обязанностей; а императрица Елизавета — «Петрова дочь», продолжательница его державного дела; гораздо большее в этой оде — новый император Петр III: он не только внук Петра «Великого», но и сам вернувшийся на землю «Петр Великий». Это как бы особенно подчеркивается уже используемым в оде совпадением в именах его жены и сына — Екатерина и Павел — с именем жены и двух сыновей (добрачного и «царевича» — оба от Екатерины) его деда (строфы 1—2). Ломоносов, приветствуя нового императора, демонстративно подчеркивал:

«Сияй, о новый год, прекрасно . . .
 . . . . .
 Благополучны мы стократно;
 Петра Великого обратно
 Встречает Росская страна».

И тотчас же далее, в начале второй строфы:

«Петра воздвиг с Екатериной
 И с Павлом; о драгой залог!
 Послал нам радость за судьбиной
 В щедротах неизмерный Бог».

И снова подтверждает свое провозглашение:

«Орел великий обновился,
 На высоте своей явился,
 И над Европою парит».

При этом поэт подчеркивает, что молодого императора, именно, как «Петра Великого», готовила своей стране Елизавета (строфа 3):

«Чтоб был для Россов счастья, славы,
 Без пресечения державы,
 Великий Петр во веки жив».

И в полном соответствии с этим поэт влагает в уста умершей императрицы признание грядущего торжества (строфа 5):

«И ныне отхожу с покоем,
 Отечество Тобой Героем
 Превыше будет всех держав».

Мудрено ли, что далее молодой император оказался Самсоном, Давидом и Соломоном, вместе взятыми? Мудрено ли и другое, что он . . . — раз он, действительно, «Петр Великий» — стоит выше и стоит больше, чем Елизавета. По крайней мере, поэт в первой же строфе отметил его превосходство перед только-что умершей теткой:

«Уже плачевная утрата,
Дражайшая сокровищ злата
Сугубо нам возвращена»,

говорит он, поясняя, что на смену «Дщери Петровой» в лице ее наследника пришел на землю и взошел на русский престол сам «Петр Великий» . . .

Учитывая это, надо посмотреть, как дух старого, настоящего Петра I рисовал программу деятельности нового, уподобляющегося и уподобляемого ему.

В речи «духа Петрова» к Елизавете действия нового императора рассматриваются, как прямое и последовательное продолжение ее политики: каждый пункт будущей политики Петра III сопоставлен и связан с соответственным пунктом минувшей политики Елизаветы; таково уже общее установление основных начал его политики: Елизавета, по строфе 9,

«Великодушия, щедроты
И мужества дала пример:
Чтоб руку Он к своим для льготы
И меч против врагов протер», —

так, в основу его внутренней деятельности кладется политика «великодушия», «щедрот» и «льгот», а в основу внешней — мужественная борьба с врагами, и там и здесь продолжение ее политики.

Что касается внутренней политики, то здесь прежде всего отмечена необходимость продолжения забот об устройении Петербурга Елизаветой: он «будет выше древних див» (строфа 9).

Более общие задачи внутренней политики сформулированы с морально-религиозной точки зрения (строфа 10).

Надо полагать, что автор хочет рекомендовать новому правительству позаботиться о сельском хозяйстве и рудном деле, о том, чтобы скольконибудь увеличить количество населения в огромной стране. При этом следует считать, что Ломоносов

ученый, человек, учившийся на Западе, усвоивший установки ученых-«полицистов» своего времени, считал основой развития ряда отраслей государственной жизни в первую очередь науку, технику. Не даром в строфе 11 он сказал:

«Ты награждала всем науки;
И он щедротой оживит,
Искусством обученны руки
Снабдит, умножит, просветит».

Но в концепции поэта развитие научной и технической деятельности в стране должно помочь также активной внешней политике молодого императора, — по крайней мере, вслед за словами о науке и технике он тотчас же поместил пункт об успехах на войне. Очевидно, в его сознании эти успехи также должны были базироваться на дальнейших достижениях науки и техники, — и, с другой стороны, внешняя политика определяла во многом ведущие линии деятельности царского правительства в середине XVIII века. Сложная ситуация семилетней войны поставила вопросы внешнеполитической ориентации русского двора в центре внимания, и Ломоносов не мог не отразить этот вопрос и в данном месте оды.

В области внешней политики речь «духа Петрова» ставит основной задачей нового императора удержание завоеваний Елизаветы (строфа 9):

«Пределы Ты распространила;
Его благословенна сила
Поставит, вечно утвердив».

Это сказано, конечно, не только о приобретениях Елизаветы в Шведской войне, а и в Пруссии, которую Россия заняла во время Семилетней войны. Еще явственнее это в следующих словах «духа Петрова» (строфа 11):

«Конец своей положит власти,
Где знак стоит твоих побед».

Но здесь же речь «духа Петрова» указывает и верный путь к удержанию завоеваний Елизаветы:

«Он постыдит, как Ты, злодеев.
Оставлен посреде трофеев,
До облак оны вознесет».

Это — путь новых побед. Недаром несколько выше «дух Петров» ожидает, «чтоб... он», т. е. Петр III, «с меч против врагов простер». Итак, «дух Петров» рекомендует путь новых побед для удержания старых завоеваний. Побед для захвата новых территорий он не требует, да и захватывать их нигде не советует.

К очередным программным вопросам внутренней и внешней политики поэт подходит в своей оде и за пределами речи «духа Петрова».

Нарисовав в 14 и 15 строфах оды хотя и в кратких очертах, но выразительную и пышную картину «неба» на русской «земле», поэт переходит к изображению места России среди других держав. Нельзя не согласиться с тем, что оно сделано очень искусно и тонко.

Изображение неожиданно начинается с пышных перспектив русской восточной политики (строфа 16):

«Там мерзлыми шумит крилами
Отец густых снегов борей
И отворяет ход меж льдами
Дать воле путь в восток Твоей:
Чтоб Хины, Инды, и Японы
Подверглись под Твои законы.
Тебе от верной глубины
Руками плещут воды белы».

Этот отрывок представляет интерес в двух отношениях. Во-первых, он возвещает агрессивную политику на Дальнем и «Среднем» Востоке против Китая («хины»), Японии («японы») и англичан в Индии («инды»). Во-вторых, он намечает совершенно необычный морской путь войны:

«... борей
... отворяет ход меж льдами
Дать воле путь в восток Твоей»...

и означает отправной пункт экспедиции — Беломорский порт Архангельск:

«Тебе от верной глубины
Руками плещут воды белы».

Здесь полная определенность огромной военно-политической агрессии. Гораздо менее ясна картина будущих отношений на Западе (замечательные образами строфы 16—20):

«... Ликуют Западные пределы,
Предвидя счастье войны.

Европа ныне восхищенна
Внимая смотрит на Восток,
И ожидает изумленна,
Какой определит ей рок.
То видит зрак Твой пред полками
Подобный Марсу меж врагами;
То представляет общей пир,
Отрады ради утомленных,
Избавы ради раззоренных,
Тобою обновленный мир.

Когда по глубине неверной
К неведомым брегам пловец
Спешит по дальности безмерной;
И не является конец;
Прилежно смотрит птиц полеты,
В воде и в воздухе приметы.
И как уж томную главу
На брег желанный полагает,
В слезах от радости лобзает
Песок и мягкую траву.

Гермафия сему подобно
По собственной крови плывет
Во время смутно, неспособно,
Конца своих не видит бед;
На Фарос сил Твоих взирает,
К Тебе дорогу направляет,
Тебе себя в покров отдать.
В согласии желает стройном,
В Твоем пристанище спокойном,
Оливны ветви целовать.

Тогда по славнейших победах,
Как общий ускоришь покой,
Пребудешь знатнейший в соседах
Прехвален миром и войной».

В этих строках — две картины: общая и частная. Первая обрамляет вторую — в начале тем, что есть, в конце тем, что будет: тревожным ожиданием Европы, «какой определит ей рок» молодой русский император, и его уже совершившимся полным торжеством.

В начале отрывка поэт говорит, что Европа пока еще совсем не знает, как будет действовать Петр III: будет ли он продолжать войну с Пруссией, или же, наоборот, заключит с нею мир. Сам поэт, кажется, дает понять, что скорее надо ждать последнего — он выражается «обновленного мира», тонко внушая это и самым размещением частей (о возможности заключения мира сказал на втором, последнем месте!) и самую соблазнительную красочностью образов:

«Отрады ради утомленных,
Избавы ради разоренных,
Тобою обновленный мир»

— к тому же образов, морально оправдывающих грядущее заключение мира, дающих ему моральную мотивировку...

Что же касается частной картины, то если уже мотивировка грядущего мира оправдывает и подкупает читателя, то помещаемый сейчас же далее образ «пловца» в его тяжелой беде и «томной» радости должен пробуждать в читателе живое чувство сострадания к несчастному, а упоминание тотчас вслед за тем о Германии — дать определенное политическое направление его чувству и мысли, меж тем как самая характеристика положения Германии, ее военной и государственной слабости, ее готовности не только на мир с могучей Россией, но и на полное политическое ей подчинение, на вхождение в ее политический фарватер, должно окончательно выяснить читателю ценность предстоящего мира: это и требования гуманности и холодный политический расчет...

Итак, и Европа и Россия должны ждать не продолжения войны, а заключения мира, для Пруссии и всей Германии спасительного, для России морально-справедливого и политически выгодного, для Европы, конечно, желанного.

Это и есть то «счастье войны», о котором сказано в самом начале отрывка, что, его «предвидя», ликуют «западные пределы» империи.

Но как же тогда, в свете этого заключения, надо понять последние слова изучаемого отрывка:

«Тогда по славнейших победах,
Как общий ускорись покой,
Пребудешь знатнейший в соседах,
Прехвален миром и войной?»

Чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего присмотримся к тому, как М. В. Ломоносов в эпоху участия России в Семилетней войне вообще относился к проблемам «войны и мира».

Поэт умел «петь» войну, но он предпочитал «петь» не ее, а мир. Об его настоящем отношении к войне, думается, лучше всего свидетельствует его стихотворение «Доколе счастье ты венцами злодеев будешь украшать», — пусть переводное (Руссо — «На счастье»), но безусловно отвечающее подличному настроению поэта: ведь иначе он мог бы его и не переводить, хотя бы и на конкурсе с Сумароковым.¹

Зато подлинною жаждою мира проникнуты все его стихотворения. Я имею здесь в виду не столько его мирные высказывания в одах 1757—1761 гг., во время участия России в Семилетней войне, сколько общий тон всей его поэтической деятельности.

Что же касается первых, то они, при всей несомненной личной общей настроенности поэта к миру и мирной деятельности, несут ярко выраженный политический характер. Так, в оде 1757 г. на рождение Анны Петровны поэт восклицает (строфа 5):

«Умолкни ныне брань кровава»,

¹ Сочинения, II, стр. 168 и сл., примеч. 245—59. Впрочем, в одном из своих стихотворений военного времени (ода 1761 г.) он дал, так сказать, и «оправдание» войны (строфы 12 и 13):

«Необходимая судьба
Во всех народах положила,
Лабы военная труба
Унылых к бодрости будила,
Чтоб в недрах мягкой тишины
Не заведи водам равны,
Что вокруг защищены горами.
Дубравой, неподвижны спят,
И под ленивыми листьями
Презренной произволят гад.

Война плоды свои растит,
Героев в мир раждает славных,
Обширных областей есть щит
Могущество крепит Державных».

заверяет, что «всех... побед» «приятнее», «больше радость» «больше слава», сознание,

«Что Петр в наследии живет,
Что Дщерь на троне зрит Россия»,

и восклицает: «На что державы Ей чужие!» «Ей» — несомненно императрице, «дщери» императора Петра I. Все это, конечно, не только гиперболическое выражение верноподданнейших чувств и столь же гиперболическая лесть, но и очень определенное политическое выступление во славу «дома Петрова» и русского бескорыстия в войне. Определенно политические выступления заметны и в других аналогичных случаях. Например, ожидание мира отражено в строфах 22—24 оды Ломоносова 1759 г.

«Коль тщетно пышное упорство
Надеясь на свое проворство
Сбирает беглые полки;
В пределы кроткого зефира
Златого не приемлет мира:
Еще кровавой ждет реки.

С верхов цветущего Парнасса,
Смотря на рвение сердец,
Мы ждем желаемого гласа:
„Еще победа, и конец,
Конец губительных брани.
О Боже, Мира Бог, восстани,
Всеобщу к нам любовь пролей,
По имени Петровой Дщери
Военны запечатай двери,
Питай нас тишиной Твоей“.

«Иль мало смертны мы родились,
И должны удвоить свой тлен.
Еще ль мы мало утомились
Житейских тягостью бремен.
Возри на плачь осиротевших,
Возри на слезы престаревших,
Возри на кровь рабов Твоих.
К Тебе любовь и радость света
В сей день зовет Елисавета:
Низвергни брань с кондов земных».

Поэтический смысл этого выступления поэта совершенно ясен: надо оправдать дальнейшее продолжение войны после новых побед, надо внушить мысль о том, что для желанного мира необходима еще одна — всего лишь одна, но зато решительная, победа. После нее и наступит мир с до конца разгромленным врагом, — едва ли даже не мир навсегда и между всеми народами: «Низвергни брань с концов земных».

В оде 1761 г. он так сравнивает потрясенный войной Запад и Россию (строфа 22)

«В войну кипит с землею кровь,
И суша с морем негодует;
Владеет в мирны дни любовь,
И вся натура торжествует.
Там заглушают мысли шум,
Здесь красит все довольства ум.
Се милость истинну сретает,
Воззрите, смертны, в высоту!
И правда тишину лобзает,
Я вижу вечну красоту».

И затем в строфе 23 так описывает явление «Всесильного Мира».

«Среди разгнанных мрачных бурь,
Всего пресветлее сияет,
Вокруг и злато и лазурь:
Всесильный Мир себя являет:
Оливна ветвь, лавр, слава, мечь!
Внимай подсолнечная речь:
„Петрова Дщерь вам в век залогом.
Я жив и обладает Петр,
Пребуду вечно вашим Богом,
И как Елисавета щедр“».

Здесь уже нет ни слова о необходимости для заключения мира новой победы: она — и не одна! — была после пышной и гордой оды 1759 г. и не принесла мира. Здесь о мире говорится в тоне поэтического восприятия и изображения почти стихийно надвигающегося счастья. И немудрено: это время, когда проблема мира в правительственных кругах была основной, когда вокруг нее уже велись предварительные переговоры между союзниками и противниками.

Но «речь», которою кончается ода 1761 г., заслуживает того, чтобы на ней особо остановиться. По контексту надо понимать так, что она принадлежит «Всесильному миру», который «себя являет» как раз перед моментом ее произнесения. К сожалению, ее содержание не вполне ясно. Повидимому, поэт хочет сказать от имени «Всесильного мира», что он «жив», «пребудет вечно... богом» «подсолнечной», — т. е. «вечно» будет царить в ней и при этом будет так же для нее «щедр», как Елизавета для своих русских подданных; во всем этом поэт от его имени свидетельствуется Елизаветой — очевидно, ее приведшими к явлению «Всесильного мира» победами. При таком понимании «речи» неясно, что значат слова «обладает Петр». Повидимому, мы имеем здесь очень двусмысленную ссылку на Петра I: он-де царствует («обладает») в лице своего внука, Петра, в склонности которого к заключению мира не могло быть ни у кого сомнений. Так, думается, поэт, предчувствуя недалекую смерть императрицы, уже имел в виду ее наследника и преемника и играл одинаковостью имени его и отца Елизаветы, — в частности, в сложной проблеме «войны и мира».

Естественно возникает вопрос, что же в оде Петру III является действительно соответствующим подлинной настроенности поэта?

Чтобы ближе подойти к решению этого вопроса, присмотримся к самой постановке поэтом вопроса об участии России в Семилетней войне.

В этом смысле очень интересна обширная речь Елизаветы в оде 1757 г., произнесенная ею как бы в экстазе — «в брани воспаленной вещал ее на небо дух» — и формально адресованная Богу, фактически же «концам вселенной» и более всего, конечно, ее собственной стране. Ее цель как раз — объяснение и, более того, оправдание непонятной не только широким массам, а и дворянским кругам, войны (строфа 6—8):

«Шестнатцать лет нося порфиру
Европу Я склоняла к миру
Союзами и страхом сил.

Как славны дал Ты нам победы,
Всего превыше было Мне,
Чтоб род Российской и соседы
В глубокой были тишине.
О безмятежной жизни света

Я все усердствовала лета:
 Но ныне Я скорблю душой,
 Зря бури царствам толь опасны;
 И вижу, что те несогласны
 С святой правдивостью Твоей».

«Присяжны преступив союзы,
 Поправши нагло святость прав,
 Царям наверхнуть тщится узы
 Желание чужих держав.
 Творец, возри в концы вселенны,
 Возри на зёмли утесненны,
 На помощь страждущим восстань,
 Позволь для общего покою
 Под сильною Твоей рукою,
 Воздвигнуть против брани брань».

Императрица говорит, что после Шведской войны («как славны дал ты нам победы») приложила все силы к сохранению мира меж Россиею и другими державами, а также и у соседей, действуя, как системою «союзов», так и «страхом» военных «сил» своей страны. Однако, все ее усилия оказались напрасными, так как «общий покой» был нарушен неожиданным и ничем неоправдываемым насилием — автор разумеет занятие Фридрихом II Саксонии, причем «присяжны... союзы» были «преступлены», а «царям» была сделана попытка «наверхнуть... узы», во имя «желания чужих держав». Тогда России пришлось «воздвигнуть против брани брань», чтобы оказать «помощь страждущим» и восстановить «общий покой».

Из всего этого никак не явствует, что России, в понимании или изображении М. В. Ломоносова, угрожала от Пруссии какая либо опасность. Наоборот, он представляет дело так, что Россия вступила в войну лишь в общих интересах Европы.

В оде 1759 г. поэт говорит то же (строфа 8):

«Чтоб жить союзникам свободным,
 Жалея, двинулась войной;
 Узрев растерзанны союзы,
 Наверженные скиптрам узы,
 Рекла: как злых не укрочу;
 Алчбе их света не достанет:

Пуškai на гордых гнев мой грянет,
Сobleщет молния мечу».

О причинах войны в оде 1761 г. Ломоносов замечает (строфа 10):

«Едина токмо брань кровава
Принудила правдивой мечь
Противу гордости извлечь,
Как стену Росску грудь поставить
В защиту дружеских держав,
И от насильных рук избавить
В союзе верность показав».

Таким образом все тексты М. В. Ломоносова рисуют одну и ту же картину — вступление России в войну не из-за соображений страха перед дальнейшим усилением Пруссии или каких-либо корыстных расчетов, а единственно в целях организации прочного и справедливого мира в Европе с устраниением всех насилий одного государства над другим или другими — значит, не в русских, а в их, «союзников», интересах.

В свете этого наблюдения нельзя не заметить, что в оде Петру III поэт почти нигде не высказывает своих старых утверждений о целях войны и вообще о них не говорит, даже не упоминает о союзниках, вместе с которыми и, по официальной версии и его же прежним выступлениям, из-за которых велась Россией война. Единственная строка оды, которую можно отнести к ним —

«Как общий ускоришь покой»,

горее относится к ним не столько как к субъектам, сколько как к объектам намечаемой им политики.

Поэтому естественно полагать, что на данном этапе войны и в связи с происшедшими в России переменами (вспомним так бы предсказание оды 1761 г.: «Обладает Петр!») автор не считал возможным ставить и обсуждать вопрос о войне и мире так, как это делал раньше — в ясном сочетании с вопросом о целях общей войны, — значит, и с вопросом о союзниках, об их участии в таком же общем, как была война, мире. В его «как общий ускоришь покой» звучит признание неизбежности отдельного от союзников, сепаратного мира, если нельзя будет быстро заключить общий мир.

М. В. Ломоносов по своей близости к руководящим русскою внешнею политикой кругам и лицам, вероятно, хотя бы в общих очертаниях, знал о тех чрезвычайных трудностях, которые до сих пор встречала старая русская постановка вопроса о мире не только в Пруссии, но и у союзников. Поэтому едва ли он мог думать, что сообразное ей заключение мира практически осуществимо. Скорее он был должен думать, что оно при данных конкретных условиях невозможно. Отсюда у него должна была держаться старая же мысль о необходимости продолжения войны, новых побед. Но он также не мог не знать, что при новой постановке молодым императором всего вопроса о войне и мире продолжение войны и новые победы мало вероятны, — пожалуй, даже невозможны.

Мне представляется, что именно так надо объяснять некоторую двойственность в постановке М. В. Ломоносовым в оде Петру III давнего вопроса о войне и мире.

Он знает, что мир будет заключен в ближайшее же время, хочет его заключения на базе старых русских требований аннексии восточной Пруссии, сознает трудность, даже невозможность, при данных условиях получить на такое основное русское требование согласие Пруссии, считает необходимым для его осуществления конечное ее поражение, но не верит в готовность императора продолжать войну. Отсюда и впечатление нерешительности всех его речей о продолжении войны и новых победах.

Может быть, следует обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Строфы, посвященные вопросам внешней политики, — 16—20, — разрывают собою естественное течение авторских мыслей, а именно: строфа 14 начинает, а строфа 15 продолжает изображение «рая» на русской «земле», строфы 16—20 посвящены вопросам внешней политики и кончаются горделивым провозглашением будущего:

«Тогда в трудах Тебе любезных,
 Российским областям полезных,
 Все время будешь провождать;
 И каждой день златого веку,
 Как долго можно человеку,
 Благодеяньями венчать...»

а следующая же строфа 21 продолжает описание уже существующего в России «рая» с изображением необыкновенной любви

населения к своему государю, уже в настоящем, а не будущем, вслед за чем идут авторские обращения к «Российскому радостному Сиону», «Голстинии» с ее «Цвейтином», «весне златой» и в заключение к «небес и всех веков «Зиждителяю». Если же мы присмотримся к постановке М. В. Ломоносовым общего вопроса о войне и мире в частях, обрамляющих строфы 16—20, и в них самих, то увидим, что в этих последних, так сказать, центральных строфах постановка вопроса иная, чем там: например, там враг «злодей» («Он постыдит, как ты злодеев»), здесь перед нами несчастная Германия, в образ которой объединены и союзники и враги; там перед нами «Голияфы» в стихах 22 строфы:

«Самсон, Давид и Соломон
В Петре тобою обладают
И Голияфов презираюг...»

здесь тот же образ, здесь мысль об «отраде ...утомленных, избаве... раззоренных»; там неоднократно высказанная мысль о конечной победе, хотя бы в стихах о самом Петре III:

«Сильнее тигров Он и львов
Геройска бодрость в нем избранна:
Иссохнет на земли поцранна
Свирепость змиевых голов» (строфа 22),

а здесь забота об измученном враге.

Мне думается, что в уже готовую оду автор вклинил несколько новых строф, иного, чем те ее части, содержания. Новостью в них являются и планы широких агрессий на Восток, заменяющие собой отступление на Западе.

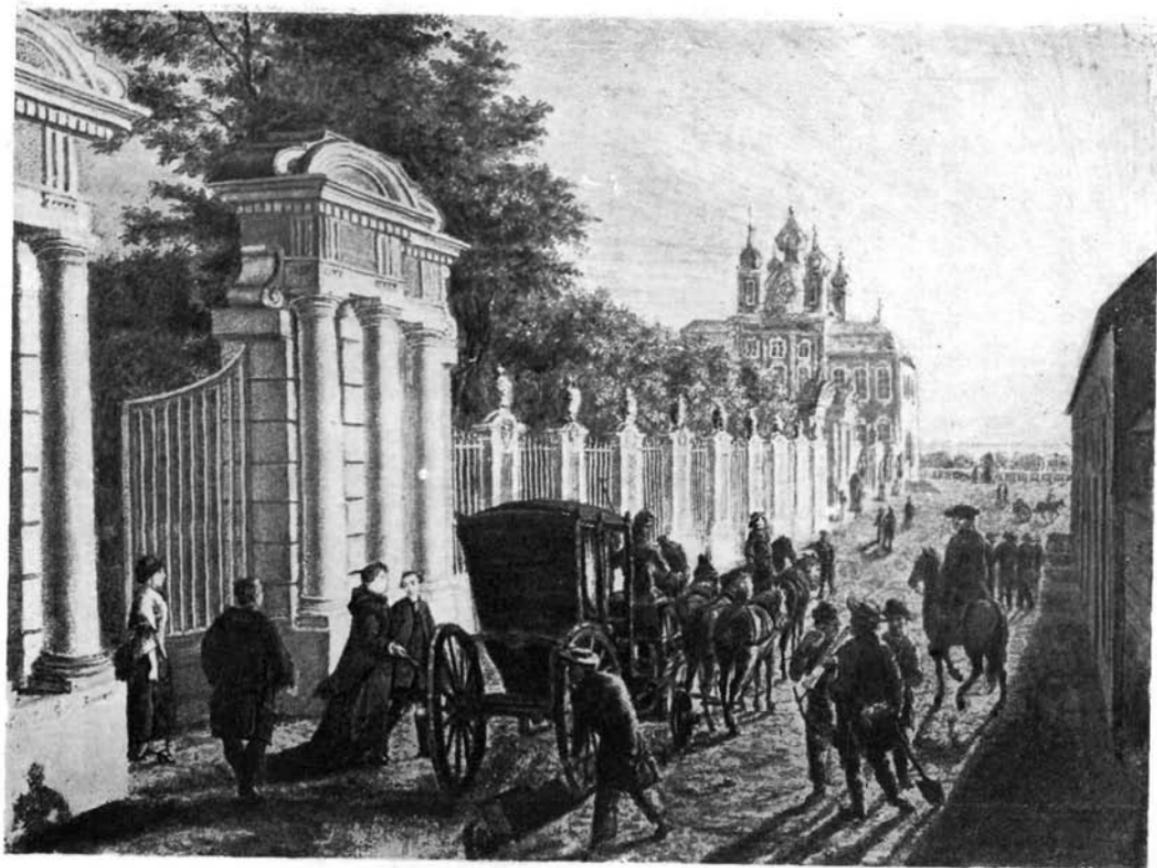
Повидимому, поэт не представлял себе, когда писал свою приветственную оду, по крайней мере, в сколько-нибудь точных очертаниях, грядущей внешней политики нового царствования. Трудность его положения осложнялась тем, что в манифесте Петра III о восшествии на престол не говорилось ни слова ни о войне, ни о мире, ни вообще о предстоящей политике молодого императора, а его обещание подражать Елизавете и «Петру Великому» — первой, правда, лишь в милосердии и щедрости, но второму во всем, — позволяло полагать, что война будет продолжаться до прочного водворения России на западной части восточноевропейских берегов Балтийского моря, меж тем как, конечно, такое понимание манифеста решительно противоречило

тому, что о своем новом государе знали близкие к автору правительственные и придворные круги, да в сущности был должен знать и он сам. Приходится думать, что он начал писать свою оду с одним и очень неожиданным представлением о наступающей новой полосе русской внешней политики, навеянном словами императорского манифеста, и лишь во время составления оды узнал о предстоящем ее изменении, — может быть, даже тогда, когда ода была целиком или хотя бы в основном уже закончена... Так, думается мне, надо понимать высказывания его оды Петру III по вопросам грядущей русской внешней политики.¹

Знал ли при этом М. В. Ломоносов о предстоящей новой войне — с Данией из-за Шлезвига? Вероятнее делать вывод, что он ещё не был осведомлен о замыслах Петра III воевать с нею в союзе с Пруссией. К сожалению, и строфа 23 с ее призывами к «Гольштинии» и «Цвейтину» не дает материала для решения этого вопроса, хотя в последнем обращении

«Ты к морю в празднестве стремишя,
Цветущий славою Цвейтин.
Хотя не силен ты водою;
Но радостью сравнись с Невною;
До Зунда шум твой распростри.
Соединенные Российским
Поставь по берегам Балтийским
Желаний верных Олтари», —

¹ Я бы не считал внешнюю политику Петра III столь нелепой и так противоречащей реальным интересам русского правительства, как ее, вообще говоря, очень склонны расценивать в нашей историографии. Дело в том, что переговоры с союзниками привели елизаветинское правительство к обязательству обменять выговоренную им в качестве компенсации России за участие в войне Пруссию на Курляндию у Польши. Но Петр рассчитывал приобрести Курляндию — правда, не в подданство, а «в протекцию» России — иным путем, а Пруссию, которой Россия по своим договорам с союзниками все равно никак не могла удержать, фактически обменять на Шлезвиг, занятие которого помимо не только согласия, но даже и содействия Пруссии, вообще говоря, было довольно затруднительно. Таким образом план Петра III в значительной мере, хотя и не сполна, обеспечивал русские интересы в Курляндии, как их понимали при елизаветинском дворе, и, кроме того, обещал значительные выгоды на Ютландском полуострове, где Россия к тому времени уже прочно стояла в его голштинских владениях.

Современная зарисовка переворота 28 июня 1762 г.

может быть, простирает замаскированное возведение будущих военных операций против Дании: ведь, основная часть балтийского побережья Югландского полуострова и острова на Балтийском море принадлежала не Голштинии, а Дании; как же при таких условиях «Цветущий славою Цвейгин» мог распространить свой шум «до Зунда»? да и пространство морского побережья, на котором поэт зовет Цвейгин «ставить... олтари», и очень, в сущности, незначительно и прикрито от основного массива Балтики грудой Датских островов.

Так, в общих очертаниях и с необходимыми оговорками М. В. Ломоносов рисовал себе будущую внутреннюю и внешнюю политику Петра III. Однако вскоре же действительность показала ему ее с другой стороны, в ее практическом осуществлении и неразгаданных частях. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных, чтобы в достаточной степени ясно представить себе его отношение к совершившимся в стране событиям, к внутренней и внешней политике императора. Биограф М. В. Ломоносова П. П. Пекарский давно и правильно отметил, что он «приостановился дальнейшими представлениями на своих недоброхотов из немцев и не настаивал более пред графом Разумовским о приведении в исполнение предложенных им крутых мер против помянутых врагов своих». «Теперь трудно сказать», заключал свое наблюдение П. П. Пекарский, «поступал ли так Ломоносов, имея в виду особенную склонность Петра III ко всем немцам, или же он хорошо видел, что в постоянную сумятицу, которою отличалось это кратковременное царствование, бесплодно было бы продолжать нападки, не имевшие успеха и в более спокойные времена».¹ Думается, что его первое предположение вероятнее второго: дело, конечно, было не в «сумятице», а в принципиально новой установке «кратковременного царствования» для всей совокупности проблем русской и внешней и внутренней политики.

Во всяком случае отношение М. В. Ломоносова к молодому императору, повидимому, менялось в сторону отрицательной оценки его деятельности. Известным показателем происходившей перемены является заключительная часть речи М. В. Ломоносова о катадиоптрической трубе, которую он должен был произнести в «Петров день» 1762 г. и ко дню праздника уже

¹ Пекарский, П. П. История имп. Академии Наук в Петербурге, II, СПб., 1873, стр. 762—63.

успел напечатать. Он говорил в ней, завершая свое учное изложение кратким словом в честь царствующего императора: «прошу вас быть... совершенно уверенными, что при покровительстве августейшего самодержца нашего Петра Третьего, наследника родовых добродетелей, с сонмом всех прочих наук возрастет и астрономия, которую блаженная памяти Петр Великий удостоивал особенным попечением, поддерживал и любил, и что славнейшая из муз Уrania утвердит преимущественно жилище свое в нашем отечестве. Августейший дом Петра, по укрощении военной бури, как солнце — среда движения планет и умеритель — да привлечет к себе, как к центру, все тела в системе целого мира, от него свет и теплоту заимствующие. Сии живейшие желания наши соединим с обетами всей империи российской в сей день, который уже почти целое столетие, после рождения Петра Великого, празднуется верноподданными при громогласных восклицаниях, рукоплесканиях и плясках. Сей день Петра, отца отечества и сына, возлюбленного государя, радостный и счастливый, с удвоенным торжеством да возвращается навсегда более радостным, более счастливым и да принесет в позднейшее потомство общее ненарушимое веселие».¹

Нельзя не сознаться, что в похвалах этой речи Петр III стоит бледною фигурою: о нем всего лишь сказано, что он — «наследник родовых добродетелей», «отец отечества и сын», «возлюбленный государь», да что его «день» — «радостный и счастливый», причем редакция всего отрывка такова, что не всегда сразу можно разделить, что собственно относится к самому Петру III и что должно быть отнесено к его «великому» одноименному деду и всему «августейшему дому Петра» — «Петрову дому» ломоносовских од. Таким образом личные похвалы М. В. Ломоносова Петру III оказались и не многочисленны и, так сказать, не индивидуальны: ведь всякий император, пока он правит страню, есть *ex officio* «возлюбленный государь», всякий в официальном языке эпохи являлся «отцом отечества и сыном» и «наследником родовых добродетелей»; наконец, последнее наименование, при отсутствии других, определено

¹ Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических, ч. III, № 1, стр. 43—44 и 49—50, а также, с пропуском, у П. Пекарского, «История императорской Академии Наук в Петербурге», II, СПб., 1873, стр. 765—66, и целиком же в тексте и примечаниях III тома «Сочинений» М. В. Ломоносова, СПб., стр. 129—36 и 88—95.

индивидуального характера, как бы подчеркивает, что собственно о самом то лице, которому оно усвоено, сказать нечего. А между тем о Петре III к концу июня уже можно было сказать многое, так как его «кратковременное царствование» было полно не только «сумятицы», о которой говорит Пекарский, а и определенной новизны во всех областях правительственной деятельности внутри и вне государства. Значит, автор или не мог, или не хотел сказать этого. Он, и действительно не хотел сказать того, что мог сказать, и не мог сказать того, что хотел бы...¹

Как известно, М. В. Ломоносов не произнес своей речи, из которой приведена выписка, потому что ко времени академического празднества по случаю «Петрова дня» новый император стал уже «бывшим», а день, который ученый поэт воспел, как счастливый и радостный, стал для Петра III днем печалей и тревог.

Едва ли, впрочем, был спокоен и поэт, ибо ему теперь предстояло вступать на новый чреватый всякими опасностями путь.

Он начал его новой одой победительнице.

Надо думать, что когда он писал эту новую оду, он был в несколько лучшем положении, чем при сочинении оды побежденному бывшему императору. Дело в том, что ко времени ее составления он имел, самое меньшее, два манифеста Екатерины об ее восшествии на престол.

Императрица Екатерина, захватив русский трон вооруженною рукою, тотчас же, еще 28 июня, издала манифест о своем восшествии на престол. Как известно, он был составлен наспех, был очень краток и имел характер предварительного сообщения о совершившемся перевороте; он лишь будил любопытство слушателя, но даже не излагал событий, — обстоятельство, в силу которого императрице, вероятно, вскоре же пришлось подумать об издании второго, обстоятельного и объясняющего манифеста.

Таковой и, действительно, был ею или, что, может быть, вернее, при ее участии составлен и выпущен, с пометкою 6 июля. Прецедент к такому разделению осведомительно-агитационной работы Екатерина могла найти в деятельности Елиза-

---

¹ Такое впечатление особенно подкрепляется сопоставлением заключительных слов изучаемой речи М. В. Ломоносова с такими же заключительными словами его других речей, напечатанных в IV и V томах того же издания его сочинений (СПб., 1898 и 1902).

веты, которая, вступив на престол, тотчас же уведомила о том манифестом своих подданных, а позже вторым манифестом провела в их среде разъяснительную и агитационную (сама за себя) кампанию.¹

Манифест от 28 июня так намечает обстоятельства, создавшие необходимость переворота. Первое — вопросы церкви и веры. «Закон наш православной Греческой перво всего восчувствовал свое потрясение и истребление своих преданей церковных, так что церковь наша Греческая крайне уже подвержена оставалась последней своей опасности переменою древнего в России православия и принятием иноверного закона»; второе — «слава Российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием, чрез многое свое кровопролитие заключением нового мира с самым ее злодеем отдана уже действительно в совершенное порабощение»; третье — «внутренние порядки, составляющие целость всего нашего отечества, испровержены». Отметив эти обстоятельства, манифест отмечает сложившуюся для «всех.. верноподданных.. опасность» и их «желание.. явное и нелицемерное» переворота. В заключение отмечает, что императрица «приняла Бога и Его правосудие себе в помощь».

Этот манифест, затрагивая три существенных пункта перемен в государственной жизни страны, ставил много вопросов и давал много материалов для догадок, ибо не содержал в себе никакого конкретного материала. Необходимость дать населению этот конкретный материал, конечно, тотчас же встала перед правительством, заговорщиками и Екатериной. Вероятно, работа по его составлению началась вскоре же после переворота, но она несомненно была ускорена убийством «бывшего императора» 6 июля 1762 г. Помеченный этим днем манифест, если не составлен целиком, то отредактирован и литературно оформлен несомненно именно в этот день и в часы, когда Екатерина, ее

¹ Елизавета, кроме манифеста, изданного тотчас же после переворота, издала через несколько дней (28 ноября) второй «с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права ее величества на императорскую корону». Этот манифест, кроме изложения юридической стороны дела, дает и сведения о проступках отдельных лиц против Елизаветы, преимущественно Остермана и Анны Леопольдовны с мужем, везде выгораживая имп. Анну Иоанновну, ПСЗ, XI, стр. 542 и сл. Манифесты Екатерины: ПСЗ, XVI, стр. 3—4, «Осмнадцатый век. Исторический сборник, изд. П. Бартеневым», IV, М., 1869, и В. А. Бильбасов, «История Екатерины Второй», II, СПб., 1891, стр. 28 и 75—82.

сообщники по перевороту и помощники в управлении страной уже знали о гибели Петра III.

Манифест от 6 июля имеет двух героев: отрицательного, изображенного прямым образом и в очень резких чертах, низложенного императора Петра III, и положительного, нарисованного в скрадывающих тенях, намеками и отражениями, — Екатерину. Петр III манифеста — вовсе не только умственное и моральное ничтожество, ибо он совсем не лишен определенной индивидуальности, а его чувство, воля и мысль всегда согласно работают на злое. Он — нечто гораздо большее и худшее: сознательный злодей. Это можно заметить, хотя бы переглядывая перечень обвинений против него, который легко извлечь из манифеста.

Обвинения, которые манифест от 6 июля 1762 г. возводит на бывшего императора, распадаются на две группы. Первая состоит из обвинений личного характера:

1) Обнаружил «смалость духа к правлению столь великой империи» и не имел «собственного в том признания», 2) «Всею своим страстям прежде повиновение рабское учинил и с такими качествами воцарился, нежели о благе вверенного себе государства помышлять начал». ¹ 3) Переходом к группе обвинений политического порядка является обвинение в «неблагодарности» к Елизавете (автор понимает здесь, кроме «опытов.. дерзновенной.. неблагодарности» в собственном смысле, «озлобления и ко многим.. печалям и оскорблениям.. причины», «презрение», невнимание при жизни и радость при смерти Елизаветы). ²

Группа обвинений политического характера включает в себя следующее:

1. «Ненависть к отечеству», которую в Петре, по словам манифеста, замечали еще при жизни Елизаветы! ³ 2. «Самовластие» и 3. «Оскорбление народа», о которых автор замечает: «Он возмечтал рода». 4. Нарушение законов и правил церкви и гонение на нее. 5. Презрение «законов естественных и гражданских», которое манифест находит в том, что Петр «при самом вступлении на Всероссийский престол не восхотел объявить... наследником престола» Павла, воздвиг «гонение» на него и самое Екатерину,

¹ «Осмнадцатый век», IV, стр. 217.

² Там же, IV, стр. 217—218.

³ Там же, IV, стр. 217.

замышляя Павлу «истребление», ей «погибель». Любопытно, что затем манифест говорит о каких-то мероприятиях Петра против Екатерины и, видимо, Павла в «народе» — правда, без достаточной ясности, а немного далее, что Петр III, за несколько часов до того, как вступить в переговоры с Екатериной «повеление давал действительно.. убить» ее, «о чем ей те самые заподлинно донесли, с истинным удостоверением, кому сие злодейство противу ее живота.. препоручено было делом самим исполнить». В этой связи небезинтересно и следующее обстоятельство. Манифест от 6 июля говорит, что «те, которые.. хотели благопристойное почтение.. яко своей истинной государыне, отдавать» Екатерине, «в опасности живота или по меньшей мере счастья своего находились». ¹ 6. Замыслы государственного переворота. «Вознамерился», говорит манифест, «или вовсе право, ему преданное от» Елизаветы «исповергнуть или отечество в чужие руки отдать». 7. Расстройство всего государственного порядка. Манифест дает такую характеристику «неутомимым и безрассудным.. трудам» Петра III «в таковых вредных государству учреждениях»: «Законы в государстве все пренебрег, судебные места и дела презрел и вовсе об них слышать не хотел, доходы государственные расточать начал бесполезными, но вредными государству издержками, ... возненавидел полки гвардии, освященным его предкам верно всегда служившие, превращать их начал в обряды неудобносимые, которые не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болезненные всех верноподданных его войск, и усердно за веру и отечество служащих и кровь свою проливающих. Армию всю раздробил такими новыми законами, что будто бы не единого государя войско то было, но чтоб каждой в поле удобнее своего поборника губил, дав полкам иностранные, а иногда и развращенные виды, а не те, которые в ней единообразием составляют единоподушие». 8. Неправильная внешняя политика, о которой манифест замечает: «из войны кровопролитной начинал другую безвременную и государству Российскому крайне бесполезную». ²

Можно сказать, чудовищное нагромождение обвинений. Но в манифесте Екатерины от 6 июля удивляет не только нагромождение обвинений на бывшего и в момент его, если не составле-

¹ «Осмнадцатый век», IV, стр. 218—221.

² Там же, стр. 218—219.

ния, то по крайней мере опубликования, уже убитого императора, а и ловкость литературного оформления и агитационного использования этих обвинений. Чтобы еще сильнее оттенить его ничтожество и злобу, манифест противопоставляет Петру III «Петра Великого», рассказывая, как внук разрушил (манифест выразился бы «развратил») дело деда.¹ Оказывается, что, несмотря на все обещания Петра III в манифесте о восшествии на престол, у него с его «великим» дедом общего только имя и власть, которой дед пользовался умно и на пользу, а внук глупо и в явный вред стране. И манифест, пороча Петра III, делает важное политическое замечание: «Самовластие, необузданное добрыми и человеколюбивыми качествами в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям непосредственно бывает причиною»,² — и соответственно страшными оказываются итоги царствования Петра III, которые манифест формулирует словами: «отечество погибающее»...³

Екатерина подтверждает такое впечатление о Петре III, которое естественно слагается у читателя или слушателя ее манифеста, умелыми ссылками на всеобщее враждебное ему настроение.

На протяжении манифеста не один раз говорится об отношении подданных к поступкам Петра III, начиная от первого же делового абзаца, в котором уже сказано об их недовольстве Петром III; далее, упомянуто о сделанных ему с их стороны представлениях по делам веры, об их возмущении его замыслами «на гибель» Екатерине и «истребление» Павла, об их раздражении «развращением» дела «Петра Великого», которое он начал «неутомимо» проводить; об их новых обращениях к Екатерине в связи с обнаружением новых враждебных замыслов с его стороны. В заключение манифест говорит об отношении к нему народа, что его «неутомимые и безрассудные... труды в таковых вредных государству учреждениях столь чувствительно напоследок стали отвращать верность Российскую от подданства к нему, что ни единого в народе уже не оставалось, кто бы в голос с отвагою и без трепета не злословил его и кто бы не готов был на пролитие крови его».⁴

¹ «Осмнадцатый век», IV, стр. 219.

² Там же, стр. 217.

³ Там же, стр. 220.

⁴ Там же, стр. 219.

Но рядом с яркою и ненавистною в своем ничтожестве и злобе фигурою в манифесте стоит другая — Екатерина, представленная в самом розовом свете.

Откровенная агитация за Екатерину видна в том, как манифест рисует отношение к ней «народа». Начать с того, что он содержит следующее любопытное указание: «все прямо усыновленные своему отечеству» «скоро... обозрели в» Петре III «малость духа к правлению столь великой империи, однакож уповали на его собственное в том признание, а искали между тем... матернего в правительстве империи вспоможения» со стороны Екатерины.¹

Еще интереснее, что когда невозможность фактического соправительства Екатерины, по обстоятельствам от нее независящим, вполне выяснилась, тогда, по словам того же манифеста, начались замыслы «побудить» ее «к принятию бремени правительства», путем низложения императора и захвата власти в свои руки, причем «побуждали» ее, раскрывая ей замыслы Петра III против нее и Павла.²

Сообразно с этим манифест говорит, что «в народе» Екатерина и при Петре «не видела» ни единого, «кто бы» ей «добра не желал и кто бы» ей «не приносил своего подданства», но отмечает, что все же были «усерднейшие» к ней «или лучше сказать... отважнейшие к незакрытию своего усердия».³ Такие лица, по словам манифеста, и раскрывали ей замыслы Петра или воздавали ей подобающие почести и уважение. Соответственно с общим «народным» настроением, но под прямую угрозою гибели себе и сыну, как она это сама подчеркивает, Екатерина дала согласие «присланным от народа» и захватила престол.⁴

Манифест хочет представить дело так, что-мол переворот оказался очень легким делом, не встретившим сопротивления. Сама Екатерина в манифесте так говорит в присяге: «увидели желание всеобщее к верноподданству, которое нам все чины духовные, военные и гражданские всеохотнейшею присягою утвердили».⁵

Итак, «народ», или «отечество», любили Екатерину, хотели ее видеть царицей и звали ее на престол. Она приняла эту

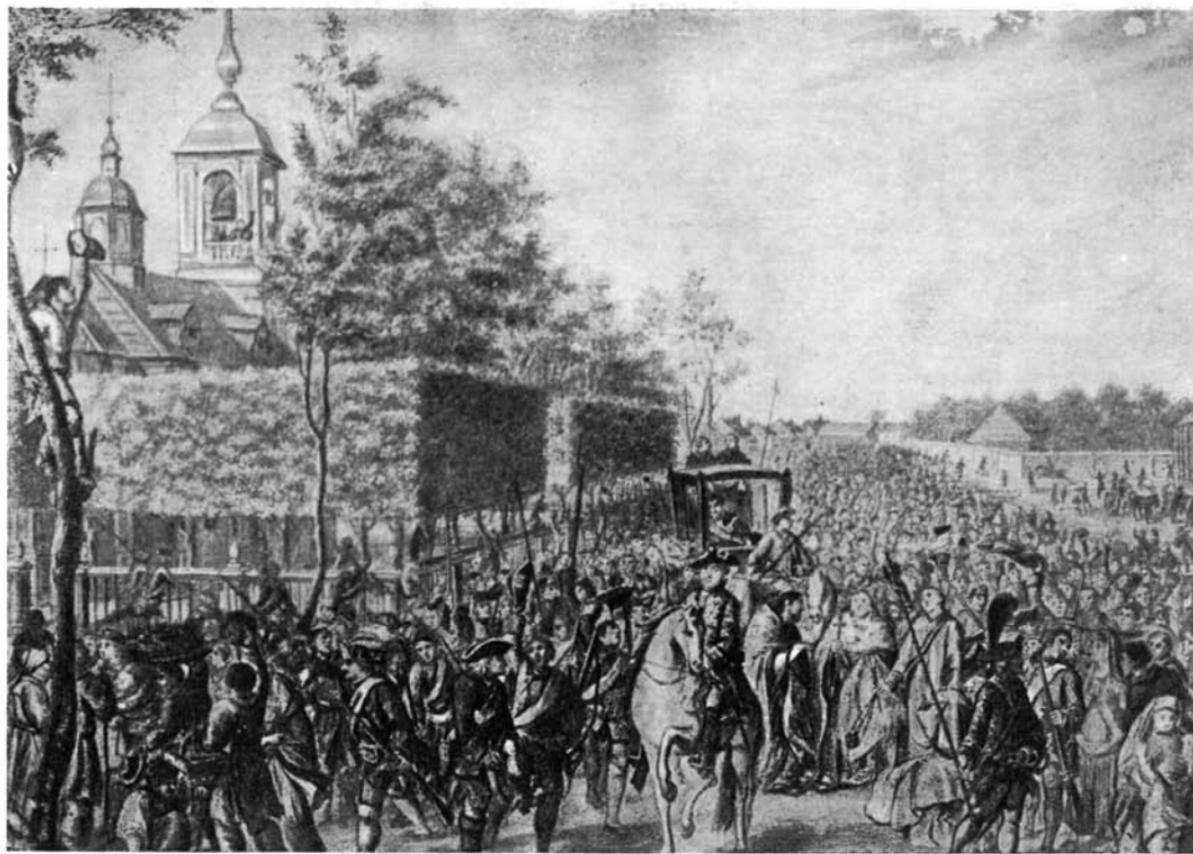
¹ »Осмнадцатый век», IV, стр. 217.

² Там же, стр. 218—219.

³ Там же, стр. 220.

⁴ Там же, стр. 220.

⁵ Там же, стр. 220.

Современная зарисовка переворота 28 июня 1762 г.

любовь и исполнила народное желание: взошла на престол. Она сознавала, что идет на большой риск; в манифесте она так говорит о действиях против Петра III: «отдали себя или на жертву за любезное отечество, которое от нас то себе заслужило, или на избавление его от мятежа и крайнего кровопролития».¹ Но она не могла не пойти на этот риск, потому что, будучи «великодушной», им отвечала на «любовь» «народа», или «отечества», к себе. Она так говорит об этом в манифесте: «.. Божиим подкреплением на такой страх поступили, какового только от нашего великодушия отечество наше за любовь его к нам требовать могло».²

Так она освящает переворот любовью к себе народа, но она привлекает и другой авторитет — покойную императрицу Елизавету — и, в явную противоположность неблагодарному и презрительному отношению к ней Петра III, так изображает свое к ней и ее к себе отношение: «.. наше к крови ее присвоенное сродство и истинное к ней усердие, так как и ее к нам чрезвычайная любовь»...³

Так, оправдав свое дело с обеих сторон, Екатерина дает понять, что она никоим образом не торопилась занять престол. Мимоходом она прямо определяет свое поведение как терпеливое: «видев наше терпеливое в гонении сердце», бросает манифест от 6 июля, рассказывая о том, как Екатерину, уговаривая на переворот, предупреждали о грозившей опасности.⁴

Но оправдав и освятив свой переворот, Екатерина замечает: «Таковым, Богу благодарение, действием престол самодержавный нашего любезного отечества приняли мы на себя без всякого кровопролития, но Бог един и любезное наше отечество чрез избранных своих нам помогали».⁵ Получается впечатление, что она приписывает победу переворота себе, а Богу и отечеству отводит на долю гораздо более скромную роль — просто лишь помощь себе, победительнице. То есть хочет сказать в заключение рассказа о перевороте, что на престол взошла сама собою, своим риском, своим вооруженным восстанием.

¹ «Осмнадцатый век», IV, стр. 220.

² Там же.

³ Там же, IV, стр. 218.

⁴ Там же, IV, стр. 219.

⁵ Там же, IV, стр. 222.

В том же манифесте Екатерина так определяет программу своего царствования в явную противоположность политике Петра III: «соблюдение нашего православного закона, .. укрепление и защищение любезного отечества, .. сохранение правосудия, .. искоренение зла и всяких неправд и утеснений» и вообще — «вся благая»; особенно Екатерина оговорила («наиторжественнейше обещаем нашим императорским словом») введение важнейшей правительственной реформы — «узаконить такие государственные установления, по когорым бы правительство любезного нашего отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело так, чтоб и в потомки каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка, и тем уповаем предохранить целость Империи и нашей самодержавной власти, бывшим несчастьем несколько испроверженную, а прямых верноусердствующих своему отечеству вывести из уныния и оскорбления»,¹ — т. е., в конце концов, всего лишь создание планомерно действующего бюрократического аппарата, как опоры и послушного проводника велений самодержавной императорской власти. Таким образом самодержавие остается непоколебленным, даже закрепляется, но перестает быть «необузданным» самовластием ее мужа.

В этом перечне обещанных Екатериною благ многое ли должно было показаться приятным простодушным читателям и слушателям ее манифеста? Она, видимо, едва ли думала, что все. Несомненно одно, что широкая дворянская масса должна была восторженно принять ее обещания, ибо они гарантировали ей сохранение социально-политического *status quo* целиком. Более того, правильная налаженность бюрократического аппарата и гражданской службы открывала и ее молодежи и ее боевым ветеранам обширные поприща службы и «безгрешного» обогащения. Во всяком случае Екатерина сочла нужным, за явную недостаточность ее обещаний для широких не дворянских, а народных, т. е. прежде всего крестьянских масс, кончая манифест, еще раз воззвать к чувству, — она говорит: «Наше искреннее и нелицемерное желание есть прямым делом доказать, сколь мы хотим быть достойны любви нашего народа, для которого признаваем себя быть возведенными на престол».²

¹ «Осмнадцатый век», IV, стр. 222.

² Там же.

Трудно в деталях сказать, как отнеслись к ее манифесту в момент его опубликования широкие народные круги, в которых ясное социально-политическое разумение боролось с вековой тьмой, но через десять с небольшим лет они ответили ей на него Пугачевским восстанием, в котором гнев поработенной массы проявился в полной мере.

Но изучаемый манифест Екатерины представляет интерес и в другом отношении: не только в смысле доказательства уму и чувству подданных полной необходимости переворота и определенной социально-политической направленности туманно расточаемых им обещаний, но и в смысле сознательного переложения Екатериною ответственности за гибель «бывшего императора» с себя на своих «знатных верноподданных».¹

Эта часть манифеста Екатерины от 6 июля поистине замечательна.

Так, самое указание на возможность для Петра III сопротивления совершившемуся перевороту и Екатерине, уже переставшей быть «мятежницею» (потому что она уже была признана войсками, флотом, сенатом, синодом, двором и дворянством), Екатерине, двигавшейся на него и на Ораниенбаум во главе сильного отряда, — прежде всего высылкает совершенно неожиданно и, во-вторых, едва ли соответствует действительности. Значит, рассказ о ликвидации этой возможности имеет, так сказать, определенное служебное значение. Его, кажется, достаточно легко вскрыть.

Во-первых, этот рассказ выдвигает боевую активность Екатерины. Женщина, она встала во главе войск и фактически завоевала себе престол. Она изображена как «героиня»; так ее и называет поэт. Но раз так, престол по праву и принадлежит ей, а не ее сыну Павлу, у которого к тому же нет никаких формальных прав на престол: ведь «бывший император» не захотел объявить его своим наследником. А затем — ясное дело, что, взяв себе оружием самодержавный престол, Екатерина и заняла его самодержицею. Итак, добыв престол, как Елизавета, она так же, как и та, садится на нем сама и ни с кем — ни с вельможами, ни с дворянством, ни даже с сыном — не будет делиться своею властью: будет, как бывали и до нее русские цари, императоры и императрицы, самодержавною.

¹ «Осмнадцатый век», IV, стр. 221—222.

Столь же существенно и второе. Екатерина говорит, что, ради спасения от «погубления» низверженным Петром III оказавшихся в его «руках» «знатных» «двора» ее «мужеска и женска» пола людей, она была готова ко многому бесполезному для отечества.. снисхождению — даже, «может быть», к тому чтобы «поустить.. прешедшее зло отчасти восстановить некоторым с ним примирением». Вероятно, это надо понимать так, что она согласилась бы «для избавления в руках его находящихся персон» от гибели, так сказать, на частичное восстановление его на престоле, в качестве своего соправителя. Однако, рассказывает она далее, в дело вмешались те из «знатных верноподданных», которые находились при ней, и, рискуя жизнью своих близких, настояли перед нею на переговорах с Петром III об его безусловной капитуляции на ее волю; приняв их настойчивое предложение, она потребовала от Петра III, «чтоб он добровольное, а не принужденное, отрицание письменное и своеручное от престола Российского в форме надлежащей, для спокойствия всеобщего.. прислал», на что он тотчас же и ответил присылкою такового. Этот рассказ прежде всего лишний раз демонстрирует образчик ловкости рук составителей манифеста, фальсифицировавших факты в целях пропаганды переворота и в частности в целях оправдания поведения самой Екатерины, создания ложного представления о ее достоинствах. Но, конечно, этот рассказ имеет и еще одно назначение: ведь «бывший император» уже погиб; народ через день, через два, узнает об его смерти; он, конечно, узнает неправду, и все же будет обвинять императрицу в его смерти; что же будет, когда он узнает правду об его смерти? а может быть слухи о ней и сейчас проползут в народную гущу? И манифест старается отвести обвинение в убийстве от императрицы на ее «знатных верноподданных»: ведь она хотела примирения с покойным, но они ей помешали помириться с ним... Но при этом он здесь же искусно принимает меры к тому, чтобы осуждение поведения и самих этих советчиков тоже не было сильно: ведь они, давая совет, рисковали своими близкими и родными, — значит, действовали бескорыстно; ведь они, давая ей его, хотели только благо отечеству, забывая о своем и своих; и если их совет оказался дурным и принес беду, что делать! Очевидно, такою была всеопределяющая воля божия, а они хотели только одного добра... И соответственно с этим в специальном манифесте от 7 июля 1762 г. о смерти

Петра III Екатерина излагает свои заботы о сохранении его жизни во время внезапно случившегося у него, хотя и ранее бывавшего, «геморроидического припадка» и зовет подданных без злобы отдать покойному последний долг: «всех верноподданных возбуждаем и увещеваем нашим императорским и матерним словом, дабы без злопамятствия всего прешедшего с телом его последнее учинили прощание и о спасении души его усердные к Богу приносили молитвы». Весь этот манифест проникнут очевидным лицемерием страха.¹

Так, все учитывая, манифест выводил своего автора на широкий простор самодержавной политики. Фикция избрания народом, к которой он прибегал, чтобы оправдать переворот, была только фикцией, — не более. Ее литературные корни — в аналогичных манифестах Елизаветы, которой все заверения в избрании никогда не мешали быть самодержицею. Можно было предвидеть, что ею будет и новая императрица. На другой же день, в манифесте от 7 июля о коронации Екатерина подчеркнула, что «восприняла.. престол.. самодержавно».²

Совершенно несомненно, что М. В. Ломоносов писал свою оду 1762 г. Екатерине II с учетом и под живым впечатлением ее манифестов от 28 июня и 6 июля. Об этом говорит не только тематика оды, но и сходство между нею и манифестом 6 июля в отдельных выражениях и образах. Не приводя сейчас здесь подробного строчного сопоставления оды с манифестами, сошлюсь на общеизвестные наблюдения М. И. Сухомлинова.

¹ Интересно отметить еще, что в указе сенату от 29 июня Екатерина, излагая те же соображения, ничего не говорит ни о своей боязни за находившихся в Ораниенбауме придворных, ни о своем человеколюбии, по которому-де она была способна на уступки и даже примирение, ни о совете «знатных верноподданных» об ответе Петру III на его «письмо». «Осмнадцатый век», IV, стр. 215.

² «Осмнадцатый век», IV, стр. 220 и 223. Манифест Елизаветы от 25 ноября 1741 г. говорит от ее имени: «все наши, как духовного, так и светского чина верные подданные, а особливо лейб-гвардии наши полки, всеподданнейше и единогласно нас просили, дабы мы... отеческий наш престол всемилостивейше воспрять соизволили», — что, действительно, Елизаветой и было учинено, как выражается от ее имени манифест, по их всеподданнейшему наших верных единогласному прошению». ПСЗ, XI, стр. 537—38. В Манифесте же от 28 ноября Елизавета также говорит, что всемилостивейше воспрять соизволила «родительский.. престол», «по всеподданнейшему.. всех.. верноподданных а наипаче я особливо лейб-гвардии.. полков прошению». ПСЗ, XI, стр. 543.

Но прежде одно замечание. В этой оде, на восшествие на престол Екатерины, автору пришлось преодолеть несколько очень существенных трудностей; из них главная заключалась в том, что он, в своей предыдущей оде на восшествие на трон теперь низверженного Екатериной Петра III, нарисовал очень яркими красками увлекательный образ молодого, как оказалось, кратковременного императора, увязав его и с покойною императрицею и самим патроном русского императорского дома Петром «Великим» и осыпав его и грохотом радостных приветствий и предвещаниями великого будущего и грандиозных достижений внутри и вне страны. Теперь, после катастрофического краха вчерашнего властелина, надо было уметь найти выход из создавшегося положения с оказавшимися не по адресу похвалами и предсказаниями. Мало того, было совершенно необходимо в поисках этого выхода сохранить свое лицо, чтобы не подпасть под укоры всякого, кто сопоставит обе оды.

Автор избрал для этого путь, который нельзя не признать довольно искусным. Он не выступил с прямым личным осуждением низвергнутого императора, как человека и правителя, но все же дал понять, что считает его виноватым и ответственным и, можно сказать, вдохновенно высказал целый ряд общих суждений о правителях, делах правления и основах всякой правительственной деятельности. Он далее осудил его словами того самого Петра «Великого», дух которого в оде на восшествие на престол Петра III дал новому императору столько великих и несбывшихся предсказаний. Но в глубокое отличие от той оды, здесь автор, выводя на сцену Петра «Великого», берет не радостные и торжественные тона явления, а нарочито мрачные: вместо небесного «храма» — гроб, вместо приветствий и торжествующей речи — горькие упреки тому же Петру III; впрочем, автор не называет его по имени или по титулу и только дает понять, что считает его лично ответственным за все, что совершилось в его царствование, словами строфы 8:

«На то ли вселюбезну Анну
В супружестве Я поручил,
Дабы чрез то Моя Россия»

— далее следует изложение основных итогов царствования только что низвергнутого императора устами Петра «Великого» высту-

пающего из мрачного гроба со своею обличительною речью: Россия, «под игом области чужия», утратила свое международное положение, более того, характер и значение самостоятельного государства, и вообще подверглась сильнейшему внутреннему разгрому, причем не только — все труды «несчетны» поколений и «приобретенные» ими «плоды» «разрушились и были тщетны», но и «сновы возрали беды», а «радостная столица» Петербург оказался цитаделью «врагов», которые из него «тревожили дальные границы» империи (строфы 8—9). Какой потрясающий контраст с речью «духа Петрова» в оде Ломоносова на восшествие на престол Петра III, полной таких пышных предсказаний высоких успехов внутренней и внешней политики этого обновленного «Петра Великого»!...

Далее, в строфах 18 и 22 поэт дает понять, хотя прямо этого и не говорит, что Петр III не «знал Россами владеть», не любил ни их, ни их веры, вместо елизаветинских «льгот» дал им «тесноту»....

Но энергично разрушая им же самим созданный образ нового «великого» Петра, поэт рядом с его жалкими обломками воздвигает новый величественный образ — Екатерины. Так, в строфе 23 он утверждает, что Екатерина в свое время

«Елисавете подражала
В монарших высоте даров».

Ее ученица в трудном деле развития в себе этих высоких качеств, Екатерина подражала ей и в своем государственном перевороте, — во всяком случае устроила его так же, как та.

«Так шла на трон Елисавет»,

говорит он, описывая «революцию» 1762 г. словами «Невских Муз» (строфа 12).

Как в оде в честь Петра III Россия в его лице принимала возвратившегося на землю Петра «Великого», так здесь она принимает вернувшуюся его дочь Елизавету:

«Уже для обществу покрову,
Согласно всех душа готова
В ней дочь Петрову возвратить» (строфа 5).

Но и Петр III, в оде в его честь, был связан и сближен с Елизаветою. Тем, что теперь с нею сближена Екатерина, та связь ослаблена, может быть, даже оборвана. Но одного сближения с Елизаветою для Екатерины мало, потому что Петр III был сближен и с нею и с Петром «Великим». Поэтому поэт сближает ее и с женою Петра «Великого», Екатериною I. Первая же строфа начинается словами:

Внемлите все пределы света,
И ведайте, что может бог!
Воскресла нам Елисавета . . .
. . . . .
Она! или Екатерина!
Она из обоих одина!

Далее незаметным образом поэт сближает Екатерину и с Петром «Великим». Так, в ответ на горькие упреки «Петра Великого» низвергнутому императору, поэт в 10 строфе заверяет «тень великую», что русские люди «помнят тьмы его заслуг», что его «труд», который «разрушался» в самом недавнем прошлом, ныне «жив вокруг», что они «не предадут» его дела и его страны (поэт выражается, «любви») и отдадут за них «последнюю кровь», «спешат» собою «отечество покрыть» от всяких бед и опасностей «во след новой» его преемнице и очевидной продолжательнице его дела «премудрой героине любезной всем Екатерине». Так Петр «Великий» отрекается от своего внука, никак не называя его, и поэт, не говоря этого прямо, провозглашает преемницею и продолжательницею дела покойного «великого» императора новую императрицу Екатерину (строфа 10).

Итак, новая императрица сближена и связана не только с Елизаветою, но и с Екатериною I, и, кроме того, объявлена прямою продолжательницею дела самого патрона империи и императорского дома — Петра I. Ясно, что она — законный член «благословенного дома Петрова», и что в ее лице сейчас, так сказать, сосредоточены все права и обязанности «дома» в его прошлом, настоящем и будущем.

Вероятно, оглядываясь на «дом Петров» в его прошлом и перебирая в памяти правивших Россией его членов, поэт вспоминал, что после смерти Петра «Великого», все наиболее значительные и, с его точки зрения, положительные факты рус-

Современная зарисовка переворота 28 июня 1762 г.

ской истории в пределах «дома Петрова» приходится на царствование женщин, а не мужчин: Екатерины I и Елизаветы, а не Петра II и Петра III. Отсюда его замечательные строфы о женском правлении на Руси и его значении для русского народа (строфы 2—5).

В них естественным образом Елизавета занимает центральное место, не только по расположению фигур, но и по существу. Для Екатерины I и II отмечено лишь по одному факту, к тому же, в сущности, весьма далекому от той глубоко внутренней «умеренности», о которой он говорит: Екатерине I он вменяет в заслугу находчивый «счастливый совет», которым она во время «умягчает» «военно сердце», в Екатерине II он высоко ценит «ослабу», которую своим «духом благородным» она дала природным русским людям. Ясно, что его идеал — не находчивая Екатерина I и не «благородная» Екатерина II, а «кроткая» Елизавета, умевшая, однако, сочетать с «царством мирным» «в войнах . . . славу». Но при этом он, очевидным образом, предвещает новой Екатерине синтез заслуг старой Екатерины и недавней Елизаветы. Впрочем, автор делает вывод из своих наблюдений не только в будущее, а и в живую современность. Дело в том, что он с очевидной и определенной целью в основных образах рисует картину, «счастия, . . . данного» «кроткими» «богинями» — императрицами «природным российским истинным сынам», которые со своей стороны «навыкли» «кротости» своих владычид-«богинь» и «вникли» «в счастье, ими данно», а «навыкнув» одному и «вникнув» в другое, естественно «судьбину тщились отвратить», но сделали это очень благодушно, с тою «умеренностью», к которой их приучил «кроткий» режим их дарующих «счастье» повелительниц-«богинь».

Здесь два оправдания происшедшего переворота — во-первых, в его «умеренности», во-вторых, в естественном для «природных российских истинных сынов» стремлении удержать отнимаемое у них «счастье». Итак, самый переворот оправдан полностью.

Что же касается совершившей этот переворот молодой императрицы, то чрезвычайно важно, что Ломоносов особо отметил еще в 1 строфе две черты начинающегося царствования, как он его себе рисовал, синтезируя в нем характерные для своего понимания русской жизни XVIII в. черты правления Екатерины I и Елизаветы:

«Ее и бодрость и восход
Златой наукам век восставит,
И от презрения избавит
Возлюбленный Российский род».

Значит, новое царствование он рисует, как время расцвета научной деятельности и торжества русских перед иноземцами. Это не только оправдание Екатерины, но и первая наметка программы нового царствования.

Чтобы яснее приглядеться к ней, надо взглядеться, как автор представляет читателю самую Екатерину, синтезирующую в себе черты двух прежних императриц «Петрова дома» (именно «Петрова дома», а не дома царя Иоанна, почему им нигде и не названы ни императрица Анна, ни правительница Анна Леопольдовна). Выше отмечены две ее черты, «бодрость» (строфа 1) и «благородство» (строфа 5). Далее он перечисляет ряд черт ее облика и дважды дает ее общие характеристики. Так, из строф 7 и 16 мы узнаем об ее религиозности, строфа 10 называет ее «премудрой», строфа 24 «Минервой», строфа 12 отмечает ее «красоту» и вместе с 10 говорит о ней, как о «героине», строфа 23 вспоминает, как Екатерина «освобождала оскорбленных и ободряла униженных», строфа 24 прославляет ее, как мать и правительницу (о ней в последнем смысле и в других строфах), строфа 14 изображает ее благодетельным солнцем и, наконец, строфа 22 «признавает» в Екатерине

«В единой все доброты вдруг,
Щедроты, веру, справедливость
И с постоянством прозорливость
И истинной геройской дух».

Мудрено ли, что, в его поэтическом изображении, вся Россия при таких высоких качествах Екатерины любила ее еще до ее восшествия на престол?

А между тем, Ломоносов подчеркивает, что именно эта любовь к Екатерине всей России и была действительною причиною ее победы в перевороте, — как, конечно, и параллельная любовь Екатерины к России. По крайней мере, именно так надо понимать стихи 7 строфы:

«Любовь твоя к Екатерине,
Екатерицина к тебе
Победу даровала ныне . . .»¹

Автор отмечает единодушие в приятии Екатерины императрицею: так «Невски музы» вспомнили, что «согласны мыслей всех союзы» («в великий оный громкий час» «веселый возвышали глас»), и что общая радость продолжалась и позже, — «как закрылся день», и сам автор называет Екатерину «Российскою отрадой», «желанием сердец» (строфы 11—13) и дает картины бурной радости Петербурга (строфа 15).

Оттого так я ликует народ, в «церквах, по стогнам, по домам» (строфа 15). Но оттого же торжествуют и чертоги знати. Оттого же радостна и церковь.

«Ликует церьков и чертог» (строфа 1).

Уже из этих слов видно, что М. В. Ломоносов особенно подчеркивает в перевороте торжество церкви.

Итак переворот — и переворот бескровный — совершился. Он принят массами народа, знатью, церковью. И М. В. Ломоносов старательно его освящает именем божьим и в начале и в средних строфах и в конце своей оды. А отмечая религиозное настроение народных масс, автор в строфе 16 говорит о нем и для Екатерины:

«Екатерина в божьем храме
С благоговением стоит.
Хвалу на небо высылает —

за помощь при занятии престола —

Что вышний крепкою десницей
Богиню нам подав дарицей
От гибели невинных спас».

И, объясняющею «богиню» предпоследнего стиха,

«И купно сердце всех пылает
О целости ее и нас»

¹ Действительно, чья любовь к Екатерине и Екатерицина любовь к кому упомянуты в этих стихах? Естественно предположить по сопоставлению с предыдущим, что в этих словах речь идет о России, ее любви к Екатерине и Екатерициной любви к ней: как раз в конце предыдущей строфы поэт, сказав о неожиданном и противоестественном торжестве над русскими «победителями» «побежденных» «злодеев»-врагов, восклицает:

«В тебе Россия нет примеру;
И ныне отвращен удар».

связывает воедино религиозный порыв императрицы с таким же настроением широких народных масс. Характерно, что одинаковая религиозная настроенность масс и императрицы по намеку Ломоносова объясняется одним тем, что «целости ее» и их угрожала одинаковая опасность.

Посмотрим, какую же программу действий во внутренней и внешней политике намечает М. В. Ломоносов для новой императрицы.

В основе это будет, судя по строфе 10, продолжение труда Петра «Великого», — грандиозного труда, который едва не «разрушил» кратковременный император Петр III. Автор нигде и никак не говорит об отдельных сторонах и проблемах новой внутренней политики; повидимому, он считал возможным ограничиться сравнениями и сближениями Екатерины с Петром «Великим» и женщинами из его дома и несколькими ламентациями очень общего характера. Так, он, конечно, ждал от новой императрицы большой культурной работы; на это прежде всего указывают строфы 2—5 с их изложением истории внедрения в российский род «начал» «умеренности», в итоге долгого правления на Руси «кротких» «богинь»-императриц «дома Петрова». Далее, в строфе 24 Ломоносов предсказывает в новом царствовании успех научной деятельности, искусств и просвещения. При этом он уже называет Екатерину Минервой (очевидно, ему было достаточно известно, что она любила говорить о своих чтениях):

«Науки ныне торжествуйте:
Взошла Минерва на престол.
Пермесски воды ликовствуйте,
Шумя крутитесь в злачный дол.
Вы в реки и в моря спешите,
И нашу радость возвестите
Лугам, горам и островам:
Скажите, что для просвещенья
Повсюду угвердит ученья,
Создав прекрасны храмы вам».¹

Конечно, его надо понимать так, что при новой императрице он ждет дальнейших успехов науки, искусств и просвещения не только вообще в России, но собственно среди русских людей —

¹ Любопытно, что по структуре эта строфа напоминает строфу 23 оды на восшествие на престол Петра III.

«Российского рода», или «природных Российских истинных сынов» — таких же, как он сам.

Несколько шире ставит вопросы внутренней политики знаменитая строфа 17:

«Услышьте судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святые
От буйности блюдитесь вы,
И подданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте
Ученьем, милостью, трудом.
Вместите с правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу;
То бог благословит ваш дом»,

дает советы носителям верховной власти («Судии земные и все державные главы» — не может быть иначе принято), в сущности, по очень ограниченному кругу тем: 1) «блюстись» «от буйности» «законы нарушать святые», 2) «не презирать» «подданных», 3) «их пороки исправлять учением, милостью, трудом», 4) проявлять справедливость («правду»), по отношению к ним, 5) предоставлять им «льготы» и 6) проявлять в отношении к ним щедрость. Таким образом все содержание этого круга предписаний, пожалуй, касается следующих более общих положений: 1) сохранения нерушимыми действующих законов и постановлений, — вероятно, в особенности церковных, 2) соблюдения справедливости в судах и других учреждениях, 3) предоставления и сохранения различных «льгот» для населения, 4) уважения человеческого достоинства подданных, 5) организации разнообразных культурно-просветительных и промышленных работ и 6) проявления гуманности в отношении к населению.

В соседней строфе 18 поэт, как бы продолжая мысли предыдущей, советует «любить» подданных (он выразился «верных рабов») и их «веру», т. е. православную.

Строфы 19—21 посвящены проживающим в России иноземцам.

Автор прежде всего отмечает обширность предоставленных иноземцам в России прав:

«Довольство вольности златая,
Какой в других державах нет»,

указывает на внимание к ним «монархов» и согласие церковных властей («иерархов») на их службу в России по своей «вере», а затем переходит к их обличению: 1) они «вредили» «древний... закон» русской церкви, 2) вышли из положения, в которое были поставлены, из «пределов должности своей» и, приобретя власть, стали в «противность» самой «истины вещей» «считать» своими «рабами» русских и 3) составили замысел «над российским родом» — «к поправлению» русского церковного «закона»,

«Российского к паденью трона,
К рушению народных прав».

Неясно, что разумел Ломоносов под вторым пунктом заговора иноземцев

«Российского к паденью трона».

Едва ли он мог серьезно думать о замыслах иноземцев установить в России республиканский или даже конституционный образ правления, или просто о захвате ими русского престола; едва ли он мог говорить и об их стремлении к гибели русского государства; но разуметь и публично высказывать все это он, конечно, мог, чтобы лишний раз бросить в широкие народные массы крепкий лозунг против нелюбимых им и ненавидимых народу иностранцев. Также не очень ясно, что имел в виду Ломоносов под «рушением народных прав» — третий пункт раскрываемого им замысла иноземцев: вероятнее всего, он разумел здесь подозреваемую им попытку иноземцев к захвату должностей, вообще всего правительственного аппарата, промышленности, торговли, земель с крепостными, всего того, чем обладать и пользоваться, с его точки зрения, должны были только одни русские люди... Несомненно, задачей нового правительства он считает введение иностранцев в те пределы поведения и социально-политической роли, которые он им наметил.

Знаменитая и замечательная строфа 6 очень выразительным образом рисует создавшееся при Петре III внутри и вне страны положение. Действительно, Россия, фактически победившая Пруссию и ее короля и даже занявшая силою оружия одну из самых важных областей враждебного государства, при новом императоре не только возвратила без всякого возмещения все свои завоевания и сама до известной степени вступила в русло прусской политики, но и внутри своей страны в некоторой мере

оказалась под властью пруссаков Гольда и Шверина, опиравшихся на императорских голштинцев, во главе с принцем Георгом, и русско-подданных ливонцев, культурою и службой тесно связанных с Пруссией и ее королем. Она должна быть обязательно сопоставлена со строфою 9, где «врагами населенный» Петербург изображен живою опасностью для всей страны и особенно ее границ.

Все это подводит к вопросу о том, как же рисовал М. В. Ломоносов внешнюю политику новой императрицы, в частности вопрос о продолжении датской и возобновлении Семилетней войны? Но автор молчит по этому вопросу и в общей форме и по частным его сюжетам, как молчат о том и манифесты императрицы Екатерины. Лишь строфа 13 говорит, но совсем без должной ясности:

«И буди от врагов ограда
 Поставь опасностям конец;
 И оправдай Елисавету,
 Всему доказывая свету,
 Что полная триумфов брань
 Постыждена поносным миром,
 И сопостат почтен кумиром
 От нас приемлет в жертву дань».

Здесь первое — защита от «врагов», как внешних, так и внутренних, второе — ограждение от «бед», также, конечно, и внешних и внутренних, третье — повидимому, реабилитация Елизаветы путем широкой осведомительной работы в России и за границею и только. Никаких речей о продолжении одной и возобновлении другой войны здесь нет. В частности, очень показательны, что ни в этом месте оды, и нигде в другом нет никаких оскорбительных или унижающих выражений по адресу Фридриха, его армии, Пруссии и т. д., хотя та же Екатерина в первом манифесте и назвала Фридриха II «самым . . злодеем» России.

Вот, кажется, и вся программа внутренней и внешней политики, с которою М. В. Ломоносов выступил перед новою императрицею. Надо отметить, что она, во-первых, совершенно не касается вопросов социального и политического порядка, и во-вторых, далеко не во всем, особенно в части внешней политики, ясна.

М. В. Ломоносов сопровождал ее несколькими дополнительными замечаниями, с ярко выраженным характером практических политических советов. Так, — и это, пожалуй, интереснее всего, — он тотчас же за установлением основных начал внутренней политики восклицает в 18 строфе:

«О коль велико, как прославят
 Монарха верные раби!
 О коль опасно, как оставят,
 От тесноты своей, в скорби!»

т. е. ясно увязывает внутреннюю политику «монарха» с настроением широких народных масс и ее, в ее обусловленности «льготою» или «теснотою», с судьбою самого монарха: либо вознесение, либо гибель — в зависимости от того, что он дал народу «льготы» или «тесноту».

Итак, монарх уже во имя своих личных интересов должен «народну наблюдать льготу» и устранять «тесноту» для народных масс... Поэтому Ломоносов и дает своей новой «монархине» следующий откровенный совет:

«Внимайте нашему примеру,
 Любите их...»,

т. е. «любите» для вашего собственного блага ваших подданных. Еще интереснее другой, слитый с этим совет:

«.... любите веру.
 Она свирепости узда,
 Сердца народов сопрягает
 И вам их верно покоряет,
 Твердее всякого щита» (строфа 18).

Параллельно с этим в строфе 22 Ломоносов особенно подчеркивает важность для «монарха» уметь «владеть россами», с очевидностью отмечая трудности этого дела:

«О коль монарх благополучен,
 Кто знает россами владеть!
 Он будет в свете славой звучен
 И всех сердца в руке иметь».

Очевидно, далее должно было бы следовать, по аналогии со строфою 18, указание на тяжесть положения «монарха», кото-

Современная зарисовка переворота 28 июня 1762 г.

рый не «знает россами владеть», — но этого указания нет, а взамен его следует сделанное в очень решительных выражениях заявление по адресу Екатерины:

«Тебя толь счастливу считаем,
Богиня, в коей признаваем
В единой все доброты вдруг», и т. д.

— заявление об уверенности в том, что Екатерина «знает Россами владеть».

Но, в сущности говоря, и уверенность в Екатерине явно звучит скрытою угрозой.

Такою же угрозой, как эта к носителям верховной власти, он заканчивает свое обращение к иностранцам. Отвергая возможность успеха иностранцев в том, «что было над российским родом» ими «умышленно», Ломоносов ссылается на географию страны («обширность наших стран измерьте»), на русское прошлое («прочтите книги славных дней»), на собственные впечатления иностранцев («чувствам собственным поверьте») и, наконец, на боевую силу и героизм народа не только в прошлом, но и в настоящем:

«Исчислите тьму сильных босв,
Исчислите у нас героев
От земледельца до царя
В суде, в полках, в морях, и в селах,
В своих и на чужих пределах
И у святого олтаря» (строфа 21).

М. В. Ломоносов явственно показывает, что иностранцы не могут иметь на Руси того успеха, о котором они мечтают, и открыто грозит им за попытку осуществления ими своих замыслов.

Еще два замечания по содержанию оды. Во-первых, характерно, что обойденный переворотом Павел появляется лишь в предпоследней строфе оды; еще характернее, как он появляется: с между прочим брошенным указанием, что «спасен» переворотом «от сильных рук», с благословениями, пожеланиями, чтобы его «жизнь» была «прекрасна посреде наук», советом, как ребенку, «мужаться, в объятиях рожьдшей утешаться и бывши скорби забывать», с уверением, что «она», т. е. «рождьшая», Екатерина, «сама» все бури успокоит, щедротой, ревностью устроит» ему, Павлу и всему населению государства «прекрасный рай». Нигде ни слова, в каком бы то ни было порядке или смы-

сле, о предстоящих Павлу возможностях большой государственной работы, хотя бы только в прямую помощь матери (строфа 25).

Любопытно, что в этом отношении поэта к Павлу нет даже тех полупожеланий-полупредвещаний, которые находим в его стихотворении «Е. и. в. пресветлейшему государю великому князю Павлу Петровичу»... («Россию предприяв ущедрить небеса»...)¹ Во-вторых, последняя строфа 26 посвящена участникам переворота; они воспеты, без выделения кого-либо, например Гр. Орлова или братьев Орловых, из их среды.

Тематическое совпадение изложенной оды с манифестами Екатерины II очевидно; достаточно сопоставить между собою изученные отрывки манифеста и оды.

Казалось бы, Екатерина поэтому должна была быть довольна этою одою М. В. Ломоносова. Однако никаких известий о том, чтобы она осталась ею довольна, нет. Наоборот, между нею и им в течение долгого времени, несмотря на все его дипломатические ходы и славословия, несмотря также и на его более чем просто заметное положение в русских интеллигентных кругах, отношения остаются тяжелыми. Очевидно, императрица или была недовольна одою или, по крайней мере, недостаточно довольна ею.

Постараемся посмотреть, в чем заключалась причина такого отношения к ней императрицы.

Надо прежде всего отметить, что первая ода М. В. Ломоносова Екатерине говорит о низвергнутом императоре в очень выдержанных тонах: так, на всем ее протяжении нет ни одного слова, которое бы прямо и сильно задевало покойника. Правда, внимательно в нее вглядываясь, легко понять, что автор считает Петра III виновным в тех «бедах» и «опасностях», которые в его кратковременное царствование пришлось перенести стране или которые за это время для нее возникли, и ответственным за них. Но это понять можно, только внимательно вчитываясь в самую оду. При поверхностном же ее чтении вопрос о вине и ответственности «бывшего» императора не только не ставится, а даже выпадает из поля зрения.

Впрочем, едва ли это само по себе могло вызвать особенно сильное недовольство Екатерины, ибо она, конечно, отрицала за Ломоносовым, как и за всяким другим своим «всеподданнейшим рабом», право такой критики действий и такого опорачивания

¹ Сочинения, II, стр. 179—180.

личности Петра III, которые — и то, нарушая пример более тактической Елизаветы — она позволила себе. Но в изображении М. В. Ломоносова было другое: виновниками «бед» и «опасностей» на Руси оказывались при беглом чтении оды иностранцы, как внешние, пруссаки, о которых говорит строфа 6, хотя, впрочем, и не называя их виновниками, так и внутренние, которым посвящены строфы 19—21, причем строфа 9, кажется, охватывает и тех и других, рисуя захват ими правительственного центра страны:

«На то ль воздвиг я град священный,
 Дабы врагами населенный
 Россиянам ужасен был,
 И вместо радостной столицы
 Тревожил дальные границы,
 Которы я распространил».

Получается впечатление, что внешние и внутренние иностранцы — и недавние враги пруссаки, и сомнительные друзья голштинцы и, главное, русские иноземцы — все согласно объединились в одном страшном политическом заговоре на государственную целостность и даже политическую независимость России. Такое впечатление от стихов популярного поэта могло просочиться в разные группы населения, образцы догадками, примыслами и толками и породить, особенно в социальных низах, при наличии воздействий и внушений заинтересованных кругов, сильное движение против находящихся на государственной службе или торгующих в России иностранцев. К тому же строфы 19 и 20 содержали и другие, с точки зрения того времени весьма тяжелые, обвинения против иностранцев, которые также могли быть использованы в агитации против них среди социальных низов и обострить отношение последних к иностранцам русской службы, торгова, ремесла или промысла в России. Поэтому страстные филиппики против них М. В. Ломоносова могли вызвать у Екатерины, определенным образом покровительствовавшей этим проживающим в России иноземцам, лишь очень отрицательное отношение и весьма сильное недовольство, — тем более, что М. В. Ломоносов не ограничился одними обвинениями и перешел на прямые угрозы русским иностранцам.

И еще одно. М. В. Ломоносов блистательно использовал ряд мест манифестов Екатерины для прекрасных и сильных строк 17 и 18, но он придал им характер поучения не назад, Петру III,

а вперед, Екатерине. Этот новый характер, которого использованные места в манифестах отнюдь не имели, конечно, не могли задеть Екатерину: нуждалась ли она в таких поучениях и смел ли ей их давать ее «всеподданнейший раб», хотя бы и в сильном поэтическом увлечении? Наконец, в строфе 22 М. В. Ломоносов прямо и неприкрыто заговорил об умении «россами владеть», т. е. об известном искусстве в установлении своего владычества у «россов», в некотором приноровлении к «россам», в некотором «россов» обмане. Он давал понять, что покойный император совсем не умел, и заявлял, что Екатерина умест «владеть россами». Это могло быть ею понято как известный упрек в политической неискренности, который еще горше должен был показаться ей в строфе 18 с советами любить «верных рабов» и их «веру». Первые за любовь к ним «прославят монарха», а за «тесноту» его «оставят... в скорби». Вторая

«... свирепости узда,
Сердца народов сопрягает
И вам их верно покоряет,
Твердее всякого щита».

Екатерина, которая, действительно, отличалась политическим тактом и исключительною неискренностью в политических отношениях и так же понимала, как Ломоносов, реальное значение «любви» монарха к его «верным рабам» и их «вере», могла увидеть в этих строфах М. В. Ломоносова свой портрет и остро почувствовать себя всенародно разоблаченной поэтом.

Циник с близкими, она умела быть искусным лицемером с дальними и не любила, когда с нее срывали маску благочестия и прямоты. Как же было ей оставаться довольной его одой? И как ей было считать своею — политическую программу, которую он дал в этой оде?

Наконец в строфах 18 и 22 Екатерина могла вычитать и другое — угрозу судьбою Петра III, — на случай, если и она, вопреки своим обещаниям и надеждам поэта, не станет любить своих «верных рабов» и их «веру» и даст им «тесноту», вместо льгот. Как же было молодой императрице мириться с такою угрозою, — тем более, ее прощать? И не казался ли и ей и тем, кто ее окружал, бунтовщиком «всеподданнейший раб», дерзнувший высказать такую угрозу?

«ХОР КО ПРЕВРАТНОМУ СВЕТУ» И ЕГО АВТОР

П. Н. Берков

1

Среди памятников художественной литературы середины XVIII в. «Хор ко превратному свету» занимает исключительное место. Живой, энергичный отклик на все важнейшие стороны общественной жизни той эпохи, — крепостное право, женский вопрос, национальное воспитание, старинное правосудие и т. д., и т. д., — «Хор ко превратному свету» давно уже вошел в сознание историков русской литературы и культуры как одно из центральных произведений А. П. Сумарокова. «Полное собрание всех сочинений» А. П. Сумарокова, изданное Н. И. Новиковым (изд. 1-е—1781; изд. 2-е—1787), указывает, что «Хор ко превратному свету» или точнее «Другой хор ко превратному свету» (изд. 2-е, т. VIII, стр. 339—342) входил в состав «Хоров к большому маскараду, бывшему в Москве в 1763 году». Естественно было бы рассматривать этот «Другой хор ко превратному свету» в окружении всех прочих хоров и в связи с тем маскарадом, на котором он исполнялся; это, однако, не делалось, и он всегда рассматривался обособленно. Следует указать, что при сопоставлении прочих произведений Сумарокова с «Другим хором» возникали некоторые недоумения. Правда, ничего резко противоречащего остальным произведениям Сумарокова «Другой хор» на первый взгляд не заключает, и можно было бы каждую мысль «Хора» найти в той или иной форме в других сочинениях Сумарокова, но в целом он производит значительно более сильное впечатление. Достаточно указать, что через 80 лет, при Николае I, он не мог быть напечатан полностью. В особенности останавливают внимание известные строки «Хора»:

Со крестьян там кожи не сдирают,
Деревень на карты там не ставят,
За морем людьми не торгуют.

В этих стихах обычно усматривается только протест против злоупотреблений крепостным правом, но, по существу, это протест и против каких бы то ни было форм торговли людьми, т. е. против самого института крепостного права. В самом деле, признание права владения деревнями и их крепостным населением включает в себя признание права всяческого распоряжения владеемым, вплоть до продажи и даже проигрыша в карты. Сумароков же, как известно, всячески отстаивал за дворянами право владения как землей, так и крепостными. В известной, главным образом, в выдержках записке, поданной им 28 ноября 1767 г. в Императорское вольное экономическое общество, в ответ на предложенную последним задачу: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простирались должны?» Сумароков писал следующее:

«Задача ради решения: что полезнее обществу, чтобы крестьянин имел собственным имением пожитки ли одни, или и земли, до изъяснения решена быть не может; напр., когда спросится: потребно ли дворянину уметь писать по русски; так должно примолвить: российскому дворянину, ибо дворянин английский может обойтись без русской грамоты; так и о крестьянах; свободному ли крестьянину, или крепостному; а прежде надобно спросить: потребна ли ради общего благоденствия крепостным людям свобода? На это я скажу: потребна ли канарейке, забавляющей меня, вольность, или потребна клетка, — и потребна ли стерегущей мой дом собаке цепь. — Канарейке лучше без клетки, а собаке без цепи. Однако, одна улетит, а другая будет грызть людей: так одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина; теперь осталось решить, что потребнее для общего блаженства; а потом ежели вольность крестьянина лучше укрепления, надобно уже решить задачу объявленную [т. е. предложенную Вольным экономическим обществом]. На сие все скажут общества сыны, да и рабы общества сами, что из двух худ лутчее, не имети крестьянам земли собственной; да и нельзя, ибо земли все собственные дворянские; так еще спрос: должны ли дворяне крестьянам отдавать купленные, жалованные, наследственные и прочие земли, когда они не хотят, и могут ли в России землями владеть крестьяне; ибо то право дворян. Чтож дворянин будет тогда, когда мужики и земля будут не ево; а ему что останется. Впрочем, свобода крестьянская не токмо обществу вредна,

но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит».¹

Таким образом, Сумароков все свои возражения Вольному экономическому обществу делает, исходя из положения, что владеть землями в России есть исключительное право дворян. В другой своей записке, относящейся к тому же времени, к 1766 г., Сумароков делал аналогичные замечания на «Наказ» Екатерины II. Он отмечает, что есть различие между понятиями «раб» (т. е., привязанный к господину) и «крепостной» (т. е., привязанный к земле),² подчеркивает, что в России крестьяне крепостные, а не рабы.

Исходя из интересов дворян, Сумароков утверждает, что «сделать русских крепостных людей вольными нельзя». «Продавать людей, как скотину, — говорит он — не должно; но где слуг брать, когда крестьяне будут вольны?»³ Ему представляется совершенно недопустимой возможность подобного распорядка, так как опыт показывает, насколько неудобны слуги, происходящие из не знавшей в то время крепостного права Украины: «Малороссийской подлой народ, — заключает Сумароков, — от сей воли почти несносен» (там же).

Итак, официальные записки Сумарокова гораздо определеннее и последовательнее характеризуют его взгляды на право помещика владеть землей и прикрепленными к ней крестьянами; он восстает не против продажи крестьян вообще, а против продажи их без земли («как скотину»); против превращения «кре-

¹ Холнев, А. П. История имп. вольного экономического общества с 1765 до 1865 года, СПб., 1865, стр. 24—25.

² В особом мнении о екатерининском Наказе Сумароков в разделе V писал по поводу XI главы Наказа, между прочим, следующее: «Между крепостным и невольником разность: один привязан к земле, а другой к помещику» (Сб. Русск. ист. общ., т. X, стр. 84). В цитируемом источнике явная опечатка, так как эти слова набраны курсивом, которым воспроизводились при публикации этого текста пометки Екатерины. Несомненно Екатерина привадежит последняя строка текста: «Как то сказать можно, отвержьте очи». Дело в том, что в Наказе (изд. 1767, русский текст параллельно с немецким, особенно стр. 81—84) «крепостной» Екатерина понимает безразлично как *Slave* (раб, невольник) и *Leibeigener* (крепостной).

³ Сб. Русск. ист. общ., т. X, стр. 85—86. Ср. Русский архив, 1870, № 2, стр. 288—291, приписываемые Сумарокову возражения относительно освобождения крепостных. Указание Л. Н. Майкова (там же), что на этом мнении имеется нашись: голос Сумарокова, надо понимать в том смысле, что в этой записке слышен «голос Сумарокова».

постных» в «рабов», так как считает их не «рабами» «сынов общества» (дворян), а «рабами самого общества».

Принципиально иной характер имеют приведенные строки из «Другого хора ко превратному свету»:

За морем людьми не торгуют.

В них, как уже сказано, заключается полное отрицание возможности продажи людей в какой бы то ни было форме, а не только, «как скотину». Эта мысль в условиях 50-х—60-х годов XVIII в. никак не могла исходить из уст последовательного и убежденного крепостника. Она могла принадлежать только сторонникам развития промышленности, для которой нужны были свободные крестьянские руки.¹

Сумароков же, наоборот, всячески возражал против развития русской промышленности, в особенности дворянской. В статье «О домостроительстве» он спрашивает: «Почему ж называют тех жадных помещиков Економами, .. коих мануфактуры и протчие вымыслы крестьян отягощают». И далее в той же статье он пишет: «В моде ныне суконные заводы; но полезны ли они земледелию? Не только суконные дворянские заводы, но и сами Лионские шелковые ткани по мнению отличных рассматривателей Франции меньше земледелия обогащения приносят. А Россия паче всего на земледелие уповати должна, имея пространные поля, а по пространству земли не весьма довольно поселян, хотя в некоторых местах и со излишеством многонародна. Тамо полезны заводы, где мало земли и много крестьян. Но чтобы заводы и крестьянам, а не одному помещику доходны были, и были бы крестьяня работники, а не кагоржники».² Еще определеннее высказывается Сумароков по тому же поводу в замечаниях на екатерининский «Наказ»: «Дворянам не быть ни купцами, ни заводчиками; мещанам не имети чинов; крестьянам не быть купцами: от противного сему происходит всех сих трех классов замешательство и вред общего благополучия, ради участного [т. е. личного] беззаконного блага».³ Зная твердость позиции Сумарокова в этом вопросе, можно без натяжки утверждать, что возражения его против продажи крестьян, как скотины, имеют в виду, главным образом, продажу их владельцам промыш-

¹ Ср. В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, СПб., 1888, т. I, стр. 35—37.

² Полн. собр. соч., изд. 2, т. X, стр. 158—159, 161.

³ Сб. Русск. ист. общ., т. X, стр. 86.

Екатерина II.

Портрет Вгорова, 1787 г.

(Музей Института русской литературы.)

шленных предприятий, рекрутировавшимся тогда преимущественно из придворной знати (Шуваловы, Воронцовы и др.).

Наконец, представляется крайне удивительным то обстоятельство, что свою мысль о вреде промышленности Сумароков в «Другом хоре» обобщил совершенно, останавливаясь, вместе с тем, на других, менее важных моментах социальной жизни эпохи. От Сумарокова этого нельзя было ожидать. Это последнее обстоятельство, вместе с различием позиции в вопросе о продаже крестьян, заставляет усомниться в принадлежности «Хора» Сумарокову. Тем более, что для этого есть и другие основания.

2

Выше было отмечено, что, по указанию Н. И. Новикова, издателя сочинений А. П. Сумарокова, «Другой хор ко превратному свету» находился среди «Хоров к большому маскараду, бывшему в Москве, в 1763 году». На самом деле, это не отвечает действительности. Как известно, маскарад 1763 г. имел печатное описание в виде брошюры: «Торжествующая Минерва общенародное зрелище, представленное большим маскарадом в Москве 1763 года Генваря дня. Печатано при Императорском Московском Университете» (24 нен. стр.). Издание это является единственным документальным источником сведений о маскараде 1763 г. и об исполненных на нем хорах. В виду этого представляется необходимым дать некоторое представление о брошюре «Торжествующая Минерва».¹ Предварительно нужно отметить,

¹ В 1850 г. эта брошюра была перепечатана С. П. Шевыревым в «Москвитяине», ч. V, № 19, кн. I, стр. 109—128, с очень незначительным комментарием; вторично — без комментариев «Торжествующая Минерва» была перепечатана библиофилом А. Е. Бурцевым в его «Дополнительном описании библиографическо-редких, художественно-замечательных книг и драгоценных рукописей», СПб., 1899, т. VI, стр. 193—225, № 1122; описание брошюры дано Н. В. Губерти в его «Материалах для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия», М., 1878, вып. I, стр. 188—199. — Ср. также: Битовт, Ю. Редкие русские книги и летучие издания XVIII века. М. 1905, стр. 277 (№ 1482) (здесь указана и более ранняя библиографическая и библиофильская литература о «Торжествующей Минерве»); Бурцев, А. Е. Словарь редких книг и гравированных портретов, СПб., 1906, т. VII, стр. 58—59 (№ 3128). Одни только хоры были перепечатаны М. Д. Чулковым в «Собрании разных песен», СПб., 1773, ч. III, прибавлено, стр. 1—7; ср. соч. М. Д. Чулкова, под ред. П. К. Симони, СПб., 1913, стр. 727—733. — См. также Пыляев, М. И. Старое житие, изд. 2-е, М., 1897, стр. 137—145 «Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России».

что это издание относится к типу театральным программ и поэтому сохранилось в очень незначительном числе экземпляров, причем и сохранившиеся не все полны и порядок расположения материалов не во всех одинаков. Нижеприводимое описание дается по экземпляру Института книги, документа, письма Академии Наук (ИКДП), принадлежавшем ранее, как видно по exlibris'у, библиотеке князя Воронцова. Сперва, до титульного листа, идет афишка следующего содержания:

«Сего месяца 30 и февраля 1 и 2, то есть, в четверток, субботу и воскресенье по улицам большей Немецкой, по обоим Басманным, по Мясницкой и Покровке от 10 часов утра за полдни, будет ездить большая маскарад, названная Торжествующая Минерва, в котором изъяснится гнусность пороков и слава добродетели. По возвращении оного к горам,¹ начнут кататься и на сделанном на то театре представят народу разные игральщица, пляски, комедии кукольные, фокус покус и разные телодвижения, станут доставать деньги своим проворством; охотники бегаться на лошадях, и прочее; кто оное видеть желает, могут туда собираться и кататься с гор во всю неделю маслиницы, с утра и до ночи в маске или без маски, кто как похочет всякого звания люди».²

За титульным листом идут Стихи к большому Маскараду М. Хераскова,³ представляющие разъяснения отдельных деталей маскарада. Затем помещено «Описание большого маскарада». Он состоял из следующих групп: провозвестник Маскарада со своею свитою, затем Момус или пересмешник, Бахус, Несогласие,

¹ Имеются в виду так называемые «катальные горы», устроенные в это самое время для развлечения «всякого звания людей». О них см. статью И. Е. Забелина: Катальная Покровская гора (Московские ведомости, 1860. № 82), перепечатанную затем в его «Опытах изучения русских древностей и истории», М., 1873, ч. II, стр. 468—487 (глава в статье «Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII ст.»).

² В одном из двух имеющихся в Гос. Публичной библиотеке (ГПБ) экземпляров «Торжествующей Минервы» (дефектпом, шифр 18.330.95/2) текст объявления несколько расходится: в первой строке после слова «месяца» напечатано 28, во второй, после «то есть» — «во вторник». Эти слова зачернены типографской краской, во всем остальном текст совпадает.

³ В экземпляре ГПБ стихи пописаны так: Сочинения — *; под этими знаками буквы М:Х; т. е. Михаил Херасков. Позиципом, аналогичным экземпляром пользовался Я. К. Грот в своем примечании к тому месту «Записок» Г. Р. Державина, где последний упоминает о маскараде 1763 года (Соч., акад. изд., т. VI, стр. 436—437; ср. т. VIII, стр. 70).

за ними Обман, Невежество, Мздоимство, далее Превратной свет, Спесь, Мотовство и Бедность с их свитами, после них Вулкан, Юпитер, Златой век, Парнасс и Мир и, наконец, Минерва и добродетель с их соследователями. Под этим отделом имеется подпись: Изобретение и распоряжение маскарада Ф. Волкова. Последнюю часть брошюры занимают хоры: хор сатир, т. е., сатириков, хор пьяниц, хор к обману, хор невежества, хор ко мздоимству, хор ко превратному свету, хор ко гордости, хор игроков, хор ко златому веку, хор к Парнассу и хор к Минерве. В самом конце книжки, под хором к Минерве напечатано: Только одни хоральные песни в сем маскараде сочинения ***.

Из описания маскарада видно, что идея его и самая организация принадлежали знаменитому актеру Ф. Г. Волкову, который, по преданию, простудился во время этого маскарада и после короткой болезни умер в апреле 1763 г.¹ Повидимому, близким участником работ Волкова по устройству маскарада был М. М. Херасков, вступительные стихи которого показывают, что он был во всех мельчайших деталях знаком с планом и идеей маскарада. Можно предположить, что Херасков принимал участие и в составлении «хоров». За это говорят следующие параллели «Стихов» Хераскова и «Хоров».

Херасков

Хор к обману

1. Мужик, которой став имением доволен, Он спесью стал козел, когда б приставить роги...	1. К общу благоденству кто прервет дороги, Ежели приставить ко лбу только роги, Он дьяволу пара.
2. Там земледельцы ликовствуют	2. Ликовствуйте здесь! Ликовствуйте днесь!
3. И зря Астрею на земли Будь счастья русского свидетель.	3. Подсолпечна внемли: Астрея на земли.

Сами по себе хоры представляли иллюстрации к аллегорическим частностям и, следовательно, не имели самостоятельного

¹ Едва ли это предание отвечает действительности: последний спектакль на масляной неделе 1763 г. состоялся 2 февраля. Волков принимал в нем участие. Умер он 4 апреля, т. е., через 2 месяца, что нельзя назвать «краткой болезнью».

характера, а лишь пояснительный в отношении отдельных групп маскарада.

Следует отметить, что напечатанный в «Торжествующей Минерве» «Хор ко превратному свету» не сопровождается знаменитым «Другим хором ко превратному свету». Этот последний появляется только в новиковском издании сочинений Сумарокова. Иными словами, во время маскарада он не исполнялся, что совершенно понятно: на общенародном маскараде, среди «всякого звания людей», где должно было быть большое число крепостных, главным образом, дворовых людей, солдат и мелкой городской бедноты, — исполнять «Другой хор ко превратному свету» значило использовать маскарад для агитации против существовавшего строя, а никак не для прославления «Торжествующей Минервы».

Если обратиться к странной фразе, заключающей хоры — «Только одни хоральные песни в сем маскараде сочинения ***», — то, очевидно, под тремя звездочками должно разуметь А. П. Сумарокова, в состав сочинений которого введены были Новиковым эти хоры. Если эти исполнявшиеся на маскараде хоры принадлежали Сумарокову, то, повидимому, и «Другой хор», который был помещен вместе с ними, принадлежал тому же автору, что Новиков мог установить на основании имевшегося у него архива автора «Хорева».¹ Все это так, но представляется крайне странным, что Сумароков скрыл свое авторство в «Торжествующей Минерве» под тремя звездочками. Ни Херасков, ни Волков из своего участия не делали тайны, а, наоборот, заявили о нем в печати. Чем же могло быть вызвано поведение Сумарокова? Г. А. Гуковский высказывает предположение, что причиной тому были плохие отношения его с Екатериной, в особенности в связи с тем, что его «Слово на день коронавания Екатерины II» не позволено было печатать. Но предположение это не основательно: на первых порах Екатерина относилась к Сумарокову, литературному вождю среднего дворянства, исключительно внимательно. Так, 28 августа 1762 г. по ее распоряжению было сооб-

¹ О наличии у Новикова бумаг Сумарокова видно из примечания к повести «Исмений и Исмена»: «Здесь в подлиннике Авторском недостает четырех страниц» (Т. X, стр. 121), и других редакторских примечаний, а также и из объявления о подписке на сочинения Сумарокова; в этом объявлении прямо указывается о наличии у издателя «бумаг» Сумарокова. За последнее указание приношу благодарность Г. А. Гуковскому.

щено в Академию Наук о прощении Сумарокову его старого долга академической типографии и о безденежном печатании впредь всех его изданий.¹ Почти через месяц, 22 сентября 1762 г., в день коронации, Екатерина подписывает указ, где в первом пункте Сумароков производится из бригаиров в действительные статские советники.² На масляной неделе 1763 г. (25 января) в Москве был «кавалерский» спектакль, где высокопоставленные актеры разыграли «Семиру» Сумарокова.³ Из элегии Сумарокова на смерть Ф. Г. Волкова видно, что «Семира» ставилась в это же время и на императорском театре.⁴ Таким образом на пренебрежение или невнимание к себе со стороны Екатерины он жаловаться не мог. Недаром в письме к ней от 4 июля 1769 г. Сумароков писал: «Покойный Волков тому свидетель, что ваше императорское величество возвратили мне Мельпомену и Талию в России при возвращении общенародного спокойствия».⁵

Со своей стороны, Сумароков, после неудачи со «Словом на коронование», которая, очевидно, приходилась на время, предшествовавшее дню коронации, 22 сентября 1762 г., печатает «Оду на день тезоименитства имп. Екатерины II 1762 г.» (доношение его об этом в Академии Наук помечено 24 октября 1762 г.) и «Оду имп. Екатерине II на 1763 г.» (доношение в Академию от 25 ноября 1762 г.).⁶ Таким образом, факты показывают, что у Сумарокова не было оснований скрывать свое авторство в отношении Хоров «Торжествующей Минервы» из-за неудачи со «Словом». Скорее можно предположить, что он был обижен на Екатерину за то, что его не включили ни на какую должность по коронационным торжествам и что украшение триумфальных ворот и сочинение надписей для них было поручено не ему, а М. М. Хераскову, А. А. Ржевскому и И. Ф. Богдановичу.⁷

¹ Семенников, В. П. Материалы для истории русской литературы и словаря писателей эпохи Екатерины II. Пгр., 1915, стр. 93.

² С.-Петербургские ведомости, 1763, № 13 от 14 февраля.

³ Аранов, П. Летопись русского театра. СПб., 1861, стр. 81, прим. 1.; Дрзев, Н. В., бар. Материалы к истории русского театра, изд. 2-е, М., 1913, стр. 47. — Ср. Сб. Русск. ист. общ., т. X, стр. 77, 78, 79.

⁴ Сумароков, А. П. Полн. собр. соч., изд. 2-е, т. IX, стр. 77—78.

⁵ Летописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовым, М., 1862, ч. IV, отд. III, стр. 30.

⁶ Семенников, назв. соч., стр. 94 и 95; ср. также стр. 108.

⁷ «Описание вшествия в Москву и коронования государыни императрицы Екатерины II» (камер-фурьерские журналы), стр. 255; в «списке

Известно, что пристроил Хераскова в эту комиссию его отчим, кн. Н. Ю. Трубецкой, стоявший во главе работ по организации коронационных торжеств. Зная обидчивость и мнительность Сумарокова, можно было бы допустить, что это обстоятельство могло породить неприязненные отношения между ним и Херасковым. Повидимому, так и было, и примирение между ними состоялось лишь в феврале 1763 г., так как Сумароков принимает в 1763 г. участие в журнале Хераскова «Свободные часы» лишь с № 3, где помещает «Оду М. М. Хераскову». Таким образом сомнительно, чтобы Сумароков, отстраненный от участия в коронационной комиссии, уступивший место в подготовке торжеств Хераскову, мог принять участие в другой комиссии вместе с тем же Херасковым. Во всяком случае, даже если и допустить его участие, все же совершенно непонятным остается, чем вызвано было желание автора остаться анонимным.

Как бы то ни было, анонимность «Хоров к большому маскараду» повлекла за собой ряд недоразумений: авторство их стало приписываться целому ряду лиц.

Так, не считая того, что Н. И. Новиков включил «Хоры» в собрание сочинений Сумарокова, хотя, как показано было выше, есть основания видеть следы участия в них и Хераскова, об их авторе были высказаны следующие предположения:

1. Державин в «Записках», относящихся, правда, к 1811—1813 гг., то есть, через 50 лет после события, говорит, что «тот славный народный маскарад, в котором... осмеялися в стихах и песнях пьяницы, карточные игроки, подьячие и судьи — взяточники и тому подобные порочные люди, — сочинение знаменитого по уму своему актера Федора Григорьевича Волкова и прочих забавных стихотворцев, как-то гг. Сумарокова и Майкова».¹

бывших при комиссии» значится: «Надворный советник и Московского университета член Михайло Херасков, лейб-гвардии подпоручик Алексей Ржевский, армейский прапорщик Ипполит Богданович — инвентовали на триумфальные ворота картины, эмблемы и надписи и были на смотреии над живописцами при работе оных». Ср. там же, стр. 10—11. Резкий отзыв об этой работе Хераскова (и его товарищей) дан Я. Штелиным (П. А. Ефремов. Материалы для истории русской литературы, СПб., 1867, стр. 166—167).

¹ Соч., акад. изд., т. VI, стр. 436; здесь уместно напомнить соответствующий отрывок из 106-го письма А. Болотова, где описывается маскарад 1763 г.: «песни и голоса оных (т. е. «Хоров») так всем полюбилися, что долгое время и несколько лет сряду увеселялся ими народ, заставляя ввось

2. П. И. Сумароков, племянник драматурга, ссылаясь на И. А. Дмитриевского, утверждал, что автором «Хоров» был его дядя.¹

3. Анонимный автор статьи «Московский народный маскарад при императрице Екатерине второй в 1763 году», помещенной в первой книжке журнала «Маяк» за 1842 г., ссылаясь как на брошюру «Торжествующая Минерва», так и на рассказы московских старожил, писал: «Таков был маскарад, изобретенный Волковым и составленный под его распоряжением. Хоры сочинены были отчасти Херасковым, отчасти самим Волковым».²

4. Другой анонимный автор, повидимому, Н. А. или К. А. Полевой в том же 1842 г. поместил в «Русском вестнике» статью «Хор ко превратному свету»,³ в которой с сильными цензурными купюрами приводит текст «Другого хора ко превратному свету», ссылаясь на имеющуюся у некоторого любителя литературы старую рукопись, якобы озаглавленную «Хор ко превратному свету, петый на большом маскараде, на маслянице 1763 года, и сочиненный г-м директором Ф. Г. Волковым» (там же, стр. 25).

5. Наконец, для курьеза можно отметить, что П. Арапов в «Летописи русского театра» (СПб., 1861, стр. 73—74) утверждает, будто описательные стихи к «Торжествующей Минерве» были написаны Сумароковым, а хоры М. М. Херасковым, и что весь маскарад, по поручению Екатерины, был устроен Волковым и Сумароковым, из которых последний «истощил все свое воображение, чтоб выразить в едкой сатире все пороки людей».

Все это привело к тому, что вопрос окончательно запутался, и некоторые осторожные исследователи, напр., В. А. Бильбасов, предпочитали, говоря о «Хорах», не называть их авторов и считать их результатом коллективного творчества.⁴ Другие

их пять фабричных, которые употреблены были в помянутые хоры и научены песням оным». (Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков 1738—1793, СПб., 1871, т. II, стр. 390). Популярность «хоров» подтверждается включением их текстов в «Собрание разных песен» М. Чулкова, ч. III, прибавление.

¹ Сумароков, П. Обзорение дарствования и свойств Екатерины Великой, СПб., 1832, ч. I, стр. 34.

² Маяк, 1842, т. I. Замечатель, стр. 29 (Цензурное разрешение 30 декабря 1841 г.). Статья эта, повидимому, принадлежавшая перу редактора «Маяка» С. О. Бурачка, была перепечатана в «Ведомостях Московской городской полиции», 1853, № 284, 29 декабря, вторник, стр. 1437—1458.

³ Русский вестник, 1842, т. V, отд. IV, стр. 23—28.

⁴ Бильбасов, В. А. История Екатерины II, СПб., 1891, т. II, стр. 162.

авторы, напр., В. В. Каллаш,¹ В. А. Филиппов,² считали возможным, опираясь на статью в «Русском вестнике», безоговорочно признать автором «Хора ко превратному свету» Ф. Г. Волкова.

Но прочнее всего утвердилось мнение, что автором всех маскарадных «Хоров», в том числе и «Другого хора», был Сумароков. Несомненно, решающим моментом было в данном случае включение «Хоров» в новиковское собрание сочинений Сумарокова. Это обстоятельство могло повлиять на суждения и Державина и Дмитревского, если он действительно говорил именно об этом П. И. Сумарокову, и многих других.

Какие же данные могли быть у Новикова для включения «Хоров» в сочинения Сумарокова? Новиков был в Москве во время коронации, и кроме того мог знать это по традиции, может быть, от самого Сумарокова и т. д. Но все это гадания. Между тем, вообще издание сочинений Сумарокова вызывает много нареканий. Тот же самый П. И. Сумароков упрекает Новикова в том, что последний «собрал по кончине Сумарокова все оставшиеся мелочи, записочки, которые бы автор никогда не издавал в свет, и, составляя, вместо трех-четырёх, десять частей, обезобразил превосходные творения».³ Один из первых исследователей творчества Сумарокова, С. Н. Глинка, книгу которого А. Н. Пыпин называет «последним отголоском панегириков XVIII века»,⁴ особенно подчеркивает, что «сочинения Сумарокова при жизни его были уже искажены различным образом». Глинка указывает, что имело место «неблагонамеренное перепечатывание его, Сумарокова, трагедий», что «неискусные переписчики и наборщики наполняли всякого рода неправильностями и прозу и стихи Сумарокова», что «Н. И. Новиков, в усердной своей торопливости, чтобы скорее украсить именем Екатерины сочинения, сю уважаемые, не успел сообразить всех изданий, и от этой поспешности допустил в полном издании вкратце новым неисправностям».⁵ Глинка, ссылаясь на свидетельство М. М. Хераскова, указывает, что включенные Новиковым в сочи-

¹ Незеленов, А. И. История русской литературы, изд. 18-е, под ред. В. В. Каллаша, М., 1908, стр. 209.

² Филиппов, В. А. Факты и легенды в биографии Ф. Г. Волкова. Голос минувшего, 1913, № 6, стр. 35.

³ Прогулка по 12 губерниям в 1838 г. М., 1839, стр. 302.

⁴ История русской литературы, 4-е изд., СПб., 1911, т. III, стр. 488.

⁵ Очерк жизни и избранные сочинения А. П. Сумарокова, изданные Сергеем Глинкою, СПб., 1841, ч. I, стр. V—VI.

А. П. Сумароков.
Портрет Рокотова.
(Музей Института русской литературы.)

нения Сумарокова «Разговоры в царстве мертвых», ранее напечатанные в «Ежемесячных сочинениях» 1756 г. за подписью А. С., принадлежат А. В. Суворову, а не Сумарокову.¹ Сам Новиков в конце 10-го тома второго издания сочинений Сумарокова (стр. 279) указывает, что в «первом издании сочинений г. Сумарокова ошибкою было внесено в IX часть Письмо к господам издателям Всякия всячины с приобщением надписи к статуе Петра Великого, которая сочинена не им, но неизвестным сочинителем, почему оные в нынешнем издании и выключены». Эти статьи показывают, что отзыв Н. С. Тихонравова о новиковском издании сочинений Сумарокова, как о безобразном,² не преувеличен нисколько. Наоборот, во времена Тихонравова не был известен ряд данных, которые еще более дискредитируют новиковское издание. Во-первых, оно не полно. Пропущены: поздравительные оды в первый день нового года 1740 от кадетского корпуса, сочиненные чрез Александра Сумарокова.³ Затем отсутствует «ругательная эпиграмма», о которой упоминал Ломоносов в 1761 г.⁴ Не включена печатная «Ода имп. Елизавете Петровне в 25 день ноября 1745 года».⁵ В. П. Семенников на основании данных академического архива установил отсутствие в новиковском «Полном собрании» шести напечатанных произведений Сумарокова, из которых только два могли по цензурным причинам не попасть вновь в печать.⁶ Далее, Сопиков указывает еще одно не попавшее в «Полное собрание сочинений» издание, содержащее три произведения нашего автора: это — «Послание А. Сумарокова, писанное им при смерти к одному его другу, и последнее завещание мелким стихотворцам, с приобщением сочиненной им себе надгробной надписи. СПб. 1777» (№ 8541). Наконец, Державин дважды указывал на существование оперы Сумарокова «Пирам и Тизбе»,⁷ также не вошедшей в «Сочине-

¹ Там же, стр. XXXVIII и II.

² Русская старина, 1887, кн., XI, стр. 563.

³ Булич, Н. Н. Сумароков и современная ему критика, СПб., 1854, стр. 17.

⁴ Летописи русской литературы и древности, издав. Н. Тихонравовым, М., 1859, т. II, отд. III, стр. 105.

⁵ Резанов, В. И. Рукописные тексты сочинений А. П. Сумарокова. ИОРЯС, 1904, кн. 3, стр. 41. Ср. ниже, в статье Р. М. Тонковой, прим. на стр. 392—391.

⁶ Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II, Пгр., 1915, стр. 109—117, №№ 13, 14, 28, 51, 55 и 82.

⁷ Державин, акад. изд., т. IV, стр. 581; т. VII, стр. 604. Отсутствуют еще эпиграммы «Ты туфли обругал» (Биллярский, П. Материалы для биографии Ломоносова, СПб., 1865, стр. 322) и др.

ния». Итак, с одной стороны, новиковское издание далеко от полноты. Но не менее очевидно, что среди включенных произведений, в особенности, из числа тех, которые, как сумароковские, фигурируют впервые только в собрании сочинений, имеется не мало принадлежащих не ему. Так, напр., несомненно среди песен довольно большое число принадлежит его дочери.¹ Не менее подозрительны некоторые прозаические произведения.²

Как бы то ни было, на этом фоне неряшливой и неточной редактуры Новикова вполне естественно предположение о бездоказательности включения «Хоров» в «Собрание сочинений» Сумарокова. Уже в 1842 г. анонимный автор цитированной статьи «Русского вестника» указывал, что «рассматривая хоры, в некоторых видим совсем не сумароковскую манеру и не его фактуры стихи» (цит. соч., стр. 25). Действительно, большая часть хоров написана не классическими размерами дворянской поэзии 50-х — начала 60-х годов XVIII в., а тем что называется «народными размерами». Обращение к «Песням» Сумарокова в VIII т. «Сочинений» устанавливает, что только две из них, именно VIII («В роще девки гуляли Калина ли моя, малина ли моя») и XIX («О ты крепкой, крепкой Бендер-град») написаны в том же народном духе. Но если вспомнить сказанное выше об отсутствии непререкаемых оснований для признания принадлежности Сумарокову всех песен, вошедших в «сочинения», то тем самым, оказывается, наличие этих двух песен не может служить

¹ Римский-Корсаков, А. Н. Г. Н. Теплов и его музыкальный сборник «Между делом безделье» (первый русский песенник XVIII в.) — Музыка и музыкальный быт старой России. Academia, Л., 1927, стр. 39, примеч. 1. Ср. также Н. Голицын, кн. Словарь русских писательниц. СПб., 1846, стр. 239. Указание Г. А. Гукковского на то, что названные авторы введены были в заблуждение М. Н. Макаровым, сообщившим об этом факте в одной из своих статей, опровергается тем, что в „Трудолюбивой пчеле“ 1739 есть некоторые произведения Е. А. Сумароковой. А. Палицын в письме к гр. Д. И. Хвостову (1807) указывал, что одну песню П. И. Свистунова Сумароков присвоил (Библиогр. зап., 1859, № 8, стр. 250). Ср. его же „Послание к Привете“, Харьков, 1807 (перепечатано в „Литературном архиве“ П. А. Картавова, СПб., 1902, стр. 8 и 38, второй пагинации).

² Указание в статье «Хор ко превратному свету» (Русский вестник, 1842, т. V, отд. IV, стр. 23), что включенная в «сочинения» „Речь при заложении Кремлевского дворца“, говоренная архитектором Баженовым, включена по ошибке, неправильно. В письме к Екатерине от 20 мая 1773 г. он прямо указывает что «сочинил г. Баженову необходимую речь» (Лет. русск. литературы и древности, т. III, отд. III, стр. 76).

доводом в пользу признания за Сумароковым авторства «Хоров». Конечно, нельзя забывать установленного Н. Л. Бродским важного факта — именно, прекрасного владения Сумароковым «народным» языком.¹ Но все это не может служить неоспоримым доказательством принадлежности ему «Хоров».

Иначе, как будто, обстоит дело с гипотезой об авторстве Ф. Г. Волкова. Но надо с полной ясностью указать, что и в этом случае есть ряд пунктов, вызывающих сомнения. Поэтому прежде, чем перейти к перечислению доводов в пользу волковской гипотезы, не лишне рассмотреть возражения против нее. Собственно, это даже не возражения, а скорее замечания ограничительного характера. Важнейшее из них следующее. Волкова автором «Другого хора» называет только одна рукопись, та, которой пользовался анонимный сотрудник «Русского вестника». И вот, в этой рукописи, — если она правильно воспроизведена в печати, — есть несколько неясностей. Так, в заглавии сказано «Хор ко превратному свету, петый на большом маскараде, на маслянице 1763 года, и сочиненный г-м директором Ф. Г. Волковым» (цит. соч., стр. 25). Из контекста заглавия получается впечатление, что хор был исполнен во время маскарада. Между тем, по тексту «Торжествующей Минервы» видно, что «Другой хор» не был исполнен, так как в первом «Хоре ко превратному свету» есть знаменательная фраза, которая показывает, что сатирическому размаху автора или авторов были поставлены точно очерченные пределы. Вот текст первого «Хора ко превратному свету»:

Приплыла к нам на берег собака
 Из-за полночнова моря
 Из за холодна океяна,
 Прилетел отголь и соловейка.
 Спрашивали гостью приезжу:
 За морем какие обряды
 Гостья приезжа отвечала:
 Многое хулы там достойно,
 Я бы рассказать то умела,
 Естьли бы сатиры петъ я смела.
 А теперь я пети не желаю,
 Только на пороки я полаю:

¹ История стиля русской комедии XVIII века. Искусство, 1923, № 1, стр. 172—184.

Соловей, давай и ты оброки,
 Посвищи заморские пороки. Свист Пр.
 За морем хам, хам, хам, хам, хам, хам. 2
 Хам, хам, хам, хам, за морем, хам, хам, хам. 2
 За морем, хам, хам, хам, хам, хам, хам,
 Хам, хам, хам, хам, за морем, хам, хам, хам.
 За морем, хам, хам, хам, хам, хам, хам,¹

Вот эти-то слова:

Многое хулы там достойно,
 Я бы рассказать то умела,
 Естьли бы сатиры петь я смела;
 А теперь я пети не желаю,
 Только на пороки я полаю, —

Эти слова показывают, что установка «Торжествующей Минервы» была сделана не на широкую социальную сатиру, а на «осмехание пороков», как говорил Державин об этом маскараде. Совершенно очевидно, что «Другой хор» с его всесторонней и яркой сатирой не мог идти вслед за первым, уклончивым и компромиссным «Хором ко превратному свету». Несомненно и то, что подобный хор не мог исполняться публично и по причинам политическим: обстановка первых месяцев царствования Екатерины II была крайне напряженная, ни дворянство, ни купечество, ни крепостное крестьянство не могли быть довольны новым правительственным курсом, еще на первых порах недостаточно определившимся. А «Другой хор» как раз содержал ряд выпадов против дворянства, против крепостного права, против купечества, последнее, правда, очень осторожно. В особенности опасным были упоминания о торговле людьми. Недаром Екатерина напоминала Сумарокову через три года, что крестьяне ежегодно режут своих помещиков.²

Все это вместе взятое говорит за то, что «Другой хор» никак не мог быть исполнен во время маскарада, и название его «Хор, петый на большом маскараде» не внушает доверия. Второе недомыслие состоит в том, что предполагаемый автор, Ф. Г. Волков, назван здесь «г-м директором». Но ни директором театра, ни каким-либо другим директором Ф. Г. Волков не был. Может

¹ Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 339.

² Сб. Русск. ист. общ., т. X, стр. 86.

быть, он назван был директором маскарада, но об этом ни документальных, ни свидетельских данных не имеется. Наконец, третье, и, пожалуй, самое важное замечание. Текст «Другого хора» по «Русскому вестнику», если исключить опущенные по цензурным соображениям стихи, полностью совпадает с текстом «Собрание сочинений», за вычетом одного только места, и то такого, которое несомненно искажено было у Новикова. Стихи 7—9 в «Полном собрании» выражены в следующей форме:

Все там превратно на свете:
За морем Сократы добронравны,
Каковых и здесь мы выдаем.¹

Неточность смысла в последнем стихе очевидна: если «все там превратно», то как же могут быть «Сократы там добронравны», «Каковых и здесь мы выдаем»? В тексте «Русского вестника» дается иное чтение:

За морем Сократы добронравны,
Каковых мы здесь не выдаем.

Здесь сатирическая заостренность дана в отчетливой форме. Но возникает вопрос, кому принадлежит это чтение, автору ли статьи в «Русском вестнике», или же оно было в подлинной рукописи? Отсутствие каких бы то ни было других разночтений наталкивает на мысль о том, что рукопись «Русского вестника» идет от «сочинений» Сумарокова, а не наоборот, или как-нибудь в этом роде. Иными словами, что кто-либо из лиц, знавших, что текст, включенный в «хоры, первые на большом маскараде», напечатанные в «Полном собрании сочинений» Сумарокова, принадлежит Волкову, списал его из новиковского издания и лишь снабдил заголовком, поясняющим авторство актера.

Могло ли быть ошибкой приписание Волкову авторства этого хора? Могло, конечно. Но то обстоятельство, что данное сочинение приписывается не крупному писателю, а мелкому, методологически очень важный довод в пользу авторства именно Волкова. Сравнительное текстоведение или сравнительное изучение текстов показывает, что нормальный, естественный путь всяких приурочиваний анонимных произведений идет по линии атрибуции их крупным, а не мелким, литературным деятелям. Наоборот, в подавляющем числе случаев приписание анонимного

¹ Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 339.

произведения мелкому автору бывает безошибочным. Таким образом, это не решающий, но очень важный довод в пользу авторства Волкова.

Теперь следует обратиться к вопросу о том, не противоречит ли «Другой хор» как идеологически, так и стилистически тому, что известно о литературной позиции Волкова. Оказывается, с этой стороны никаких несоответствий не имеется. Волкову приписываются две песни: «Ты проходишь мимо кельи, дорогая» и «Станем, братцы, петь старую песню». Сообщает о принадлежности их Волкову Новиков.¹ Конечно, можно усомниться в правильности этого указания Новикова, но обычно всякое утверждение остается в силе пока нет ему противоречивых данных; здесь же как раз таких опорочивающих материалов нет, по крайней мере, в литературе о Волкове они не известны. Поэтому пока можно без опасений считать эти песни волковскими. Самые тексты сейчас установлены и неоднократно переизданы.² Из этих песен особый интерес представляет и стилистически и идеологически вторая, которая, кстати сказать, была включена в первую часть «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова (под № 200), и этот-то текст остался вне поля зрения В. В. Каллаша. Вот эта песня:

Станем, братцы, петь старую песню,
 Как жила в первом веке люди.
     О златые, золотые веки!
     В вас счастливо жили человеки.
 Землю в части тогда не делили,
 Ни раздоров, ни войны не знали.
     О златые, златые веки и т. д.
 Так, как ныне солнцем все довольны,
 Так довольны были все землею.
     О златые и т. д.
 Злата, меди, серебра с железом
 Не ковали ни в ружье, ни в деньги.
     О златые и т. д.

¹ Опыт исторического словаря, стр. 41; П. А. Ефремов. Материалы д истории русской литературы, СПб., 1867, стр. 25.

² Каллаш, В. В. Материалы и заметки по истории русской литературы I—IV. Песни Ф. Г. Волкова. ИОРЯС, 1901, т. VI, кн. 3, стр. 170—17. Незеленов, А. И. История русской литературы, под ред. В. В. Каллаш ч. I (много изданий).

Не гордились и не унижались,
Были равны все и благородны.

О златые и т. д.

Все свободны, все были богаты,
Все служили, все повелевали.

О златые и т. д.

Их языком сердце говорило,
И в устах их правда обитала.

О златые и т. д.

На сердцах их был закон написан,
Сам, что хочешь, то желай другому

О златые и т. д.

Страх, почтенье неизвестны были
Лишь любовь их правила сердцами.

О златые и т. д.

Так прямые жили человеки;
Те минули золотые веки!

О златые, золотые веки!

В вас счастливо жили человеки.¹

Приведенная только что «Старая песня» и формально, и идеологически близка к «Другому хору». Можно даже больше сказать, «Старая песня» в своей апологии «первобытного коммунизма» идет дальше «Хора ко превратному свету». Повидимому, вообще Ф. Г. Волков был человеком с определившимся антифеодальным мировоззрением. Таким же антидворянским, на наш взгляд, характером проникнута его единственная сохранившаяся «Эпиграмма», сообщенная Новиковым:

Всадника хвалят: хорош молодец!

Хвалят другие: хорош жеребец!

Полно, не спорьте: и конь и дитина,

Оба красивы; да оба скотина!²

¹ Сочинения М. Д. Чулкова, СПб., 1913, ч. I, стр. 238—239.

² Опыт, стр. 44; Ефремов. Материалы, стр. 26. Указание Г. А. Гуковского на неодинократное повторение этой остроты в эпиграммах других авторов (Сумароков, Державин, кн. Гр. Хованский, П. Бахтин — подробнее см. статью Г. А. Гуковского «О русском классицизме» в сборнике «Поэтика», V, стр. 35—36) несколько не меняет сути дела: при суждении о литературном произведении для исследователя важнее социальная функ-

В условиях XVIII в., когда верховая езда была исключительно дворянской бытовой чертой, чуть ли не классовой привилегией, подобная эпиграмма имела не «юмористический», а конкретно-классовый смысл. С этой антидворянской литературной тенденцией Ф. Г. Волков вполне согласуется и приписываемый ему традицией отказ от предложенного якобы ему Екатериной дворянства за участие в возведении ее на престол. Во всяком случае И. Ф. Горбунов в одной из своих статей указывает, что дело о дворянстве Ф. Г. Волкова в Сенате не закончено.¹ Явилась ли причиною этого смерть Волкова, или его отказ от предложения императрицы, или какие-либо иные основания, сведений не имеется. Каков бы ни был исход дела о дворянстве Волкова, очевидно, что «Старая песня» представляла не случайный момент в его творчестве. Во всяком случае, «Другой хор ко превратному свету» не противоречит «Старой песне» ни в одном пункте.

Если обратиться опять к тексту «Описания большого маскарада» в «Торжествующей Минерве», то оказывается, что все «Хоры» являются не более как иллюстрациями к сценарию, «изобретенному и распоряженному» Волковым. Все те эмблематические и аллегорические элементы, из которых были сконструированы отдельные маскарады, получили в хорах, в особенности в «Другом хоре», лишь стихотворную иллюстративную интерпретацию, не больше. П. О. Морозов утверждает, что «в сочинении программы для этого необычного зрелища сказались не только общее направление того времени, но и личные вкусы составителя: Волков, видимо, был горячим поклонником

дия этого произведения, чем степень оригинальности его. В частности, эпиграмма Державина на тот же «сюжет» только полтверждает сказанное выше: у него фигурирует не просто всадник, как у Ф. Г. Волкова, а «гостиной сын»; иными словами, это обратное использование готового шаблона.

¹ Горбунов, Иван. Первые русские придворные комедианты. 1. Федор Григорьевич Волков. — Русский вестник, 1892, т. 218, февраль, стр. 288: «В архиве департамента герольдии в реестре в книге решенных дел 1756—1767 гг. № 7 под 7 же номером записано следующее дело: 1762 г. августа 7. Известие, отданное от Сената о пожаловании гардероб-мейстера Василия Шкурина в российские, да Федора и Григория Волковых и кассира Алексея Евреинова в дворяне и о пожаловании их деревнями. На восьми листах. Самого дела в книге нет, а в реестре против выписанной статьи такая отметка: «Здесь не числить. Не решенное. Вынуть оное. Взял в герольдию секретарь Железовский».

Сумарокова и его произведений».¹ Может быть, это и было так, но «горячий поклонник Сумарокова и его произведений» несомненно вкладывал более прогрессивное, антидворянское содержание в те формы, которые он заимствовал от российского Расина.

Все это дает основания видеть в нем автора «Другого хора».

Теперь можно подвести некоторые итоги:

1. Из всех называвшихся авторов «Хоров» — Сумароков, Волков, Херасков, Майков, может быть, члены комиссии по триумфальным воротам, Богданович и Ржевский (см. примечание 7 на стр. 189) — наиболее основательными кандидатами являются первые два.

2. За авторство Сумарокова доводами являются:

- а) включение «Хоров» в собрание его сочинений;
- б) соответствие всех почти пунктов «Хора» со взглядами, высказывавшимися в других его произведениях;
- в) фраза «только одни хоральные песни в сем маскараде сочинения * * *».

3. Против авторства Сумарокова говорит:

- а) различное отношение к крепостному праву;
- б) отсутствие нападок на промышленность;
- в) необычная для Сумарокова в его единоличных выступлениях анонимность;
- г) стилистическая обособленность «Хоров» на общем фоне его творчества;
- д) следы участия Хераскова в сочинении «Хоров».

4. Против авторства Волкова можно сказать:

- а) сомнительность сведений в «Русском вестнике»;
- б) чрезмерно большое внимание в «Другом хоре» к явлениям чисто литературным.

5. За авторство Волкова доводами являются:

- а) приписание произведения мелкому писателю;
- б) стилистическое соответствие «Хора» манере Волкова;

¹ Юбилей русского театра. Ежегодн. имп. театров. Сезон 1899—1900 года, ч. I, стр. 24.

в) идеологическая позиция Волкова;

г) связь «Хора» со всеми прочими частями маскарада, автором которого был Волков.

Итак, окончательный вывод таков: и Сумароков и Волков имеют почти равные шансы на то, чтобы считаться авторами «Хора». Субъективно я склоняюсь к тому, чтобы признать автором Волкова.

О «ХОРЕ КО ПРЕВРАТНОМУ СВЕТУ»

(Ответ П. Н. Беркову)

Гр. Гуковский

Я полагаю, что «хор ко превратному свету» безусловно принадлежит Сумарокову и не может принадлежать Волкову по следующим соображениям:

1. Авторство Волкова отпадает согласно точному, формальному и недвусмысленному указанию самой брошюры «Торжествующая Минерва»; брошюра распадается на 3 части; первая часть — «Стихи к большому маскараду» — имеет печатную подпись «Сочиня М. Херасков»; вторая часть — «Описание большого маскарада» также подписана печатно: «Изобретение и распоряжение маскарада Ф. Волкова»; третья часть — «Хоры» имеет подпись «Только одни хоральные песни в сем маскараде сочинения***». Ясно, что если «только одни» хоры сочинены кем-то, кто скрыл свое имя, то этот некто не Херасков и не Волков.

Авторство Волкова отпадает и по внутренним признакам:

2. Маскарад «Торжествующая Минерва» является острым и злободневным политическим выступлением, а не просто нравоучительным спектаклем. В другой работе я подробно анализирую его сущность и направление. Здесь я могу лишь указать суммарно, что маскарад формулировал чаяния, требования и надежды группы дворянских фрондеров 50-х — начала 60-х годов, активно участвовавшей в июньском перевороте 1762 г., усиленно добивавшейся в начале царствования Екатерины II реализации своей программы, по так и не добившейся ее. Вождем этой дворянской партии был Панин, а литературным идеологом ее был Сумароков. В программу партии входила, между прочим, борьба с капиталистами-откупщиками, с бюрократией, с фаворитизмом и властью вельмож-дельцов; затем — ограничение крепостного права при обязательном сохранении его как основного института, базирующего весь государственный строй; наконец — ограничение деспотии «фундаментальными законами». Почти все эти идеи заключены

в «хоре ко превратному свету». Маскарад в целом был построен в духе идеологии данной дворянской группы; в нем были и прямые политические намеки (на Петра III и др.). Волков был лишь сценаристом и режиссером на заданную тему. Наиболее отчетливым, программно заостренным пунктом маскарада должен был быть «хор ко превратному свету». Хор не был пропущен цензурой, и его автор заменил его кратким хором, вошедшим в текст брошюры «Торжествующая Минерва». Смысл этого краткого хора таков: мне запретили говорить правду, что ж, я буду все же кричать об этом запрете и тем заявлю свой протест. Выразительный припев печатного хора

«За морем хам хам хам хам
Хам хам хам хам и т. д.»

есть подчеркнутая замена звучащими точками непропущенного цензурой варианта (в нем та же конструкция:

«За морем» — то-то и то-то
«За морем» — то-то и то-то и т. д.).

У нас нет никаких данных о том, что Волков разделял оппозиционные идеи, заключенные в «хоре ко превратному свету». Наоборот, Сумароков неоднократно высказывал все эти идеи.

Если Волков был купец и по происхождению и по идеологии, как думает П. Н. Берков, — то это вовсе не значит, что он был антикрепостник; известно, что в Комиссии 1767 г. купцы требовали расширения рабства, а не устранения его, требовали для себя права владеть крепостными.

3. Сравнение хора с песней Волкова кажется мне неубедительным. Песня Волкова не сатирична. Она не заключает в себе злободневных политических вопросов; это общее место литературы — мечта о золотом веке.

4. П. Н. Берков сомневается в том, что приписание Новиковым ряда произведений Сумарокову достаточно авторитетно. Почему же он верит тому же Новикову, когда он приписывает песню «Станем, братцы, петь старую песню» — Волкову? Ведь свидетельство Новикова в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) — единственное указание на авторство Волкова в отношении этой песни. Поэтому, становясь на точку зрения П. Н. Беркова, нельзя привлекать как аргумент данную песню в качестве несомненно волковской.

5. Аргументация П. Н. Беркова по линии эпитагмы Волкова не представляется мне убедительной. В эпитагме Волкова ничего не сказано о том, что «всадник» — непременно дворянин. Я не могу согласиться с тем, что в XVIII в. «верховая езда была исключительно дворянской бытовой чертой, чуть ли не классовой привилегией». Нельзя смешивать верховую лошадь с дугом. Сам П. Н. Берков принужден напомнить мою статью, где я указываю, что тот же мотив, что в эпитагме Волкова, использован рядом дворянских поэтов, и в частности, Сумароковым. Сам же он указывает на то, что у Державина всадник — «гостиной сын»; значит, и гостиной сын мог ехать верхом, и, следовательно, толкование волковской эпитагмы как антидворянской произвольно.

6. П. Н. Берков считает, что стихи «хора» о крестьянах направлены не против злоупотребления крепостным правом, а вообще против крепостного права в целом. Это мнение не аргументировано и, повидимому, недоказуемо. Наоборот, П. Н. Берков сам приводит слова Сумарокова о том, что нельзя торговать людьми, и справедливо указывает на центральную идею сумароковской социальной теории: феодальная зависимость крестьянина от помещика не то же, что рабство; первую он отстаивает, второе отрицает. Именно эта идея и обосновывает соответственное место «хора ко превратному свету».

Итак: нет никаких данных, говорящих о близости идей «хора» взглядам Волкова; есть ряд данных о близости «хора» взглядам и произведениям Сумарокова (ср. ниже).

Пойдем далее:

7. П. Н. Берков ставит вопрос, почему в «хоре» нет мысли о вреде промышленности, когда она так важна для Сумарокова. Отвечаю:

а) Сумароков говорит о вреде промышленности (не совсем точно) всего дважды и притом на несколько лет позднее, чем написан «хор».

б) Сумароков ни разу не говорит о «вреде промышленности» в художественных, а тем более поэтических произведениях; он говорит о нем один раз в деловой статье, один раз в замечаниях на Наказ, вовсе не предназначенных для опубликования.

в) Мало ли о чем не говорит Сумароков в «хоре». Ведь он не был обязан говорить в нем обо всем. Повидимому, в 1762—1763 гг. иные, политически более актуальные, темы занимали его, в большей степени, чем вопросы промышленности.

8. Новиков в своем «Опыте словаря» пишет о Волкове:

«Из его сочинений остались известными мне только две песни: Ты проходишь мимо кельи, дорогая; Станем братцы петь старую песню, и одна эпитаграмма. Изобретенный им маскарад напечатан в Москве 1763 года... и ниже «Я сообщаю моим читателям известную мне эпитаграмму сочинения г. Волкова, которая хотя малое подает понятие о его стихотворстве тем, которые его сочинения не читывали. Хотел бы я сообщить и все его стихотворения, но ни у кого не мог отыскать».

Значит, Новиков положительно ничего не знал о возможности приписать «хоры» Волкову. Между тем Новиков был хорошо осведомлен, общаясь постоянно с Сумароковым, который даже помогал ему при работе над словарем, и никак не мог не знать такого важного произведения Волкова, если бы оно в самом деле было произведением Волкова.

9. П. Н. Беркову необходимо опорочить издание Полного собрания сочинений Сумарокова, приготовленное Новиковым, так как оно является очень сильным аргументом в пользу Сумарокова, как автора «хора». Но опорочить это издание едва ли можно. Новиков не включил в свое издание нескольких произведений Сумарокова. Но ведь есть огромная разница между невключением сумароковской вещи и включением чужой вещи. Первое могло произойти и от того, что Новиков не разыскал соответствующих текстов; да и вообще оно не порочит текста издания. Наоборот, данные о включении Новиковым чужих вещей в издание Сумарокова, приводимые Берковым, я не могу признать убедительными:

а) Вопрос о «Разговорах в царстве мертвых» крайне сомнителен. Скорей всего их написал Сумароков. Свидетельство С. Глинки мало достоверно, так как он не «исследователь», как его лукаво называет П. Н. Берков, а ничего не знающий и полувывживший из ума болтун. Обилие чудовищных ошибок в его книге бросается в глаза. Нет данных, подтверждающих авторство Суворова. «Разговоры» подписаны буквами «А. С.», которыми подписано много произведений Сумарокова в том же журнале, которые всегда обозначали именно его. Если бы даже «Разговоры» не принадлежали Сумарокову, ошибка Новикова была бы в данном случае вполне объяснима и понятна.

б) О надписи к статуе Петра — сам Новиков исправил свою ошибку; значит он именно проверял состав своего издания очень тщательно.

Вот и все данные, которыми П. Н. Берков хочет опорочить издание Новикова. Он прибавляет к ним указание на то, что «несомненно среди песен довольно большое число принадлежит его дочери». Это — недоразумение, возникшее из «сообщения» известного внука Макарова, приписавшего Е. А. Сумароковой 6 песен и еще несколько произведений ее отца. Макаров вообще факты легко перевирает. Что же касается этих 6 песен, то и они и все другие приписанные им Е. А. Сумароковой вещи — напечатаны в «Трудолюбивой Пчеле» с подписью А. Сумарокова. Совсем не обосновано замечание П. Н. Беркова о том, что ему «подозрительны» некоторые прозаические произведения Сумарокова. Все прозаические вещи, помещенные в новиковском издании, или были напечатаны ранее в журналах с подписью Сумарокова или же извлечены Новиковым из рукописей самого Сумарокова; невозможно сомневаться в их подлинности. Вообще же новиковское издание выполнено вполне научно, серьезно и с знанием дела.

Новиков имел в руках архив Сумарокова и, кроме того, был с ним лично близок. Что же касается пространной редакции «хора», то Новиков опубликовал ее впервые; ясно, что он извлек ее из рукописей Сумарокова, так же как две книги басен и многое множество других произведений (несколько сот). Уже это обстоятельство должно было бы решить вопрос об авторстве Сумарокова в положительном смысле.¹

10. П. Н. Берков считает, что «народный склад» хора противоречит авторству Сумарокова; но ведь он сам же указывает две песни Сумарокова, написанные «народным складом»; можно еще указать напр. песню: «Где ни гуляю, ни хожу» и др.²

При этом, сомнения в авторстве песен отпадают (см. пункт 9).

Нужно также учесть особый жанр хоров для «народного» мажора.

¹ Желая быть объективным, сообщу один факт, опущенный П. Н. Берковым: в новиковском издании помещено 6 эпиграмм Аблесимова. Как это случилось — понятно. Они были напечатаны в «Трудолюбивой Пчеле» вместе с сумароковскими, под одной общей порядковой цифрой. В конце стояла подпись Сумарокова «А. С.», и Новиков не заметил затесавшихся между эпиграммами букв «А. А.». Во всяком случае, нет ни одного факта, говорящего о некритическом помещении в новиковском издании не сумароковских вещей.

² Песня о Панине и по содержанию несомненно сумароковская.

11. Свидетельства «Русского Вестника» и «Маяка» никоим образом не являются документами. «Маяк» ссылается на «старожилов»; но ведь не могло быть в 1842 г. людей, издавших маскарад 1763 г. «Русский Вестник», по словам самого П. Н. Беркова, — дает текст, восходящий к новиковскому изданию Сумарокова и, значит, не дающий новой документальной версии. Комментарий же «Русского Вестника», как опять-таки указывает сам П. Н. Берков, ошибочен.

12. П. Н. Берков останавливается на вопросе о причинах анонимности хоров в брошюре «Торж. Минерва» и считает, что Сумароков не мог иметь оснований заменить свою подпись тремя звездочками; между тем, отношения Сумарокова к новому двору не были так благополучны, как это говорит П. Н. Берков. Сумароков претендовал на роль официального, правительственного писателя, хотел навязывать Екатерине свои идеи, но не один раз наталкивался на противодействие. Он был близок ко двору, он был один из тех, которые должны были получить награды и права после переворота, но с самого начала его урезывали в его претензиях. Оды Сумарокова 1762—1763 гг. — уроки правительству. Недопущение в печать «Слова на день коронавания» было не единичным фактом. Но совершенно достаточным мотивом для снятия Сумароковым своей подписи при хорах было конечно запрещение полной редакции «Хора ко превратному свету».

Излагаемое П. Н. Берковым предположение о ссоре Хераскова с Сумароковым ничем не подтверждается. Сумароков не мог быть в претензии за то, что он не участвовал в подготовке въезда Екатерины в Москву, так как эта подготовка велась в Москве и московскими писателями, а Сумароков был в это время в Петербурге. Поэтому нет ничего сомнительного в том, что Сумароков мог участвовать в одном предприятии с Херасковым, поскольку он вовсе не был отстранен от участия в коронационной комиссии и не уступал места Хераскову.

13. Стиль, стих, отдельные мотивы, словарь — все в «Хоре ко превратному свету» как и в других хорах «Торжествующей Минервы» (нельзя, конечно, сомневаться в единстве автора обеих редакций хора ко превратному свету, а значит и других хоров с «другим хором по превратному свету») — вполне сумароковское. Можно привести множество параллелей, подкрепляющих это положение; я не производил специальных разысканий по этому

Н. И. Панин.

Портрет типа Рослена.
(Музей Института русской литературы.)

вопросу, и поэтому ограничусь лишь некоторыми сближениями, вспомнившимися мне.

Хор ко превратному свету Произведения Сумарокова (ссылки на полн. собрание сочин. 1787)

За морем Сократы добронравны
Каковых и здесь мы видаем.

«Сделаем новое общество, и вообразим то, что оно состоит из Сократов... собралися бы Сократы...»

VI. 240—241.

Никогда не суеверят,
Не ханжат, не лицемерят.

В утопии «Сон. Счастливое общество» (1759):
«Благочестие, не допускающее примеситься себе суеверию в сей стране есть основание всего народного благополучия... Все они (т. е. духовные) люди великого учения и беспорочныя жизни... Суеверия и лицемерия они неприятели» и т. д.

VI. 364—365.

Порядок тем в «сне» сходен с «хором». Так же — прежде всего речь о духовенстве.

«Преподлый суевер от разума бежит
И верит он тому, чему не надлежит:
Кто вздору всякому старается поверить,
Стремится пред самым он богом лицемерить.»

IX. 118 (1759).

«Пожалуй, не зови меня безверным боле,
За то, что к вере я не причитаю врак»...
и т. д.

IX. 119 (1759).

«Безбожник ли иль суевер
Зависит более от ангела нечиста?
Обоих скаредству один размер,
Но нет ни одного на свете атеиста,
Такая чортом мысль еще не вложена,
А суеверами подсолнечна полна».

IX. 121 (1759).

Дьяк там дуками не ездит,
Дьячихи алмазов не носят

«Какой диковники я в век не ожидал,
Такую случай мне увидеть ныне дал:
Я шел задумавшись: разбились мысли стуком;
Но что увидел я! подьячий едет дуком;
Я руки к небу взвел и закричал тогда:

О солнце, ты весь мир издревле обтекаешь
И взор на землю всю вседневно ниспускаешь;
Такое зрелище видало ль ты когда?

С досады я потом едва сыскал дорогу,
Ворча: управил бы я вас, — да то беда;
Бодливому быку судьба не ставит рогу».

IX. 156 (1759).

«Когда б ваш был отец приказный человек,
Так не были бы вы несчастливы вовек...
...И статья бы могло, чтоб ездили вы
цуком»...

IX. 157 (1760).

Ср. характеристику «дьячихи» в притче
«Подьяческая дочь».

VII. 72 (1759).

Ср. выражения: «в алмазах всякий день»,
«она алмазы носит»

VII. 39.

«хоть по уши зарой ее в алмазы»

VII. 362.

За нос там судей
писцы не водят

О судьях и их секретарях в этом же смысле
см. напр. притчи «Протокол» и «Суд»
(VII. 102 и 103), «Сатиру о благородстве»
(«на толь кому судьба высокий чин дала,
чтоб он подписывал, подъячий вел дела»...)

VII. 361).

В утопии «Сон. Счастливое общество» —
«...во всех судебных местах больше судей,
нежели писцов»

(VI. 366).

Ср. сатиру о худых судьях

(VII. 366 и сл.).

За морем подья-
чие честны,
За морем писать
они умеют».

Это — одна из излюбленных тем Сумарокова.
Приведу 2—3 примера наудачу:

«Зайди когда в приказ,
Где столько, как у нас,
Бумаги в день испишут,
А то, что грамота, писцы едва
и слышут».

VII. 327 (1765).

«Писати мне хочется да бумага дорога; ибо подьячие всю ее перевели, и умея грамоте меньше всех писцов во всей Европе, пишут больше всех».

IX. 281 (1760).

«Ни один регистратор писать не умеет»
комедия «Опекун» V. 33 (1765).

В виде удивительного факта о подьячем;

«Мужик был трезвый

И сверх того еще писать умел»

VII. 288 (1760).

Откупы за морем
не в моде.

Чтобы не сто-
нало государство
(ср. в «хоре к об-
ману»: «Откупщик,
усердной на Руси
народу,

В прибыль госу-
дарству откупает
воду»)

Тема откупщиков — едва ли не основная
сатирическая тема Сумарокова в 1759—
1762 г. напр.

Е п и т а ф и я

На месте сем лежит безмерно муж велик,

А именно зловредный откупщик:

Реками золото ему стекалось ко рту,

И душу озлатив, послало душу к чорту.

IX. 138 (1760).

Как будто на яву

Я видел сон дурацкой:

Пришел посадцкой:

На откуп у судьи взять хочет он

Неву

И Петербургски все текущие в ней реки;

Мне

То было странно и во сне;

Такой диковинки не слыхано во веки.

Судья ответствовал: «потщися претворить

Искусный Альхимист во злато воду;

Да только б тем питьем людей не поморить

А впрочем я хвалю гораздо эту моду,

И вижу, что ты друг российскому народу».

IX. 157—158 (1760).

В комедии «Приданое обманом» говорится
об откупщике, который — «взял чернила на
откуп, не для собственного своего прибитка,
да для государственной пользы».

V. 224—225 (1764).

«По смерти откупщик в подземную страну
 Пришел пред сатану
 И спрашивает он: скажи, мой друг сердеч-

ной:

Не можно ль откупить во аде муки вечной.

Как я на свете жил,
 Всем сердцем я тебе и всей душой служил:
 Пожалуй, дедушка, на откуп его внуку.
 Я множил цену там, а здесь умножу муку»
 IX. 117 (1760).

Ср. притчи об откупщиках — «Мост» VII
 106 (в I редакции «Юпитер, сокол и щука»
 1760), «Шубник» VII. 287 «1760».

Или эпиграмму об откупщике:

«Младенец молоко у матери сосет,
 И за это он мать еще и больше любит;
 За что же откупщик бесчестие несет,
 Что он отечество сосет;

И он свою любовь к отечеству сугубит,
 Младенец матери сосаньем не вредит,
 Ни он отечества, что он его цедит».

IX. 318 (1769).

За морем почет-
 ные люди

Шеи назад не
 загибают...

Со крестьян там
 кожи не сдирают,
 Деревень на кар-
 ты не ставят;
 За морем людьми
 не торгуют

Ср. «письмо о гордости»

VI. 340—342 (1759).

«В лесу воспитанная с негой
 Под тяжелой трется ось телегой
 И неподмазана кричит:

А бык, который то везет, везя молчит;
 Изображает ось господчика мне нежна,
 Который держит худо счет:

По русски — мот;

А бык — крестьянина прилежна.

Страдает от долгов обремененный мот,

А стова не вспомянет,

Что пахарь изливая пот

Трудится и тягло ему на карты
 тянет»..

VII. 202 (1769).

«Мужик и пьет и ест, родился и умрет,
Господской также сын, хотя и слаще жрет,
И благородие свое нередко славит,
Что целый полк людей на карту
он поставит.

Ах! должно ли людьми скотине обладать.
Не жалко ль, может бык людей
быку продать»...
VII. 360 (1774).

«Презрителен и гнусен
Ненасытимый человек,
Который в весь свой век
Лишь деньги собирать искусен,
И кто своих питает так людей,
Как кормит живодер на одрань лошадей»...
VII. 161 (1769).

«Продавать людей как скотину не должно».
Примеч. на «Наказ».

«Стегают и людей без вины иные господа;
да и продают их так же как и лошадей»;
и далее Сумароков отстаивает идею природ-
ного равенства дворян и крестьян.
VI. 116—117 (Комедия «Вздорщица» 1772).

Добрых людей не
злословят...

Ср. сатиру «О злословии»

VII. 373—374 (1774).

За морем про-
тивно указу

Ср. напр. V 222 — диалог в комедии «При-
данное обманом» (1764).

Росту заказнова
не имеют

За морем ума не
пропивают

Ср. напр. притчу «Сатир и гнусные люди».
VII. 129—130 (напеч. 1769) и VI. 367.

Пред больших
бояр лампад не ста-
вят

Ср. напр. «На что стояти мне, как будто
пред богами,
Пред человеками»... и т. д.

IX. 116 (1760).

Все дворянские
дети там во школах
и т. д.

См. напр. Сатиру о благородстве.

VII. 361.

(Стихи о языке
и литературе)

Характерно самое внимание, уделяемое
языку и литературе в «хоре»; взгляды на

эти вопросы, изложенные в нем — вполне сумароковские, неоднократно высказанные им (см. в моей книге «Русская поэзия XVIII в.»). Для примера укажу эпистолу о русском яз., статью об истреблении иностранных слов из русского яз., сатиру о французском языке, притчу «Порча языка», эпиграмму 41 (здесь между прочим «пузырь всегда пузырь, хоть пуст, хотя надут»), ответ на оду В. И. Майкова, — и опять: «когда булабочка в пузырь надутый резнет, вся пышность пузыря в единый миг исчезнет» и т. д., — и мн. др. Термины «ясный, согласный» — типично сумароковские. Стихи «Вздору там ораторы не мелют» и сл. — направлены, видимо, против Ломоносова, что, естественно, ведет нас опять к авторству Сумарокова.

(Стихи о подьячих и приказных крюках).

За морем нет тунеядцев,

Все люди за морем трудятся,

Все там отечеству служат;

Лучше работающий там крестьянин,

Нежели господин тунеядец;

Лучше не расчесаны кудри,

Нежели парик на болване...

Это общее место сумароковского творчества; параллелей так много, что нет необходимости их напоминать.

В утопии «Сон. Счастливое общество»: «Не имеют тамо люди ни благородства, ни подгородства, и преимуществуют по чинам, данным им по достоинствам, и столько же права крестьянской имеет сын быть великим господином, сколько сын первого вельможи...

...Всякая наука, всякое полезное упражнение, всякое художество и всякое ремесло... тамо в почтении, а тунеядство в превеличайшем презрении, и слово тунеядец жестокая тамо брань». VI. 367 (1759).

Ср. сатиру о благородстве в с. ю.

VII. 360—363.

«...есть и у людей

Такие господа, которые и ту же

Раздувшись гоняют лошадей,

Которы возят и коих сами хуже».

VII. 157 (1769).

На что родится человек,
 Когда проводит он во тунеядстве век.
 Он член ли общества? моя на это справка,
     Внесенная во протокол:
 Не член он тела, бородавка...
 ...И бог то ведает, за что его боярят.
 Мне мнится — без причин
 К таким прилог и чин.
 Могу ль я чтить уroda,
 Которого природа
 Произвела ослом...» и т. д.

VII. 253.

«Все члены рода человеческого достойны почтения; презренны только люди, не приносящие обществу пользы... крестьяне пашут, купцы торгуют, воины защищают отечество, судии судят, ученые возвращают науки и людей просвещают, художники вкус услаждают, духовные проповедывают добродетель. И сколько почтенны нужные государства члены, столько презренны тунеядцы, в которых число полагаю я и дворян, не помышляющих более ни о чем, как только о их собственном изобилии и возносящихся своим маловажным титулом».

VI. 258—259.

О дворянине — тунеядце:

«...Потом он спит,

Опять храпит.

А под вечер болван он сидя убирает,

Не мысли, волосы приводит в лад,

И в сонмищи публичны едет гад

И после в карты проиграет»...

VII. 254.

Ср. также притчу «Уборка головы» — VII. 250, диалог в комедии «Опекун» V. 19 и др. ср. епиграммы 26, 67, 75 (IX. 116. 127. 129)

За морем не
 любятся за деньги;

Там воеводская
 метресса

Метресса — сумароковское слово; например
 «Если девушки метресы», ... VIII. 328.

Равна свою степенью
 «Воеводская крыса» см. в притче «Две
 крысы» VII. 151 (1769).
 С жирною гадкою
 крысой.

Из остальных хоров я предлагаю сличить «хор к Парнасу» с анакреонтическими одами Сумарокова, «хор ко златому веку» с прологом Сумарокова «Новые лавры» и т. д. В кратком «хоре ко превратному свету» характерную передачу лая собаки, «хам, хам»... ср. с пригчей Сумарокова «Собака на сенокосе»

«Мне там кричать: хам, хам,
 А попросту сказать, друзья, я буду лаять».

VII. 202—203.

В том же «хоре» сумароковское написание «Океян»; вообще орфография хоров сумароковская; однако следует оговорить, что Херасков, руководивший типографией Московского Университета, в которой напечатаны хоры, также придерживался сумароковской орфографии. Существеннее то, что в тексте «Другого хора ко превратному свету», напечатанного Новиковым впервые, также сумароковское правописание: Новиков вообще воспроизводил орфографию подлинника совершенно точно; значит рукопись, с которой он печатал текст «Другого хора», была написана по-сумароковски. В «хоре ко мздоимству» — «ременной жгут» — вместо «кнут» — и рифма «плут». То же в сатире Сумарокова «Пнит и друг его» (VII, 35) — «он плут, и дастся орденом ему ременной жгут». (Кстати: весь ассортимент сатирической тематики этого места сатиры повторяет «хор ко превратному свету»).

В «хоре невежества» —

«Лучше жити без заботы,
 Убегать работы;
 Лучше есть и пить и спать,
 Нежели в уме копати.
 Трудны к тем хоромам
 В гору от земли подъезды,
 В коих астрономам
 Пялиться на звезды».

Ср. «Разговор между ученым и старою женщиною» Сумарокова: «...неученные люди и ядят и пьют и любятя еще и лучше

ученых, и довольствуются жизнью своею хотя и меньше скотины, но гораздо больше, нежели ученые». IX. 321.

Астрономия как первая наука, которую называет невежда, оспаривая пользу знания, — см. сатиру «Кривой толк» VII. 358. В «хоре к обману» характерны слова «машейник» и «машонка», ср. напр. IX. 212, VII. 329 и VII. 277.

ПЕСНИ О ГОСТИНОМ СЫНЕ

Ив. Н. Розанов

1

В изучении русской поэзии есть один досадный пробел: — песни русской буржуазии. Здесь не проделано даже предварительной работы: выявления материала. Более ранние эпохи сохранили нам былины о купцах: о Садко, Чуриле, Суровце и т. д., достаточно хорошо известные. Ничего подобного нельзя сказать о XVIII веке. Создается впечатление, будто купечество в этом веке никак не отразило себя в песенном творчестве. А между тем, восходящий класс, каким становилось в ту пору купечество, не мог не заявлять о своем существовании. И такие песни действительно существовали, как свидетельствуют об этом песенники. Особенный интерес представляют песни о гостинном сыне, дающие любопытный материал для характеристики песенного фольклора верхнего слоя купечества XVIII в. (гостинный сын — близок к нашему представлению о купце 1-й гильдии).

Далеко не все песенники собирали такого рода фольклор. Так, И. И. Дмитриев, создатель салонной басни, издал в 1796 г. „Песенник“, который тоже можно назвать салонным. Под предлогом борьбы с дурным вкусом, он не включил в свой песенник ни одной купеческой песни, даже из тех, которые были популярны, как «Вниз по матушке по Волге», или «Ах вы сени, мои сени!». Отметим, что последнюю из этих песен Вячеслав Иванов назвал однажды на лекции «изумительной по богатству ритма».

В этой тенденции дворянина и сановника И. И. Дмитриева абраковывать все купеческое следует видеть своеобразное проявление классовой борьбы.

В данной статье мы рассмотрим песни о Гостинном сыне, встречающиеся в двух песенниках XVIII века, самых замечательных: чулковском (г. I—IV) и Прача-Львова; во всех четырех частях первого из них имеем 891 №№ песен, а у Прача-Львова —

150; таким образом, общее число песен в этих двух собраниях превышает тысячу!¹ Сборник Чулкова, как отмечено было А. В. Марковым (Известия Огд. русск. яз. и словесности Академии Наук т. XXII, 1917, кн. 2, стр. 2—9), составлен с точным, определенным планом. „Произведения, вошедшие в песенник, — говорит Марков, — сгруппированы по определенной системе. Каждая часть состоит из 200 пьес; прибавление к III части содержит 91 пьесу... Чулков разделил каждую часть своего собрания на две половины: в первую вошли почти исключительно литературные произведения, во вторую — почти исключительно народные песни... В III части первый отдел заключает в себе 50 пьес, во II — 120 пьес... и для первой части Чулков придумал то же деление: начиная с № 121, в ней идут сплошь народные песни».

Это наблюдение Маркова требует однако, одной поправки: обозначения — «литературные произведения» — для первого отдела, и «народные песни» — для второго — неудачны. Не говоря уже о неприемлемости для нашего времени термина «народные песни», неверен у Маркова самый принцип деления. Во вторые отделы у Чулкова вошло много песен Сумарокова («О ты, крепкий крепкий Бендер град»), Михаила Попова («Ты, несчастный добрый молодец» ч. III, № 69) и других. Это — песни литературного происхождения и притом фольклорной переработке не подвергшиеся; песня Михаила Попова «Ты, несчастный добрый молодец» начало свое заимствует из устной песни под тем же заглавием (по первой строке), помещенной у Чулкова в части I под № 160. Указанные песни Мих. Попова, Сумарокова и других попали во 2-й Отдел у Чулкова потому, что выдержаны в стиле устной лирики, и вот здесь-то у Чулкова было основание для деления на два отдела. В первый он относил песни, сочиненные в стиле книжной лирики, преимущественно любовные романсы и пасторали, во второй все, что создано в стиле устной лирики без различия, как произведения записанные кем-нибудь с голоса и утратившие связь со своими творцами, так и то, что появилось, как произведение письменности или печати, но в песенную практику, может быть, и не вошло. Ведь Чулков, как мы знаем, сам песен не записывал а пользовался рядом рукописных сборников. Отметим кстати, что и любовные песенки Сумарокова, которые Чулков включил в свои

¹ Для IV части мы пользовались перепечаткой Новикова. У нас не было под рукой редчайшей IV части Чулковского песенника.

собрание в довольно большом количестве, тогда еще не были достоянием печати.

В отличие от Львова, составившего с Прачем второй замечательнейший песенник XVIII века, Чулков никак не воспринимает собранный им материал как текст для пения; песенная практика, мотивы, музыкальная и исполнительная сторона его несколько не интересует и в предисловии его к песеннику нет на это ни малейшего намека. Он как будто стремился к тому, чтобы книга его отвечала заглавию «Собрание разных песен», делая ударение на слове «разных». В своем «предуведомлении» он говорит о тех затруднениях, которые доставили ему «безграмотные писцы». «Их неискусство, — пишет Чулков, — находил я почти во всякой песне, так что инде ни стиха, ни рифмы, ниже мысли узнать мне было не можно». Чулков признается, что ему приходилось «употреблять догадку». Конечно, эта догадка была бы ненужна, если бы Чулков имел возможность проверять непонятные места текста по песенной практике. Но он воспринимал песни зрением, а не слухом и более всего заботился о рифмах и правильном расчленении на отдельные стихотворные строки.

С первого взгляда может показаться, что и при размещении песен он принимал во внимание прежде всего присутствие или отсутствие рифм. В первом отделе каждой части он помещал рифмованные стихи, а ко второму относил написанное белыми стихами. Но, конечно, это только внешний признак, и различие между двумя стилями и двумя поэтиками, книжной лирики и лирики устной, нельзя сводить к вопросу о роли рифмы. Оно чувствуется и в ритме и особенно бросается в глаза в выборе слов и изобразительных приемов...

Любовные песенки Сумарокова и его подражателей, очень популярные среди дворянской столичной молодежи, были переделками или подражаниями французской любовной лирике, и щеголяли разнообразием размеров и причудливой строфической. В одной из них мы встречаем даже французские фразы.

Гадко то будет, *c'est quelque chose d'horrible*

Если не молвишь между слов *morgbleu*.

(Чулков II, № 118)

Обычная тема — страдания любви, различные переливы чувства

Все тогда я ненавижу,
 Коль любезного не вижу,
     Все вздыхаю и грущу.
 Рвусь мученьем бесконечным,
 И с страданием сердечным
     Я везде его ищу.
 Но когда он предо мною
 Я тогда сурова с ним
 О стыдливость! Ты виною
 Всем суровостям моим.

Герой и героиня в такой лирике фигурируют под обозначениями — «любезный», «драгой», «неверный», «мучитель», «изменник», «тиран», «любезная», «драгая», «неверная» и т. д. Никаких чувств и переживаний кроме тех, которые связаны с любовью и ревностью, в этих песенках нет. Чем заняты страдающие от любви «любезные» и «неверные» кроме этого мы не знаем. Мы не знаем ни их общественного положения, ни родственных отношений, ни обстановки, где все это происходит; совершенное отсутствие каких-либо конкретных указаний. Если перейти от любовных романсов к пасторалям, там есть не только излияния чувств, но и описание действий, есть рассказ, есть движение. Он и она — пастух и пастушка. Иногда говорится про стадо, про овец, есть и пейзаж, но условный: пригорки, лесок, речка.

Пасторали еще более, чем любовные романсы Сумарокова, подчеркивают праздность и сытое тунеядство той среды, где они были излюбленным жанром.

Песни вторых отделов чулковского сборника, сочиненные в духе устной лирики, резко различаются от песен первых отделов... Герои и героини здесь «добрые молодцы», «красные девушки» и «молодушки». При всей условности этих обозначений, они все же конкретнее, чем обозначения по признаку психологическому: «драгая», «неверная», «тиранка». И эмоциональность сильнее в эпитетах устной лирики: «голубушка», «надежа», «радость моя»... Постоянно встречаются конкретные указания на возраст, родственные отношения; место действия иногда описывается очень детально. Нередко встречается обозначение города, сословия и профессии. В противоположность дворянским любовным романсам, здесь чувствуется, что люди имеют в жизни

еще какие-то радости и огорчения, кроме любви, что они в жизни что-то делают. Среди этих песен есть и дворянские, напр. многие из военных песен, патриотические мнимо-солдатские, сочинявшиеся офицерами; но больше — буржуазного происхождения, много песен городского мещанства, есть песни школяров, песни бурлаков, песни разбойничьи... Есть песни крестьянские. В собрание проскочило две-три песни резко оппозиционные, напр. замечательная песня о том, как „холоп“ своими угрозами заставил „боярыню“ пойти на уступки и стать ласковой. (Чулков ч. III, № 135).

Насколько однообразна тематика первого отдела, настолько она разнообразна во втором. Нас в данном случае интересуют те из песен, где речь идет о представителях высшего слоя купечества, о гостиных детях и, в первую очередь, минуя песню о Суровце, являющейся былинной, следующие песни: Чулк. I, № 160, 183, 189; II, 143, 154, 168, 188, 190; III, 60, 82; IV, 112, 154. Некоторые из этих песен повторяются в песеннике Прача-Львова; но у Львова, кроме того, есть еще несколько, не встретившихся у Чулкова, это № 63, 71, 81.

При анализе этого полутора десятка песен необходимо обратить внимание на окончания стихотворных строчек. Пользуясь только случайными рифмами, поэтика устной лирики очень требовательна к выдержанности системы ударений в окончаниях строк, и ударения эти могут быть не только на первом, втором, третьем слоге от конца (мужские, женские и дактилические), но и на четвертом, что в книжной лирике почти не встречается. Вот одно из доказательств, что произведения фольклора вовсе не являются такими «безыскусственными», какими их прежде принято было считать. Здесь тоже искусство, но другое, потому что другая поэтика.

2

При помощи анализа песен можно установить основные черты излюбленного героя купеческой лирики. Прежде всего возрастной признак. Герой должен быть молод. Старые куццы, хотя бы и богатые, не пользуются симпатиями у авторов песенного творчества. Но одной молодости недостаточно. Мы встречаем в песне таких «купчиков молодых», в которых ничего нет привлекательного. К ним не прилагается, да и приложить нельзя эпитетов «добрый молодец» или «удал добрый молодец»; еще

менее приложим «сокол ясный». Трусость, оглядка, боязнь того, что скажут соседи, характеризуют «купчика молодого», гостинодворца в песне «Капитанская дочь, не ходи гулять в полночь» (Львов, № 63). Желание свалить свой грех на другого характеризует «купчика молодого» из песни «Я пойду ли молоденька во всю темну ночь гулять» (Львов, № 71); наконец, поведение гостиного сына песни «Девушки вино курили» (Чулк. I, № 189), обнаруживает его скупость и сластолюбие. Осторожность его образно обозначена уже словами «выглядывает», очевидно из своей лавки. Ярko бросаются в глаза, что оседлые торговцы, приросшие к месту жительства, сравнительно мало возбуждают поэтическое воображение. Герой купеческой лирики большей частью связан с судоходством. В песне «Во поле, поле трава да мурава» (Чулк. III, № 82) к вдовушке сватаются дворянин и купец. Интересно, как тот и другой обозначают свое «богатство». Первый указывает, что у него „сто дворов крестьян, да село в барышах», второй, что у него есть «насад да корабль». Владельцем насада или корабля (или сыном владельца) является обычно излюбленный герой купеческой лирики. Это мы находим в песнях «Не спала то я младешенька не дремала» (Чулк. II, № 188, Львов, № 110), «При долинушке калинушка стояла» (Львов, № 69), «Во славном было городе Кронштадте» (Чулк. III, № 60), «Уж как видно это видно» (Чулк. IV, 112), «Еще как того тошнее» (Чулк. III, № 133), наконец, в прославленной песне «Вниз по матушке по Волге». С большою долей вероятности сюда же надо отнести песню «Красна девица по бережку гуляла» (Чулк. II, стр. 168).

Характерными чертами героев этих песен, «удалых» или «добрых» молодцов и «ясных соколов» является щедрость по отношению к возлюбленной, проявляющаяся в одаривании ее («без счету золотой казны носил, без аршина камочку дарил») и склонность к музыке и пению. Иногда обе склонности вместе

Посмотрю млада младенька
Вниз по матушке по Волге,
Не плывет ли легкой кораблик,
На котором моя радость
Купцом проживает,
По кораблю гуляет,
В звонку скрипочку играет,
Товарищев забавляет.

(«Уж как видно это видно», V, 112).

По кораблику гостинный сын гуляет
 Во звончаты он гуселечки играет,
 Он душу красну девицу утешает
 («Не спала то я младешенька», Львов, № 110).

Почти теми же словами в кронштадтской песне («Во славном было городе Кронштадте», Чулк. III, № 60)

Гостинный сын по кораблику гуляет
 В звончаты свои гуселички играет,
 Он душу красну девицу забавляет.

Независимость положения добра молодца как бы подчеркивается этим стандартным выражением «гуляет» (по кораблику, по кораблю, по насаду)

Не ясен сокол по табунам летает,
 Добрый молодец по насаду гуляет,
 Сама душа моя во скрипочку играет,
 Все душу красну девицу утешает.

(«Красна девица по бережку гуляла» Чулк. II, № 168).

После слова «утешает» (или «забавляет») идет обычно указание, о чем поет добрый молодец под аккомпанемент своих гуслей (здесь сходство с Садко, который и богатый купец, и гуслиар) или скрипки.

«Корабли» с такими удалыми добрыми молодцами» ходят по «морю синему» (Чулк. II, № 188; Львов, № 110), «суденышки по быстрым рекам» (Львов, № 69), но встречаются и более точные топографические приурочивания. Это или Финский залив (Чулк. III, № 60, 133), или Волга, (Чулк. IV, № 112 и Львов, № 84).

3

Песни, где представитель торгового сословия является не «судалым», а «бещастным добрым молодцом», встречаются в чулковском песеннике только в виде исключения.

Особенного внимания среди таковых заслуживает прекрасная песня «В славном городе во Нижнем» (Чулк. II, № 143), замечательная по сдержанному лиризму, художественной выразительности некоторых деталей и великолепному лаконизму концовки. При помощи скурых и немногих слов дается достаточно

ясное представление о семейной и личной драме. Изложение сухо деловитое, нет ни параллелизма, ни сравнений. Построение песни отличается ясностью и логической последовательностью. Всего в песне 16 стихов, которые легко расчленяются на три части: Вступление, содержащее обозначение места и героя — 6 первых стихов; главная часть — изображение душевного состояния и действий героя в фиксируемый момент — 3 стиха и, наконец, 3-я часть — объяснение причины такого состояния доброго молодца — 7 стихов. Построение, как мы видим, почти симметричное.

Вступление развивается согласно фольклорной неписанной поэтике по линии постепенного уточнения. Этот прием, подмеченный проф. Б. М. Соколовым («Художественный фольклор», I), в данной песне обнаруживается особенно отчетливо: каждый стих является как бы законченной следующей ступенью уточнения. В первом стихе указан город, во втором — ориентировочный пункт в этом городе, в третьем — самое место действия.

В славном было городе во Нижнем,
 Поде таможи было государевой
 Стояли тут две лавочки торговые.

Следующие три стиха содержат указание, что есть в этих лавочках, и тут опять строгая последовательность: сначала указывается, что «то ары все сибирские», потом какие именно товары, и, наконец, кто торгует этими товарами.

Во лавочках товары все сибирские,
 Куницы, да лисицы, черны соболи,
 Во лавочках сиделец гостиный сын.

Для купеческой песни характерно, что действие происходит в таком крупном торговом центре, как Нижний, и понятно, почему этот город назван «славным»; эпитет этот вовсе не является стандартным в подобного рода зачинах. Сравн. напр.

«Как во городе было во Казани»
 или: «Во Архангельском во граде»

(Чулк. II, № 179)

«Как во городе во Санктпитере»

(Чулк. I, № 183)

«Как во городе было во Суздале»

(Чулк. IV, 71).

Но не являясь стандартным, эпитет этот все же довольно обычен в применении к отдельным областям — «Как у славного царства Астраханского»; в применении к городам, например, в песне о гостинном сыне «Во славном было городе Кронштадте» (Чулк. III, № 60) или в военных песнях «Как во славной было матушке каменной Москве», «По конец было славна города, славна города, каменной Москвы» (Чулк. III, № 51 и 55), «Во славном городе во Нижнем стояли тут солдаты по квартирам» (Чулк. III, № 101); иногда же этот эпитет прилагается к площадям или улицам; «Как у нас ли в каменной Москве, во Кремле, во крепком городе, что на Красной славной площади» (Чулк. III, № 67).

«Как во городе было во Суздале, во Ефимовской славной улице» (Чулк. IV, № 71). Во всех этих случаях слово «славный» всего менее надо понимать как прославленный исторически, такое понимание уместно было только по отношению к Красной площади, чаще же это заменяет понятие «известный», «богатый», напр. «Ефимовская улица», «славное царство Астраханское, вместо «богатое царство». И если Нижний назван славным, то, конечно, тут непричем историческая роль города во времена Минина.

Определение «все сибирские» указывает не только на происхождение этих товаров, но имеет и смысл квалификационный и даже рекламный; товары привозные, как товары заграничные всегда имеют особую привлекательность для покупателей, а прибавление слова «все», т. е. «только сибирские», еще более подчеркивает ценность содержимого в лавках; далее перечисляются самые дорогие меха: «куницы, да лисицы, черны соболи». Одним словом, перед нами торговля дорогими товарами, требующая значительного оборотного капитала; очевидно владелец этих двух лавок должен быть богатым купцом. Конечно, управиться в двух лавках с таким товаром одному продавцу невозможно, должны быть приказчики, но песня не упоминает о них, сосредоточивая внимание на одном лице, несущем ответственность за торговлю. Это не сам хозяин, а сиделец, т. е. лицо пользующееся доверием хозяина; это не простой приказчик; он «гостинный сын», т. е. принадлежит к купеческому сословию; но Далю, это «сын шогорочного купца».

Центральная часть песни, где этот персонаж показан в действии, очень коротка.

Он дороги товары за бесцен дает,
 Он белыми руками всплескается,
 С душой ли красной девицей прощается.

Перед нами обычная тема — разлука. Но о душевных переживаниях героя, о его тоске ничего не говорится. Сила этого места и художественная убедительность именно в том, что чувства гостинного сына не описываются, а изображаются их проявления и при этом с крайней экономией художественных средств. Дано только два признака, но картина полного отчаяния на лицо. Что может быть более показательного как проявление полной растерянности купца, как то, что он «дороги товар за бесцен дает». Характерно, что это показано в первую очередь, а потом уже дан внешний жест: «он белыми руками всплескается». Добавление к довольно безразличному обозначению «красна девица», слова «душа», придает эмоциональную окраску и всей третьей строке. Следующие семь стихов, посвященные изъяснению причины разлуки, поражают как и вступление, строгой логической последовательностью и лаконической содержательностью каждой строчки. Столь обычный в песнях прием: повторение в первой половине стиха второй половины предыдущего применен трижды. Повторяются слова «во иной город», «за купца в Москву» и «за старого», но повторения эти диктуются не только напевом, приспособлением смысла к мотиву, как часто бывает, но одновременно здесь эти слова выполняют и другую функцию: они подчеркивают и более выпукло выделяют последующие слова: «в каменну Москву», «за богатого» и «за старого». Вся эта третья часть, как мы сказали, является пояснением к строке:

«С душой ли красной девицей прощается».

Причина разлуки не в нем, а в ней.

Покидает его красна девица,
 Уезжает радость во иной город,
 Во иной город, в каменну Москву.

Как и во вступлении, здесь та же постепенность уточнения: «покидает», потому что уезжает в «иной город», и этим «иным городом» оказывается Москва. Далее выясняется, что красная девица не своей волей расстается с гостинным сыном:

Как помолвили ее за купца в Москве,
За купца в Москве, за богатого,
За богатого, да за старого,
За отца его за родимого.

Повторения полустипий, о чем мы говорили выше, здесь особенно удачны также и потому, что замедляя рассказ они как бы готовят слушателя к внезапному эффектному концу: «За отца его за родимого».

В этом заключительном стихе основная мысль всего замысла. Вся песня сразу освещается этой последней строчкой, и отчаяние гостинного сына приобретает особый драматический характер. Всякие дополнения были бы излишни. Внимание фиксируется на одном моменте. Как сложатся отношения между молодой мачехой и гостинным сыном, который вероятно будет же наезжать к отцу в Москву, хотя бы по торговым делам — об этом предоставляется фантазировать слушателю, но в сущности, это уже другая тема.

Следует отметить выдержанность дактилических окончаний: только в первом стихе окончание не дактилическое: «во Нижнем», во всех же остальных стихах всюду ударение стоит на третьем слоге от конца или безусловно: «государево», «торговые», «сибирские», «соболи», «всплескается», «прощается», или условно; так как последнее слово может читаться, как имеющее второстепенное ударение: «гостинный сын», «за бесцен дает», «иной город», «в каменну Москву».

Связь с былинками о Садко имеет песня «Ты бешастный добрый молодец» (Чулк. I, № 160). Она очень близка к былинному рассказу о том, как Садко попал к Морскому царю. Здесь в чулковской песне герой не имеет имени, но в том, что он принадлежит к торговому сословию, не может быть никакого сомнения; если бы даже действие не происходило на корабле, что почти всегда, за редкими исключениями, дает надежное указание, безусловно убедительное, четвертый стих песни: добрый молодец жалуется что ему нет удачи, («талану»), «ни в торгу, братды, ни в товарищах». В отличие от былинного рассказа в чулковской песне нет никакого намека, что неудачнику грозит участь быть брошенным в сине море; товарищи, повидимому, удовольствуются тем, что, высадившись на берегу, они и оставят там бешастного доброго молодца, не возьмут его с собою в дальнейшее плавание. Как обычно бывает в песенном фольклоре,

герой песни выступает перед слушателями и в первом, и во втором, и в третьем лице, т. е. и о нем говорится, и он сам говорит от своего имени и, наконец, есть и обращение к нему, и все это в быстрой смене. Отметим курсивом эти переходы.

Ты бещастный добрый молодец,
 Бесталанная *твоя* головушка,
 Что ни в чем-то *мне*, братцы, талану нет,
 Ни в торгу, братцы, ни в товарищах.
 Что ссылают *меня* с корабля долой.
 От *тебя* ли от бещастного,
 Сине море взволновалось,
 Все волны в море разыгрались.
 Уж как *взговорит бещастный молодец*:
 Мы пригрянемте все в веселочки,
 Мы причалимте ко бережку,
 Ко часту кусту ракиотову,
 И мы срежемте по прутуку,
 И мы сделаемте по жеребью,
 Уж мы кинемте во сине море.
 Уж как все жеребья поверх воды,
 А *бещастного*, как ключ ко дну.

Отметим выдержанность дактилических окончаний: только стих «Все волны в море разыгрались» имеет женское окончание: «разыгрались», но возможно, что здесь недосмотр переписчика или собирателя, а в живой речи это должно произноситься «разыгрались», т. е. тоже дактилическое окончание. Женских окончаний больше нет. Окончания «талану нет», «с корабля долой», «во сине море», «поверх воды», «как ключ ко дну», или совсем не имеют ударения на первом слоге от конца — «во синé море», или имеют более слабое, чем на третьем слоге; большая же часть стихов заканчивается трехсложными, или четырехсложными словами: «молодец», «головушка», «товарищах» и т. д.

В песне «Ты бещастный добрый молодец» меньше лаконизма, чем в нижегородской; здесь встречаются повторения тех же мыслей:

Ты бещастный добрый молодец,
 Бесталанная *твоя* головушка...
 Сине море взволновалось
 Все волны в море разыгрались.

Но в общем, как и в песне о нижегородском гостинном сыне, здесь та же деловитость изложения, отсутствие параллелизма, сравнений, словесной орнаментации. Удачная и сильная концовка — последний стих — главный пункт всей песни, раскрывающий ее смысл.

4

В той и другой песне герой играет пассивную роль. Обстоятельства сильнее его: он лицо страдающее; положение его представляется безвыходным. Но такие песни — исключение. Подавляющее большинство других песен о гостинном сыне говорит о добром молодце не «бещастном», а «удалом». Здесь для достижения своих целей пускаются в ход таким «удалым» молодцом всякие средства, между прочим и обман. Такова, например, в чулковском песеннике довольно объемистая — 52 стиха — песня «Во славном было городе Кронштадте» (Чулк. III, № 60), где рассказывается, как удал-добрый молодец обманным путем овладел красной девицей.

Никакой печали-заботы этот молодец не знает.

По изложению эта песня расчленяется на три разных момента с переменой месга действия: первое происходит на улице Кронштадта, второе в тереме на берегу и на корабле, третье на корабле. Лейгмотивом, повторяющимся во всех трех частях (у Чулкова этого расчленения нет), является указание, что гостинный сын «гуляет»; в первой части — «гостинный сын по улице гуляет», во второй — «гостинный сын по бережку гуляет» и в третьей (дважды) «гостинный сын по кораблику гуляет».

Для удобства рассмотрим сначала каждую часть в отдельности.

Во славном было городе Кронштадте,
 Гостиный сын по улице гуляет
 И он носит красно золото на цевке,
 Окатистый крупный жемчуг на атласе.
 Из высокого из нового терема
 Увидала душа красна девица.
 Ах ты, душенька, удалой добрый молодец,
 Ты продай, продай красно золото на цевке,
 А окатистый крупный жемчуг на атласе.
 Да что взговорит удалой добрый молодец:
 Ах ты, душечка, душа красна девица,

Красно золото на девочке не чисто,
 А окатистый крупен жемчуг не крупен,
 Приходи, красна девица, к синю морю,
 Ко тому ли к хорошему кораблю,
 Как в городе люди приумолкнут
 А в тереме свечки приутихнут,
 А батюшка с матушкой спать лягут.

Мы видим, что красна девица из очень зажиточной семьи она хочет самостоятельно, и, возможно, на свои деньги купит «красно золото» и «окатистый крупен жемчуг», причем продавец как бы учитывая вкусы покупательницы, предлагает показать ей еще более дорогой товар. Прием повторения с легкой перефразировкой (стихи 3—4, 8—9, 12—13) выдвигает золото и жемчуг как основную тему этой части. Прием постепенного уточнения находим в трех последних стихах. В художественном отношении это лучшее место первой части:

Как в городе люди приумолкнут,
 А в тереме свечки приутихнут,
 А батюшка с матушкой спать лягут.

Этими словами характеризуется и гостинный сын как мастер улаживать красных девиц. Затем действие переносится в терем красной девицы, и на берег к синему морю, и на корабль.

Красна девица по светлице ходила
 Она буйную свою голову чесала,
 Русую свою косу заплетала.
 Пошла красна девица к синю морю,
 Ко тому ли ко хорошему кораблю;
 Гостиный сын по бережку гуляет
 Он душу, красну девицу дожидает,
 Принимает красну девицу под ручку,
 Берет ее за золоты за перстни.
 Повели красну девицу на кораблик,
 Посадили красну девицу на стулик,
 Подносили красной девице сладкой водки,
 Напоили красную девицу до пьяна.
 Поизволила девица почивати
 У гостиного у сына на кровати.

Здесь мы узнаем о красной девице одну деталь, которая еще раз подчеркивает ее имущественное положение: у нее на руках «золотые перстни». Обращает на себя внимание также пассивность красной девицы с того момента, как она встретила на бережку гостинного сына. Она не идет на кораблик и т. д., а ее «повели», «посадили», «напоили». Без тени эротики, столь свойственной дворянской песенной поэзии, и без излишних натуралистических подробностей, но с подчеркнутой учтивостью по отношению к обманутой красной девице («поизволила», «почивати»), рассказывается о достижении гостинным сыном своих целей. Напоенная «до пьяна»

Поизволила девица почивати

У гостинного у сына на кровати.

В третьей части гостинный сын остается столь же учтивым и приятным кавалером по отношению к обольщенной им девушке. Он просит матросов потише отвязывать корабль от берега, а когда девица проснулась и стала плакать, начал ее утешать и игрою на гуслих и обещанием жениться, причем нет данных думать, что он не выполнит своего обещания: ведь она дочь богатых родителей.

Гостинный сын по кораблику гуляет

Молодым матросам повелевает:

Ах вы, свет мои, бурлаки молодые,

Вы отвязывайте кораблик, не стучите,

Душу красну девицу не будите.

Среди моря девица пробудилась,

Пробудившись девица стала плакать.

Ахти, я перед богом согрешила,

Отца и мать навеки прогневила.

Гостинный сын по кораблику гуляет

В звончаты свои гуслички играет

Он душу красну девицу забавляет:

Ты не плачь, не плачь, душа красна девица

Уж как бог донесет с тобой в наш город

И я буду просить у батюшки благословения

На тебе на красной девице жениться.

Как станем мы с тобой жить во любви,

Отпущу тебя к батюшке побывати,

На своей тебе сторонушке погуляти.

Ласковое обращение характерно для гостинного сына: к подчиненным своим матросам он обращается со словами: «ах вы, свет мои бурлаки молодые», родителей красной девицы называет батюшкой и матушкой, красну девицу не только называет «красной девицей» («приходи, красна девица, к синю морю», «на тебе, на красной девице, жениться»), но чаще прибавляет ласкательные слова: «ах ты душечка душа красна девица», «Душу красну девицу не будите», «Ты не плачь, не плачь, душа красна девица». Прибавление этого ласкового слова «душа» встречается еще и в тех местах рассказа, где мысли гостинного сына заняты красной девицей, когда он дожидается ее на берегу («душу красну девицу дожидается»), или, играя на гусях, старается ее утешить («душу красну девицу утешает»). Героине он с первого же взгляда приглянулся: она сама обращается к нему с ласковым приветствием: «Ах ты, душенька, удалой добрый молодец». Очевидно, не только в красном зологе и окатистом крупном жемчуге было дело, почему она согласилась ночью, тайком от родителей, притти на свидание и почему она старалась, повидимому, принарядиться «буйную свою голову чесала, русую свою косу заплетала». Неторопливость рассказа, выражающаяся в обилии повторений, буквальных или видоизмененных («пробудилась, пробудившись стала...») и отсутствии предложений слитных, очень гармонирует с характером героя приветливого в обращении, хитрого и догадливого в достижении своих целей, ласково и спокойно обделывающего свои дела.

Стихосложение в этой песне отличается большою выдержанностью... Несмотря на длину песни, кроме двух-трех стихов вначале («терема», «молодец», «кораблю»), все остальные имеют сплошь женские окончания и чем ближе к концу, тем больше тяги к рифмовке. В первой части мы совсем не находим рифм, во второй — шесть рифмованных стихов (рифмы: чесала — заплетала, гулять — дожидать, почивати — на кровати) и девять нерифмованных; в третьей же — одиннадцать стихов срифмованы (гуляет — повелевает; стучите — будите и т. д.) и только восемь, т. е. меньшинство — нет.

5

Есть группа песен об отвергнутом гостинном сыне, которому не помогли ни смелость в обращении с женщиной, ни щедрые подарки. Такова у Чулкова: «Ах, аленький, аленький цветок»

(Чулк. IV, № 154), у Львова № 69. «При долинушке калинушка стоит». К львовской песне близка, сохраняя некоторые стихи целиком, песня, помещенная под № 32 в песеннике «Молодчик с молодойю на гулянье», СПб., 1790, начинающаяся стихом «По загуменью гуменью». В этой последней прямого указания на то, что герой является «гостиным сыном», нет, т. е. это обозначение отсутствует, но по смыслу всей песни и отдельным деталям (напр. «по насадичку похаживает») речь идет, конечно, о гостинном сыне. Первая из этих песен — чулковская — замечательна по своей образности и по строгой выдержанности параллелизма; в львовской песне тот же основной образ сохранен, но параллелизм смят и стерт. Чулковская песня «Ах! аленький, аленький цветочек» замечательна по своему построению. Всю центральную часть — 27 стихов — занимает параллелизм, образ — 11 стихов и его раскрытие — 16 стихов; до этой центральной части коротенькое вступление — 11 стихов, заключающее в свою очередь тоже параллелизм, и наконец, ответ девицы доброму молодцу — тоже 11 стихов. Вступление мало связано с центральной частью, но перекликается с заключительной. Вот оно:

Ах! аленький, аленький цветок
 Далече в чистом поле цветет.
 Ах! миленький, миленький дружок.
 Давно ль не в любви со мной живешь.
 Ты давно ли друг не знаешься,
 Где ни сойдешься, не кланяешься,
 Поклонишься, отворишься.
 Молодцу того не хочется,
 Мой животик не воротится.

Первые четыре стиха содержат строго выдержанный параллелизм, остальные — дальнейшее разъяснение образа. Слово «животик» в последнем стихе является в данном контексте синонимом таких слов, как «жизнь», «жизненко», «любовь», «любимый». По последней строке этого выступления не должно предполагать полной безнадежности всей песни. Красная девица надеется поправить дело... подарками.

В главной части песни совершенно необычный в русской поэзии параллелизм. Обычно для сопоставления берутся явления природы, что-нибудь из растительного или животного мира, а из предметов, производимых человеком, встречаются бархат и атлас;

здесь же находим кроме того «камочку» и «дорогой штоф на золоте». Еще необычайнее сопоставление штофа с бархатом и атласом и социальный смысл этого сопоставления. Образ остался бы мало понятным, если бы не был тут же раскрыт; своеобразно и уподобление женской нетронутости неразвернутой материи.

Ах, камочка, камочка моя,
 Камочка мелкотравчатая,
 Мелкотравчатая, узорчатая,
 Не давайся развертываться,
 Ни атласу, ни бархагу,
 Дорогому штофу на золоте.
 Дорогой штоф волюшку берет,
 Хрущату камку развертывает,
 Все узоры высматривает,
 Все узоры узорчатые,
 Все круги позолоченные;
 Ах, девица красавица моя,
 Не сходи с высока терема,
 Не кажи своего бела лица.
 Не давайся, девка, назряться
 Ты ни князю, ни боярину,
 Ни тому сыну гостиному;
 Гостиный сын волюшку берет,
 Красну девицу за ручку ведет,
 Он повел в хоровод танцовать,
 И он стал белы руки сжимать,
 Он стал девке на ногу ступать,
 Он стал ее выпрашивати,
 Из ума девку выведывати;
 «Ах, ты девица, красавица моя,
 Ты не всякого молодчика люби,
 Полюби, радость, меня одного».

Такое любовное и детальное описание камки: «камочка» обильна эпитетами: «мелкотравчатая», «узорчатая», и «хрущатая», выписывание деталей: «все узоры узорчатые, все круги позолоченные» могло появиться только у представителей такой среды, где этот предмет имел значение не только декоративное; естественно предположить, что здесь была более кровная и близкая

связь, с предметом надо было сродниться, сжиться, чтобы ввести в поэзию этот незаезженный образ. Естественно предположить, что это была торговая среда. В этом окончательно убеждает сопоставление «гостинного сына» с «дорогим штофом на золоте». Здесь мы встречаемся с самоутверждением класса. Если о дорогом штофе — гостинном сыне — говорится наряду с атласом и бархатом, т. е. с князем и боярином, то этим самым буржуазия заявляет свои притязания на важную роль, как бы предлагая феодальному классу потесниться и признать третье сословие заслуживающим равного внимания.

Гостинный сын в данной песне не только в высшей степени активен; более того, он даже дерзок, но нашла коса на камень: красна девица любит другого.

Ах, девица отказала молодцу:
 Право, есть у меня получше тебя,
 Двое, трое сокрушаются,
 К себе в гости дожидаются;
 Из троих я одного друга люблю,
 Я в гостинный двор пойду,
 Итальянский ему плат куплю.
 Стану, стану друга даровать,
 Подаривши, другу выговорю:
 Ты умей, душа, дары принимать,
 Ты умей, радость, отдаривать.

Как мы видим, «камочка» не дала «дорогому штофу на золоте» развертывать ее до конца, увидеть «все узоры узорчатые», «все круги позолоченные»; несмотря на решительность своих действий, гостинный сын, взявший «волюшку», сжимавший девице «белы руки», игриво наступавший ей на ноги и начавший ее «выведывати» и «выспрашивати», узнал только то, что не могло ему прийтись по сердцу. Красная девица — не скромная смиренница, она знает себе цену и чувствует свою силу; князь ли, боярин ли, гостинный ли сын, она выберет того, кого сама захочет. Она не прочь даже похвастаться: «право, есть у меня получше тебя: двое, трое сокрушаются». Не прельстит ее и богатство: она сама может делать дорогие подарки, привозные из за границы, напр. «итальянский платок». Она кого любит, того и будет «одаривать», и определенно указывает, что ее милый должен будет ее за эти подарки достойным образом отблагодарить.

Мы не знаем, является ли героиня песни купеческой дочкой, но то, что она активна и придает большое значение материальным ценностям, несомненно. Песня все время имеет дело с ценными материями — бархат, атлас, камка, штоф, наконец «итальянский плат»; это дает основание предполагать, что песня сложена в среде мануфактурных торговцев.

В песне львовского собрания (№ 69) «При долинушке калинушка стоит», которую не следует смешивать с чулковской (ч. II, № 164), начинающейся тождественным стихом, обида, нанесенная красной девицей гостиному сыну, носит совсем другой характер. Для человека, который свои права на всеобщее уважение основывает на капитале, нет большего оскорбления, как усомниться в существовании этого капитала. Такое сомнение и губительно, так как подрывает кредит. Для гостиного сына не может быть ничего зазорнее, как прослыть «голытьбой». В данной песне «детине, доброму молодцу» наносится именно такое оскорбление. Первая половина песни во многом совпадает с предыдущей, только параллелизм с «камочкой» дан не в полном виде: некоторые стихи выпали, отчего сопоставление стало менее понятным и наглядным. Вот эта песня. По указанию львовского песенника, каждый стих поется дважды. Мы этих повторений не делаем, так как нас в данном случае интересует не выполнение, а текст сам по себе.

При долинушке калинушка стоит,
 Под калиною тропинушка лежит,
 По тропинушке детинушка бежит.
 Ах, детина, удалой молодец:
 Он всю травушку примял да притоптал,
 Все лазоревы цветочки посрывал,
 Он ко душечке ко девице ходил,
 Без расчета золотой казной дарил:
 Ты, камочка, камочка моя,
 Ты, камочка мелкотравчатая,
 Мелкотравчатая, узорчатая,
 Не давайся развертываться
 Что ни князю, ни боярину,
 Ни тому сыну гостиному.
 Что гостиный сын волюшку берет
 Красну девицу за рученьку ведет.

Вторая половина песни ничем не повторяет песни «Ах, аленький, аленький цветок».

Красная девица рассорилася,
Она при людях голытьбой назвала:
Ты голытьба, голытьба, молодец,
Ты голытьба, удамая голова!

Оскорбленный гостиный сын отвечает в ироническом тоне:

У голытьбы то двор кольцом,
У голытьбы то столбы точеные,
А ворота позолоченные,
Подворотеньки стекольчатые,
Под воротенькой бел камушек лежит,
Из-под камушка быстра река течет,
А по реченьке суденышко плывет,
Во суденышке немножко людей:
А по счету всего семь человек,
А восьмой кашевар кашу варит,
А девятый удалой молодец,
А десьга красна девица душа.

Торговое судно, имеющее восемь человек обслуживающего персонала, конечно, вовсе не несчастное «суденышко». Это слово, как и «немножко людей» звучит иронически. Позолоченные ворота, судоходная быстрая река, вытекающая из-под бела камня, находящегося во владении гостиного сына, что намекает на его фактическое господство над всей рекой — все это указывает на такую зажиточность, которую торговый человек действительно может хвастаться. Последний стих о красной девице на судне должен был особенно уколоть оскорбительницу.

Хвастовство богатством, широким размахом и щедростью — тема знакомая песенному творчеству по былинам о том, как Садко хотел перекупить все товары новгородские — здесь находит новое художественное оформление. Некоторые стихи можно считать особенно характерными для «купеческого стиля», напр. «без расчета золотой казной дарил», «без аршину камочки дарил». Только людям, имеющим дело с аршином, купцам или их приказчикам, могло притти в голову такое выражение, тем более в ласкательной форме.

В песеннике 1790 г., «Молодчик с молодкою на гулянье» под № 32 помещена аналогичная песня, начинающаяся стихом

«По загуменью, гуменью», где сословные черты затушеваны: совершенно выпало все мануфактурное: камка или какие-либо другие материи не упоминаются; нет и обозначения «гостивый сын», но герой, хозяин корабля (насада), который «по насадичку похаживает» — традиционная фигура в песнях о гостинном сыне. Красная девица заменена здесь «вдовушкой»: оскорбление, наносимое словом «голытьба», усиливается тем обстоятельством, что вдовушка произносит это при свидетелях, и притом при людях, которые особенно остро должны это воспринимать, т. е. в присутствии других представителей торгового мира («при моей братии»); за то и ответ «детинушки» дополнен десятью стихами, где видно желание подразнить вдовушку. В песне львовского собрания заключительный стих: «А десята красна девица душа», а здесь дана целая картина, которая должна дать представление об удали и удаче доброго молодца и в любовных делах.

По загуменью, гуменью,
 По загуменью травинушка лежит,
 По травинушке детинушка бежит,
 А детинка удалой, молодой;
 Он по часту к молодой вдове ходил,
 Много злата, много серебра носил...
 Ах, ты вдовушка, вдовушка, вдова,
 Запобедная головушка твоя,
 Слышу вдовушка побраниваешь меня,
 При моей братии голытьбой зовешь;
 У голытьбы столбы точеные,
 Вереюшки позолоченые,
 Ворота были хрустального стекла,
 Под воротенка серебряная,
 Под воротенкой бел камушек лежит,
 Из-под камушка быстра река течет,
 А по реченьке насадичек плывет.
 Во насадичку немного людей,
 По моему счету шесть человек,
 А седьмой водолив воду льет,
 А осьмой кашевар кашу варит,
 А девята красна девица душа,
 А десятый удалой молодец.
 По насадичку похаживает

Он тугой лук натягивает,
 Калену стрелу накладывает,
 Калене стреле наказывает:
 Полети, моя калена стрела,
 Далеким далекошенько;
 Высоким высокошенько;
 Ты убей, моя калена стрела,
 На полете серу птицу,
 Красну девицу в высоком терему.

Стихосложение в данной группе песен характеризуется сильной тягой к мужским окончаниям, а кроме них мы находим кое-где окончания дактилические и гипердактилические; женские же совершенно отсутствуют: статистический подсчет устанавливает, что в последней песне на 33 стиха песни 21 мужских окончаний, — 6 дактилических (гуменью, точеные, далекошенько, высокошенько, утицу, терему) и 6 гипердактилических (позолоченые, серебряные, похаживает, натягивает, накладывает, наказывает).

В песне «При долинушке калинушка стсит», где общее число стихов тоже 33, мужских окончаний 24, дактилических — 3, гипердактилических — 6. В песне «Ах, аленький, аленький цветок» — 47 стихов — мужских окончаний 24, дактилических — 12, гипердактилических — 11.

В книжной поэзии обычны сочетания мужских окончаний (в том числе и рифм) с женскими, напр. в стихотворении Жуковского «Море», написанном белыми стихами, или с дактилическими, напр. у Некрасова «Хорошо было детинушке» и т. д. Последнее сочетание особенно певуче. Сочетание дактилических окончаний с женскими звучит хуже и в книжной поэзии встречается гораздо реже, в устной песенной поэзии тем более. Ударения на 4-м слоге от конца в книжной поэзии являются как редкие исключения, в фольклоре же часто.

Гостиный сын — опасный соперник в любви среди других молодцов, и силен он именно своей золотой казной. В песне «Я вечер, вечер красна девица во пиру была» (Чулк. II, № 154) эта власть золота приобретает даже трагический оттенок.

Я вечер, вечер красна девица во пиру была,
 Я во честной, во смиренной во беседашке,
 Я сидела красна девица с добрым молодцом,

Молодец меня, красну девицу, уговаривал,
 «Я люблю тебя, красна девица, как душу свою,
 Не могу на тебя, красна девица, наглядеться,
 Что на летнее красное солнышко, на меженнее,
 Что одним я тебя, красна девица, не жалую,
 Что летает к тебе млад ясен сокол,
 По частеньку гуляет к тебе млад гостиный сын,
 Без расчёту он к тебе носит золоту казну.
 Я боюсь тебя, красна девица, изведешь меня,
 Пропадет то моя головушка не за денежку,
 Навалается тело белое по чисту полю».

6

Особую тематическую группу составляют песни о красной девице, которую гостиный сын или «кучик молодой» разлюбил и покинул. Одна из этих песен «Не спала я, младшенька, не дремала», попавшая и в чулковский и во львовский (№ 110) песенники, замечательна своей популярной концовкой.

Буде лучше меня найдешь, позабудешь,
 Буде хуже меня найдешь, вспомнянешь.

С формальной стороны песня эта обращает на себя внимание строгой выдержанностью женских окончаний; большей частью это глагольные формы.

Не спала то я, младшенька, не дремала,
 Я не думала, младшенька, не гадала,
 Со правой руки ясного сокола упускала.
 Подымался млад ясен сокол выше лесу,
 Выше лесу, выше зеленой дубровы;
 Опускался млад ясен сокол на сине море,
 Он садился млад ясен сокол на кораблик;
 По кораблику гостиный сын гуляет,
 В звончаты он гусельки играет,
 Он душу красну девицу утешает:
 Ты не плачь, не плачь, душа красна девица!
 Наживай себе мила друга инова;
 Буде лучше меня найдешь, позабудешь,
 Буде хуже меня найдешь, вспомнянешь,
 Вспомнянув меня, душа моя, заплачешь.

Песня эта проникнута нежностью к гостилтому сыну, который трижды называется «младым ясным соколом» и один раз просто «ясным соколом». И утешает гостиный сын красну девицу так, как будто покидает ее не по собственной воле. Другой способ утешения и несколько иное отношение красной девицы к покинувшему ее доброму молодцу находим мы в песне «Красна девица по бережку гуляла» (Чулк. II, № 168). Разгуливание по насаду и игра на скрипочке — обычные аксесуары при изображении гостиного сына в песнях, и, хотя точного обозначения для героя в этой песне нет, мы с полным правом можем отнести ее к циклу песен о гостинном сыне.

Женские окончания выдержаны здесь так же строго, как и в предыдущей песне.

Красна девица по бережку гуляла,
 Самоцветные каменья выбирала;
 Она камушек о каменья разбивала,
 Илучи млада словечушко сказала:
 «Не во всяком самоцветном камне искра,
 «Не во всяком добром молодце есть правда.
 «Он любил меня, девицу, и покинул,
 Красоте моей девичьей насмеялся».
 Не ясен сокол по табунам летает,
 Добрый молодец по насаду гуляет,
 Сам душа моя во скрипочку играет,
 Все душу красну девицу утешает:
 «Ты не плачь, не плачь душа красна девица,
 «Я сошью тебе серебряну самару,
 «Уберу твою головушку всю в крону,
 «С драгими то каменьями, с бриллиантом,
 «На праву руку солью я злат перстень,
 «Что со дорогим со камнем с изумрудом».
 Как что взговорит душа красна девица:
 «Мне не дороги твои, сударь, подарки:
 Дорога твоя, сердечный друг, насмешка,
 Что любил меня, девицу да покинул,
 Красоте моей девичьей насмеялся».

Опять обстановка зажиточных людей. «Красная девица», додумавшаяся до поэтического параллелизма («не во всяком. . .»), гуляя, забавляется тем, что разбивает самоцветы; добрый моло-

дед обещает ей спать «серебряну самару» — долгополая одежда — слово областное владимирское, для головного убора — бриллиант, для руки — золотой перстень с изумрудом. В отличие от песен, рассмотренных нами ранее, здесь драгоценные подарки служат не для обольщения, а для утешения, диктуются желанием кончить дело миром, «по-хорошему», это как бы «отступное». Красная девица иронически относится к этим предложениям.

Мне не дороги твои, сударь, подарки,
Дорогая твоя, сердечный друг, насмешка.

Тонкая психологическая черта: он одновременно для нее и «сударь» и «сердечный друг».

Гостинный сын является тут человеком, не потерявшим права на уважение; он заслуживает горьких упреков, но не презрения. Гостинный сын остается героем в песенной традиции. Другое дело «купчик молодой». Тут нередко песня подчеркивает отрицательные черты. В песне «Капитанская дочь, не ходи гулять в полночь» (Львов, № 63) купчик молодой, возвращающийся из гостинного двора, не решается помочь встать поскользнувшейся на льду девице, боясь, что другие увидят, а так как время позднее, полночь, заподозрят его в близости с женщиной, встретившейся на улице, вероятно продажной. Скандал будет на весь Гостинный ряд. Он отвечает упавшей девице:

Ах, я рад, душа, поднять, со сторон люди глядят.
Со сторон люди глядят, поймать с тобой хотят.
Поведут тебя рядами, меня лавочками,
Тебя станут бить батожем, меня палочками,
Меня палочками перед лавочками.

Конечно, такого «героя» никак нельзя назвать «удалым добрым молодцом» или «ясным соколом», что обычно прилагается к гостинному сыну.

В замечательной по реализму и жизненной правде песне «Я пойду ли, молоденька, во всю долгу ночь гулять» (Львов, № 71) речь идет о девице, спутавшейся с молодым купчиком и родившей от него ребенка. И здесь купчик молодой прежде всего заботится о своей репутации; до участи покинутой им девицы и ребенка ему и горя мало. Понятно, почему у девицы «вся гульба пропала» и она «от купчиков отстала».

И пойду ли молоденька, во всю темну ночь гуляти,
Во всю темну ночь гуляти, своего друга искати.
Я нашла свово милова в зеленом саду под грушей.
Ахти, горе горевати, на кого буду сказати?
Ты не сказывай, девица, на купчика молодого,
Ты скажи, скажи, девица, на сержанта полевого.
Если спросят о сержанте, ты скажи, он во походе,
Ты скажи, он во походе, да на шведской на границе.
Во горнице во светлице молодой тут писарь пишет
Перед ним стоит девица, свои белы руки ломит,
Свои белы руки ломит, горячие слезы ронит,
В колыбелюшке девица дитя малое качает:
Ты баю, баю, дитятя, баю, милое, родное,
За тобою, за дитятей, вся гульба моя пропала,
Вся гульба моя пропала, я от купчиков отстала.

7

В песенниках Чулкова и Львова мы только один раз («Девушки вино курили» Чулк. I, № 189) встречаемся с сатирическим изображением гостиного сына. Наоборот, «купчик молодой» почти всегда фигурирует, как отрицательное явление. Песня идеализирует предприимчивую подвижную жизнь купцов-мореплавателей, купцов, разъезжающих по судоходным рекам, владельцев кораблей и насадов. Из них выходили колонизаторы, завоеватели новых рынков. Водная стихия почти необходимый тон для своеобразной купеческой романтики. Наоборот, оседлая городская жизнь купцов, сидящих по своим лавкам, кажется лишенной поэтических красок и не возбуждает воображения. Неожиданные встречи и приключения разнообразят жизнь купца разъезжающего. Купец оседлый осужден на более однообразную жизнь. Семейная жизнь купца-путешественника складывается не так, как у оседлого. Жена с мужем в частых и продолжительных разлуках. Недаром в песне «Во поле, поле трава да мурава» (Чулк. III, № 82), молодая вдова, размышляя за кого ей выйти замуж, кого из соискателей предпочесть, предпочитает гостиному сыну скомороха:

Сватался за вдовушку гостиный сын с Москвы,
Сказывал житье, бытье насад да корабль.
Думаю, подумаю, нейду я за него,

Разумом раскину: не быть делу так.
 За море поедет, покинет меня,
 Грамотку напишет, то слезы мои.

И вдовушка потому предпочитает скомороха, что «он не уедет, не кинет меня; некуда ехать, коли нужды в нем нет».

Гостиный сын, подвергающийся осмеянию в песне «Девушки вино курили», не типичный гостиный сын песенного фольклора: он не гуляет по кораблику, не играет на скрипочке или гуслях, не одаривает щедро свою милую. Это оседлый торговец, который из лавочки «выглядывает». Песня эта замечательна по своему куплетному построению. В фольклоре, где рифма не играет той роли, какую играет в поэзии книжной, «куплетом» мы предлагаем (так как поэтика песен очень мало изучена) называть такую часть песни, которая с тем же числом строк и с сохранением большинства из них буквально повторяется. В данной песне куплет состоит из 9 стихов. Всего в песне 4 выдержанных куплета и 2 невыдержанных, концовка из 7 строк, резко отличающихся по своему построению от предыдущих куплетов. Каждый куплет содержит отдельный эпизод.

Девушки вино курили,
 Красные вино курили,
 По молодца посылали
 По добра человека,
 По гостиного сына.
 Сам молодец выглядывает,
 Сам жидовин отговаривает:
 «Девушки, я не буду к вам,
 Красные вы не ждите меня»

Девушки пиво варили,
 Красные, пиво варили,
 По молодца посылали,
 По добра человека
 По гостиного сына.
 Сам молодец выглядывает,
 Сам жидовин отговаривает:
 «Девушки, я не буду к вам,
 Красные, вы не ждите меня»

Девушки меды ставили
Красные меды ставили,
По молодца посылали
По добра человека,
По гостиного сына.
Сам молодец выглядывает
Сам жидовин отговаривает:
«Девушки я не буду к вам,
Красные, вы не ждите меня».

Девушки баню топили,
Красные баню топили,
По молодца посылали,
По добра человека
По гостиного сына.
Сам молодец выглядывает
Сам жидовин приговаривает:
«Девушки, и я буду к вам,
Красные и вы ждите меня».

Девушки приготовили,
Красные приготовили
Три дубины дубовые,
Три хворостины березовые,
Три прута жимолостовые.
Как идет молодец
На широкий к ним двор,
Шапочкой потряхивает,
Зелен кафтан охорашивает,
Сапожки на ножках оправляет.

Как учили молодца парити
В три дубины дубовые,
В три хворостины березовые,
В три прута жимолостовые
Как идет молодец с широка двора,
Шапочкой не потряхивает,
Зелен кафтан не охорашивает
Сапожки на ножках не оправляет.

Еще дай бог у девушек
 Век не бывать,
 В баньках у девушек не париваться,
 Щелок мылок
 Шумит в голове,
 Веник мягок
 В спину льнет.

Если гостинный сын в сатирической песне «Девушки вино курили» не типичен для песенной традиции, герой песни «Уж как видно, это видно» (Чулк. IV, № 112), наоборот, очень типичен, хотя и назван в песне не гостинным сыном, а «купцом». Песня эта дошла до Чулкова в неисправном списке: есть стилистические недочеты, которых фольклорная поэтика не допускает: шестнадцатый стих «Не плывет ли легкий кораблик» выпирает из общего строя стихов. Стих «прибывало нов корабль», вероятно, не точен; в подлинной песне тут, вероятно, не корабль, а «кораблик», потому что женские рифмы почти всегда выдерживаются. Слово «кубец», встречающееся в этой песне, по Далю, слово областное, ярославское. Это датирует приблизительно место возникновения песни.

Тема песни — разлука, тяжело переживаемая обеими сторонами.

Уж как видно, это видно,
 Да кто кого любит,
 Во беседушку приходит,
 Против друга и садится
 На дубовой на скамейке,
 На кленовой на дощечке;
 Тяжелехонько вздыхает,
 Сердцем радости желает,
 Про кручинушку не скажет.

И я с горя, со кручины
 Со великой печали,
 Я пойду гулять на Волгу
 Что на пристань корабельну,
 Посмотрю млада младенька

Вниз по матушке по Волге.
Не плывет ли мой кораблик,
На котором моя радость
Купцом проживает,
По кораблю гуляет,
В звонку скрипочку играет
Товарищев забавляет:

Вы не плачьте, ребята,
Не тужите, молодые,
Не одним вам больно, тошно,
Ах мне молодцу тошнее
По душе красной девице,
По названной мне сестрице.
Ты душа красна девица,
Ты названная сестрица!
Либо выйди, либо выгляни
Иль открой, душа, окошко,
Хоть окошечко немножко.

Со восточной со сторонки
Подымались буйны ветры,
Буйны ветры с вихорями,
Прибивало нов корабль
Ко калинову мосточку,
Ко ракитову кусточку,
Выходила красна девка,
С кубцом по водицу,
С окованным со ведерком,
Размахнула, почерпнула,
Черны кудри зачерпнула,
Развернула, посмотрела,
По приметам узнавала.
«Ой, я с этими кудрями
На одном пиру бывала,
Вино, пиво, мед пивала,
Сладким медом заедала,
Слаще меду тут видала
И к сердечку прижимала».

Разлука с молодцом, разгуливающим по кораблику, как обычно изображается гостиный сын, но без обозначения сословия, является темой песни «Сокол мой ясный» (Чулк. III, № 86), где тоска-кручина выражается в крайних и не типичных проявлениях; героиня заявляет: «с кручины не могу ходити», а герой обещает: «хоть в злой кручине и в морской пучине, я верен буду до самой кончины». Прощание сопровождается маханием шляпой

Мой друг сердечный
По кораблику ходя,
Шляпой махает,
Поклон отдавает:
Прости, милая,
Прости, дорогая!

В художественном отношении песня принадлежит к числу слабых, и интересен в ней только разговор о письмах.

На упрек «грамоток не пишешь, со слугою не пришлешь», молодец отвечает:

Рад бы я писати,
Некому читати,
Сама не умеешь,
Другим не поверишь.

Неграмотность женщин была обычным явлением в разных сословиях кроме высшего дворянства, и ответ молодца ничего не дает для определения социального положения героини песни; но грамотность молодца, разгуливающего по кораблику («рад бы я писати») нетипична была бы для простого матроса или бурлака, и как бы указывает, что мы имеем дело с владельцем «кораблика», т. е. купцом.

Песни «Мимо нашего Покровского села» и «Еще как того тошнее» (Чулк. III, № 96 и 133) не представляют для нас самостоятельного интереса, но любопытны по некоторой близости к уже рассмотренным нами.

Мимо нашего Покровского села
Пролежала матка Яуза река,
Что по Яузе суденышко плывет
Во суденышке неможно людей:
Всего только, всего восемь человек,

А девятый удалой молодец
По суденышку похаживает,
И он крепкий лук натягивает,
Калену стрелу накладывает.
Оя, пустивши, выговаривает:
Полети ты, моя острая стрела,
В преждемилую сторонушку,
Ты убей ли, моя острая стрела,
Сизу уточку на поплыве,
Красну девицу во тереме,
Ту, котора изменила молодцу,
Полюбила она хуже меня,
Посрамила она род свой и племя,
А мне молодцу назолушку дала.

Песня эта, кроме трех первых и четырех последних строчек, по содержанию, а часто и по словесному оформлению почти совпадает со второй половиной песни «По загуменью, гуменью», которая, вероятно, является более поздней переработкой, где калена стрела, поражающая красну девицу во тереме, является неожиданной и плохо мотивированной, так как ранее говорилось не о красной девице, а о вдовушке, которая оскорбила молодца; в песне «Мимо нашего Покровского села» это убийство красной девицы является ей карой за измену. Самый образ «калена стрела» или «стрела острая» для времени Екатерины II уже воспринимается как архаика и вносит диссонанс в вполне реальную обстановку первой половины песен.

Песня «Еще как того тошнее» любопытна, как переработка песни «Уж как видно, это видно» с изменением места действия и затемнением сословного признака. Вместо корабельной пристани на Волге, указан Кронштадт и новая Галерная гавань; милый на кораблике не «купцом проживает», а «командиром пребывает»

Посмотрю я младенька,
Вдоль по синему по морю,
Что ко городу Кронштадту,
Не бежит ли нов кораблик,
На котором моя радость
Командиром пребывает.

Воспоминание о милом друге, вызванное зачерпнутыми черными кудрями, когда девица пошла с ведром по водицу — штрих психологический — заменены в песне «Еще как того тошнее» более простым заключением:

Что взошла ли я младенька
 На тот на новый на кораблик,
 Мила друга не сыскала.
 Я с тово с горя, с кручины,
 Пойду прямо молоденька,
 Во улицу Миллионну
 К милу другу на квартиру,
 На которой моя радость,
 Всегда пребывает,
 Еще сяду на кроватьку,
 Еще лягу на перинку,
 Помяну я мила друга,
 Помянув его, заплачу.

8

К песням о гостинном сыне следует причислить и знаменитую «Вниз по матушке по Волге», хотя точного сословного обозначения мы тут и не имеем. Нередко эту песню считали разбойничьей, хотя ничего специально разбойничьего в ней нет. Наиболее ранние из печатных текстов у Чулкова (II, № 190) и Прачальцова (№ 81), наоборот, никак не ладятся с нашим представлением о разбойничьих песнях. Наиболее полный текст имеем мы у Чулкова — 31 стих. Впоследствии песня стала сокращаться и видоизменяться. В песеннике «Баянист» 1931 г., она имеет, напр. только 17 строк, т. е. почти вдвое менее первоначального. Вот текст чулковский:

Вниз по матушке по Волге
 От крутых красных бережков
 Разыгралася погода,
 Погодушка верховая,
 Верховая, волновая;
 Ничего в волнах не видно,
 Одна лодочка чернеет,
 Никого в лодке не видно,
 Только парусы белеют.

На гребцах шляпы,
 На гребцах шляпы чернеют,
 Кушаки на них алеют.
 Сам хозяин во наряде
 Во коричневом кафтане,
 В перюлиновом камзоле,
 В алом шелковом платочке,
 В черном бархатном картузе.
 На картузе козыречек.
 Сам отецкий он сыночек.
 Уж как взговорит хозяин:
 «И мы грянемте, ребята,
 Вниз по матушке по Волге,
 Ко Ленину подворью
 Ко Ивановой здорвью.
 Аленушка выходила
 Свою дочку выводила,
 Таки речи говорила:
 «Не погневайся пожалуй,
 В чем ходила, в том и вышла:
 В одной тоненькой рубашке,
 И в кумачной телогрейке».

Львовский текст совпадает с чулковским, за исключением двух мест: изменена вторая строчка: вместо «От крутых красных берегов», читаем «по широкому раздолью». Так как песни у Прача-Львова сопровождаются нотами для пения, то понятно, почему приобрел известность львовский текст. Вторая перемена: в 15-м стихе вместо «В перюлиновом камзоле» читаем «В перюсеновом камзоле». Выражения: «хозяин (зм. атаман), «отецкий сыночек» и особенно, встреча, оказываемая хозяйкой подворья гостям, все это убеждает, что мы имеем дело с мирными жителями: разбойников так не встречают. Окончание, особенно «свою дочку выводила» и появление хозяйки в откровенном костюме (в одной тоненькой рубашке), все это говорит о подворье, где богатые приезжие могут не только иметь ночлег, но к их услугам и соблазнительные женщины.

В глазуновском песеннике 1799 г.¹ песня «Вниз по матушке

¹ Самый новейший отборнейший московский и санктпетербургский песенник. Иждивением М. К. Василия Глазунова, М., 1799.

по Волге» вошла в отдел «Простонародных» (№ 41) и имеет такого рода примечание «Сия песня сочинена Волжскими бурлаками. Пой кто хочет; только пожалуй погромче и попротяжнее». Зная фантастичность и необоснованность многих пояснений в песенниках подобного рода, нельзя доверять, конечно, и данному указанию о бурлацком авторстве. В некоторых случаях (см. напр. Чулк. III, № 60) слово «бурлаки» употреблялось как синоним слова «матросы». Но кем бы ни была сочинена подобная песня, для нас это имеет второстепенное значение. Важнее тот факт, что песня эта не столько о гребцах, сколько о хозяине лодки: описание наряда его занимает большое место в песне, и, конечно, эта особенность, так же как и общий тон песни говорят за то, что обслуживает она интересы не голытьбы, а имущественного и зажиточного класса и, конечно, не дворянства, а купечества. Очень характерна эволюция этой песни. Постепенно она приспосаблиется к другой среде; опускаются наиболее резкие черты зажиточности и привилегированного положения «хозяина» судна, тем самым песня становится более массовой. В глазуновском тексте 1799 г. мы находим три характерных отступления от чулковского. Непонятное нам теперь слово «перюсиневый» было непонятно и в конце XVIII в. и заменено словом «грзетовый», опущен был стих «на картузе козыречек», «сам хозяйский он сыночек», т. е. наследник отцовского имущества; еще характернее пропуск стиха «свою дочку выводила». Дочкой этой Алена Ивановна, повидимому, желала особенно угодить «хозяйскому сыночку». Пропуск этой строки затушевывает первоначальный смысл причаливания лодки к берегу у Аленино подворья. И несколько не понятно становится кокетливое извинение хозяйки подворья (постоялого двора), что она «в чем ходила, в том и вышла, в одной тоненькой сорочке».

С течением времени это выветривание социально-бытовых черт идет еще дальше. В песеннике И. Гурьянова 1835 г. (Полный и новейший песенник в 13 частях, М., 1835), ч. II, стр. 38, № 48, песня эта еще раз подвергается сокращению: опускаются две строки из описания наряда хозяина лодки.

В глазуновском тексте было:

Сам хозяин во наряде,
Во коричневом кафтане,
Во *грзетовом* камзоле,

*В алом шолковом платочке,
В черном бархатном картузе.*

Строки, взятые курсивом, у Гурьянова опущены, что уничтожает впечатление щегольства хозяйского наряда.

В конце 19 века песня стала петься с другим окончанием. Вместе Алениного подворья, является Настасьино, и конец, начиная словами «Аленушка выходила», заменяется словами

Ах, Настасья, ты Настасья,
Отворяй ка ворота!
— Я бы рада, отворила:
Буйный ветер в лицо бьет,
Частым дождичком сечет.
Буйный ветер в лицо бьет,
Огворить мне не дает.

Усиливая картину бури, такое окончание совершенно изменяет первоначальный смысл песни. Все, что касается одевания гребцов и хозяина лодки сильно сокращено; про первых сказано только, «на гребцах шляпы пестреют», что разрушает впечатление зажиточности хозяина судна, напротив, получается впечатление, что головные уборы у них самые разнообразные и одеты они кто во что горазд. Одежде хозяина посвящено только две строки «Сам хозяин во наряде, в черном бархатном кафгане»; об одежде содержательницы подворья ничего не говорится. Самое обращение хозяина к гребцам по языку проще, чем в первоначальном тексте: У Чулкова:

И мы грянемте, ребята,
Вниз по матушке по Волге,
Ко Ленину подворью
Ко Ивановой здоровью.

А в песеннике «Баянист» 1931 г.:

Поворачивай, братцы-ребята,
Ко Настасьину подворью.

Утрачивая сословные черты, песня начинает бытовать в более широком кругу. Эта утрата прямых указаний на сословие — явление обычное в песнях. Так напр., в песне «Капитанская дочь», не ходи гулять в полночь», слово «Капитанская» заменено было

словом «отецкая» и «купчик молодой» — «детинушкой». Тот же процесс обезличения можно проследить по вариантам песни «Уж как пал туман на сине море». В более древнем виде (у Чулкова) она носит явные следы своей дворянской ориентации (обращение к коню со словами «верный пайщик службы царской»). Позднее все подобные указания были выброшены.

9

Подведем итоги. Рассмотренные нами песни дают нам право утверждать, что в XVIII в. существовала у нас поэзия, отражавшая интересы богатого купечества, отличавшаяся от поэзии других общественных групп и особенно резко от дворянской любовной лирики. До сих пор эта струя никак не учитывалась. Как поэзия восходящего класса, она, в противоположность поэзии дворянской, лишена созерцательности и самоанализа, в ней заметны элементы самоутверждения класса, его активности и действительности. Отсюда ее характер: не столько лирический, сколько лиро-эпический.

Силу свою данный класс видит в капитале, заключающемся не в земельной собственности и крепостных, а в товарах и обладании средствами передвижения. На первом месте стоит водный путь. Психологическими предпосылками для приобретения такой силы являются предприимчивость и широкий размах. Отсюда создается герой этой поэзии — гостинный сын, почти всегда «удал добрый молодец», владелец судна или насада, человек решительный и предприимчивый, блюдущий свои интересы, хвастливый своим богатством и щедрый на подарки. Последнее качество является тоже видом хвастовства или рекламы. Противоположные качества: трусость, излишняя осторожность, скупость являются предметом сатирического изображения. Герой этой поэзии — гостинный сын — является обычно человеком грамотным и любителем музыки и пения, он играет на гусях или на скрипке. Все это указывает на известный культурный уровень представителей этого класса.

Темы отвлеченного порядка и всякого рода обобщения не свойственны этой поэзии, так же как мечтательность и сентиментальность. Творчество здесь всегда реалистично и конкретно. Тематами берутся отдельные случаи из обыденной жизни. Иногда, по характеру своему эти песни приближаются к фаблю.

Большинство этих песен являются редкими и недолговечными: в другие песенники даже и XVIII века не перешли. Среди различных причин важнейшими являются следующие.

а) Нет ручательства, что все эти произведения существовали когда-либо в песенной практике, многие из них могли быть только рукописными, не имели мотивов и в таком виде попались Чулкову, который не обращал внимания, что поется, что нет. Без мотива песни могли быть скоро забытыми.

б) Последующие песенники составлялись по другим принципам и для другой социальной среды, напр. песенник Дмитриева 1796 г. ориентировался на дворянскую публику, которая скорее могла примириться с искусством низших классов, как экзотикой, чем с творчеством того слоя купечества, который требовал и себе места на жизненном пиру и привилегий... Песенник Дмитриева является актом такой дворянской самообороны. Сюда, как мы указывали, не включены были даже такие, тогда уже популярные песни, как «Вниз по матушке по Волге» и «Ах вы сени, мои сени». Последняя прославляет молодого пивовара, который является единственным наследником имущества своего отца, как можно думать по словам песни:

Я за то его потешу,
Что один сын у отца.

Другие песенники, наоборот, могли ориентироваться на мелкобуржуазного читателя.

в) Но важнее третья причина: сам класс видоизменился... Высшее купечество XIX в., обеспечив себе прочное положение, старалось ассимилироваться с дворянством, нередко вступая в браки с потомством раззорившихся феодалов. Это отражалось на словесном творчестве. Приведем как пример, из писателей начала XIX века, казанского купца, поэта Гаврилу Каменева, автора «Громгала», из писателей середины века — Гончарова. Овладев дворянской культурой, они склонны были скорее замалчивать, чем подчеркивать свое купеческое происхождение. Не то было в XVIII веке, когда высший слой купечества, по культуре значительно отличаясь от дворянства, сознавал себя, как растущую силу и пуждался в самоутверждении.

Песнями о гостинном сыне не исчерпывается купеческий фольклор, находимый в песенниках Чулкова и Львова, см. напр. прекрасную полусатирическую песню «государь ты наш Сидор

Карпович» (Чулк. III, № 127), послужившую оригиналом для подражания А. К. Толстого, но и рассмотренных выше песен достаточно, чтобы судить о стиле этого фольклора: здесь почти нет сравнений из мира природы, столь обычных в фольклоре крестьянском, но характерны такие выражения как «за бесцен отдавать», «пропасть не за денежку», презрительное употребление слова «голытьба», сравнения с драгоценными камнями и тканями и т. д. Стихосложение очень искусное, с выдержанной системой ударений конечных слов, порою с явной тягой к куплетности; но это область мало изученная и требует особого рассмотрения.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

А. Я. Кучеров

1

«Россия тесно связана со всей историей французской революции»¹ — писал еще в 80-х годах прошлого века Альберт Сорель.

Эта связь несомненна, а между тем кроме простого указания на зависимость отдельных явлений общественной жизни России в конце XVIII и начале XIX столетия удельный вес этой зависимости остается до сих пор неопределенным.

Без сомнения с революцией была связана реакция, разгромившая новиковский круг, усилившая цензуру, попытавшаяся поднять авторитет церкви и укрепить самодержавие.

Но возникла ли эта реакция именно на основе впечатлений от революции или независимо от них в процессе классовой борьбы в России?

Вопрос становится сложнее при попытке определить роль революции не только в становлении реакции, но и в формировании либеральной дворянской и радикальной буржуазной идеологии, предопределивших декабрьское восстание. Историография не располагает достаточным материалом, чтобы с уверенностью ответить на эти вопросы.

Свидетельств о впечатлениях, принесенных революцией и оспитывавших в первую очередь русское дворянство, дошло до нас не так много, тем более, что в годы павловского царствования не только печатное, но и устное слово о революции подвергалось строгому запрещению. И все же (хотя в 90-х годах есть статьи и выступления на эту тему), на устремлениях и высказываниях писателей и публицистов лежит печать событий, окончательно надломивших феодальный абсолютизм в Европе.

Так, например, философичность в русской поэзии конца XVIII века, религиозный мистицизм такого поэта как Бобров, —

¹ Европа и французская революция, т. I, стр. 398.

без сомнения, не только результат влияния масонства, но и отклик на впечатления революции.

В традиционных темах в эти годы вычитывают далеко не традиционное содержание, и даже мотивы, к примеру, сумароковских стихов:

Смертный, будь ниже,
В жизни ты сей,
Стал ты поближе
К смерти своей

могли быть наполнены новым и злободневным содержанием. Такие мотивы не только воспринимались, но и создавались с учетом нового содержания. В «Истории Перона» читатель искал судьбу современных правителей.

«Идеи о свободе и равенстве еще не разъяснены как следует» — писал Wilhelm Freiherr von Byern и рекомендовал сторонникам реакции обратиться к тому же материалу, в котором французская революционная буржуазия находила для себя оружие против самовластия. «Краткая правильная картина старых греческих и римских республик... действовала бы значительно сильнее, чем самая искусная теория».¹

В 1802 г., когда при Александре I в период реформы тема революции была изъята из-под запрета, и первый русский политический журнал «Вестник Европы» буквально с первой до последней страницы заполнялся материалами о Франции, когда в короткий промежуток времени появился на эту тему десяток книг Карамзин нашел целесообразным поместить в своем журнале «Историю французской революции, избранной из латинских писателей». Такая история, в которой Тацит, Саллюстий и Светоний рассказывают о французской революции, могла быть составлена и переведена именно потому, что в XVIII в. существовал своеобразный эзоповский язык, понятный для каждого читателя.

К этой традиции чтения между строк и вычитывания иноязычия, — традиции, воспитанной классицизмом, тесно связанной с аллегорией, как формой поэтического представления, — прибегала и революция и реакция. В России отношение к революции выражалось именно этим путем в силу одиозности самой темы

¹ Wilhelm Freyherr von Byern. «Was kann man von Russland in den jetzigen kritischen Zeitumständen zum Wohl der Menschheit hoffen?», 179 стр. 8—9.

Когда В. А. Озеров в оде «На восшествие императора Александра Первого на престол всероссийский» писал:

Теките быстротечны воды,
Несите в глубину морей
Те слезы, лили что народы
У освященных алтарей,

читателю было ясно о каких слезах идет речь, даже если бы дальше и не следовали строки:

Стремишься в вечность ты подобно
О, время для Европы злобно!

Русская литература, не посвятив ни одного значительного произведения французской революции, не только отразила отношение к ней почти всех слоев общества, но и определилась в некоторых своих направлениях под влиянием впечатлений от революции.

Литературная деятельность Шишкова и Карамзина и борьба архаистов и новаторов, национализм, определившийся в качестве своеобразной литературной идеологии, в 90-х годах XVIII столетия в значительной степени обуславливались именно отношением русского общества к французской революции.

2

Во Франции уже задолго до собрания Генеральных штатов говорили о неизбежности переворота; эти годы и в России были далеко не спокойными.

Годы эти, начиная с усмирения пугачевщины, можно назвать периодом нагупления Екатерины на то положение вещей, которое с ее точки зрения и точки зрения двора привело к Пугачевскому бунту. Вся законодательная деятельность Екатерины по укреплению городского управления была связана с желанием обеспечить себя от крестьянского мятежа. А. С. Шишков в своих «Записках», вспоминая о раздаче деревень при Павле I (т. е. много лет спустя), откровенно писал:

«Причиною сей раздачи деревень сказывают быль больше страх, нежели щедрота. Павел I, может быть науганный примером Пугачева, думал раздачею казенных крестьян дворянам уменьшить опасность от народных смятений».¹

¹ А. С. Шишков, Записки. Берлин, 1870, стр. 22.

Расслоение внутри русского дворянства, борьба русского купечества (в целом незначительная) с теми дворянами, которые непосредственно или через своих крепостных принялись торговать в ущерб купечеству и наконец положение крестьянства — особенно на фоне пугачевского мятежа и позже французской революции — приобретали в глазах наблюдателя-современника тревожную окраску.

Характерны в этом отношении отзывы иностранцев: Сегюра, Жанэ, Массона. Как видно из цитируемых ниже мемуаров, они преувеличивали отдельные факты, поднимая их до уровня сознательной и почти организованной классовой борьбы по европейскому образцу. В действительности классовая борьба в России XVIII века стояла на значительно более низкой ступени.

В России в XVIII веке противостояли друг другу два класса — дворянство и крестьянство; буржуазия была крайне слаба, находилась в зависимости от дворянства и не противостояла дворянству как класс, а крестьянство было лишено возможности воплотить свой протест в форму организованной борьбы.

Эта расстановка сил, конечно, и определила характер влияния впечатлений от революции.

Несмотря на то, что расслоение внутри дворянства в условиях капитализации крепостного хозяйства росло и создавало почву для усвоения уроков французской революции, факты, выражающие недовольство расслоением, капитализацией или, напротив, медленным ходом этой капитализации, чрезвычайно малочисленны. А главное очень трудно определить, в какой мере эти факты выражают точку зрения выдвигавшего их класса или слоя.

Так например, грамота о вольности вероятно удовлетворила не всех дворян: Щербатов считал вольности дарованные дворянству недостаточными. С другой стороны в 1793 г., в разгар французской революции, мелкий чиновник Кречетов, скорее всего из мещан, обвиненный в стремлении устроить «пагубное равенство» наподобие французского и заключенный в Шлиссельбургскую крепость, на следствии показал, что считает несправедливыми указы о вольности дворянству, «ибо на вольность и другие сословия право имеют».

Существовала в общем незначительная по своему удельному весу борьба между дворянством и купечеством. Противоречия между этими двумя классами, определившиеся еще в скатери-

нинской комиссии об уложении, свидетельствуют о стремлении купечества к самоопределению. Но они же свидетельствуют и о том, что купечество (русская торговая буржуазия) было радо где возможно слиться с дворянством. В этом отношении тема Мольера «Мещанин во дворянстве» была вполне злободневной и в России.

Иллюстрацией к обоим этим положениям может служить пьеса второстепенного драматурга В. Колычева «Купец Дворянящийся»,¹ первый раз представленная на императорском театре в 1780 г.

Вот несколько диалогов из этой пьесы:

«Размотаев: Я продам заводы и лавки.

Здравомыслов: Ты сделаешься ростовщиком, которым быть бесчестнее, чем купцом.

Размотаев: Я не буду ни тем ни другим, а куплю деревни.

Здравомыслов: Кто дал тебе право покупать деревни?

Размотаев: Я определяюсь на службу и получу чин.

Здравомыслов: Поселилось дворянство в голове его...»

Этот диалог продолжается:

«Размотаев: Я не останусь, сударь, купцом — они всеми презренны — и никаких преимуществ не имеют.

Здравомыслов: Кто презирает купцов? — Всякой благоразумной человек знает, что они столько же нужны в государстве, как и дворяне; и купцы и дворяне равные граждане и равно полезны... Мы не имеем преимуществ дворянских, а дворяне не имеют наших...»

Пьеса заканчивается речью Здравомыслова, в которой он говорит:

«Многие думают, что одно состоящие счастливее другого, но сих мнение ложно».

Пьеса свидетельствует о стремлении примирить противоречивые интересы купечества и дворянства. В конце заключен намек, выражающий тенденцию купечества сохранить исключительное право на торговлю.

В книжке «Амстердамский мещанин, беспристрастный политик», явно русского происхождения, несмотря на подзаголовок: «перевод с французского», эпиграфом помещены следующие знаменательные стихи:

¹ «Купец Дворянящийся», комедия в 3 действиях Василия Колычева, М., 1781.

Дворянства не хочу в свой век я получить,
 В мещанстве я рожден, хочу в мещанстве жить:
 Дворянство же купя, свой промысел забудешь
 Ни рыба ты, ни мясо будешь.

В «Опыте о просвещении» Пнина мы находим мысли, подтверждающие характеристику купечества, данную Колычевым.

«Купцы, довольно разбогатевшие, гнушаются быть купцами. Состояние сие кажется уже для них низким. Они хотят быть дворянами. Странное желание».¹

Противоречия между дворянством и купечеством не выступали в России как борьба буржуазии с феодальным абсолютизмом. Это крайне важно учитывать. Но во всяком случае взаимоотношения между русским дворянством и купечеством могли пробуждать внимание к революции.

Иными по характеру были противоречия между средним и крупным дворянством, определявшиеся все явственнее по мере увеличения вывоза из России. Каждая из этих групп желала той формы власти, которая бы укрепляла пригодные для нее формы хозяйствования. Этот антагонизм был не только антагонизмом между оброчным и барщинным хозяйством, но и между всеми тенденциями и устремлениями среднего и крупного землевладельца, очень часто выступавшего и предпринимателем. Среднему и крупному дворянству нужны были разные формы монархического правления. Если крупный землевладелец и дворянин был заинтересован в просвещенной монархии (Никита Панин), о которой помышляли дворянские либералы в течение всей второй половины XVIII в., то средний и мелкий помещик, провинциал, нередко живший почти натуральным хозяйством, был заинтересован в сохранении существующего положения вещей.

Провинциальное дворянство выступало как мещанство своего класса. Довольно многочисленное, оно тем самым значительно затрудняло и маневрирование и переход дворянства на капиталистические рельсы, стоя в целом на страже традиций, обычаев и старины.

Самостоятельную группу в дворянстве всегда составляла та аристократия, которая была недовольна общим ходом дел, фаворитизмом и которая не могла спокойно смотреть, как всякие *parvenus* вроде Григория Орлова, Потемкина и Зубова обогаща-

¹ И. Пнин. Опыт о просвещении относительно к России, 1804, стр. 71.

лись и обогащали своих приближенных, создавая угрозу второй пугачевщины. В этот разряд входили и Воронцовы, и Щербатов и многие другие.

Из «Автобиографии» С. Р. Воронцова мы узнаем, что в год екатерининского переворота (1762) Воронцовы были на стороне Петра III, вместе с канцлером М. И. Воронцовым, отказавшимся присягать Екатерине II. В турецкую войну 1770 года С. Р. Воронцова обошли чинам. Потемкин к нему не благоволил; кроме того С. Р. Воронцов уже в пору своей службы послом в Англии был обременен долгами (как впрочем и большинство русского дворянства). У Щербатова и других были свои основания для недовольства.

В своих мемуарах о России Массон, дворянский либерал, зараженный веяниями революции, сильно преувеличив оппозиционность настроений аристократии, отметил, что Москва являлась средоточием оппозиционного дворянства.

«В России существуют среди высшей знати даже при дворе благородные и гордые души, — писал Массон, — которые, не будучи сторонниками свободы и равенства, относятся с глубоким отвращением к тому унижению и лжи, которых требуют от них. Деспотизм удовлетворяет только варваров, но такими не являются русские родовитые люди».

В другом месте Массон писал:

«Многие из этих фамилий владеют до двадцати тысяч душ, городами, пушками, безграничными богатствами и, что еще важнее, имеют родственных генералов и руководителей армий. Это значительно больше, чем было бы нужно. И с помощью одного сражения дело надо думать было бы решено в их пользу, а не против них».¹

Особое место в борьбе классов в России уже со второй половины XVIII в. занимает разночинная интеллигенция. Ее ряды, как и в XIX в., пополнялись всеми сословиями, но она была лишена той значительности, которую приобрела в XIX в.

Между тем те черты, которые характеризуют собой разночинную интеллигенцию в XIX в. — утопический социализм и народничество — своеобразно намечаются уже в XVIII столетии.

В XVIII в. в защиту крестьянства с особенной силой говорят не публицисты и писатели дворянства или купечества (последних

¹ Mémoires secrets sur la Russie, 1800, t. II, p. 39.

вообще было крайне мало), как бы либерально они не выступали против злоупотреблений, а именно разночинная интеллигенция; наиболее талантливым и глубоким выразителем ее взглядов можно признать Радищева.

К началу революции голос разночинной интеллигенции становится отчетливее, и характерным для нее становится выступление и против дворянства и против купечества, в более или менее резкой форме. К этим выступлениям следует отнести отчасти «Сатирический Вестник» Страхова и стихи вроде напечатанных в «Деле от безделья», направленные, по видимому, против известного миллионера Походяшина и принадлежавшие, вероятно, поэту-разночинцу Михайле Сушкову:

Дед с огцом сзжал в телеге,
И помахивал кнутом:
Внук живет в богатстве, в неге,
Ходит в бублях гогольком
Из телеги сел в карету,
И четыре лошака
Свету целому в примету
Пятого мчат дурака.¹

Стихи с такой ориентацией были конечно редки.

Такова в общих чертах картина расстановки сил в России перед началом и во время французской революции.

3

Каковы были взгляды и точки зрения, оформившиеся под влиянием впечатлений от революции, получившие массовое признание и распространение почти во всех слоях дворянства и купечества?

Массон утверждал, что для одной революции Россия созрела, а именно для аристократической; в отношении же буржуазной революции он полагал другое. «Если французская революция, как утверждают многие, распространится по всей земле, то почти наверняка Россия окажется последней страной, в которой она появится» (т. II, стр. 3), — писал Массон. «Отчаяние может здесь или там толкнуть этих несчастных крестьян к незначительным восстаниям против их владельцев, но всеобщая революция в России это химера» (т. II, стр. 9).

¹ Дело от безделья, 1792, март, стр. 9.

И действительно, если годы 1789—1793 и последующие и дают кое-какой материал для характеристики отношения к французской революции оппозиционного и стремящегося к буржуазным реформам дворянства и разночинной интеллигенции, в которую входили и представители наиболее передовой части кучества, то в еще большей степени они раскрывают отношение реакционной массы дворянства.

Принято считать, что как раз масонские круги были наиболее реакционной группой в эти годы. Это действительно так, несмотря на то, что масонство не представляло собой однородной массы. Христианская эгалитарность и христианский коммунизм даже в мистическом преломлении могли порождать и в некоторых случаях порождали протест против несовершенств государственной монархической системы.

Существует версия, будто бы Павел I, приехав на коронацию в Москву, сам будучи масоном, в заседании одной из лож объявил о закрытии лож, мотивируя закрытие французской революцией.¹

Между тем, как раз масонство, не опасаясь вопросов в упор и якобинской фразеологии, вырабатывало в это время в своей философии наиболее приемлемые для монархии разрешения выдвинутых рационализмом и революцией политических и социальных проблем.

Несмотря на разгром московского ядра масонов, оно снабжает правительственные круги и помещика-провинциала оружием против революционной идеологии.

Для нас как раз интересны самые незаметные книги, уходившие в толщу читателей конца XVIII в. Они лучше всего отражают настроения и кругозор среднего и мелкого дворянства и примыкавших к нему групп в конце XVIII и начале XIX столетий. Такой книгой была «Записная книжка для друзей человечества». Автор и год напечатания неизвестны.

В книге помещен отрывок «Нечто о вольности» (стр. 15—19). «Если бы кто спросил невольника, пленного или галерного, чего он желает? Без сомнения получил бы в ответ: вольности... Так говорит подданный тирану или когда не смеет сего сказать, то вздыхает он более о вольности, нежели гражданин вольной державы. Вследствие сего примечания большее или меньшее желание свободы показывает больший или меньший недостаток оных».

¹ См. «Масонство в его прошлом и настоящем» под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова, 1914, т. II, стр. 151.

Далее автор пытается проанализировать, как возникает такое стремление и дает следующий ответ: «Человек повсюду ограничен, желал бы он измерять небо, пройти все звезды; но тяжесть его тела привязует его к земле». «Обыкновеннейшие узы человека суть его чувства». «Всякий человек чувствует свою неволю, и не всякий желает познать род своих оков».

«Прилепившийся к единым чувственным забавам ощущает тяжесть оков тем более и тогда вопиет о вольности», и та вольность, которой они желают, вольность «в недостойных бедных и низких вещах, относящихся к упражнению их и к роду жизни».

«Из сего происходят разного рода вольности: университетская, республиканская, солдатская, писателей, критиков; и по изъяснению некоторых некий род политической и христианской вольности».

Вывод из этого построения, в котором дальше автор спорит с теорией причинности французского материализма. таков: «Един только мудрый есть свободен, хотя бы он был в оковах» (стр. 17).

Ко всем темам этой книжки легко подобрать аналогичные высказывания в переписке московских масонов.¹

Об отношении масонов к французской революции мы узнаем из той же переписки.

«Монархи веселились сочинениями Вольтера, Гельвеция и им подобных; ласками награждали, не ведая, что, по русской пословице, согревали змею за свою пазухой», — писал А. М. Кутузов в марте 1792 года из Берлина А. А. Плещееву (стр. 196).

«Несчастливая Франция! Сия прекрасная земля приносится в жертву ложной философии и нескольким вкруженным головам», — писал тот же Кутузов 27 марта (7 апреля) А. И. Плещеевой (стр. 199).

В 1790 г. видный масон И. П. Тургенев напечатал без своего имени книжку на французском языке, которая в 1796 г. была переведена В. Протопоповым под заглавием: «Кто может быть добрым гражданином и подданным верным?», также без имени автора, но с указанием «российское сочинение».

В этой книжке И. П. Тургенев писал: «О! Ежели бы истинное христианство более господствовало во Франции, не представила бы она плачевного позорища, которое должно вселить скорбь и ужас во все сердца человеколюбивые и богобоязненные! Боже!

¹ «Переписка московских масонов», под ред. Я. Л. Барскова, II, 1915.

Великий боже! Не видно ли еще и теперь, что должно искать корень всех зол истребляющих Францию в пренебрежении существенных законов святыя веры иисусовой?» (стр. 31).

Для нас религиозная масонская точка зрения на революцию интересна тем, что именно она становится основанием ведущих теоретических высказываний против энциклопедизма, материалистической философии и республиканских форм правления. В эти годы печатаются книги против Руссо, против Вольтера и против энциклопедизма в целом. Одновременно в защиту единоначалия выступают авторы, выражающие взгляды средних слоев дворянства.

В 1790 г. переиздается впервые изданный в 1781 г. «Дикий человек смеющийся у крепости и правам пынешнего света» (изд. П. Богдановича). Цель этого издания ясна. В нем автор¹ занимается довольно спокойной по тону критикой Руссо и частично энциклопедистов.

Автор книги пытается дать обоснование единовластия и критику республики, осмысляя древнюю историю в интересах монархии, как позже советовал Wilhelm Freyherr von Buern: «Римская республика, в которой дух независимости более владычествовал, нежели в других местах, должна была необходимо подвержена быть раздорам, мятежам и междоусобным браням». Однако автор выступает и против самовластия: «В самовластных государствах... владетель и его подданные, беспрестанно смущаемые ожиданием самой внезапной смерти, должны препровождать жизнь исполненную страха и горести. Счастье проистекает не от независимости, не от жизни, препровождаемой в работе, страхе, беспокойстве и смущении». Благодеяние и благодарность — вот что по мнению автора дает счастье людям. Здесь мы сталкиваемся с тенденцией, которая иногда выступала и в идеологии масонства.

В 1792 г. печатается отдельным изданием «Мнение некоторого россиянина о единоначалии»² (перепечатано в «Новых ежемесячных сочинениях», ч. XXX), в котором автор пишет:

Властитель праведный и сердцем и умом
 Есть подданных отец: какая польза в том,
 Чтоб власть его отнять и поручить народу,

¹ П. Богданович считается ее автором. См. Венгеров, С. А. Русские книги, СПб., 1899, т. III, стр. 10, № 6815.

² Существует предположение, что автором этих стихов была Е. Р. Дашкова.

Безумно чтущему мечтательну свободу?
Свободу! где она? она в душе моей:

.....

Что ныне Франция? Удары буйства гневны
Повсюду там творят позорища плачевны...

Вышло еще несколько брошюр со слабыми стихами против французской революции, в которых авторы пытались изобразить не только свое возмущенное отношение, но и представить теоретические возражения против идей равенства.¹

В 1792 г. произошли события, заставившие еще внимательнее следить за революцией во Франции: «возмущение» Польши и убийство в марте 1792 г. шведского короля Густава.² Эти события ставились в связь с французской революцией.

«У нас здесь ничего нового нет, — пишет А. М. Кутузов из Берлина кн. Н. Н. Трубецкому 27 марта (7 апреля) 1792 г., — занимаются все французской революцией и намеренным убийством короля шведского. В моих глазах оба сии происшествия суть едва ли не одинаковы».³

В этом же году при Академии Наук выходят «Записки о нынешнем возмущении Польши» в переводе с французского Н. Яцен-

¹ Так например, в книге «Дух гражданина и верного подданного, злодеяниями французских бунтовщиков воссмятенный» (М., 1794) автор А. Волков писал:

Возри на землю и растенья,
Устрой на вся твои сужденья,
Скажи тогда где сыщешь равенство;
Да будет нам в улику явность.

² О покушении на короля Густава, не считая газетных известий, были опубликованы две брошюры. «Достоверное известие о происшедшем в ночь с 16 на 17 число марта 1792 года злодейственном умысле на жизнь его величества короля шведского...», з. л. е. а. На маскараде маска выстрелила в короля. Покушавшийся был безвестный отставной капитан Иоганн Иаков Анкарстрем. Вторая книга вышла также в Москве: «Достоверное известие о убийстве его величества короля шведского, от правительства в публику, которое объявлено 10 апреля» с указного дозволения. Москва. В типографии Исаака Н. Зедербана. 1792. В книжке на стр. 6—7 говорится следующее: «Анкерштрем и отставной же майор камерюнкер граф Клас Фридрих Сон-Горп имели между собой дружбу и доверенность и открыли друг другу мысли о политическом государстве, которым оба они были не довольны; почему и согласились короля уничтожить...» Далее подробно рассказывается план убийства короля.

³ Переписка московских масонов, под ред. Я. Л. Барскова, 1915, стр. 193.

кова, вероятно, принадлежавшие перу эмигранта или даже написанные в России.

Роль Франции в польском восстании подчеркивается в ней определенно: «Вскоре потом обстоятельства Европы переменились (указание на французскую экспансию) к пользе сих мятежников, и гнусные источники с изобилием открылись к обогащению их; тогда исполненными шагами устремились они на конечное разрушение своего отечества» (стр. 21).

Книга заканчивается размышлениями о польских «бунтовщиках». Автор пишет: «счастливы они будут, если мятежники, опустошающие другую страну Европы, которых они были ученики, дадут им убежище в своей земле» (стр. 77).

Как же понимала охранительно настроенная часть русского дворянства истоки и причины революции?

Мы получим ответ на этот вопрос, если обратимся к труду аббата Барюэля (*Mémoires pour servir a l'histoire du jacobinisme*, par M. l'Abbé Barruel, Hambourg, 1798, 5 vol.). Первое неполное издание вышло в 1798 г. в Лондоне.

Его труд дает в законченной системе то, что у масонов и в отдельных выступлениях против энциклопедистов находишь разрозненным.

Книга Барюэля без сомнения была известна русскому дворянству в подлиннике сразу же по ее выходе в свет, а многое, о чем в ней говорилось, — и раньше по книгам французских публицистов из эмиграции, Senac'a de Meilhan и других.

Однако, в 1805 г. работа Барюэля переводится, очевидно с целью познакомить с ней самые широкие слои дворянства и, что особенно интересно, Петром Домогатским, законченным карамзинистом.¹ Книга вышла под названием «Вольтерьянцы или история о якобинцах, открывающая все противухристианские злоумышления и тайнства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы. (С франц. исправл. и вновь умноженного издания, в 12 частях.)»

Перевод посвящен Д. С. Болтину. «В самом начале французской революции появилась секта под несчастным именем якобинцев, научающая о равенстве и вольности человеков». «Что бы

¹ В предисловии Домогатский пишет: «Юную увядшую розу мою пересадил ты в приятный вертоград свой. Бледные неблагоприятные цветы ее преобразуешь ты в алые махровые... Друг человек! тебе я приношу книгу сияю» и т. д.

это была за пожирающая секта?» — спрашивает Барюэль, — и отвечает: «Многие люди, не понимая причины французской революции, утверждали, что вся сия бунтующая и заговорная секта ничего не значила до революции». Барюэль утверждает, что в особой форме эта «секта» существовала уже до революции. «Они (якобинцы) были так же новы, как и самое их звание», т. е. как буржуазия, говорит Барюэль в другом месте. Они были даже при дворе Людовика XVI, утверждает Барюэль. «Есть люди, — говорит он далее, — которые, прельстясь зловредным призраком, хотя и соглашались, что французская революция была приуготовлена прежде; но не страшатся утверждать, что ее первые виновники не имели худого намерения... Якобинские корифеи всего более стараются усилить это заблуждение».

Исследуя историю и причины французской революции, Барюэль усматривает три этапа якобинского заговора. Первый этап — заговор софистов беззакония против бога и всех церквей, в Женеве, Лондоне, Амстердаме, Париже, Риме и других местах.

Второй этап — заговор софистов беззакония и возмущения против всех законов и правлений, не исключая даже и республик: прогив всех гражданских обществ и против всякой собственности какою бы она ни была».

Говоря о первом этапе, Барюэль называет следующих основных его виновников: Вольтер, Даламбер и Фридрих, король Прусский, к ним он присоединяет Дидеро.¹

Однако задолго до перевода «Истории» Барюэля еще в 1793 г., русское дворянство пытается объяснить причины возникновения революции во Франции. Эти попытки нашли свое отражение в исключительно интересной брошюре «Мысли беспристрастного

¹ Карамзинист Н. Бруслов в своем стирпанском сочинении «Бедный Жан-Пьер или автор без риторики» (СПб., 1803) писал: «Вольтер был самый едкий человек, он много сделал вреда Франции и переворот, сделавшийся в одной части, я приписываю большею частью его и других философов Франции сочинениям» (стр. 30). «Если бы Вольтер был истинным христианином, я бы почитал его первейшим из человек» (стр. 31). Достаточно этого высказывания, чтобы стало ясно, в какой мере среди русского охранительно настроенного дворянства должны были иметь успех рассуждения Барюэля. Кроме Барюэля несомненно значительное влияние на формирование русской реакционной идеологии должны были оказать такие авторы, как E. Burke, *Reflections on the Revolution in France*, 1790; Mallet du Pan (Jacques), *Des principes et des causes de la Revolution de France*, Paris-Londre, 1790 (эта книга имела в библиотеке Воронцовых), аббат Le Franc, *Considérations sur la révolution sociale*, 1791, и др.

гражданина о буйных французских переменах» (перевел с французского М. Б., Во граде Св. Петра, печатано в императорской типографии, 1793 г.).

«Мысли беспристрастного гражданина» являются переделкой неизвестной нам французской статьи со значительными добавлениями. Брошюре предпослано посвящение «сиятельному графу». В посвящении автор указывает на то, что он «преложил» (т. е. переделал) книгу, «которая особливое внимание его на себя обратила, как беспристрастным изъяснением всех причин бедственным замешательствам, совершенно разоряющим ныне французское государство».

Следует отметить желание автора быть объективным; он не стремится преуменьшить значение революции: «...Последовавшая во Франции перемена долженствует непременно сделать впечатление на соседственные ей земли и иметь следствия смотря по обстоятельствам, кои предъявятся и посредством, которые в пользу или против оной воспримут».

Автор учитывает, что от обстоятельств, в которых находятся европейские государства, будет зависеть направление и степень влияния французской революции. Каковы же те обстоятельства, которые необходимо устранить и существование которых подвергает страну опасности революционной заразы? На этот вопрос автор дает ответ, напоминающий взгляды Щербатова. Как и Щербатов, основой всех зол он считает «размножение городов» и «зарождение в городах тунеядцев», т. е. людей на крепких земле.

Существование этой среды и обстоятельства, благоприятствующие ее возникновению, дают основу для революции. Именно эта среда «с жадностью бросается на все произведения газетчиков и журналистов, философов, политиков, законодателей и прочих возмутителей народного духа». Существование этой среды характеризует положение западных государств, но и Россия, по мнению автора, очевидно склонна к этой болезни.

По пути в брошюре рассматриваются вопрос о вольности тиснения и основные лозунги просветительства, причем автор подчеркивает, что сами по себе эти лозунги не вредны и даже полезны, но вкладывать в них следует особый смысл.

В разделе, несколько неопытно названном «В Ахене» и быть может представляющем размышления автора во время его жизни в этом городе, он пишет о том, что положение французских дел приводит его на память мысли из «Наказа» Екатерины. Революция

автор пытается, повидимому, противопоставить мирные пути, а именно реформы путем введения новых уложений. В обширном примечании автор подробно, но с ошибками, заставляющими предполагать, что он не принадлежал к кругам знати, которой дела екатерининской комиссии были хорошо известны, излагает ее историю. Интересен самый ход мысли. Революция приводит на память комиссию о составлении нового уложения, деятельность которой не была доведена до конца и не привела к преобразованию. Этот ход мысли склоняет к предположению, что автор брошюры выражал точки зрения не отсталой части дворянства, мелкого и провинциального, но некоторой части крупного дворянства, соприкасавшегося с оппозиционной знатью.

Следует отметить, что эти идеи в конце столетия, именно под впечатлением революции, становятся типичными для многих дворянских кругов.

Изложив историю екатерининской комиссии, автор подвергает критике основные вопросы, выдвинутые революцией: «конституция», «вольность», «равенство», «права человека», «права народа и наций», «деспотическое правление или беспредельная власть», «рабство» и приходит к выводу, что вокруг всех этих вопросов накопились совершенно ложные представления, а между тем все они допускают и требуют трактовки в монархическом духе.

Отдельная главка посвящена «третьему чину в государстве или мещанству». И здесь позиция автора объясняет нам многое. Кто такие те, кто ведет революцию во Франции? — спрашивает автор, и дает ответ: «это народ, состоящий из попов, стряпчих, профессоров, бродяг и прочей сволочи». Автор не упоминает ни купцов, ни торговой, ни промышленной буржуазии. И напротив того, называет ее (стр. 84) «богатым и честным состоянием», с которым «попы, стряпчие, профессора и бродяги с парижской чернью» не имеют ничего общего.

Роль буржуазии в революции остается неотмеченной автором. Это понятно, если вспомнить удельный вес и роль русского купечества в эти годы в России. Купечество не вызывало особых опасений ни у правительства, во многом шедшего навстречу его интересам, ни у дворянства.

Однако, автор все же считает лишним указать и буржуазии на подобающее ей место и посвящает этому вопросу специальное рассуждение о том, почему третье сословие именно третье по своему значению в государстве. Дело в том, что оно трудится

только в свою пользу и следовательно живет единственно для себя, между тем как истинное дворянство «пренебрегает собой ежеминутно для благоденствия других».

Книгу автор заключает рассуждением о крестьянском и городском сословии, отличая последнее от купечества и подчеркивая, что неустойчивое сознание горожанина является основой для духовной низменности, эгоистичности и материалистичности, при которых, по мнению автора, возможна революция. Не порицая торговли и купечества, автор порицает «торговый дух». «Торговый дух (т. е. дух городской, по его понятиям) в скором времени покоряет себе все головы и передает наконец сему развращенному целому нрав, имеющий впечатлением самохвальство во всех деяниях, и даже самый человек делается наконец некоторого рода товаром в собственных своих глазах» (стр. 96). «Всегда только из больших городов выходит начало развращения; столичные города в больших государствах подобно гнилым кореньям, от которых дерево упадет» (стр. 97), — пишет автор, подчеркивая как основную причину революции рост городов. «Такова история падений сильнейших монархий; из городов исходят пороки; из деревни приходит добродетель; деревни производят города, города разоряют деревни» (стр. 97). Таков вывод автора.

Эта дворянская социальная философия, развернутая в тесной связи с отношением к революции и пониманием ее причин, совершенно по новому заставляет осмыслить тенденцию, которая особенно ярко выступает в эти годы в деятельности «Вольного экономического общества» и журналистике: неоднократно подчеркивается необходимость крепости крестьянства земле и нападки против хозяйственных условий, подбивающих крестьянина к торговле, к отхожим промыслам, привлекающим его в города.

В речи «О некоторых причинах, препятствующих усовершенствованию хозяйства в России» (Труды Вольного экономического общества, 1794, ч. XIX) Федор Туманский в числе «весьма обыкновенных причин» указал на «оброчивание помещиками селян». «Его (крестьянина) дело явится в срок с маловажной дачей т. е. с оброком) и он свободен». «Он найдет себе пропитание в городах, легче и избыточнейшее, но ему и потомству вреднейшее. От сего родится любовь к праздности и роскоши, пренебрежение сельския жизни и следственно гибель общая».

Аналогичная дворянско-помещичья философия крепостного хозяйства существовала и до революции, однако, популярной она

становится среди дворянства как раз во время революции и надо думать, под впечатлением от нее.¹ Вопрос этот не изучен, но во всяком случае можно сказать, что во всех размышлениях о крестьянстве после 1793 г. присутствует доля учета событий во Франции.² Тенденция эта живет и в царствование Александра I. В 1812 г. подаются на высочайшее имя проекты об опасности создания крестьянского ополчения, ибо это может повести к событиям, схожим с революцией во Франции.

С 1793 г. начинается пропаганда против революции в среде провинциального дворянства, купечества и в низах разночинства. В 1795 г. выходит книга «Благоразумие, соединенное с добродетелью или политика мудрого» (с немецкого, М., 1795). В главе «Против зачинщиков народных беспокойств и вероломства» автор пишет: «Молодые люди... головы которых набиты химерическими идеями, должны особливо сего (духа партий) опасаться». Далее автор громит эту молодежь: «слепая ревность их выходит из границ, они ничем недовольны и хотели бы все переделать и исправить» (стр. 107). «Следствия такого безрассудного поведения столько известны, что нет мне нужды описывать их здесь» (стр. 108), заключает автор, прозрачно намекая на революцию.

В 1793 г. в Москве в типографии Решетникова печатается «Разговор между Взятколюбовым и оккупантом Скорохватом в одном немецком трактате. Любопытный разговор в царстве живых о французской революции. Истинная история, перевод с немецкого».³

В предисловии издатель пишет, что в разговоре он нашел «две великие истины», которые и заставили его этот разговор напечатать. Первая «в простолудине и собственно в мешанском и крестьянском состоянии как в Германии, так вероятно

¹ Ср. с высказываниями в этом же духе в протекционистском буржуазном журнале Крылова, Кушова и Плавильщикова «Зрителе».

² Намек на них заключен и в «Друге крестьян» (М., 1793, без имени автора). В книге есть разделы: предложение о сельском кукольном театре о сочинении новых песен; заканчивается она словами: «хотите ли предупредить преступление? Сделайте, чтобы просвещение распространилось между людьми».

³ «Разговор» этот был отобран из книжных лавок и запрещен к обращению, как видно из дел архива Московского губернского правления, очевидно в связи со стремлением прекратить разговоры о французской революции вообще.

и во Франции, больше можно найти здравого разума, душевных благ и нравственных народных качеств, нежели в отпрыске сего состояния, т. е. в таких, которые из мещанского и крестьянского состояния происходят. Когда они по счастью или несчастью или по некоторым отличным душевным дарованиям и познаниям на несколько ступеней восходят, то почитают себя столь превышающими оных, что стараются показать себя добровольными наставниками мещан и крестьян, возбуждать их словами и сочинениями к различным околичностям; восставать с беспредельной вольностью против всех разумных понятий; поносить в журналах и ведомостях подлейшим образом князей и дворянство; какое величайшее и вреднейшее политическое безумие в большом мозгу фанатиков рожденное, я разумею вольность наших времен, явно или скрытно выхвалять и распространять. Вторая великая истина, которую нашел я сею историею подтверждаемую, состоит в том, что возмущение подданных против своей высочайшей власти и поощрение к непослушанию оной и ее исполнителей вообще происходит только от таких людей, которые падеются или оказать услугу, или получить выигрыш при всеобщем расстройстве» (стр. II—V) «или таких которые разорились от распутной жизни» добавляет издатель.

Другими словами, автор выступает против разночинной интеллигенции. Далее разворачивается теория удовлетворенности крестьянства и доверия низов к власти. Здесь заключено зерно той монархической философии, которая в дальнейшем выставляла монархическую власть как власть в основе своей народную.

Вот что говорит в разговоре с Взятколюбовым староста Честоп: «...Есть ли бы наше узаконение было не хорошо, или по крайней мере не лучше, каковым вы его почитаете, то были ли бы и могли ли быть наши пфальцкие крестьяне столь благополучны, каковы они действительно? Слава богу! кто из нас работает и порядочно себя ведет, тот не только не имеет никакого недостатка, но и весьма довольно для благосостояния. Во всей Германии, как я слышал от путешественников, нигде нет крестьянина лучше одетого, довольного, бодрого и веселого, как в Пфальце. Мы платим великие подати, но они не отяготительны; поскольку мы сами нужды не имеем. А хотя иногда бываем притесняемы: но сие редко случается и не вечно будет. При этом, не узаконение наше тому причиною, что частные люди, которые, так как и

мы, смертны и так надеемся, что по смерти их лучше будет» (стр. 27—28).

Старик Честон (Трактирщику):

«... Поверь мне, что есгь-ли бы каждой поступал по своей воле, здесь в деревне еще сделали бы других трактирщиков двадцать, и ты тогда бы без платежа пошлины гораздо меньше теперешнего получал барыша. Словом, друзья мои, оставьте наше узаконение в покое, ибо точно уничтожив оное, ничего лучшего не сделаете» (стр. 30).

Таков в общих чертах характер пропаганды монархического строя и понимание причин возникновения французской буржуазной революции в конце екатерининского царствования и частично в павловское и александровское время.

В заключение следует подчеркнуть, что французская революция значительно помогла оформлению русской монархической идеологии в существенных ее чертах: подчеркнутой националистичности, псевдонародности и демагогии в отношении крестьянства.

4

Обратимся к явлениям общественности (в первую очередь дворянской) и к той переводной литературе, которые могли подготовить менее враждебное отношение к французской революции.

Когда речь идет о реакционной идеологии и резко враждебном отношении к французской революции, не трудно определить, в какой мере та или другая точка зрения выражала взгляды широких слоев дворянства и купечества. Гораздо труднее это сделать в отношении идеологии либерального дворянства, несмотря на то, что и в данном случае речь идет только о вдумчивом и более серьезном, но отнюдь не одобрительном отношении к революции.

Последняя треть XVIII в. в России была ознаменована значительным влиянием предреволюционной французской литературы. Наплыв французских идей и книг, о котором в мае 1792 г. писал кн. Прозоровский,¹ главнокомандующий города Москвы,

¹ 20 мая 1792 г. кн. Прозоровский писал Екатерине II: «Осмеливаюсь, всемилостивейшая государыня, всеподданейше просить вашего величества, чтобы повелеть изволили положить границы книгопродавцам книг иностранных и отнять способы еще на границах и при портах подобные сему книги вывозить, а паче из расстроенной ныне Франции, служащие только

чинивший в это время следствие по делу новиковской компании, был вызван рядом причин и поводов, из которых наиболее важными являлись следующие.

Первым поводом была борьба большого и малого двора — екатерининской и павловской партий, которая, докатываясь до близ стоящего дворянства, могла порождать представления о некоторой шагкости престола.

Другой, болезненной для многих и поэтому трудно разрешимой причиной был вопрос о промышленном и аграрном путях России, в достаточной мере определенно наметившийся к концу столетия. За год до французской революции в России был, как известно, неурожай. О нем писал Щербатов в своей статье о причинах повсеместного голода в России. Между тем, неурожай в Европе 70-х годов показал русскому дворянству, что хлеб, пожалуй, самая выгодная статья вывоза. Это еще раз ставило вопрос о структуре крепостного хозяйства.

И, наконец, третьей — было неблагополучное состояние дворянских финансов, несмотря на открытие во вторую половину века ссудных дворянских касс, ссужавших под залог имений.

За три года перед революцией в Петербурге была переведена книга Неккера «О управлении государственных доходов французского королевства». Перевести ее представилось целесообразным вероятно по той же причине, по которой во Франции, как сообщает Сегюр, она лежала «в кармане у всех аббатов и на туалетном столе у всех дам». Дочь Неккера, мадам де-Сталь, писала, что этого сочинения ее отца было распродано 8000 экземпляров — цифра небывалая по тем временам.

На основе этого финансового неблагополучия и выросла крайне характерная для русской литературы XVIII столетия публицистика, нападавшая на роскошь, мотовство и столичную бесхозяйственность дворянства.

к заблужденно и разврату людей, не основанных на правилах чести. Я хотя все меры к сему взял, но довольно способов недостает совершенно сие удержать, паче потому что ... таковые книги продают скрытно .. и без ошибки сказать, всемилостивейшая государыня, можно, что все, какие только во Франции печатаются книги, здесь скрытно купить можно» (см. В. Сиповский. Из прошлого русской цензуры. Русск. Ст. р., 1899, май—июнь). Прозоровский, весьма ненадежный свидетель, плохо понимавший и преувеличивавший опасность привоза французских книг, однако правильно указывает на их распространенность в Москве, а тем самым и в Петербурге.

Наплыв литературы, обеспокоившей Прозоровского, был действительно весьма велик. Не было такой частной дворянской библиотеки из крупных, в которой бы отсутствовали французская Энциклопедия со всеми томами, запрещенными во Франции. Об этом свидетельствуют не только такие собрания как воронцовское или шереметьевское, но и провинциальные дворянские библиотеки.

Если просмотреть объявления о продаже иностранных книг в С.-Петербургских и Московских ведомостях за последние годы перед революцией и в 1789 г., окажется, что не было такой французской книги энциклопедистов, с которой русское крупное, особенно столичное дворянство не ознакомилось бы в подлиннике. Эту черту русское дворянство сохранило до середины XIX столетия. А. И. Герцен в «Былом и думах» рассказывает, как его отец не мог привыкнуть читать русские газеты и политические новости читал во французских.

Осведомленность в иностранной литературе и публицистике в подлинниках была настолько общей, что переводная литература свидетельствует скорее о запросах провинциального дворянства и купечества.

В конце 80-х годов этот интерес несомненно возрастает и даже не столько специально к энциклопедистам, сколько вообще к книгам, критикующим современные государственные системы и посвященным анализу политического устройства республик. Следует при этом учесть, что за каждой такой книгой мог стоять, а иногда и стоял кружок, считавший полезным ее опубликование.

1789 г. был ознаменован выходом книг, далеко не монархического содержания, оставшихся незамеченным правительством.

К их числу следует отнести трактат Анжа Гудара «Мир Европы или проект всеобщего замирения»,¹ запрещенный во

¹ Ange Coudard. La paix de l'Europe ou projet de pacification générale, combiné par une suspension d'armes de vingt ans entre toutes les puissances politiques par M. le chevalier G***, Amsterdam, Chasterlain, 1757. Анж Гудар (1720—1791), сын инспектора коммерции, человек, склонный к авантюрам, и в силу склада всей своей биографии оппозиционно настроенной к аристократии и монархии буржуа, эмигрировавший с родины и переезжавший с места на место по всей Европе. Его жена, англичанка мисс Сара, была любовницей принца неаполитанского. Эта связь послужила к высылке Гударов из Неаполя, где Анж Гудар преподавал французский язык, и к переезду их в Голландию. Умер Гудар в нищете, вернувшись во время революции в Париж. Жизнь его напоминает биографии героев Прево и Лесажа.

Франции и печатающийся в Петербурге. В этой очень интересной книге, предлагающей европейским государствам договориться о прекращении войн и своеобразном разоружении, отчетливо сформулированы наиболее революционные положения французских материалистов. В книге встречаются подобные заявления: «Существующая в нынешнем свете политическая система отчасти уже кончена. По благоденствию, которое царствует теперь в некоторых государствах (республика Венецианская, Швейцарская и проч.), не употребивших по сие время другой политической системы кроме той, чтобы содержать себя в беспрестанном мире, не должно ли судить, что она могла бы быть системою и для нашего политического света вообще?»¹

Такой же интересной книгой была «История о правлении древних республик с показанием причин их возвышения и упадка», вышедшая несколько раньше, в 1788 г. В предисловии переводчик указывает на то, что это «английское сочинение полезно было только одному английскому парламенту, а французский перевод, похожий на новое сочинение, приносит пользу всем вообще и будет приносить оную отдаленнейшим потомкам».² Можно предполагать с полным основанием, что переводчик свою работу считал не лишеной интереса и в России.

В этой истории древних республик мы неожиданно находим довольно пространную заключительную главу «О состоянии Великобритании», в которой автор, хотя и отрицательно относящийся к буржуазным тенденциям («государство, составленное из купцов, воспитанное в домашних упражнениях, без способностей и без науки не может никогда устоять против государства военного»), весьма положительно расценивает парламентские вольности Англии.

¹ Мир Европы или проект всеобщего замирения, 1789, СПб., стр. 15.

² В предисловии переводчика автор книги называется «гражданином» (слово это еще не опасно) и указывается на то, что книга переведена с французского, которая в свою очередь была переведена или, вернее, переделана с английского оригинала. Французский автор Turgin (François Henri, 1709—1799), историк-критик, профессор университета (de Caen). «История о правлении древних республик» («Histoire du gouvernement de quelques anciennes républiques, ou l'on découvre la cause de leur élévation et de leur déperissement»), Paris) была им выпущена в 1769 г. и явилась переводом и переработкой работы Edouard'a Wortley Montague: «Reflections on the Rise and Fall of the Ancients Republics» (1739). См. словарь анонимов Barbier. № 8026.

«Намерение наших законодателей имело в виду удержание всеобщей вольности, утверждение прав каждого и простого человека, подавание руки помощи бедным и богатым, защищение бедного от нападения сильного. Если бы нам можно было быть тем, чем со времени последней перемены были, то бы мы остались навсегда страшными».¹

В 1788 г. в вольной типографии такого второразрядного города как Тамбов печатается «Дух Гельвеция», в котором помещены аналогичные сентенции: «Где законы частные пользы присоединяют к общественным, тамо процветает народная добродетель» (стр. 35—37). Книгу издатель заканчивает так: «В правительстве поврежденном, природа и воспитание не могут извести на свет великих мужей; каждый ищет своего благоденствия; но под бременем тягостного скипетра самовластителей турецких просвещение, достоинства и высокие качества не вводят человека в храм благополучия и славы» (стр. 41—42).

«Турецкое самовластие» в условиях особенностей чтения конца XVIII столетия приобретало антимонархический смысл.

В это же время выходит перевод книги аббата Вертота «Перемены Португалии», где между прочим говорится, что «все несчастья Испании происходят от их двора» (стр. 153).

Выходят «Персидские письма» Монтескье. И наконец из русских выходит «Житие Ушакова» Радищева и начинаются изданием два журнала, во многом враждебные бюрократической монархии, «Почта духов» Крылова и «Беседующий гражданин», издававшийся полумасонским кружком при участии Радищева.

Почти весь круг чтения русского дворянства и русского купечества указывает на живой интерес к политическим вопросам, особенно к вопросам государственного устройства. За ним скрывались поиски перемен, в которых были по своему заинтересованы и аристократия и отдельные представители купечества и, наконец, часть дворянства, вовлеченная в круг буржуазных интересов.

И действительно, первые отзвуки в России на раскаты французской революции еще не были враждебны.

Эти настроения запечатлелись не только в издательской деятельности, о которой говорилось выше и которая почти вся была в руках разночинной интеллигенции, но и в поведении отдельных представителей дворянства.

¹ История правления древних республик, СПб., 1788, стр. 457.

Эдмонд Жанэ, замещавший с 5 октября 1789 г. французского посла при русском дворе гр. Сегюра, в своих письмах к Монморену свидетельствует об этом еще не враждебном отношении к французской революции, преувеличивая его глубину и в особенности распространение.

«Если она (Екатерина II) не видит пропасти, которая готова разверзнуться под ее ногами, — написал он 8 ноября 1791 года, — я брошу туда некоторый свет, чтобы дать вам понять ее глубину. Три вида переворотов угрожают этой державе. Крестьяне, среди которых Екатерина II неосторожно распространила идеи вольности, в те времена, когда она проповедывала основы новой философии, также как теперь она проповедует основы деспотизма. Эти крестьяне, говорю я, готовы (больше чем об этом думают) сбросить ярмо тирании своих господ. Школы с каждым днем умножают число умеющих читать. Они с жадностью читают известия о новостях из Франции, которые достаточно аккуратно печатают русские газеты. Я видел кое-кого, кто плакал от радости, узнав, что король принял конституцию, я слышал, как другие из них говорили с жаром, что если их сыновьям, их братьям или родителям пришлось бы сражаться с французами, они их заклинали бы во имя всего святого стрелять в воздух. Приезжающие из Москвы путешественники уверяли меня, что там настроение народа еще более чем здесь возбуждено в нашу пользу».

«Мне остается дать вам отчет о третьем зерне революции, которое я заметил. Оно находится в сердце великого князя».¹

В другом письме Жанэ писал: «Можно было слышать молодых великих князей, важно рассуждающих о злоупотреблениях феодального режима или видеть их безнаказанно поющих революционные песни в императорском дворце, защищенных своим положением. Они вытягивали из кармана перед глазами фаворитов, испуганных и пораженных, трехцветные кокарды».²

8 ноября 1791 г. Жанэ писал, что «среди офицерами гвардии парижские новости вызвали благоприятные отклики. Эти платонические соперники Лафайета аплодировали во французской комедии тем местам в «Свадьбе Фигаро», где имеются намеки на глупость солдат, позволяющих себя убивать не зная за что».³

¹ «Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. Russie, vol. 2». Paris, 1890, p. 518—519.

² Ibid.

³ Ibid., p. 520.

Все это были отзвуки 1789 г., когда два князя Голицына еще могли участвовать в штурме Бастилии и дочь Соймонова иллюминировала в Петербурге галерею в доме отца, празднуя 14 июля.

В С.-Петербургских и Московских ведомостях в самом начале революции дается довольно спокойная трактовка событий. Такую же спокойную позицию занимает месяцеслов Академии Наук на 1790 год. В хронологических списках достопамятных происшествий за конец 1788 и 1789 гг. июльские события излагаются так: «Народное собрание в Версалии имело достопамятное заседание, в котором дворянство, духовенство, гражданство и все прочие состояния отrekliсь от прежних своих привилегий; сверх сего вовсе уничтожены рабство, неравенство податей, тяжёлые пошлыны и другие права, коими меньшая, но сильнейшая часть народа, насчет большей, но убогой части пользовалась (курсив мой. А. К.). Обнаружившиеся спачада в Париже беспокойствия распространились по всему государству. Во всех городах Франции вооружился народ и чинил многие насильствия».¹

Последняя фраза не разрушает однако предыдущей. Такой же спокойный тон встречаем мы и в «Магазине английских, немецких и французских мод» еще год спустя:

Париж, 18 июля 1791.

«Дамы и щеголи наши кроме большого национального купола свободе строят и небольшую часовенку богине Моды» (ч. II, стр. 156).

Париж, 25 сентября 1791.

«Поелику король и королева наши являются ныне опять в спектаклях и других местах, обожаемые своими подданными и повсюду видны изъявления всеобщей радости, то чательно и и царство мое получит от того весьма заметное приращение» (ч. III, стр. 126).

Париж, 16 августа 1791.

«При всех угнетающих нас бедствиях не увидишь никаких признаков того в веселых наших беседах, в бесчисленных театрах, коими ныне по дозволению Национального собрания, заводят театры всякому кто сколько залочет сия страна изобилует

¹ Месяцеслов на лето от рождества Христова 1790... сочиненный из знатнейшие места Российской империи. В Санктпетербурге при имп. Акад. Наук, стр. 105.

в Пале-Рояле и на прогулках наших; да ежели бы Тюльерийский сад не был заперт, то почги и приметить бы не возможно было, что у нас что-го неладно».¹

Почему о французской революции молчали ведущие журналы?

Может быть потому, что было затруднительно высунуть с серьезным анализом, не склоняясь к полному порицанию французской революции, а с таким в 1789 г. может быть выступили бы «Почта духов» и «Беседующий гражданин». Тем интереснее отсутствие ненависти к французам, с которой сталкиваешься позднее, в журнале мод и Месяцесловах — изданиях, отвечавших на ходовые запросы времени.

Напротив, Екатерина II, что вполне понятно, встречает далеко не дружелюбно уже первые известия о революции. Об этом ясно говорят и переписка ее с бароном Гриммом и «Памятные записки Храповицкого».² Последние с исключительной точностью воспроизводят отношение Екатерины к событиям французской революции до конца 1793 г.

8 июля 1789 г. Храповицкий первый раз заносит в дневник о французских событиях: «Разговор о переменах во Франции. Получено известие que le tiers état самовольно составило из себя Собрание Национальное» (стр. 295).

27 июля 1789 г.: «Приехал курьер с известьем, что как скоро свезли в Париже о перемене министров, а особливо Неккера, то народ взволновался, взяв на подозрение королеву, разбил Бастилию, les gardes Françaises пристали к народу, король приходил в собрание депутатов, из коих несколько отправилось в Париж для умирения народа, по тут и утвердили свою милицию, над кою начальником de la Fayette» (стр. 299).

Такое преломление получают июльские события.

29 июля 1789 г.: «Разговор Е. В-ва о провешствии в Париже. «Le pourquoi est le Roi? (sic) Он всякий вечер был и им управляет, кто хочет, сперва Breteuil, партии королевской, потом Prince Condé et Comte d'Artois и наконец La Fayette, уговорили его идти в Собрание депутатов. Все знатные принцы крови выезжают из Франции, многие уже в Брюсселе» (стр. 299).

10 августа 1789 г.: «Разговор о Франции. Со вступлением на престол я всегда думала, что фермангация там должны быть;

¹ «Матери мод», 1791 г., ч. III, октябрь, стр. 29.

² Дневник А. В. Храповицкого 1782—1793, под ред. Н. Барсукова. СПб., 1874.

ныне не умели пользоваться расположением умов: Фаэта, *comme un ambitieux* взяла бы к себе и сделала своим защитником! Заметь, что делала здесь с восшествия» (стр. 303).

25 сентября 1789 г.: «О короле французском: *«j'aimegai mieux le voir chassé de Versailles et enfermé à Metz.* Тут бы дворянство к нему пристало» (стр. 310).

Данная формулировка довольно ясно выражает точку зрения Екатерины считавшей не выгодным для короля оставаться в Париже и вести переговоры с Генеральными штатами. Король с точки зрения Екатерины не поступал соответственно долгу неограниченного правителя. Этим Екатерина склонна была объяснять недостаточную активность французского дворянства в первые дни революции.

В октябре 1789 г. Храповицкий снова записывает, на этот раз о герцоге Орлеанском: «Сказывали, что король французский имел особенное свидание *avec le Duc d'Orléans, premier prince du sang.* Он (герцог) вышел бледен и поехал в Лондон». (стр. 314).

14 июля 1790 г.: «Замечание Е. в., что Дюка Орлеанского сделают правителем и корона не будет наследственной» (стр. 341).

В этих двух записях намечается подозрительное отношение к герцогу Орлеанскому. Придворные круги и реакционное дворянство в Европе, а потом и в России, склонны были объяснять чуть ли не самое возникновение революции происками герцога Орлеанского. Эта точка зрения находит свое воплощение и в европейской и в русской литературе. В 1799 году в Петербурге выходит в свет «Разговор Людовика XVI с французами в царстве мертвых», в котором неизвестный поэт устами Людовика XVI говорит герцогу Орлеанскому:

Да кто же главною виною
 Что ныне Франция горит
 Междуусобною войною
 И бед своих конца не зрит?
 Чей перст разрушил галлов счастье?
 Как плод сих страшных бед возрос?
 Кто распростер сие несчастье?
 Чинит Лудовик сей вопрос.

Герцог Орлеанский отвечает:

О, брат мой! Я сей причина

26 августа: «Повеление к Симолину, чтоб в Париже всем русским объявил приказание о скорейшем возвращении». записывает Храповицкий в своем дневнике (стр. 345).

С этого времени, т. е. с середины 1790-х годов начинается деятельность Екатерины против революции.¹

В отношении Екатерины к революции и понимании ее мы сталкиваемся с представлениями, типичными для монархической абсолютистской идеологии, формировавшейся в борьбе с феодальной фрондой. Екатерина боялась революции и как выступления крестьянских масс и как выступления дворянства, между тем как русское дворянство стало всерьез опасаться революции только с той минуты, когда активной силой на сцену истории выступило крестьянство и люмпенпролетариат.

Французская революция в самом начале воспринималась как революция еще не ушедшая из рук дворянства. Она не была еще антимонархической, как это подчеркивают с достаточной ясностью многие источники.

Сам Людовик XVI, узнав о народных волнениях, больше всего был обеспокоен открывшейся дворянству возможностью воспользоваться движением.

¹ В письме от 16 января 1791 г. Екатерина писала Циммерману: «Я согласна с мнением Эдмунда Бурке (Бёрк. А. К.), а особливо в сказанном им о безначалии французском; разрушить оное значит приобрести себе бессмертную славу, и я не сомневаюсь, чтоб сия слава не прелюбоставлена была...» («Философическая и политическая переписка Екатерины II с доктором Циммерманом с 1785 по 1792 год.» Пер. с франц. СПб., стр. 183. 1803). 6 мая 1791 г. Храповицкий записал: «Mr. Senac de Meilhan... представлен в Эрмитаже, а сегодня после обеда был более часа у ее величества». В августе 1791 г. Екатерина II получает от барона Бомбала, приехавшего с письмами от братьев короля французского, что в Пруссии все готовы к возмущению и хотят подражать французам». 16 августа 1791 г. Храповицкий записывает о Екатерине II: «Взято секретно на 500000 руб. векселей для употребления по делам французским». 3 сентября 1791 г. Екатерина принимает Эстергази в Эрмитаже. 16 сентября посылает к Циммерману письмо нарочно по почте. И Храповицкий замечает по этому поводу: «Отправлено, чтобы прусский король вошел с войсками во Францию». Все эти действия Екатерины предшествуют началу погранично революционных реформ во Франции. Конституция приводит Екатерину в негодование. 24 сентября 1791 г. Храповицкий записывает: «... приехал курьер из Парижа... Король, вошел в собрание национальное, подписал публично конституцию. Президент был Thouret. Приятная досада. В апреле 1792 г. Симолин выезжает из Парижа, 8 февраля 1793 г. Екатерина дает указ Сенату о разрыве сношений с Францией, а в апреле 1793 г. Россию посещает граф д'Артуа, брат Людовика XVI.

Вернемся к явлениям, которые могли подготовить в России менее враждебное отношение к французской революции. Отчасти этому менее враждебному отношению могли благоприятствовать феодальные аристократические настроения, державшиеся у отдельных представителей дворянства и позволявшие воспринимать на первых порах французскую революцию как революцию и для них, а также и увлечение идеей ограничения верховной власти, пустившее корни в дворянстве. Вспомним молодых князей Голицыных. Этим отчасти и определился характер отношения некоторых русских дворян в столицах к падению Бастилии. Это же восприятие оживляет и дает дворянской обществу основу для теоретических разговоров о свободе. Это настроение на первых порах было общим для дворянства и в Германии чувствовалось еще сильнее.¹

Замечательно, что некий безымянный автор, демагогическая книга которого против французской революции была переведена в 1793 г. с немецкого на русский язык под названием: «Ах, как вы глупы, господа французы», сам очевидно не дворянин, не поняв общего воодушевления, писал: «В Бастилию заключали только аристократов, которые либо в том, либо в другом месте делали тебе (народу) притеснения, — одни только дворяне, духовные судьи и страпчие, коих всех вы ужаснейше проклинаете, сиживали в Бастилии.

«Заключали ль в оную хотя однажды какого купца или ремесленника, или крестьянина, или поденщика? Нет, они не удостоены были этой чести» (стр. 8).

И конечно в Европе, где народ не только не радовался, но и ничего не знал о падении этой крепости, уступившей натиску парижского пролетариата, радовалась и враздновала падение Бастилии не только буржуазия, но и дворянство.

И. В. Лопухин, наместник мастера в ложе «Блестящей звезды», видный чиновник екатерининской администрации, привлеченный по делу Новикова, стремясь реабилитировать себя,²

¹ В это время почти все представители *Sturm und Drang'a*, все сторонники немецкого просветительства отдают дань увлечения революцией. См. Hans Lirstein. Die Französische Revolution in dem Drama und Epos nach 1815, Breslau, 1912. Die französische Revolution im Spiegel deutscher Dichtung. Neue literarische Volkshäfte, 1889, Heft 7.

² Прозоровский на допросе спрашивал Лопухина не было ли у московских масонов связей с революционной Францией. Новиковскую компанию

выпустил в 1794 г. брошюру «Излияние сердца, чтущего благость единоначалия...».¹ Убежденный монархист,² для которого основы масонства тесно переплетались с основами самодержавия, он дает в этой своей брошюре характеристику типичных представителей оппозиционного дворянства и разночинной интеллигенции, настолько яркую, что она очень многое разъясняет нам в русских оппозиционных настроениях и русской философской и политической публицистике этих лет.

«Mr. de l'Ambition кричит: «все идет не так, как бы должно, я, я никакого влияния на дела не имсю» (стр. 46) — пишет Лопухин.

«Le Sr. Sentiment malplacé, встретив на улице скованных разбойников, трогается чувствительностью — кричит: какая жалость!.. и идет в книжную лавку наведаться много ли разошлось изданной им недавно книги *Chimère d'Égalité*, которая, ежели полюбится читателям (...), то должна принести тот плод, что многие тысячи невинных погибнут от междуусобия и миллионы в безумии гоняться будут за мечтою» (стр. 49—50).

«Почитающий себя философом начал сочинение так: «*Верное средство устроить благополучную республику, в которой бы везде, без малейшего нарушения все шло по законам, всех бы воли, как одна, были, и... перо притупилось — он чинив его не может с ним сладить, и сердится, что никогда не мог очинить себе пера по руке*» (стр. 51).

Mr. d'Effronterie «приказав отказать бедному человеку», негодует на вельмож, у когорых страждут просители (стр. 51).

Sansfrein жалуется на недостаток в законах (стр. 51).

Лорд Altiers с презрением хохочет тому, как Mr. d'aimant Pordre часа по три дожидается в передних у вельмож, называет это подлостью, раболепством (стр. 54).

упрекали, как пишет Лопухин, в «системе заводить вольность» («Записки» И. В. Лопухина, Чтения Общ. истор. и древ. рос., 1860, кн. 2 и 3).

¹ В 1795 г. эта брошюра была переиздана в сокращении (со стр. 13 по 29) под названием «Благость и преимущества единоначалия».

² В масонской книге «Искатель премудрости или духовный рыцарь» (1791 г.) Лопухин пишет нечто вроде присяги и церемонии для вступающих в орден. Пункт второй присяги гласит: «Непоколебимая верность и покорность к своему Государю с особливою обязанностью охранять престол его... наипаче в настоящие времена Адского буйства и волнения противу Властей Державных».

«Собирающиеся напечатать себя философами, в честь богини *la Raison*, поставили ее болванчик на камине и пляшут перед ним от радости, что они открыли в естестве человеческом новые тайны, например: что пьют и едят люди, для того, что пить и есть хочется...» (стр. 54).

«L'Assassin, ожидая в тюрьме смертного приговору за данную им отраву, сочиняет рассуждение о бремени властей» (стр. 56).

«Купец из Бордо жалуется на великий убыток от того, что он не успел, будучи в Париже, окончить одного, очень прибыточного дела за важными с приятелями разговорами о том, какое крайнее разорение могут претерпеть их правнучата от погрешений Генерал-Контролера» (стр. 57).

«Республиканец, кичащийся мечтою вольности, ... шепчет приятелям своим, что друг его взял силу над целым управляющим собранием» (стр. 57).

«Догадливый историк, лет около двадцати тщательно упражняющийся в историческом испытании действий и причин, спешит записать: «Наконец я нашел, что во времена Нероновы от владычества коварств, под личиною униженности кроющихся... больше людей пострадало, нежели от оков и секир Нероновых» — и все сие пишет, разбирая древнюю рукопись о непокорности богам и о нелюбви к ним» (стр. 58).

«Mr. Lavaricioux всем жалуется, что суд не справедливо отнял у него имение...» и кричит: «... где правда, где добродетели древних Республик?» (стр. 58).

«L'impiété même, реша почти все статьи, принадлежащие до политики, морали и проч., собирается писать систем *de la Nature*, только еще не решился в том, чье существо радужнее его ли или той лошади, на которой он поедет в поле...» (стр. 61).

«Le Sanjudgement, желая издать такую книгу, которая бы ни с какой в мире не сравнялась... начинает писать о равенстве состояний. Для справок вынимает из своей библиотеки *Contrat Social* и другие» (стр. 62).

Все эти лица, по словам Лопухина, «являются внутренними причинами действий французов». Характеристики Лопухина направлены своим острием конечно не против французского дворянства и энциклопедистов, а против отдельных представителей русского дворянства и разночинной интеллигенции.

Как же настроения русского дворянства 1789 г. отразились в публицистике и что они создали в ней?

При такой постановке вопроса останавливает внимание характерное для дворянской общественности этих лет явление. В подборе переводной литературы можно усмотреть и отражение этого процесса и выражение его, но в деятельности ведущих писателей этот этап не успевает сказаться — так кратковременно его существование.

5

То, что настроения 1789 г. не закрепились даже у отдельных представителей дворянства объясняется конечно недвусмысленным выступлением во Франции на сцену буржуазии, а также довольно резким отпором этим настроениям со стороны Екатерины.

Дело Радищева и новиковский процесс в самом начале подрезают возможность оформления и обнародования идей, сочувственных революции и вызванным ею социальным переменам. Но основным конечно оказывается крутой поворот, который претерпевает отношение дворянства к революции под впечатлением ударов по привилегиям дворянства.

Этим и объясняется то, что вся дворянская литература отразила настроения не восемьдесят девятого года, а те, которые последовали за ним.

Однако отдельные дворяне, своеобразно пережив изволнованность восемьдесят девятого года, сохраняют революционные настроения, воспитавшие декабристов.

Эти настроения своеобразно обнаруживаются и после восемьдесят девятого года, иногда выступая в соединении с настроениями разночинной интеллигенции.

Рассадником этих настроений в среде дворянской молодежи вероятно являлся шляхетный кадетский корпус, которым в это время заведывал Ф. Е. Ангалът.

С. Н. Глинка, один из его воспитанников, в своих «Записках» рассказывает, что «граф Ангалът не говорил ни о каких отдаленных причинах переворота европейского мира, но чтобы ознакомить нас с тогдашними обстоятельствами, учредил в нашем зале новый стол со всеми повремениыми заграничными изданиями.»¹

¹ С. Н. Глинка. Записки, СПб., 1895, стр. 76.

История шляхетного кадетского корпуса почти не изучена и дана в официальном изложении Висковатова (1832 г.) в виде крайне тенденциозного и скудного очерка. О взглядах, выработавшихся в корпусе, можно судить только по отдельным фактам. Так, в 1790 г. корпус издал книжку под заглавием «*La muraille parlante ou tableau de ce qu'on a écrit et dessiné sur la muraille du jardin du corps Impérial des Cadettes gentilshommes*».

Среди надписей имелись следующие: «Глас божий — глас народа» и другая «*Pope sagt, daß die Regierungsform die beste sei die am besten verwaltet ist*». На одной из стен в корпусе висел лист с именами авторов, писавших о воспитании и очевидно рекомендуемых к чтению. Среди них были Локк, Ж. Ж. Руссо, Кондильяк.

В «Записках» того же Глинки говорится между прочим о посещении кадетского корпуса графом д'Артуа (1793 г.). Во время посещения Ангалът, как рассказывает Глинка, проговорился, заметив, что «королевские братья похожи на слуг, которые кричат, что дом их господина горит и чем бы гасить его — они бегут» (стр. 77).

Аналогичное отношение к эмиграции было довольно распространенным среди оппозиционной аристократии.¹ Оно было связано с идеями русского буржуазно-дворянского патриотизма, формировавшегося во многом под влиянием примера революционного патриотизма Франции. Необходимо подчеркнуть, что патриотизм в России XVIII в. выступает своеобразным ранним славянофильством. В нем одновременно сказались два отношения к французской революции: с одной стороны, пример патриотизма, отмеченный русским дворянством, продолжавшим даже в 1793 г. сознать военные победы и отдельные заслуги революции,² с другой, — вражда к галломании. На основе вражды к галломании выросла борьба Шишкова с карамзинизмом и выступления против галломании, предшествовавшие этой борьбе.

В этом же 1793 г., когда Екагерина прерывает всякие сношения с Францией и политические темы становятся запрет-

¹ Его мы встречаем в письмах Растопчина к С. Р. Воронцову с упоминаниями о «знаменитых бродягах» и в неприязни С. Р. Воронцова к д'Артуа.

² В октябре 1793 г. Растопчин писал С. Р. Воронцову: «Некоторые из наших молодых женщин, желая возродить французскую любезность, убитую революцией, перестали быть добрыми матерями и порядочными жемьянами и сделались достойными смеха» (стр. 109).

ными, при кадетском корпусе с посвящением Ангальту и без визы к печати (кадетский корпус имел свою цензуру) выходит книга И. Циммермана «Образ народного любочестия» (в переводе с немецкого).¹

Первое издание этой книги появилось в 1788 г. и было связано с наплывом книг, о котором говорилось выше.

Судьба и биография Циммермана интересны. Типичный разночинец — врач и философ, занимавшийся проблемами этики и морали, он к концу своей жизни откалывается от немецких просветителей и приходит к реакции.² Революцию он встречает враждебно. Циммерман пишет свою работу «Verteidigung Friedrich des Großen gegen den Grafen von Mirabeau» («Защита Фридриха великого от графа Мирабо»), ведет переписку с Екатериной. Ранние взгляды его во многом восходят к Руссо и к немецкому бюргерскому сентиментализму. Он друг Зульцера и Лафатера.

В книге «О народном любочестии» Циммерман выдвигает идею, что лучше других те правления, которые не удаляют человека от его естественного состояния (*natürlichem Zustande*). В этой книге (после восьмидесят девятого года Циммерман ее не написал бы) дается яркая характеристика и высокая оценка свободных стран, в которых в отличие от стран, поработанных деспотизмом, процветает равенство.

«За истинного республиканца признаю я токмо такого человека, — писал Циммерман, — который ненавидит всякого рода самовластье» (стр. 225).

В другом месте Циммерман говорит: «Равенство бывает также и во всех тех свободных странах, где малые люди не больших, а единых только законов страшатся, поелику обе сии степени покрыты оным, где не почитается все то преступлением, что токмо обращает на себя ненависть знатных; и где наконец и бедные люди не лишены также известных человеческих прав» (стр. 230).

Выход книги Циммермана не прошел незамеченным Екатериной. В связи с появлением в печати первого русского перевода этой книги были подвергнуты допросам Новиков, кн. Трубецкой, Лопухин и Тургенев. К делу московских мартинистов она была привлечена как материал для обвинения.

¹ 1-е немецкое изд. 1758 г., 4-е — 1768 г.

² См.: R. Ischer. Zimmermanns Leben und Werke, Bern, 1893.

И вот в 1793 г. кадетский корпус без цензурного разрешения управы благочиния выпускает эту книгу. Трудно сказать, была ли известна Ангальту ее роль в процессе Новикова. Во всяком случае он должно быть по своему разделял взгляды, высказанные Циммерманом в этой книге, поскольку он предпринял ее издание.

Книжка Циммермана в первый раз была переведена с названием «Народная гордость». Она разошлась двумя изданиями в сравнительно небольшой для XVIII столетия промежуток времени. Во всяком случае именно в конце XVIII столетия проблемы национальности, российской самобытности и патриотизма завоевывают столь общий интерес, что включаются в число литературных тем. Программная статья Карамзина в «Вестнике Европы» «О любви к отечеству и народной гордости» (1802 г.) дает общее теоретическое выражение небольшим статьям и литературным произведениям на эту тему.

Интересно сравнить книгу Циммермана и статью Карамзина. Последняя была написана не без учета первой и представляет собой ответ на круг мыслей, вызванных к жизни европейскими и русскими событиями конца столетия.

Однако, эти идеи Карамзина оказались в колее монархического патриотизма, а не продолжали «республиканское любочестие».

Пьесы из русской истории, дававшие осмысление падению вольного Новгорода (таких было несколько) также разрабатывают эту тему. Наиболее интересная среди них — «Вадим» Княжнина. Поэма о русских богатырях Львова, «Наталья боярская дочь» Карамзина, тот же «Вадим» — все эти произведения были связаны не только с волной историзма, вызванной к жизни ранним романтизмом, но в еще большей степени с философией национализма, оживленного политическими идеями французской революции.

Казнь Людовика XVI (1793 г.) была тем рубежом, на котором дворянство оставило заманчивые помыслы о республике аристократии и встало на защиту своих имущественных интересов, твердо гарантированных только монархией.

В этом процессе поворота идеи среднего и мелкого дворянства начинают доминировать в идеологии класса. Однако на основе противоречий между оппозиционными слоями дворянства и самодержавием продолжается брожение, в дальнейшем выдвинувшее декабристов. Это движение в своих проявлениях трудно отличимо от проявлений разночинной интеллигенции.

Вероятно в это время шел процесс соединения вольнодумно настроенного дворянства и разночинной интеллигенции. Буржуазия, благодаря особенностям своего положения в России, в массе, как уже говорилось, была наименее революционна.

После девяносто третьего года о французской революции высказываются иносказательно.

В это время в Москве, в переводе Сандунова, печатаются «Разбойники» Шиллера и ставятся на театре Московского университета.

В 1794 г. выходит «История одного королевского сына, узника в Бастилии, обретенного под развалинами сей крепости и известного под именем «Железной маски» (перевод с французского, М., 1794)».

Эта книга является переводом французской брошюры «Histoire du Fils d'un Roi, prisonnier à la bastille, trouvé sous les débris de cette Forteresse. A Paris, 1789». В ней Людовик XVI назван гордым и надменным королем, повелевавшим своим народом тайными указами *lettres de cachet*.

В 1795 г. в Москве печатается «Гирум-Гарум» «сатирико-комический оригинальный роман в переводе с немецкого». Эта книга дает представление о спекуляции на интересе к словам «Франция», «республика», дававшей основу для заинтриговывавшей шутки, а может быть и для намеков.

В романе рассказывается о приключениях молодого человека из «знатной семьи кребильонова поколения», которого фортуна лишила родителей, обремененного долгами ученика некоего Блавшарда (лицо историческое), у которого герой учился подниматься на аэростате. На воздушном шаре он попадает в Америку, где разворачиваются его приключения. Он попадает в область, принадлежащую англичанам, где ему предлагают службу солдага, несмотря на ссылки героя на свое высокое происхождение от кребильонова поколения.

«Как скоро нашел я литеру Р, — рассказывает герой, — то не сомневался более чтоб не находился я действительно в вольной Северной Америке» (стр. 15).

На стр. 22 мы находим следующий разговор героя и его размышления:

«Так по крайней мере позвольте мне писать во фр..., или поискать моих единоземцев? — Корреспонденция с фр... говорил он (полковник) здесь запрещена, и по чести сказать, в Кур-

хилле нет ни одного фр... Как это, прервал я, нет ни одного фр..? и вы могли позабыть так скоро своих избавителей и друзей? Да уже позабыли — почему я ни мало не обязан отвечать за тебя фр... говорил мне полковник несколько суровее прежнего. Я был поражен... я думал найги здесь фр... нацию в великом уважении, под покровом коей намерен был требовать собственного щастья, но вместо того нашел совершенно сему противное...

Все вообще фр... сделались недоверчивыми у Американцев с некоторого времени, что и подало им повод привести военные свои силы в лучший порядок, дабы мужественно могли обороняться, когда фр... вздумают потребовать вооруженной рукой подати или взять что-нибудь в заклад».

Речь идет об англо-американской войне с французами, однако в 1795 г., когда дело шло к тому, что французы вооруженной рукой потребуют подати в завоеванных областях, тема переосмыслялась.

В этом же году выходит без имени автора перевод большого сатирического романа Виланда «История абдеритов». Виланд относился враждебно к французской революции. Роман его представляет сатиру на республику, но в нем, хотя и с трудом, косвенно можно было читать все о том же бунте французов.

В 1795 г. в С.-Петербурге выходит книжка под названием «Плоды свободного времени или переведенные на досуге с французского две повести» в переводе Георгия Баженова.

Эта книга интересна как отражение либеральных идей масонства, которое очевидно вопреки сложившимся представлениям не являлось единым реакционным кругом.

В лирической повести «Путешествие в Мекку», занимающей всего шесть страниц и написанной ради философической концовки, дается замаскированный отклик на события в Европе наименее реакционной части масонства.

«Человек вскоре позабыл словеса всевышнего; брат хотел повелевать братом и учинились врагами. Орудия неправедного употреблялись против невинного и его покорили; неправедный налагал законы, и его послушные рабы доставляли ему новых» (стр. 37).

«Человек опять позабыл словеса всевышнего; злые духи рассеяли плевелы недоверчивости от одного конца мира к другому, и страх вооружил народ против народа. Вскоре народы в началь-

никах своих узрели неприятелей, а начальники в народах своих непослушных животных.

«Цари, калифы, султаны, все властелины земные, затворите ушеса ваши от словес льстецов ваших. Внемлите природе, она вопиет вам, что мы все члены единого тела (стр. 38).

«О! судьи людей, сграшитель жалоб несчастных. Они протекают земли, переплывают моря; достигают небес; переменяют вид государств» (стр. 39).

Особый интерес представляет деятельность кружка, группировавшегося вокруг «Беседующего Гражданина». Замечательно, что деятельность его не прекратилась с окончанием издания журнала.

В 1912 г. Н. Г. Высоцкий напечатал в «Русском Архиве» статью: «Запрещенные при Екатерине великой книги». В ней говорится о запрещении «Новейшего повествовательного землеописания всех четырех частей света» (1796 г.). Высоцкий приводит четыре цитаты, извлеченные цензором из «Новейшего землеописания»: две цитаты о Петре I и две цитаты о Людовике XVI. Из заметки Высоцкого так и остается неясным, кто же был автором этого издания.

Между тем, если бы он обратился к самой книге, ему из предисловия стало бы сразу понятно, что автором были двое или несколько членов кружка издателей «Беседующего Гражданина». На титульном листе указано: «Сочинено и почерпнуто из вернейших источников, новейших лучших писателей, учеными россиянами». В предисловии «ученые россияне» несколько раз пишут о себе, как об издателях «Беседующего Гражданина».¹

Приведенные Высоцким цитаты далеко не самые интересные. Вся глава, посвященная землеописанию Франции, дает крайне ценный материал, позволяющий судить об отношении данного кружка к французской революции. Вот как излагают причины революции и образование Национального собрания.

«Упадок доходов, причиненный несчастливим правлением Людовика XVI, и который легкомыслие и расточительность министров и Двора Людовика XVI, в его юности, привели до крайно-

¹ «Беседующий Гражданин» издавал М. И. Антоновский, в журнале принимали участие Радищев, П. Яковлев, К. Лубьянович, С. Пестов, А. Выштомский, И. Степанов, М. Доброгорский, И. Сафонович, В. Шереметьев, С. Бобров, С. Тучков и С. Завалпевский. Во всех двенадцати номерах журнала печаталось «Политическое описание Европы вообще».

сти, сделал наконец необходимым съезд чинов государства, яко последнее средство, к уврачеванию сего зла. Государственные чины воспользовались благоприятствующими обстоятельствами, в которых они находились и просвещением своего времени, к искоренению старых злоупотреблений, и к сочинению для государства нового Постановления».

Далее излагается довольно подробно конституция, принятая Людовиком XVI; излагается с явным сочувствием. Однако ко всему месту дано следующее примечание, более позднего происхождения: «Хотя сие постановление больше, сколько известно, не существует и уничтожено Анархией нынешнею во Франции, как и всякий порядок общественный, а на место оного заступило Варварское неустройство: но поелику оное было утверждено человеколюбивейшим и кучно несчастным законным государем Людовиком XVI, то яко повествователям, и не оставалось нам, при издании сего всеобщего повествовательного землеописания, как представить читателям Францию в том виде, в каком она еще представляла собой, как ни есть устроенную в числе европейских прочих, державу. Исключить же оную из числа держав при сем описании мы не находили довольно причин» (т. II, стр. 224).

Подробно излагая политический и юридический строй, создававшийся конституцией, авторы явно сочувственно рисуют новое положение вещей. В части, описывающей достопримечательности Франции, о Б. стилии сказано: «Бастилия была крепкий замок с восьмью башнями, построенный Карлом V против нападения англичан. Людовик XI превратил оный в тюрьму, Генрих IV, сохраняя собранные благоразумною своею экономией сокровища, которые в первые годы правления его сына расточены. С того времени служил оный кардиналу Ришелье и его последователям, для заключения жертв их тиранства, до тех пор, пока Парижцы, 14 июля 1789 года не овладели оным, и совсем не разорили» (т. II, стр. 261).

В этих строках так же проглядывает сочувствие к разрушению Бастилии, как в примечании непонимание и неприятие всего, что последовало за провозглашением новой конституции.

Казнь короля, экономические мероприятия республики, революционный террор, — все это вызывает только философскую медитацию о превратности судеб и неумелости людей, впадающих из одной тирании в другую.

В восприятии французской революции радикальными кругами дворянства и разночинной интеллигенции, особенно той частью, которая корнями уходила в дворянство, существовали общие черты. Однако, в восприятии разночинной интеллигенции заключалась особенность, характеризующая только ее позицию: недоверие к успеху и силам революции.

При обыске в типографии Крылова и Клушина в марте 1792 г. было найдено сочинение Клушина «Сны аллегорические, философические и сатирические». Сочинение это было после обыска уничтожено автором. Уцелело только подробное изложение, которое затребовал от Клушина П. Коновницын. Повидимому, у автора не было возможности написать нечто совершенно новое и несхожее с «Аллегорическими снами»: Дмитревский и Плавильщиков должны были подтвердить, что содержание изложения «в точности» сходно с оригиналом. Вероятно, вещь была известна и еще кому-нибудь. И все же пересказ этот сделан нарочито туманно. Н. В. Рождесгвенский, опубликовавший текст пересказа, полагал, что в нем заключены намеки на какие-то судебные истории. Однако, самый текст при внимательном чтении указывает на то, что за этой аллегорией Клушин высказывал нечто большее.

В аллегории раскрыто содержание социальных перемен, которые должна была принести революция, но не принесла, по мнению автора, а также предсказана война коалиции против Франции, победа в которой, по мнению Клушина, должна была остаться за коалицией. Приведем текст аллегории полностью.

«Горлицы. На берегу протекающей речки заметил я множество горлиц: они сидели в кружок, поджав крылья и закинув носы в свои перья. Одна говорила к другой, сидящей подле нее: не тронь моего гнезда, а я твоего не трону.— Так, так,—сказала третья, а за ней многие,— пусть каждый владеет своим. Конечно, промолвили они: но если захотят отнять наши гнезда, так что мы тогда будем делать? Тогда, сказала одна горлица, вооружимся мы против всех птиц, соединенными силами. Но послушайте наше постановление: Ни какая из птиц не имеет права отнять у другой ни зерна пшеницы, ни крупы, ни всего, что потребно в пищу.

Ежели бы одна или две согласились из нас обидеть маленьких детей, потому что они бессильны, — тогда все за притесненных вступаются; и ежели будут преступники найдены, наказываются и изгоняются.

В чем право каждого из нас? Питать себя своими трудами, а не похищать насильем.

Мы все птицы, стало мы братья — родство требует дружества, согласия — и вот в чем наше блаженство.

Многие слушали проповедника с удовольствием, многие завали; а он пользуясь их хладнокровием, увеличивал гнездо свое.

Я ожидал, что их приговор будет сохраняться, как нечто священное; но они уже один к другому приближались. Я взглянул на другую сторону реки и увидел сидящих воронов, которые на горлиц пристально смотрели.

— Что это значит? вопроеил я благотворного духа... Это вороны, отвечал он, ожидают скоро ли кончится постановление горлиц; и по тому, что они не могут сохранить своих условий, то воспользуются их гнездами.

— Как! вскричал я: так тут непременно последует кровопролитное сражение!.. Ах сокройте, сокройте сию погубную от меня картину... сердце мое чувствительно: без содрогания душевного не могу я воззреть на сие...»¹

Аллегория Клушина дает нам яркую картину и неприятия французской революции при общем сочувствии антифеодалной идеологии, и одновременно неверия в ее силы.

Еще более отчетливо сказалось неприятие всего, что неизбежно сопровождало революцию, в отношении И. Пнина, взгляды которого были близки к взглядам разночинной интеллигенции. В «Опыте о просвещении» Пнин писал: «Народы же со своей стороны познают, сколь бедственны такого рода правления, что сколь ни великолепны нравы, из которых составлена была революционная конституция Франции, со всем тем, как опыт подтвердил, никто в существе самом не пользовался оными...»²

Достаточно вспомнить отношение радищевского круга, отношение самого Радищева, для того, чтобы стало ясно, что разночинная интеллигенция потеряла веру в успешность французской революции и революционного пути вообще.

В сознании разночинной интеллигенции, отчасти под влиянием утопической литературы, отчасти под влиянием Руссо, су-

¹ Н. В. Рождественский. И. А. Крылов и его товарищи по типографии и журналу в 1792 году. Сб. Моск. Глав. арх. Мин. иностр. дел, 1899, вып. 6, стр. 337—352.

² И. Пнин. Опыт о просвещении относительно России, 1804, стр. 36.

ществовало представление идеального строя: Аркадский золотой век, в котором процветали примиренные сословия.

Между тем путь к этому золотому веку многие из буржуазной и дворянской разночинной интеллигенции, а также дворянские масонские круги искали в индивидуальном усовершенствовании. В основе такой философии несомненно лежало опасение последствий социального переворота для своего класса. Это понятно, если говорить об одном дворянстве, но что заставляло разночинную интеллигенцию опасаться революции?

Вспомнив положение разночинной интеллигенции в XVIII в. в России, мы находим ответ на этот вопрос. Разночинная интеллигенция не срослась ни с одним из «высших» классов, интересы которого она могла бы защищать в открытой борьбе. Отсутствие радикально настроенной буржуазии имело при этом решающее значение, а также и тот факт, что капитализация в России велась передовой частью дворянства. Этой особенностью объясняется и то, что уже в XVIII в. разночинная интеллигенция берет за одну скобку и помещика, и купца, выдвигая крестьянство как сословие, интересы которого тесно связаны с развитием России и ради которого стоит бороться.

Это одно из основных отличий русского исторического процесса от европейского, однако в этом же заключалась и слабость разночинной интеллигенции XVIII столетия. Лишенному опоры, не видящему ниоткуда вблизи перемен, разночинцу XVIII века представлялась возможность замкнуться в индивидуалистические теории. Радищев, человек высокой активности, не надеясь что-либо переменить в не оправдавшем надежды александровском царствовании, покончил с собой, выйдя из ссылки.

В этой слабости разночинной интеллигенции заключалась основа ее разочарования в революции, непонимание ее и успех индивидуалистических теорий.

Отчасти сходное по выражению, но иное в своем основании, было разочарование оппозиционного дворянства и тех дворянских кругов, для которых капитализация представлялась более удобной при конституционной форме правления. Выразителем этих настроений явился Карамзин.

В его литературной деятельности находит отражение разочарование в революции и неверие в ее возможности, как раз либерально настроенных представителей дворянства.

В «Послании» Карамзина к Дмитриеву (1794 г.), в котором Карамзин под впечатлением французской революции ставит под сомнение возможность существования французской республики, отразились эти настроения.

Но время, опыт разрушает
 Воздушный замок юных лет;
 Красы волшебства исчезают...
 Теперь иной я вижу свет, —
 И вижу ясно, что с Платоном
 Республик нам не учредить...¹

Карамзин, как и разночинцы, отвернувшись в 90-х годах от революции, мечтал до этого о революции мирной и бескровной.²

Творчество его в эти годы развивается в двух направлениях: в сторону легкой салонной «поэзии безделок» и философской лирики, во многом связанной с размышлениями над примером великой буржуазной революции.

В письме к Дмитриеву от 17 августа 1793 г. Карамзин пишет: «Я живу, любезный друг, в деревне с людьми милыми, с книгами

---

¹ Интересно, что незадолго перед этим выходит «Республика» Платона в русском переводе. Это лишний раз подчеркивает прагматический характер чтения философской и политической литературы в конце XVIII столетия. «Республика» Платона, повидимому, крайне занимала Карамзина: через два года (1796) в стихах «К бедному поэту» он к ней возвращается снова и шутливо подчеркивает, что размышления на эту тему остаются в удел мечтающих поэтов.

Или Платона воскресная,
 И с ними ум свой изощряя,
 Закон республикам давай,
 И землю в небо превращай.

² Однако, в самом начале революции Карамзин был увлечен настроениями восьмидесят девятого года. Николай Тургенев в своей книге «La Russie et les russes» писал: «В молодости Карамзин видел Европу; он прибыл во Францию во время террора. Робеспьер внушал ему благоговение. Друзья Карамзина рассказывали, что получив известие о смерти грозного трибуна, он пролил слезы; под старость он продолжал говорить о нем с почтением, удивляясь его бескорыстию, серьезности и твердости его характера и даже его скромному домашнему обиходу, составлявшему по словам Карамзина контраст с укладом жизни людей той эпохи» (цитирую по русскому переводу), М., 1915, ч. III, стр. 342. В этом свидетельстве есть неточность (Карамзин приехал во Францию летом 1789 г.), но общий ее смысл не вызывает, повидимому, сомнений.

и с природою, но часто бываю очень, очень беспокоен в моем сердце. Поверишь ли, что ужасные происшествия Европы волнуют всю душу мою? Бегу в густую мрачность лесов — но мысль о разрушаемых городах и погибели людей везде теснит мое сердце. Назови меня Дон-Кихотом; но сей славный рыцарь не мог любить Дульцинею свою так страстно, как я люблю человечество!¹

За месяц перед этим в стихах «Приношение грациям» Карамзин говорит, что он живет «под мраком черных туч ужасных грозы, носящейся над нами». Впечатление, произведенное революцией на Карамзина, было огромно и формировало его политическую позицию, литературные устремления вплоть до интересов в области истории. Самое движение в отличие от провинциального дворянства он склонен расценивать чрезвычайно высоко.²

Какие же темы занимают в это время Карамзина? В «Послании к Дмитриеву» мы находим ответ на этот вопрос. Его занимает невозможность примирения классов. Пример революции подтвердил это. Попрежнему неизбежно должно царить неравенство и несправедливость.

Когда несчастных Данаид
Сосуд наполнится водою,

а это, как известно, никогда не может случиться, ибо он без дна, — тогда, пишет Карамзин:

Сатурн на землю возвратится
И тигра с агпцем примирит;
Богатый с бедным подружится
И слабый сильного простит;³

¹ Письма Карамзина к Дмитриеву, под ред. Грота, стр. 42

² В 1797 г. Карамзин поместил в «Spectateur du Nord» «Un mot sur la littérature russe». «Enfin l'auteur va parler de la révolution, — писал Карамзин, — . . . La révolution française est un de ces événements, qui fixent les destinées des hommes pour une longue suite de siècles. Une nouvelle époque commence; je le vois, mais Rousseau l'a prévue . . . Et l'on veut déjà regarder la révolution comme finie! Non! non! On verra encore bien des choses étonnantes; l'extrême agitation des esprit en est le présage».

³ Интересно, что эта тема непримиримых противоречий живо занимает Карамзина и в дальнейшем. Почти теми же словами высказывается Карамзин в письме к князю П. Вяземскому в октябре 1818 г.: «Между тем желаю знать, каким образом вы намерены через или в десять лет сделать ваших крестьян свободными, научите меня: я готов следовать хорошему

Дотоле истина опасна,
 Одним скучна, другим ужасна;
 Никто не хочет ей внимать —
 И часто яд тому есть плата,
 Кто гласом мудрого Сократа
 Дерзает буйству угрожать.
 Гордец не любит наставленья,
 Глупец не терпит просвещения —
 И так лампаду угасим,
 Желая доброй ночи им.

Какой же выход из круга неустрашимых противоречий, сохраняющихся и при революции?

Но что же нам, о друг любезный!
 Осталось делать в жизни сей?

спрашивает Карамзин и отвечает:

Себе построим тихий кров
 За мрачной сению лесов.

В том же году в послании к А. А. Плещееву Карамзин возвращается к этим же мыслям:

Чгож делать нам? Ужель сокрыться
 В пустыню Муромских лесов?

Казалось бы, позиция весьма близкая к позиции разночинной интеллигенции, между тем за ней стояло не одиночество разночинной интеллигенции, к которой Карамзина можно причислить лишь по внешним признакам профессионала литератора, а молчаливый отказ от надежды на блага конституции, поскольку их приходится завоевывать таким опасным путем, с вероятностью потерять все, как потеряло дворянство во Франции.

Эта дворянская философия, смысл которой не только в отказе от разрешения социальных и политических вопросов, но и в возвращении в лоно монархии, определила темы и даже жанровые и стилистические интересы Карамзина.

В этом случае мы уже сталкиваемся с фактом того, что в основе литературного процесса присутствовала доля влияния французской революции.

примеру, если овцы будут целы и волки сыты. Это шутка и не шутка: («Старина и Новизна» 1897, кн. I, стр. 65).

Не прошла незамеченной революция и для другого крупнейшего писателя этих лет. Для Державина, откликнувшегося на нее стихами «В честь князя Пожарского» и «На панихиду Людовика XVI» с непримиримой враждебностью, для Державина, верного слуги престола, однако, далеко не мимолетно прошли события французской революции.

Архив поэта, находящийся в Институте русской литературы АН позволяет предполагать, что вопросы, сплетавшиеся с самым фактом французской революции, были весьма существенны для Державина. В архиве находятся выписки из иностранных газет о революции и ряд рукописных статей, ходивших по рукам и связанных с попыткой дворянских кругов уяснить свое место в историческом процессе и свое поведение под впечатлением буржуазного переворота во Франции. Это сквозит обычно в первых же фразах о трудных временах, об испытаниях.

Дворянство ищет пути и находит его, оглядываясь назад.

Неизвестный автор одной из таких статей пишет: «Предрассудок, будучи вреден для художеств и торговли, служит хлебопашным странам стеною, за которою сохраняются тихие и целые нравы».¹

В этих выступлениях было не только примирение дворянства с абсолютизмом, но и значительные уступки идеологии мелкого, наиболее ретроградного помещика.

С защитой монархии от революции выступал и поэт масон Херасков. В предисловии к своей поэме «Царь или спасенный Новгород...» (1800 г.), посвященной Павлу I, Херасков писал:

«Две картины изобразить я вознамерился: в одной представить весь ужас безначальственного правления, пагубу междуусобий, бешенство мнимой свободы и безумное алкание равенства: к сожалению моему нашел я некоторые, хотя и сглаженные, но по преданиям еще памятные следы злосчастного возмущения в Российской истории, когда Великий Новгород при боярине Гостомысле возмутился, о чем и Г. Сумароков в своей трагедии «Синав и Трувор» говорит.

Признаюсь, что разительнейшие черты страшного мятежничества перенес я в мою повесть из пагубного переворота беснующейся Франции, позор нашего века напишущего, стыд роду человеческому наносящего и меру возможных злодейств преисполняющего.

¹ ИРЛИ, Архив Г. Р. Державина, № 78.

Но для другой картины, государств и народов счастье изображающей, легко мне было прибрать живейшие краски и подобию: — взглянул я на мое отечество . . .»

В позиции Хераскова интересна связь политического ответа на революцию и одновременно противопоставление ей национальной сути России, причем русские национальные черты идеализируются. Эта черта характерна для дворянской литературы и публицистики этих лет, а также и для части разночинной интеллигенции, выражавшей интересы буржуазного протекционизма, как например Плавильщиков и Крылов.

В отказе от идей «зараженного Запада» хранилась основа интересов, привлекавших внимание русских писателей к фольклору, национальной культуре и национальному герою, и здесь дворянство выдвигает своих Пожарских, а купечество своих Мининых. Эти взгляды горячо проповедывал журнал Крылова, Клушина и Плавильщикова — «Зритель».

Национальный персонаж и герой создаются в среде раннего «славянофильства» XVIII столетия в противовес «европейской заразе»,¹ но с другой стороны, в их литературной практике отражено сказываются идеи национального патриотизма, типичные для республиканской вольности и широко пропагандировавшиеся во Франции.

Значительно позже для части дворянства образы Минина и Пожарского ассоциируются с представлениями о свободе. А. И. Кошелев в своих «Записках» писал: «Хотя в Москве . . . эти слухи (о декабристах. А. К.) были так живы и положительны и казались так правдоподобными, что Москва или, вернее сказать, мы ожидали всякий день с юга новых Мининых и Пожарских».²

Интересно отношение в эти годы в России к классицизму, который был воскрешен французской революцией.

Маркс в памфлете «18 брюмера Луи-Бонапарта» указал на использование старых форм в борьбе за новое общество: «Едва

¹ Автор «Картины просвещения россиян» (СПб., 1799), каразинист, стремясь подчеркнуть значительность миссии России, писал о Европе: «Неизвестно чем кончится судьба на западе Европы возобновленного просвещения, впрочем нельзя утверждать, чтобы и сию часть лица земного не постигла обыкновенная участь. Франция и теперь довольно склонилась к падению; и почему знать, долго ли просвещеннейшая из всех наций Великобритания будет возбуждать собой удивление народов» (стр. 21—22).

² А. И. Кошелев. Записки., Берлин, 1884, стр. 15

новая общественная форма успела сложиться, как исчезли допотопные гиганты и все римское, воскресшее из мертвых» писал Маркс о классицизме французской революции, отмечая что «... одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета».¹

Вопрос о значении для России французского классицизма времен революции — особая и очень сложная тема. Во всяком случае можно указать, что рядом со славянофильскими тенденциями, в годы непосредственно следующие за революцией, еще раз переосмыслиется классическое наследие, причем, надо думать, не без ее влияния. Под ее влиянием, а позже под влиянием греческой и испанской революции, привносится то значение в образы Брута, Катилины, Публиколы, которое звучит в последнем стихотворении Рылеева. и др.

Все эти вопросы — самостоятельные темы, как и тема о значении французской революции в идеологии радикального крыла декабристов. В данной статье автор ставил себе задачей только наметить расстановку классовых сил и охарактеризовать первые впечатления от революции и первые отклики на нее в русской литературе.

---

¹ Маркс и Энгельс. Сочинения, изд. ИМЭЛ, М.—Л., 1930, т. VIII, стр. 399.

МАТЕРИАЛЫ

«ЕВНУХ» В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО

Подготовлено к печати Л. Б. Модзалевским

Переводная комедия В. К. Тредиаковского «Евнух», относящаяся к 1752 году, сохранилась в писарской рукописи 1755 года, в переплетенном фолианте, на корешке которого вытиснено: «Комедии и оперы», на л.л. 77—157.¹ Несмотря на то, что в списке произведений Тредиаковского, напечатанном при издании «Деидамии» 1775 года, указано, что комедия «Евнух» напечатана в 1776 (?) году, опубликована она не была. Сведение о публикации, сообщенное здесь, нужно, очевидно, понимать в том смысле, что, издавая «Деидамию» в 1775 году и печатая в приложении к этой трагедии список сочинений Тредиаковского, редактор издания «Деидамии» предполагал печатать «Евнуха» и заранее отметил эту комедию, как уже напечатанную в следующем 1776 году; намерение это, однако, осталось не выполненным; по крайней мере нам не удалось нигде встретить ни отдельного издания «Евнуха», ни какой-либо публикации в журналах и сборниках. Впервые напомнил о «Евнухе» академик П. П. Пекарский в составленном им жизнеописании Тредиаковского во II томе своей «Истории Академии Наук в Петербурге» (СПб., 1873, стр. 168—169). В рукописи «Евнуха», как это отмечено было Пекарским, имеется предисловие, представляющее собою статью, известную в печати под названием «Рассуждение о комедии вообще»;² рукописный текст его, однако, имеет продолжение, отсутствующее в напечатанном тексте; заглавие его также отличается от напечатанного; в рукописи оно названо: «Рассуждение о комедии вообще и в особенности». Пекарский в названной работе привел из окончания предисловия несколько фрагментов. Весь же перевод комедии Теренция состоит из пяти действий. Он оза-

¹ Хранится в Архиве Академии Наук СССР, разряд II, опись I, № 141. /

² См. Сочинения В. К. Тредьяковского. т. I, 1849, стр. 411.

главлен: «Евнух. Комедия в пять действий с латынския Теренциевы от мерских самых срамословий очищенныя стихами Василья Тредиаковского 1752». Не имея возможности напечатать текст перевода Тредиаковского полностью, ниже мы печатаем только первое его действие с сохранением всех особенностей произношения, а также выпущенный Тредиаковским конец его статьи «Рассуждение о комедии вообще», представляющий несомненно не малый интерес, так как в нем рассказывается об истории замысла перевода и методах, положенных в его основу. Непосредственно после фразы: «В сем точно самые общие и нужные правила состоят Комедии», в рукописи «Рассуждения» идет следующее:

«Всяк искусный чувствует ясно, что сии Рапенеvы правила основательны, тверды, истинны, и токмо одни, для комедии всех веков и народов. Но что он объял толь многими словами, то самое сатирический французский поит Боало заключил двумя стихами только в 3 песни науки о Поэзии, говоря:¹ смотрите нрав двора, и быт градских жильцов: в том месте и другом довольно образцов.

«Теперь, при окончании, должно объявить нечто о переводе моем Теренциева Евнуха. К труду сему побудила меня трагедия Деидамия, которую я сочинил в прошлом 1750 году. Что об ней знающии и незнающии, беспристрастный, и завистующий рассуждают, о том я не весьма пекусь: слышал я ей хвалы, иные праведные, по моему мнению, а иные излишние; но слышал и хулы, из которых большая часть таких, кои равномерны несовершенству трагедии, а о прочих смешно и упоминать: толь они сами смеха достойны! Как то ни есть; только сочинена мною трагедия, а оставить ее одну и без товарища мне уже самому не похотелось. Обыкновенно трагедия препровождаема бывает некоторым родом служанки, называемая малая комедия, какие явились и на нашем языке прозою, а чтоб сказать об них по совести, больше скверпящие наш язык, нежели обогащающие. Не токмо самими нашими негодницами и беспутными я гнушаюсь, но и всеми на других языках прозаическими малыми комедиями: они все как противны уставу комедии, так и недостойны твердого разума. Того ради, рассудил я, дать моей тра-

¹ Etudiés la cour, et connoisses la ville:

L'une et l'autre toujours en modelles fértiles.

гедии в товарища родную ее сестру, то есть прямую комедию, и в пять¹ действий, и стихами.

«Собственную сочинить, не нашел я в себе столько ни довольства ни способности: известно, что на сочинение комедии почитай вдвое надобно искусства против трагедии. Перевесть французскую можно б мне было, хотя Мольерову, хотя другую какую из лучших: но я уже доносил что французская комедия есть только сама список, а не подлинник. Из подлинных, ежели взять Аристофанову, кои находятся у меня все в Греческом Театре иезуита Брюмоа; то, как старую греческую, и с нашим веком несходствующую, нашел я неприличную: но из новых Менандровых не имеем ни единых, кроме отрывков. Следовательно, взялся я за латинского Менандра, и Менандра всех народов и веков, именно ж за Теренция: в нем, из шести его комедий для нас соблюденных, выбрал самую лучшую, по общему мнению искусных людей, то есть, Евнуха, которого я преложил нашими стихами; но, каково, о том да рассуждают, ежели угодно, искусные.

«Я токмо сие доношу, что я все мое употреблял прилежание, и все силы на исправное и точное изображение Теренциева Евнуха, разве токмо где меня принудила наша мера и рифма или нечто прибавить, или нечто малое убавить, однако так, чтоб грунту Теренциева разума и замысла пребыть ненарушиму. Впрочем, учинил я в нем некоторые самые легкие, и токмо искусным нечувствительные перемены, применяюсь к обыкновению нынешнего театра. Сии перемены, по самой большей части, касаются токмо до разделения явлений в действиях, и до уничтожения срамословных мест, которые могли быть противны честному устыдению. Пролог оставлен мною не переведен, первое для того, что такие прологи ныне не употреблены, а второе, что Евнухов пролог не частию есть Евнуха, но токмо в нем пиит отражает некоторых своих соперников, и превручает смотрителям как себя, так и свою Комедию. Стих я употребил в перевод мой пентаметр хорейский: он мне показался наибольше сходствующим с сценарием латинским. Сей наш пентаметр мужские и женские рифмы есть гиперкаталектик. Женский стих имеет в первом полстишии две стопы с половиною, которая поло-

¹ *Neue minor, neu sit quinto productior actu.*

Fabula, quae posci vult, et spectata reponi.

Horat. art. poët.

вина есть слог долгий и пресечение, а во втором три ровно; но мужеский, в первом полстишии три стопы ровно, коих самый последний слог краткий есть пресечением; а во втором две стопы с половиною. Рифма во всем переводе положена прерывная, или смешанная, дабы стиль казался быть несколько будто прозаическим, и похожим на дружеские разговоры: ибо сие есть комедия. Перечневого описания здесь я не приобщаю: комедия сия вся на все вымышленная, а не основана ни на Истории, ни на Митологии. Читатели (: ибо я мой перевод не для представления сделал, но для чтения:) выразумеют сами читая, о чем есть комедия, и чего ради названа Евнухом. Стыд живописцам, подписывать имена портретов».

Непосредственно после предисловия идет список действующих лиц, а затем — первое действие.

Действующие лица.

- Федрий . . . . юноша, гражданин Афинейский.
 Парменон . . . . слуга.
 Таида . . . . любовница Федриева.
 Гнатон . . . . похлебник и ласкатель.
 Херей . . . . юноша, брат меньшей Федрию.
 Тразон . . . . воин.
 Питиа . . . . служащая Таидина.
 Хремет . . . . юноша, гражданин, брат Памфилин.
 Антиф . . . . юноша, гражданин, товарищ Хереев.
 Дория . . . . другая служащая Таидина.
 Дор . . . . евнух, купленный Федриев.
 Санга . . . . хлопец воинов.
 Софрова . . . . мамка Памфилина.
 Лахет . . . . старик, отец Федрию и Хереев.

Бессловные лица.

- Памфила . . . . купленная, возлюбленная Хереем, а потом признанная гражданкою.
 Трое слуг воиновых.

Действие в Афинах.

Пред воротами домов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Федрий. Парменон.

Федрий.

Что ж бы делать мне! Не пойду и званый!
 Иль тех лучше женских не терпеть обид!
 Не пустила; ждет: возвращусь отгнанный?
 Нет, нет! Коль ни просит, не уговорит.

Парменон.

Если можно так сделать, как — хотите:
 то не будет лучше этого ничто.

Будешь и начав, да не совершите,
 и, по ней тоскуя, а просить ни кто
 уж не станет к ней, сам, не изъяснившись,
 просто там явитесь, и дадите знать,
 что вся ваша — страсть в сердце вкоренившись,
 без нее не может в жизни пребывать;
 то вам доношу, что уж вы пропали.

Будет та стараться, чтоб вас обмануть;
 как увидит — впрямь, что без ней в пень стали,
 и что вам уж нельзя не по ней вздохнуть.
 Для того теперь, есть пока вам время,
 не однажды, сотью думайте, сударь.

Этих больше дел тяжело тем бремя,
 как что под лад, под меру не идут, лоб хоть спарь.
 Все то есть в любви; именно ж обиды,
 злобы, ревность, ссоры, подозрений сбор,
 перемирье там, и умильны виды,
 там опять брань, паки ж мирный договор.
 Так что, буде б вы все те непорядки
 разумом исправить пожелали тут;
 то б вы согласить тщались, без оглядки,
 с разумом безумство, с добрым, кто век плут.

Что ж до мыслей сих, кои в вас с досады:
 «Яль к ней уж ногою?.. с ним та... не моя?..
 Коя так со мной?.. коей мы как — смрады?»

Умереть мне лучше! Будет знать, кто я!»
 Эти все слова слезкою одною,
 вытерши насилу из своих двух глаз,
 тотчас утолят; хитростью ж такою
 до того способно приведет и вас,
 что сам перед ней станете виниться,
 чем и не захочет наказать она,
 должны будут вам казни полюбиться,
 скажите, что ваша больше тех вина.

Ф е д р и й.

О! Зло, я теперь чувствую уж ясно,
 что она плутовка, и что мне беда.
 И сержусь на ту, и люблю пристрасно:
 знаю, смышлю, вживе, вижу без труда;
 а однак и с тем только погибаю!
 Что мне делать ныне, и куда пристать;
 нет на то ума, и отнюдь не знаю.

П а р м е н о н.

Что вам делать надо? От нее отстать;
 цула ж и не дав, из такой неволи
 уходить как можно; иль уж малым чем
 выкупить себя: Бude ж не на голи
 откупаться должно; скольким можно, тем
 откупайтесь вы; больше ж не печальтесь.

Ф е д р и й.

Добр совет твой прямоль!

П а р м е н о н.

Лучшей изо всех.

Но притом еще по себе вы сжальтесь,
 не давайте сердцу новых как прорех,
 язвы так любви сильно все сносиге.

Но вот пропасть статкам нашим всем идет,
 прямо ж и сюды, сами посмотрите:
 та одна доходы собственны нам жрет.

ЯВЛЕНИЕ II

Таида. Федрий. Парменон.

Таида *особно*.

Горе мне! Боюсь, чтоб как не противно
Федрию то стало, и чтоб не туда
не причел всего, не жель — как, нельстиво
в том с ним поступивши, у ворот — когда
он вчера моих стукался довольно,
я ево нарочно не пустила в дом:
то меня крушит, не играя, больно.

Федрий *к Пармену*.

Парменон, все члены так — дрожат, что — льдом
стал теперь я весь, та лишь показалась!

Парменон *к Федрию*.¹

Будьте смелы; ближе станете вы к огню;
хоть какая б к вам сгужа привязалась,
от-жару ростаять можете, как — мною.

Таида.

Кто там говорит! А! Мой Федрий, надо
чтоб была вам нужда долго здесь стоять:
я сему, что — вас вижу, очень рада.
Иль внутрь негодно прямо загулять.

Парменон *особно*.

Об отказе нет впрочем ни словечка.

Таида.

Чтож вы мне молчите?

Федрий.

Правда! ворота

мне отворены за все! Да и встреча
вшедшему бывает с ласкою кота,
нет пока у вас лучшего здесь друга.

¹ В рукоп.: Федрию. Л. М.

Таида.

Слов сих, я просила б, не распространять.

Федрий.

Как! мне этих слов?.. О! дабы заслуга
столько ж ваша мало возмогла склонять
сердце к вам в любовь, сколько вы сердечно,
Таида, хитра, Таида, любите меня!
иль чтоб эта страсть также всеконечно
вам самой давала чувствовать себя,
как во мне она в лютоści ярится!
иль вы уж обиду, сделанну от вас,
коя — чело ваше не стыдится,
мне возможно было позабыть тотчас!

Таида.

Свет мой, Федрий мой, сердце, жизнь и сладость!
вы себя не мучьте, душенька, прошу:
сделала не в том, чтоб другого, радость,
больше вас любила; верьте, доношу,
надо было то.

Парменон *особно*.

Думаю, — что бедна
от любви безмерной, обычно, — как
выбила его.

Таида к *Парменону*.

И твоя столь вредна
Парменон, насмешка? Ну, добро; быть так!

к *Федрию*.

Но, дражайший мой, вы всю силу дела
выслушать извольте, для чего сюда
облегчиться, вас я просить велела.

Федрий.

Говорите.

Т а и д а

Только ж нету, мню, труда
прежде объявить: этот ваш, порою
добрый человек может ли молчать.

П а р м е н о н.

Я ль? Ни камень так. Только ж вам с такою
речь опасностию надо здесь начать,
именно ж, то все, что есть — правда — суша,
содержу я тайно, и во век молчу.
Ежели ж — да — ложь, пустошь, сказка вруща,
и другие враки; в миг те вон мечу:
я, как — решето, весь в дырах, оттуду,
и отсюду также, до суха теку.
Потому то вы, что я слышать буду,
говорите правду, а не ложь каку.

Т а и д а.

Матушка моя родилась в Самосе,¹
а потом уж должно стало жизнь скончать
пребывшей ей в острове Родосе.²

П а р м е н о н.

Первое все ладно; можно мне смолчать.

Т а и д а.

Матушке моей машиньку девочку
там, какой не знаю, подарил купец,
от Афин вблизи скрадену.

Ф е д р и й.

Чью дочку?

Да и не дворянку ль?

¹ Самос есть остров на Ионическом море, лежащий между Карисью и кряжем азиатским.

² Родос есть славный азиатический остров на Средиземном море, лежащий против Карии и Ликии.

Та и да.

Так мню, наконец.

Впрочем мы о всем прямо том не знали.
 Та сама нам только рассказать могла,
 как ее там мать, и отца — как звали:
 виду ж, и откуда родиной была;
 как не знала, так по своим и летам.
 Конче в состоянии не была сказать.
 Только что купец, ни к каким приметам,¹
 захотел в прибавок глухо показать,
 говоря, что он будто известился
 от воров, у коих оную кушил,
 тем и господин ей уж учинился,
 что ее мызе Сунии² дом был.

Как то все ни есть; но когда — досталась
 матушке та в руки, всячески тогда
 научить ее доброму потщалась,
 не жалея платы, ни сама труда;
 так что, как бы дочь ей была прямая:
 да почти и люди мнили все у нас,
 что она сестра мне была родная.

Я ж тогда спознавшись, в самый первый раз,
 с молодцом, одним только, чужестранным,
 хаживал который ежедневно к нам,
 и могу сказать, по всему избранным,
 прибыла в сей³ город вместе с ним же к вам:
 все мне на все он, у меня что — ныне,
 по себе оставил.

Парменон.

Обе сказки в том
 ложны по всему; а по той причине
 из меня наружу вытекут гужом.

Та и да.

Почему ж бы так.

¹ В рукоп.: примерам. Ср. рифму: летам. Л. М.

² Суний есть мыс и торговое место, лежащее выше Афин. В рукописи: мус. Л. М.

³ В рукописи: в ней. Л. М.

Парменон.

По тому то ложно:
 быть один и вами не возмог любим,
 так же и тому статья невозможно,
 чтоб вам все богатство снесено одним:
 к вам и сей наш сам часть того большую
 наносил, как — знаю.

Таида.

Правда есть твоя:
 но притти мне дай на тропу прямую.
 Тот между тем воин, коему здесь я
 стала толь мила, в Карию¹ за делом
 из Афин отъехал. В те то времена,
 Федрий мой драгой, в счастья всецелом
 дружба вот меж нами тесно сведена.
 Знаете вы то, сколь уж мне любезны:
 сколь вам открываюсь искренно во всем!

Федрий.

Парменон сих слов, коль мне ни полезны,
 умолчать не может.

Парменон.

О! им быть ли в нем?

Таида.

Но я вас прошу, потерпеть на-мало.
 Там, еще недавно, матушки моей
 в летах не весьма старых, ах! не стало.
 Брат ее, мой дядя, видя что по ней
 много и добра, много и богатства,
 будучи излишно серебра любив,
 захватил себе всё по праву братства,
 он как был с природы превесьма нечив,
 видячи тае девушку прекрасну,
 пети, на инструментах знающу играть,
 вывел сам на торг за свою уж власну,

¹ Первая самая область от Греции в Малой Азии.

и ее ценою захотел продать.
 Сталось так, что тут воин мой случился,
 сей ту мне в подарок у того купил,
 ничего отнюдь, как — купить срядился.
 Что — до ней, не зная; цену заплатил,
 возвратившись, здесь он когда увидел
 что дружусь я с вами; басни говорит,
 ищет, чтоб хитрей тем меня обидел,
 и той мне девицы ныне не дарит,
 впрочем, в ней меня удостоверяет,
 вам его я в дружбе если предпочту;
 и нака-ж, в нем страх, что он — потеряет,
 оный свой подарок втуне за мечту.
 Я помнила б так, что — та — не противна,
 как — достоинств многих, стала самому.

Ф е д р и й.

Только ль бы всего?

Т а и д а.

Вещь однак же дивна,
 от самой то знаю, что — не — потому
 держится се, Федрий мой дражайший,
 многие причины, чтоб вам то донести,
 возбуждают жар страсти не тишайший,
 получить девицу. Первая ж вот: честь,
 что — звана от всех мне она сестрою;
 сверх того, ее ж бы возвратить родне:
 я сама одна; нет родных со мною.
 Для того есть нужно, чтоб зажить здесь мне
 несколько друзей по моей услуге.

Вы в том не оставьте, Федрий светик мой;
 попустите быть, в первейшем мне друге,
 воину, хоть только на-день, на другой.
 Что ж на то нет слов?

Ф е д р и й.

О! тварь печестива:
 что теперь возможно стало отвечать?

Парменон.

Вот хвалю, сударь: заслужила льстива;
в мужестве извольте сильно потачать.

Федрий с женом.

Иль мнишь, все слова знать мне не давали,
что хотела ими, и куда ты шла?
«Маленьку, вблизи от Афин украли;
мать за дочь испитала; и сестрой была;
хочется ее получить мне в руки,
чтоб отдать ту кровным в скорости потом».

Вот в словах твоих крылись что за штуки:
я чтоб ни ногою, а ходил тот в дом.
Для чего ж? Затем, что его ты больше
и вернее любишь, нежели меня:
а о той вот чем страх в тебе есть горше,
чтоб не разлучила с ним она тебя.

Таида.

Я ль того боюсь?

Федрий.

Что ж тебе заботно?
Иль один подарки носит он тебе?
Я ль из кошелька сыплю не охотно?
Не сыскал ли вскоре чуть лишь о рабе
мне о рабке ты выпустила слово?
Ты ж — еще евнуха, для того что им
только у одних барынь быть не ново,
пожелала также комнатным твоим;
тогчас и того я тебе промыслил
угодить желая: а за обоих
двести я вчера рубликов отчислил.

Но тебе в услугах нужды нет моих:
как я ни служу, вся ни во что служба.

Таида.

Что за речи, Федрий? Я хоть получить
оную хочу; только ж ваша служба

(даром что тот способ может ту ссачить
лучше всех других) мне всего дороже:
вы извольте очень подлинным иметь,
что мне поступать и милей и схоже
так, как вам угодно будет повелеть.

Федрий.

О! когда б слова искренно те были,
чтоб мою дороже дружбу вы всего,
и угодность мне стольким же щепили;
я б понести приятно не возмог чего!

Парменион *особно*.

Вот почти слово вдруг поколебало!
он переменился! побежден со всем!

Таида.

Бедное ль мое сердце вам бы лгало?
Было ль что, я вам бы не служила тем?
Горькой мне однак выпросить не можно
двух деньков тех только.

Федрий.

Буде точно двух;
лишь не двадцатью б стать им не парочно.

Таида.

Только двух, или в силу...

Федрий.

Иль? в нем дурен дух:
ни на час уже.

Таида.

Ии сверх двух ни столько:
отмеривает перстом на перст
Можно быть уж склонным!

Федрий.

Это значит то;
сделать должно мне, коль оно ни горько,
как вам захотелось, и угодно что.

Таида.

Правда, вас любить по всему достойно!

Федрий.

Сердцем благодарен! на два ж сии дня
я в деревню сам съеду беспокойно:
Таиде послушен сбившей с глаз меня.

Ты здесь, Парменон, постарайся верно:
приведи евнуха с девкою сюда.

Парменон.

Не оставлю я сделать так, всемерно.

Федрий.

На два дни прощайте, сердце! Я туда.

Таида.

Добрый путь, душа! нет ли же мне какого
вашего приказы!

Федрий.

Как нет? та моим
просьба словом есть вам всегда готова:

Будучи с ним купно не были б вы с ним;
каждый день и ночь вы б меня любили;
все б меня желали; видели б во сне.
Ждали б вы меня, обо мне б и мнили;
был бы я надежда; точно б вам по мне;
мною бы одним только веселились;
были б вы со мною духом каждый час.
Словом, как душа вы б в меня вселились,
тем — что я быть вечно не могу без вас.

Пошел с Парменоном.

ЯВЛЕНИЕ III

Таида одна.

Горе, ах, мое. Может быть не верит
и самой мне Федрий, и моим речам;

а поступки он все мои знать мерит
по другим премногим в мысли господам.

В совести моей подлинно то знаю,
что я не солгала Федрию ни в чем.
и что сердцем — я больше не сгораю,
как по нем, не лестно, только по одном.
Что произошло от меня дел ныне;
то все для девицы делала так я:
кажется уж мне, что к моей причине.
Ей нашла усердность брата здесь моя,
кой есть маладенец и богат и знатен.

Он ко мне сегодня обещал быть сам:
я теперь пойду, был бы дом опрятен;
и пока он придет, подожду внутри там.

Конец первого действия *

---

* Ср. новейший перевод «Евнуха» в издании: «Теренций. Комедии»
Пер. А. В. Аргюшкова, под ред. акад. М. М. Покровского, «Academia»
1934, стр. 231—322. Л. М.

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

П. Н. Берков

I. АНОНИМНАЯ СТАТЬЯ ЛОМОНОСОВА (1755)

В истории русской литературы и журналистики журнал «Ежемесячные сочинения», издававшийся Академией Наук с 1755 по 1764 гг., занимает видное место. Однако после работ В. А. Милютина (Современник, 1851) и П. П. Пекарского (1867), охарактеризовавших, с одной стороны, содержание журнала и его отношение к иностранным источникам и, с другой, его внешнюю историю, «Ежемесячные сочинения» внимания исследователей не привлекали, и этот важный для науки материал до сих пор остается разработанным лишь с точки зрения историков литературы и журналистики середины прошлого века. А эти исследователи, подходившие к литературной продукции XVIII в. с предвзятым взглядом, будто она имеет исключительно абстрактный, лишенный злободневности характер, — именно в силу этого не видели очевидных фактов — полемики, и довольно оживленной, развернувшейся на страницах журнала уже в первый год его издания. Poleмика эта носила по внешности исключительно теоретический характер, но на деле представляла столкновение двух явно противостоявших друг другу группировок внутри дворянского лагеря: крупно-дворянского, придворно-аристократического, с одной стороны, и средне-дворянского, с другой. Выразителем взглядов первой группировки был Ломоносов, от лида второй выступили И. П. Елагин и Г. Н. Тецлов; глава их кружка, А. П. Сумароков, предпочел почему-то не поднимать брошенной ему перчатки.

В начале 1750-х годов ранее дружественные отношения между Ломоносовым и Сумароковым и его «школой» нарушились. Появляется ряд пародий на пьесы Ломоносова (Елагин) и Сума-

рокова (Барков), затем длинная серия эпиграмм с обеих сторон. Наконец, в 1753 г. разгорается крупная стихотворная перебранка, затеянная Елагиным, поддержанная Ломоносовым и втянувшая затем целый ряд — почти всех — тогдашних писателей.¹

Повидимому, под влиянием этой перебранки у Ломоносова возникла мысль об иных способах ведения полемики.

В самом начале 1754 г. Ломоносов в письме к И. И. Шувалову высказывает мысль об издании Академией Наук «периодического сочинения». Сообщая своему корреспонденту, что просимые последним «Примечания на ведомости» за прошлые годы² трудно сыскать, он прибавляет: «Весьма бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы в Академии начались подобные сим периодические сочинения: только не на таких бумажках по одному листу; но повсямесьячно, или по всякую четверть или треть года, дабы одна или две-три материи (т. е. статьи) содержались в книжке, и в меньшем формате, чему много имеем примеров в Европе, а из которых лутчим последовать, или бы свой применяясь выбрать можно».³

Едва ли подлежит сомнению, что эта идея Ломоносова находилась в зависимости от указанных выше его литературных столкновений и борьбы с кружком Сумарокова. Полемика эта велась в письменном виде и поэтому имела сравнительно ограниченный круг читателей; вместе с тем, она в силу своего рукописного характера отличалась резкостью, грубостью, аргументацией *ad hominem*. Момент личный заслонял ее общественную значимость. Ломоносов с его культом общественного служения («Для пользы общества коль радостно трудиться!») не мог не видеть отрицательных сторон рукописной полемики и преимуществ печатной. Написанная в том же 1754 г. статья «О должности журналистов»⁴ показывает, как высоко ценил Ломоносов печатное слово и как восставал он против того, что ему казалось зло-

¹ Афанасьев, А. Н. Образцы литературной полемики прошлого столетия. Библиографические записки, 1859, № 15 и 17; перепечатано в «Русской поэзии» С. А. Венгерова, т. I, стр. 712—724.

² «Исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях» и «Примечания на ведомости» издавались Академией Наук с 1728 г. помесечно, а с 1729 г. по 1742 г. еженедельно.

³ Билярский, П. С. Материалы для биографии Ломоносова, СПб., 1865, стр. 250.

⁴ Куник, А. А. Сборник материалов для истории Академии Наук в XVIII в., СПб., 1865, ч. II, стр. 501—530.

употреблением печатным словом. Предлагая Шувалову основать в России «периодическое сочинение», Ломоносов, очевидно, имел в виду создать также орган, в котором, взамен обычных тогда рукописных форм полемики, тем же вопросам можно было бы придать серьезный характер и более общий интерес.

В результате предложения Ломоносова с января 1755 г. стал выходить под редакцией акад. Г. Ф. Миллера первый литературно-научный журнал «Ежемесячные сочинения». В «Предуведомлении» хорошо осведомленный о состоянии тогдашней русской литературы и о расслоенности писательских рядов редактор писал: «Для сохранения благопристойности и для отвращения всяких противных следствий вноситься не будут сюда никакие явные споры или чувствительные возражения на сочинения других, ниже иное что с обидою написанное против кого бы то ни было.¹ Обращаясь специально к «стихотворцам» с просьбой о присылке их трудов, Миллер писал: «Надеемся, что сочинители оных ни до кого персонально касаться не будут. Чего ради просим всех тех, которые присылать нам станут свои труды, не отступать от сего нашего намерения».² Впрочем, редактор сознавал, что «паче чаяния» кое-какой материал подобного рода все же может проскользнуть, «ибо всего, — мотивировал Миллер, — предвидеть невозможно».³

И в самом деле, в первый же год издания «Ежемесячных сочинений» на страницах академического журнала нашла место полемика, достаточно резкая, но сравнительно тонко завуалированная.

В майской книжке «Ежемесячных сочинений» за 1755 г. было напечатано анонимное «О качествах стихотворца рассуждение» (стр. 371—398). После общих характеристик «худых и добрых писателей» автор пишет следующее: «В российском народе между похвальными ко многим наукам склонностями перед недавними годами оказалась склонность к стихотворству; и многие, имеющие природное дарование, с похвалою в том и преуспевают. Те, которые праведно на себя имя стихотворцев приемлют, ведают, каковой важности она есть наука. Другие, напротив того, написав несколько невежливых рифм или нескладных песен, мечтают, что вся она не дале простирается, как их знание постигло» (стр. 374). Отсюда задача рассуждения — показать,

¹ Ежемесячные сочинения, 1755, генварь, стр. 6.

² Там же, стр. 7.

³ Там же.

«сколь трудна наука стихотворческая, и сколь велико знание во всем тому человеку иметь надлежит, который стихотворцем быть хочет» (там же), если к тому же он от природы имеет поэтическое дарование («огонь стихотворческой»).

Не останавливаясь подробно на этой части «рассуждения», следует подчеркнуть, что анонимный автор все время имеет в виду тех поэтов, которые пишут «мадригалы и песни любовные» (стр. 378, 379, 380), сочиняют «сатиры, эпиграммы и любовные песни» (стр. 381) или «без науки и в худых рифмах» производят «малинькие песни или стансы» (стр. 391). Под всеми этими поэтами совершенно явственно понимаются Сумароков, Елагин, Сви-стунов, Бекетов и вообще дворянские поэты, культивировавшие в сороковые и пятидесятые годы XVIII в. «камерные» жанры.

Но помимо этих суммарных нападок, «рассуждение» содержит еще более прозрачные намеки на Сумарокова (см. особенно стр. 378—381). Там, например, в несомненной связи с известным стремлением Сумарокова добиться звания члена Лейпцигского литературного общества, которое и выхлопотал ему через Готшеда в 1756 г. историограф Миллер,¹ находится следующее место «рассуждения», где изображаемый в комическом виде автор любовных песенок говорит: «Я читал при том и Геллерта и Готшейда (!) на немецком, великие то люди в Лейбцигском немецком собрании» (Ежем. соч., 1755, май, стр. 381).

Одно место направлено, повидимому, непосредственно против И. П. Елагина. В своей «Сатире на петиметра и кокеток» Елагин, обращаясь к Сумарокову, который, по его словам, сочиняет стихи без всяких затруднений, писал, между прочим, следующее:

А я? о горька часть! о тщетная утеха!
 Потею и тружусь, но все то без успеха,
 По горнице раз сто пробегши, рвусь, грущу,
 А рифмы годныя нигде я не сыщу;
 Тогда орудие писателей невинно —
 Несчастное перо с сердцов грызу безвинно.
 Нельзя мне показать в беседу было глаз!
 Когда б меня петиметр увидел в оный час,
 Увидел бы, как я по горнице верчуся,
 Засыпан табаком, вздыхаю и сержуся,—
 Что может петиметр смешный сего сыскать...²

¹ Пекарский, Ист. Акад. Наук, т. I, стр. 369.

² Библиографические записки, 1859, № 15, стр. 431—432.

В «Рассуждении о качествах стихотворца» есть место, которое производит впечатление ответа на только что процитированные стихи Елагина:

«Удивительные иногда качества на себя приемлет, ежели смею сказать, таковой мнимый Автор. Он старается в людях себя казать неумытым лицом и нечесанною головою, дая чрез то знать, что всегда дома сидит над горшком чернил и стопую бумаги. Кому де меня зазреть? Сие оставляю, говорит, людям досужным, а нам сидя с мертвыми друзьями неколи о том помышлять».¹

Помимо указанных мест, в «рассуждении» рассыпано не мало намеков, иногда более, иногда менее понятных.

Переходя к положительной части «рассуждения», должно отметить, что автор его требует от лиц, занимающихся литературой, серьезных, основательных сведений во «всех словесных и всех свободных науках» (стр. 382); он подчеркивает, что «знание грамматики и церковных славенских книг чтение весьма потребны к доброму слогу и правописанию» (стр. 383). Далее подробно перечисляются науки и языки, изучение которых, по мнению автора «рассуждения», является предварительным условием выработки настоящего писателя. «Правила одни стихотворческой науки не делают стихотворца, но мысль его рождается как от глубокой эрудиции, так и от присовокупленного к ней высокого духа и огня природного стихотворческого» (стр. 398). Требуя от стихотворца, чтобы тот писал «учительные (дидактические) поэмы» (стр. 390), «что-либо учительное» (стр. 397), автор кончает свое «рассуждение» цитатой из Цицерона: «В безделицах и стихотворца не вижу, в обществе гражданина видеть его хочу, перстом измеряющего людские пороки» (стр. 398).

Таким образом, в анонимном рассуждении легкой дворянской поэзии была противопоставлена серьезная программа литературы как гражданского служения. Естественно, что дворянский лагерь не мог остаться спокоен. В июльской книжке «Ежемесячных сочинений» было напечатано — также анонимное — «Рассуждение о начале стихотворства». Автор проводит мысль, что красноречие самое важное из всех средств, «которое действовать может в сердцах человеческих более, нежели какое-либо иное действие». (Ежем. соч., июль, стр. 4). Красноречивые люди, по мнению автора, «своим языком и речью или тиранов умяг-

¹ Ежемесячные сочинения, 1755, ч. I, стр. 392.

чали, или к войне и бою общество побуждали, или страсти утешали других, или возбуждали речью огонь любовный и преклоняли твердые и окаменелые иногда сердца любовниц своих» (там же). Таким образом, красноречие положило начало поэзии, первой и наиболее естественной формой которой является песня, и именно любовная песня. «Почитать надлежит страсть любовную больше вкорененну в род человеческий, нежели многие другие страсти... Она родила любовные мысли, она произвела любовные речи, которые, когда соединялись с голосным пением, произвели падение слов, и для лучшей приметы кончащегося разума, или паче музыкального тону, рифмы» (там же, стр. 11). Признавая дальнейшее развитие поэзии в сторону дидактики, автор «рассуждения» все же отдает предпочтение не этим искусственным формам, а естественным, т. е. песням. «Сие мнится быть происхождение от начала стихотворства в натуре своей, которое после обратилоя в великую важность между учеными людьми» (стр. 14). Таким образом, «Рассуждение о начале стихотворства» представляло собой апологию дворянской «песенной» поэзии и, не выступая открыто против дидактической поэзии, стремилось представить ее как продукт цеховой учености, имеющих сравнительно узкий интерес.

Если это возражение автору рассуждения «о качествах стихотворца» строилось на теоретической почве, то совсем иной характер имела длинная статья И. П. Елагина, носившая название: «Автор». В примечании к «первому листу» (Ежемес. соч., 1755, июль, стр. 83) указывалось, что данная статья представляет свободный перевод из «Лейпцигских увеселений разума». В самом деле, в издававшихся в 1741—1744 гг. в Лейпциге «Belustigungen des Verstandes und des Witzes» в августовской—декабрьской книжках за 1743 г. была помещена анонимная статья «Der Autor». Сравнение оригинала с переводом показывает, что обработка Елагиным делалась применительно к русским условиям.

Особенный интерес представляет «первый лист» «Автора», напечатанный, очевидно, под свежим впечатлением «Рассуждения о качествах стихотворца». Ряд намеков, заключающихся в этой статье, легко раскрывается и позволяет заключить, что Елагину было известно, кто является автором анонимного рассуждения, направленного против дворянской поэзии вообще и против Сумарокова и самого Елагина в частности.

Намеки эти частью вплетены в основную ткань статьи, представляющей как бы непринужденную болтовню «автора», человека, стремящегося прослыть ученым, не имея на то никаких данных, частью заключаются в немецком тексте, но на русской почве приобретают особый смысл. «Автор» признается, что книг не читает, а лишь просматривает «реэстры книгам». «Сим образом, — продолжает он, — стал я прямым ученым человеком, который ни к чему не прилежал, но во всех науках автором быть может. Из философии знаю я математической способ учения, противуречия, действующую причину, монады, согласие, лучей свет и другие сим подобные слова, которыми я при случае боле наделяю шуму, нежели полицейские барабаны во время пожара. Невтону даю перед Лейбницом преимущество, не для того, чтоб я их читал, но только для того, что я более люблю англичан, нежели немцов. Все, что я пишу, имеет нечто высокое, достойное меня, а труда мне неприключающее» (стр. 90—91). «Невтон» приводит на память стихи Ломоносова о «собственных Платонах и быстрых разумом Невтонах». В другом месте «автор» говорит, что сам он стихов не пишет, но просит «стихотворцов, чтоб они не иное что, как хорошие родильные, свадебные, именинные и погребальные кармины... присылали. Ибо сии суть прямые случаи, при которых стихотворство имеет свое достоинство... Ныне не видим почти хорошей поэзии, ниже существа ее, ибо стихотворцы упражняются в других родах стихов, а не в тех, которые упомянуты мною» (стр. 93).

Любопытный выпад против требования от стихотворца знания грамматики: «Грамматические ошибки хотя я и делаю, но они потому приметны быть не могут, что я о всех протчих писателях, а особливо стихотворцах, кричу, что они грамматики не знают» (стр. 93—94). В немецком тексте это место отсутствует.

В «третьем листе» (сентябрь, стр. 272—284) есть характеристики трех «приятелей» «автора»: Франгизиуса Тенеброзуса, Остроумова и Постоянникова. В первом, очевидно, выведен Тредьяковский, во втором Ломоносов, в третьем трудно угадать какое-либо определенное лицо, настолько общи приводимые о нем данные.

Не касаясь подробно этих характеристик, следует отметить, что в портрете Остроумова есть вставки, представляющие прямые выпады против Ломоносова «Немецких стихотворцев, так как и я, (он) весьма не любит и гнушается теми, которые печально

отяготят его слух напоминанием Опица, Галлера, Гинтера и прочих» (стр. 279). Этот намек перекликается с известными стихами против Ломоносова, в которых его обвиняют в том, что он

... Гинтера и многих обокрал
И, мысли их писав, народ наш удивлял.¹

Не останавливаясь более подробно ни на этой характеристике (следует отметить, что в ней подчеркивается агеизм Остроумова — Ломоносова), ни вообще на елагинском «Авторе», можно этим заключить изложение материалов о полемике 1755 г.

Анализ статьи Елагина показал, что большая часть его намеков и выпадов была направлена против Ломоносова. Это дает основание считать последнего автором рассуждения о качествах стихотворца. Действительно, и по стилю, и по целому ряду мыслей, — о грамматике, о пользе чтения церковных книг, о роли литературы и т. д., — «рассуждение» примыкает к произведениям Ломоносова. Вполне совпадают с его позицией нападки против «любовных песен». Так, в одной из своих заметок он обвинял Сумарокова в том, что тот «сочинял любовные песни и тем весьма счастлив: для того, что вся молодежь, то есть пажи, коллежские юнкера, кадеты и гвардии капралы так ему последуют, что он перед многими из них сам на ученика их походит».² Таких отзывов о «любовных песнях» у Ломоносова несколько.

Но если допустить на некоторое время, что автором «Рассуждения о качествах стихотворца» был не Ломоносов, то, во всяком случае, это должен быть кто-либо из его группы. При немногочисленности тогдашних писателей можно указать, кроме Ломоносова, только одно еще лицо, которому могло принадлежать рассуждение, — это Поповский, но против последнего говорит не только «слог» рассуждения» (ср. в августовской книжке «Ежем. соч.» 1755 г. вступительную лекцию Поповского), но и то, что автор «рассуждения», цитируя несколько раз *De arte poetica* Горация и приводя параллельно русский текст в переводе Поповского, в одном случае (стр. 388—389), как раз там, где у Поповского перевод далек от подлинника, дает прозаический и более точный перевод, обнаруживающий в цитирующем

¹ Библиогр. зап., 1859, № 15, стр. 456.

² Летописи русск. литературы и древности, изд. Н. Тихомировым, М., 1859, ч. II, стр. 106.

более углубленное и тонкое знание римского поэта. Таким образом, опять приходится возвратиться к тому, что было сказано выше: автором «Рассуждения о качествах стихотворца» мог быть только Ломоносов.

Наконец, принадлежность статьи Ломоносову подтверждается еще следующим обстоятельством. Анонимный автор говорит в одном месте о том, что писателю необходимо иметь серьезную подготовку, подобно ученому. Эту мысль он подтверждает примером:

«Представим себе человека острого разума, памяти и проныцательства; дадим ему склонность натуральную, чтобы он паче всех других наук любил физику, в ней свою забаву и упражнение находил. Но когда он не изучен потребных к тому оснований, а именно: не искусен в Математике, в Химии, в истории натуральной, не знает правил Механических, Гидравлических и проч., то каким образом поступать он может в исследовании природы, то есть свойства и соединения тел, в исчислении меры и веса, тягости и упругости воздуха и всех твердых и жидких тел, а из того заключать силы и действия Элементов одного на другой, перемены их и прочие бываемые от них же явления? Другой желает быть медиком, не зная совершенно Анатомии, Ботаники, Фармацевтики и проч., как может врачевать болящего, различать травы и составлять лекарства? Или желал бы кто в числе Астрономов себя видеть, а не имел понятия о Плоской и Сферической Навигации, не искусен бы был в Оптике и не ведущий Генеральных понятий о физике; всеконечно никакой помощи иметь он не может от одних Телескопов, ниже делать Астрономические наблюдения, тем меньше рассуждать об удаленных от нашего зрения небесных телах. Ни Физик, ни Медик, ни Астроном имелем сим назваться сами не похотят, хотя бы они и прямые любители сих наук были».¹

Едва ли нужно говорить, что подобные знания в области точных и естественных наук в те годы могли быть из всех русских писателей у одного только Ломоносова, и что только он один мог пользоваться такой точной и четкой научной терминологией. Кстати, с фразой, приведенной в начале цитаты — «в Физике... свою забаву и упражнение находил», — перекликается пример, приводимый Ломоносовым в его «Грамматике Российской» (1755).

¹ Ежемесячные сочинения, 1755, ч. I, стр. 377—378.

«Стихотворство моя утеха; Физика мои упражнения».¹

Если признать авторство Ломоносова, тогда окажется, что полемика не закончилась на страницах «Ежемесячных сочинений» 1755 г. В 1757 г. вышел первый том «Собрания разных сочинений» Ломоносова; в качестве предисловия тут было помещено рассуждение «О пользе книг церковных в российском языке». При кажущейся своей «академичности» рассуждение это было остро-полюемично и злободневно; в нем Ломоносов окончательно формулировал свои взгляды на дворянскую литературу: к низкому штилю он отнес «комедии, увеселительные эпиграммы, песни; в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел», словом, все то, что культивировали дворянские поэты 1740—1750 гг.

В заключение — об одном оппоненте Ломоносова.

Автором «рассуждения о начале стихотворства» был Г. Н. Теплов, ассессор Академии Наук, друг Елагина, музыкант, положивший на музыку песни Сумарокова, Елагина и др. дворянских поэтов.

Принадлежность статьи о начале поэзии перу Теплова подтверждается протоколом конференции Академии Наук от 5 июля 1755 г.: «*A Consiliario Teplowio missa in Conventum dissertatio de origine poeseos, praelecta est et digna judicata, quae Observationibus menstruis inseratur*» (Присланное советником Тепловым в Конференцию рассуждение о начале поэзии прочтено и признано достойным включения в Ежемесячные сочинения).²

О КАЧЕСТВАХ СТИХОТВОРЦА РАССУЖДЕНИЕ

В словесных науках упражняющимся довольно известно, что с упадком Римской империи науки претерпели немалый урон, и почти со всем было истреблено чрез нашествие Варваров

¹ Сочинения, изд. Академии Наук, СПб., 1898, т. IV, стр. 194.

² Протоколы заседаний конференции Академии Наук с 1725 по 1803 гг., т. II, стр. 331. О Теплове как музыканте: Булич, С. К. «Прадедушка» русского романа. («Музыкальный современник», 1916, № 1 (сентябрь), стр. 11—16); Римский-Корсаков, А. Н. Г. Н. Теплов и его музыкальный сборник «Между делом безделье» (Первый русский песенник XVIII в.). (Сб. «Музыка и музыкальный быт старой России». Л., 1927, стр. 30—57); Финдейзен, Ник. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века, М., 1929, вып. VI, стр. 282—287; Юферов, Д. Н. Музыкальная и нотно-издательская деятельность Академии Наук и ее типографий в XVIII в. (Вестник А. Н., 1934, № 4, стр. 41—42).

в Европу. Но когда паки пришли прошлыми немногими веками в цветущее состояние, то настоящее время заставляет опасаться, чтоб число умножившихся ныне в свете Авторов не завело в таковую же темноту разум человеческий, в каковой он находился от недостатку писателей разумных. Опасность сия отвергается одним тем только способом, когда помогать нам будут особливые писатели, которые различать станут добрых Авторов от худых, и покажут путь к забвению одних, а к припоминанию других. Нужда такового разбору видима теми наипаче, которые знают, каковой важности есть прямое руководство в науках и чтении многих книг, во время столь краткое жития нашего, которое нам бог на сем свете быть определил. Разбор писателей есть наилучший и безопаснейший способ быть ученым человеком, и он потребен для всякой особно в свете науки и для всякого склонность имеющего человека к наукам. Сие самое есть светилом в чтении и предводителем к снисканию кратчайшего пути как обрести то, чего в книгах ищем. Но прежде нежели мы можем сами собою доброту Авторов разобрать, прежде нежели дойдем до таковой способности, жизнь наша проходит, и тогда в состоянии починаем себя видеть способными прямо учиться, когда на конце оныя уже стоим. Разум наш открывается после многого иногда заблуждения, ежели не имеет прежде доброго руководителя, и люди отворяют глаза, когда ночь уже приближилася, то есть зрелость онога при конце жития нашего. Дополним еще к тому, что и различные нужды житейские и болезни укорочают не мало времени, в которое могли бы мы научиться, как писателей добрых от худых отличать. Кто как бы доброго намерения ни был, кто бы как ни прилежен к наукам был, нещастие он может то иметь над собою, что после многого в школах обучения, после многого чтения книг, ежели придет в зрелой разум, и станет писателей разбирать, увидит, что все то, что он ни выучил, не делает его еще ученейшим перед тем состоянием, как он разбирая Авторов учиться начал прямо. Часто видим сноснее быть в беседе с неученым, по природе разумным, нежели с ученым, который мнит только быть себя таковым, и которого прямо назвать можно ученым невежею. Да и самого первого степени люди ученые, которые не мало труда приложили, и почти, так сказать, кровавый пот пролили, или состарились над книгами, когда узнают себя, что они достигли уже до того, что различать могут писателей и не всему верят,

что кто смело и дерзновенно пишет выдавая себя за человека ученого: то при окончании своих наук безмерно сожалеют, что они при начале оных и при начале чтения книг не познали истинного пути, по которому разум и труд свой повести. Они признаются, что протекая долгой век, поздно ужé открыли многие стези, которые бы их избавили дальнего пути. Каковое бы тогда для рода человеческого было просвещение ежели бы с самого вступления в чтение книг могли мы понимать доброту всякого Автора и оуждать его недостойнство или иногда и истовое незнание? К сему потребны люди престарелые и верховного самого степени учительные, которые бы при издании всякой в свет книги во всяком роде судили писателя: Но где таковых свет покажет!

В Российском народе между похвальными ко многим наукам склонностями перед недавними годами оказалась склонность к стихотворству; и многие имеющие природное дарование с похвалою в том и предуспевают. Те которые праведно на себя имя стихотворцев приемлют, ведают, каковой важности оная е́сть наука. Другие напротив того, написав несколько невежливых рифм или нескладных песен, мечтают, что вся оная не дале простирается, как их знание постигло. Таковое неправоe мнение, от единого самолюбия происходящее, подало случай предложить рассуждение о том, сколь трудна наука стихотворческая, и сколь велико знание во всем тому человеку иметь надлежит, который стихотворцем быть хочет, а при том дарование от бога особое к изобретению новых мыслей и быстроту разума природную; то самое, что стихотворцы называют *огонь стихотворческий*.

Во времена Августовы первый был Гораций, который последуя Аристотелю правила лучшие написал Римлянам к стихотворству. Квинтилиан пишет, что тогда стихотворство так было в моде и употреблении, что и сам Август Цесарь писал стихи и от того времени не токмо знатные у двора, но и Императорь Римские некоторого в том будто бы любочестия искали. «Богам де не довольно еще показалось, говорит он,¹ что Консула Германияка зделали славнейшим своего времени стихотворцем, ежели не зделали еще его обладателем света». Виргилий² пишет, что Азиниус Поллио Консул презрядные делал стихи. Юлий Цесарь сочинял трагедии. Лелий Сципион, Фурий, Сулпиций, будучи

¹ Квинтилиан, кн. 10, гл. I.

² Виргилий, эклога 3.

знатные в республике люди, с Терентием тайно трудились в сочинении комедий. Но сие еще не умножает чести стихотворству, ежели бы оно само по себе почтения было недостойно. Сие и подлинно, что стихотворство должно почитаемо было за самую труднейшую науку между многими другими. Многих наук совершенство имеет свои пределы, но стихотворство иметь их не может. Что бы быть совершенным стихотворцем, надобно обо всех науках иметь довольное понятие, а во многих совершенное знание и искусство. Не довольно того, что стихотворец усладить желает, когда он ничего научить не может.

Гораций говорит:¹

Пииты научить иль усладить желают,
Иль вместе все сие они соединяют;
Но обще будет всем сие в Пиите правно,
Когда напишет он полезно и забавно.

Стихотворцы всегда за премудрых и ученых людей в Философии почитались как в самой древности, так и в новых веках, по чему тот же Гораций, исчисляя подробно, сколько стихотворец в Философии быть должен искусен, заключает:²

Сия была тому причина не сумненно,
Что имя зделалось Пиит у всех почтенно.

Следовательно, все науки, говорит Цицерон,³ столь тесное имеют между собою взаимство и соединение, что по справедливости за одну и неразделимую фамилию их почитать надлежит. Примечание сего великого человека поверяется опытом очевидным. Представим себе человека острого разума, памяти и проицательства; дадим ему склонность натуральную, чтоб он паче сех других наук любил Физику, в ней свою забаву и упражнение находил. Но когда он не изучен потребных к тому оснований, а именно: не искусен в Математике, в Химии, в истории

¹ Aut prodesse volunt aut delectare poetae:
Aut simul et iucunda et idonea dicere vitae.
Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci,
Lectorem delectando, pariterque monendo.

De arte poet., v. 333, 343.

² Sic honor et nomen divinis vatibus atque
Carminibus venit. v. 400

³ Цицер. за Архию стихотворца, в речи.

натуральной, не знает правил Механических, Гидравлических и проч., то каким образом поступать он может в исследовании природы, то есть свойства и соединения тел, в исчислении меры и веса, тягости и упругости воздуха и всех твердых и жидких тел, а из того заключать силы и действия Элементов одного на другой, перемены их и прочие бываемые от них же явления? Другой желает быть медиком не зная совершенно Анатомии, Ботаники, Фармацевтики и проч.: как может врачевать болящего, различать травы и составлять лекарства? Или желал бы кто в числе Астрономов себя видеть, а не имел понятия о Плоской и Сферической Навигации, не искусен бы был в Оптике и не ведущий генеральных понятий о Физике; всеконечно никакой помочи иметь он не может от одних Телескопов, ниже делать Астрономические наблюдения, тем меньше рассуждать об удаленных от нашего зрения небесных телах. Ни Физик, ни Медик, ни Астроном именем сим назваться сами не похотят, хотя бы они и прямые любители сих наук были.

Равным образом стихотворец, незнающий ниже грамматических правил, ниже риторических, да когда еще недостаточен и в знании языков, а паче в оригинале Автор, ежели не читал тех, которые от древних веков образцом стихотворству остались, или новых, которые тем точно так как великие великим подражали, то николи до познания прямого стихотворства достигнуть не может. И чем меньше такой творец Рифм о науках прочих познание имеет, тем больше удаляется от тех качеств, которые природный дух в нем стихотворства довершают. Многие думают, что изучение словесных наук, которое у Латинщиков идет под именем *Humaniora*, а у Французов под именем *Belles lettres*, невеликого труда требует и невеликой нужды есть. И тогда случится таковым неискусным услышать слово из науки себе неведомое, то и бытие оно в свете отрицают. Скажи ему по нещастию слово латинское, тот час грубым лицом и презрительным смехом закричит: ты де по Сирски говоришь. Сам напротив того, когда напишет мадригал или песню любовную, то прочтет сперва домашним, гостя всякого ими же отправит, потóm и встрешному и поперешному читая глядит в глаза при всякой строчке. Где думает жалость изобразил: тут у себя сперва слезы оттирает: смешное ли что, покажется ему, написал: сам прежде захохочет и таким образом зделав себя смешным и жалостным, и подлинно смех и жалость о себе возбудит в слушателе разумном. Сие он

видимое почти над собою посмеяние, за великую принявши мадригалу и песне своей аппробацию, думает по самолюбию, что похвала домашних и притворного приятеля есть та самая аппробация, которой в публице Авторы ищут, и для того надмен столько становится своими в Поэзии мнимыми успехами, что судит и решит о всех сочинениях без зазору и без остановки и тем бичь подает на свое невежество людям здравого рассуждения. Такового Рифмача не убережешься, чтоб и не прогневать иногда не примирительно, потому что и всякой разгневанный Автор неуголим в ярости. И не удивительно! Он читавши нахально многим свои сочинения, и слыша похвалы, или по лести, или по ласкательству, привык себя чтить совершенным, да в том самолюбии и закоснел уже чрез многие лета. О коль великий удар, когда он услышит стороной, что кто ни есть дерзнул назвать песню его нескладною! Сему он не отпустит ни в сей ни в будущей век; извержет на него весь яд свой: сулит все пропасти земные; татьбу церковную на него взводит. Бегает и мечется с ярости к другу и недругу в дом; проклятию предает желание служить наукою народу; кричит, что общество видимой лишается уже пользы. Сожгу книги! брошу стихотворство! пропади все, что я ни написал! Нещастие наше, что на своей клятве не долго остался! Завтра не утерпел — другой Мадригал, нового будто вкусу, компании кажет. Съехався с соперником и поговоря трусливо, тот час вскричит тебе — возьмем перо и бумагу, кто больше из нас напишет. Таковое нещастие и Гораций в свое время терпел: «Тот час де Криспин меня вызывает, возьмем, буде хочешь, перо, возьмем бумагу, пусть нам дадут место, час и свидетелей; посмотрим, кто больше из нас напишет».¹

Кто не примет на себя терпения, кто не даст места такому самолюбию? Он молчание твое между тем в победу уже себе ставит. Почнет тотчас в пыхах таскать из кармана бумашки. В одной кажет сатиру, в другой эпиграмму. Прочитавши любовную песню; ах! Сударыня, вздохнуши скажет, жаль что вы Анакреонта в переводе не читали, вы бы увидели, сколь блиско я сему Греческому стихотворцу подражаю. Я читал при том

¹ . . . . . Ecce
Crispinus minimo ma provocat. Accipe, si vis,
Accipe iam tabulas: datur nobis locus, hora,
Custodes: videamus uter plus scribere possit.

Hor. lib. I, sat. 4.

и Геллерта и Готшейда на Немедком, великие то люди в Лейбцигском Немедком собрании! Бесспорно, что Анакреонт из старых великий стихотворец, другие между учеными знатны. Но тебе можно ли быть такову, как они, когда одних ты читаешь в переводе и несовершенно разумеешь; других хотя и в оригинале, да не имеешь сам того источника, из которого они почерпают. Ты почитаешь Анакреонта без разбору; а стихотворец ужё не так пристрастен, когда говорит: «Не инако де Анакреонт горел любовью к Ватилле, который часто оплакивал свою страсть на лире неисправными стихами».¹

Другие говорят, что весьма нежности много Анакреонт имеет, только лирою своею поругание зделал музам, о подлых и чрезуестественных делах столь сладко говоря. Анакреонт был, как древность говорит, крайне к сластолюбию и пьянству по конед жизни своей склонен, по чему и писал одни Бахические и любовные песни. Но ты его знать не можешь в собственной красоте, разве в материи; по тому что перевод не может николи стихотворцева изъяснить оригинала. Ученые люди об нем свидетельствуют,² что его нежность хотя и на всех языках видна, но красота главнейшая состоит в том, что он Греческим Ионическим языком писал.

Не довольно того, что читал ты некоторое число старых и новых Авторов в переводе:

Кто в честь Аполлона играет в флейту нежно,
Учился прежде тот у мастера прилежно.³

Ежели хочешь быть в публике Автором, поступи даде во все словесные и во все свободные науки, которых может быть не только важность и польза к стихотворству, но и имена тебе неизвестны. Вместо того что не различаешь еше в грамматике осьми частей слова, и что ее знание, которое педагогом называешь, и церковных славенских книг чтение весьма потребно

¹ Non aliter Samio dicunt arsisse Bathyllo
Anacreonta Teium;

Qui persaepe cava testudine flevit amorem
Non elaboratum ad pedem.

Epod. L. V. ode 14, v. 9.

² Жиралд истор. Стихотв., разд. 9.

³ . . . . . Qui Pythia cantat
Tibicen; didicit prius, extimuitque magistrum.

Hor. De arte poet., v. 414.

к доброму слогу и правописанию; будь не только знаток, но и критик и учитель в том языке, на котором пишешь. Когда хочешь быть Автором, будь не отменно в некоторых случаях и Педант. Потом познай, что Период простой, что сложной и употребление частиц, соединяющих речь человеческую. Познай, что есть еще правила, которые речь и мысль твою украшают. Изучись отделять понятия и силлогистически представлять твои мысли. Положи основание по правилам Философии практической к благонравию. Пробеги все прочие науки и не кажись в них пришедшем. Научись тем языкам, в которых библиотеку найдешь тебе учителей. Поступи во глубину чтения книг, найдешь науку баснословия, которая тебе вразумит к понятию мыслей старинных стихотворцов. Мы писателей Греческих имеем от двух тысяч и пяти сот лет назад, которые свои веки услаждали. Их старайся знать, и что другими подражателями в них не открыто, того сам доискивайся, последуя самому себе. Когда Сафо, когда Анакреонт, в сластолюбиях утоплены, мысли свои писали не закрыто, когда Люкреций в натуре дерзновенен, когда Люциан в баснях бестыден, Петроний соблазняет, оставь то веку их, к тому привычному, а сам угождай своему в нежности и в словах благопристойных. Ежели из правил политических знаешь уже должность гражданина, должность друга и должность в доме хозяина, и все статьи, которых практика в Философии поучает; то стихами богатства мыслей не трудно уже украшать, был бы только дух в тебе стихотворческой.

Материю о всем у Сократа найдешь,
К матерни слова не трудно приберешь.¹

Сими снабден, загляни в историю древнюю, загляни в новую политическую и литеральную. В чем силен Демостен, в чем велик Цицерон, или слаб Квинтилиан, чем друг к другу как Ораторы ревнуют, было бы тебе известно. Чем чтит Гораций Virгилия, в чем Virгилий велик, а Овидий нежен, почерпни то в самом языке Латинском. Прочти Французских великих стихотворцев в собственной их красоте, а не в переводе. Под сим малым числом я без числа тебе учителей разумею старых и новых. Рассуди, что все народы в употреблении пера и изъявлении мыслей

¹ Rem tibi Socraticae poterunt ostendere chartae,
Verbaque provisam rem non invita sequentur.

Hor. De arte poet., v. 310.

много между собою разнствуют. И для того береги свойства собственного своего языка. То, что любим в стиле Латинском, Французском или Немецком, смеху достойно иногда бывает в Русском. Не вóвсе себя порабождай однакож употреблению, ежели в народе слово испорчено, но старайся оно исправить. Не будь притом и дерзостен сочинитель новых. Хотя и свой собственный составишь стиль, однакож был бы он чист в правописании и этимологии, плодоносен в изобретении слов и речей приличных, исправен в точности их разума, в ясном мыслей изображении, в непринужденной краткости, в удалении от пустого веле-речия, в падении по прозодии, в периодах незаплетенных сою-зами, наречиями и междометиями, мысль твою затемняю-щими.

И хотя ты изобилуешь слогом Грамматическим, красноречием по правилам Реторики, материею из истории и наук, благонравия законами из Философии, богатством мыслей и примеров из чте-ния всякого рода книг исторических и критических и всем тем знанием, которое приобрел в юности, то и все сие исполнив, не держай еще писать учительных поэм. Оратором можно зда-ваться, хотя бы кто природного таланта к тому и не имел, по-тому что Реторическая наука может недостаток природный не-сколько наградить. Но стихотворцем без природного таланта, который французы называют *genie*, или без природного духа стихотворческого никак сделаться не можно, и недостатка та-ковой природы никакая наука наградить не может. Овидий го-ворит: ¹

Дар богов имеем и им действуем,
Стремление наше от них в нас вкоренено.

Онѣй дар есть тот огонь в стихотворце, который возвышает разум, который дает щастливые мысли и который их изображает с величеством. Щастлив тот, которого природа сим одарила. Он, имея сей талант, часто сам выше своего разума возвышается, тогда как другой без сего таланта, что ни скажет в стихах, ползает и пресмыкается по землі. Первый, без труда говоря о деле великом, в словах величествен или и в самых малых

¹ Est Deus in nobis, agitante calescimus illo;
Impetus hic sacrae semina mentis habet.

Ovid. Fastorum, lib. VI, v. 5.

вещах виден, что стихотворец. Таков был Малерб, таков был Ракан. Боало про них говорит: ¹

Малерб дела Героев прославлять может,
А Ракан петь Филлису, пастухов и леса.

Но другой в поте лица своего пишет речи площадные и просто-народные. Таковы всегда те стихотворцы, которые сами себя хвалят и чтут себя за великих, не уважая, что публика об них говорит. Обыкновенно они думают, что их стихи велики, но великие стихотворцы стихами своими никогда недовольны и с сомнительством в народ их выпускают. Виргилий с великою робостью ночью был принужден к Цесаря Августа дому прибить стих свой похвальный: ²

Чрез целую ночь непогоду, а утром позорище видим:
Юпитер и Цесарь владеют светом совокупно.

Он всячески старался укрывать себя, хотя Император с крайнею ревностию желал Автора сыскать столь искусному стиху. Но сие еще удивительнее, что при смерти очень просил, что его Энеиды, над которыми он двенадцать лет трудился, были сожжены, ³ ежели бы Цесарь Август от того не удержал, и не отдал в сохранение и для чистой переписки двум славным стихотворцам Тукке и Вариусу, которым притом и повеление дал, чтоб они ни единого слова не отменили. От чего сие? От того, что великие стихотворцы николи не имеют высокого о своих стихах мнения, и они крайнего всегда ищут совершенства в том, что издают в свет. Гораций во многих местах говорит про себя, что он на стихотворца не похож, и что будто духа стихотворческого он не имеет. Щастлив тот век, в которой Стихотворцы столь смиренномудрствовали. О! когда ты к нам возвратишься.

Худые поэты веку беспокойство! ⁴

¹ Malherbe d'un Heros peut vanter les exploits,
Racan chanter Phillis, les bergers & les bois.

Boileau. Art. poët. ch. I, v. 18.

² Nocte pluit tota, redeunt spectacula mane;
Divisum imperium cum Iove Caesar habet.

³ Патеркул, Световий, Виргилий и проч.

⁴ Saeculi incommoda pessimi poetae! Catull. 14 23.

По чему жалуется к Пизонам и учит их Гораций.¹

Почти всякой де невежа делать стихов не стыдится,
 Что за причина? Дворянин, свободный и достаток
 имеет[шь?],
 Ежели хочешь быть разумен и рассудлив,
 Не имев способности писать отнюдь не дерзай:
 Но буде ужè что написал, дай Тарпе, отцу и мне
 прочитать,
 Или запри те бумаги в сундук лет на десять:
 То еще всегда выскребешь, что в народ не издал.
 А напечатавши знай, что слова не поворотишь.

К сему в согласие Рапен говорит:²

«Нет де ничего столь досадного как стихотворец напоенный самолюбием, всему свету наскучит читаючи свой сложения. И как скоро один или другой стих в рифму положит, то всячески старается сам свою мудрость прославить; великие де между тем люди не меньше трудности имеют свое сочинение в публику показать, сколько прилагают попечения от оной укрывать». Боало чрез многие годы от всех Академиком и приятелей был прошен, чтоб свои сатиры отдал напечатать, однакож он долговременно отважности не имел, по его мнению, столь слабое сочинение в свет выпустить; но когда уже усмотрел, что рукописные копии везде умножилися, и переведены сатиры его на разные языки, а паче всего переписками изуродован разум текста его, то при-

¹ Qui nescit, versus tamen audet fingere. Quidni?
 Liber et ingenuus, praesertim census equestrem
 Summam nummorum, vitioque remotus ab omni
 Tu nihil invita dices faciesve minerva.
 Id tibi iudicium est, ea mens, si quid tamen olim
 Scripseris, in Metii descendat iudicis aures,
 Et patris, et nostras; nonumque prematur in annum.
 Membranis intus positis, delere licbit
 Quod non edideris. Nescit vox missa reverti.

Гораций о искусств. стих., ст. 382.

² Il n'y a rien de plus incommode qu'un Poëte entêté de son mérite: il en fatigue tout le monde, en pronant éternellement ses ouvrages; & dès qu'on sait rimer un bout des vers, on veut que tout le monde le sçache, pendant que les grands hommes ont tant de peine à se produire, & prennent tant de soin de se cacher.

Рапен: рассужд. о стихот.

нужден был с великим нехотением первую эдицию выпустить в 1666 году, дабы исправный Оригинал в людях был.¹

Ежели ужé испытал в твоём разуме, что ты имеешь дух стихотворческий, то пусти прежде в свет под именем неизвестным нечто малое и не спеши сам себя хвалить, а паче берегись ласкателей, и не лсти себя хвалами тех людей, которые сами не знают, за что тебя хвалят или хулят, но старайся выведывать стороною, что люди искусные о тебе говорят, что публика рассуждает. От нее, а не от себя самого честь себе приемли и похвалу. По сем предупевши пиши учительные поэмы и веселись, когда ужé приобрел стихотворства талант.

Знание одних только языков весьма недовольно, чтоб мы людям могли показывать себя учеными, тем меньше когда еще и в них дальнего совершенства не имеем. Но однакож многие нашего народа люди, имея бóльшее нашего в языках искусство, не могут еще своим разумным примером отвратить нас от того, чтоб мы стихов не писали. Малинькая песня или станс, которая и без науки и в худых рифмах может иногда мысль удачную заключить, так нас вредит иногда, что мы и Автора и учителя имя на себя смело и тщеславно приемлем. Вместо того что разумные люди искусство свое в языках в действительную пользу себе обращают и тем справедливо берут над нами поверхность. Они прилежно всякого рода читают книги и, час от часу бóльшее получая просвещение, делают себя полигисторами, так что о всех науках генеральное напоследок понятие имеют. Сие средство возвышает их в достоинство то, что они делаются судьями скоропоспешных и незрелых Авторов. Они тот час скажут, свое ли что Автор написал, или тайно взял от какого ни есть стихотворца. Знают, что слогу Лирическому прилично, что Эпическому; Геройских слов и мыслей в песне не терпят; Сатиру от бранных и грубых слов различить умеют и видят прямо, что Трагедия, что Комедия, что Пасторал, Опера Французская или Италианская. Одним словом, они довольствуются тем, когда мнимых ученых видят посмеянием разумным людям.

Удивительные иногда качества на себя приемлет, ежели смею сказать, таковой мнимый Автор. Он старается в людях себя казать неумытым лицом и нечесанною головою, дая чрез то знать, что всегда дома сидит над горшком чернил и стопую бумаги.

¹ Смотри предисловие его того же году.

Кому де меня зазреть? Сие оставляю, говорит, людям досужным, а нам сидя с мертвыми друзьями неколи о том помышлять: потом при всяких разговорах Сатириком себя показать не оставит. Ходит часто задумчив, правила вежливости вовсе презирает, к стати или не к стати вчера прочитанную фаву стихотворческую рассказывает. Бude досадил кому невежеством, тот час кричит вместо извинения слыханную речь Горациеву: стихотворцам и живописцам все дозволено! Не зная того, что тот же Автор написал: ¹

Есть во всех делах посредство и пределы,
Из которых ежели выступишь, правость потеряется.

Гораций пишет, что «в прежние де времена комедианты вольность такую в речах употребляли, что от вольности произошли дерзость и порок. Почему принужден был Магистрат учинить запрещение, которое не обходимо было потребно. От тех пор началась в театрах благопристойность и хор от укоризн персональных воздержался», которых и всеконечно ни в Плавте, ни в Терентие, сочинителях Римских комедий, ужè не видно. «Демокрит де рассуждает, хотя бы кто и знал правила к стихотворству, по ежели здравого ума и наук не знает, то в Геликон не годится. Иной де сидит дома, удаляясь от людей, ни погтей ни бороды не остригая, в том замыкает всю важность стихотворца. Но мне де, когда я сам острым железом быть не могу, то лучше быть желяю точилом, которым железо изощряется, и искать того богатства, которое питает разум стихотворцев и показывает, что полезно, что вредно, что добродетель, что порок. Кто хочет де прямо писать, тот должен знать начало и источник премудрости».

Ежели я тем утешаюсь, что мое имя в Авторах народу станет известно, то не меньше и опасаться должен, чтоб оно на веки не осталось посмеянием. Многих видим стихотворцев в древности, которых дела к немалому сожалению до времен наших не остались. Однакож Мевий и Бавий хотя и в Августовы времена с Виргилием жили, мы знаем за тысячу и семь сот лет, что они были дурные стихотворцы. Виргилий пишет: ²

¹ Est modus in rebus, sunt certi denique fines;
Quos ultra citraque nequit consistere rectum.

Гор.: кн. I. Sat: X, ст. 106.

² Qui Baviium non odit, amet tua carmina, Maevi.

Эклога III, ст. 90.

Кто Бавия не ненавидит, пускай любит твои в наказание,
Мевий, стихи.

Лучше когда бы они ничего не писали, то бы ни *Виргилий* ни *Сервий* нам памяти об них не оставили, да и имя их не вошло бы в *Латинскую* поговорку. Но не удивительно, что многие в сию погрешность впадают, потому что литература кроме того, что во внутренности ее сокровенно, наружной в себе много красоты имеет, которою читатель услаждается. Таковому часто кажется, что довольно и того к искусству в словесных науках, когда он, читая или изрядную прозу или приятные стихи, понимает их и ими услаждается. Сколь однакож великая разнь между тем, что бы разуметь красоту речи, и между тем, что бы понимать и постигать источник и основание, от которого другой столько своей речью в стихе или прозе нас услаждает. Мы только веселимся высокостием разума, а другой к тому присовокупляет знание и науку, которую в нем понимает. Скажет кто, «что мне в том нужды, чтоб знать весь тот источник, из которого красная речь истекает или льются приятные стихи? Довольно что я ими услаждаюсь и, различая доброе сочинение от дурного, им подражаю. Дурная мысль мне видима и не нравится, следовательно я столько же вкусу имею, как и сочинитель, и ему подражаю». Изрядно! Вкус наш происходит от многого чтения таковых уже сочинителей, а без того прямо и на вкус положиться собственно еще не можем. Ежели правил в сочинениях не знаем, ежели своей собственной материи довольно не имеем, то высокоств разума в одно только нас удивление приводит. А хотя и подражать отважимся какому ни есть сочинению, что пускай бы нам и удалось, то в продолжении той же материи, или тому подобной, тот час примечено будет наше истощание. И таковой Автор никогда ни ровного стили, ни ровного духа иметь не может: но по склонности часа и дня труды его переменять свою цену будут. *Виргилий* последовал, как *Плиний* и *Светоний* свидетельствуют, в *Эклогах* *Феокриту*, в *Георгиках* *Гезиоду*, а в *Энеидах* *Гомеру*; но научася прежде в *Неаполе*, а после в *Афинах* больше красоты и сладости придал истории *Троянской*. Так последовал *Боало* *Горадию*, *Горацій* своему *Луцилию*, которого далеко превзошел. Все мы глядим с удивлением на картину, когда видим изображенную на ней натуру или страсть человеческую. Но те, которые притом видят растворение красок, смелость кисти живо-

писной, соединение теней с светом, регулярную пропорцию в рисовании, изображенное удаление и близость объектов в своей перспективе, смяхчение в дальних объектах же света и тени, двойственное увеселение чувствуют. Приятная музыка многих услаждает, но несравненно те ею веселятся, которые правильную гармонию тонов целых и половинных, их дигрессию и резолюцию чувствуют. Одни веселятся потому, что вкус и охоту имеют к живописству и музыке, другие вкусу и охоте присоединяют знание и науку. Так равномерно делается и с красноречием, так и с стихотворством. Сколько щастливых мыслей и украшений в речи или поэме, сколько приятных мест миновать тот может, кто науки словесной прямо научился, тем паче когда еще и оригинала читать не может? Временем еще те же самые удачные стрóки по незнанию прогневить его могут. Так как незнающему композиции музыкальной, когда секунда, кварта, секста-минор и септима суперфлуа сделают диссонацию, то по коих пор кварта на терцию, секста на квинту, а септима на октаву не разрешатся, ухо его раздражает. Или Рубенсовы в тенях красные рефлексии неискусному в живописстве глазам досаждают. Но ежели бы всем равно самые науки были известны, то бы и ухо и глаз их тем же равно веселился.

И так, чтобы Автором быть, должно ученическим порядком от младых похтей всему перво учиться и в науках пребыть до возрастных лет, а потом ежели нужда, а не тщеславие, позовет издать что либо в свет учительное, готовым быть самому себе и ей во всем дать отчет. От чего бывает, что новый Автор написавши малое число поэм станет тот час ослабевать? Не от того ли, что сочинения его от одного чтения и подражания украшаются. Он сам себе хотя и раждает мысли, но ежели бы не имел оригинала, то бы целого составить не мог. Сие то самое есть, что я говорю; без наук человеку две или три пиэсы сочинить удастся, потому что никто или не знает, или не поверяет, кого Автор за оригинал себе представляет. Но ежели бы таковой щастливый разум исполнен был литературы, то бы не подражанием только, но и своим собственным вымыслом всегда нечто новое и небывалое раждать мог. Не возможно себе не представлять за образец славных людей в свете, но еще то почитать надобно за наилучшее вспоможение, без которого и обойгись Стихотворцам не возможно, однакож при подражании одном оставаться не должно. Ежели бы Цицерон не представлял себе Демостена, Демостен

Исократ, Платона, Эшила и других, Виргилий Гомера, Расин Эшила, Софокла и Еврипида, Молиэр Терентиа и Шавта, Гораций Пиндара, Боало Горация и Ювенала: одним словом Греки, как думают ученые, Египтян, Латинщики Греков, Франдузы и Немцы Латинщиков, то бы и приращения в словесных науках мы не видели; но когда великие великим людям подражают, тогда разум и дух их, науками и примерами обогащенный, всегда нечто раждает новое, и, как я выше сказал, небывалое. По сим рассуждениям мы видим, что правила одни стихотворческой науки не делают Стихотворца, но мысль его раждается как от глубокой эрудиции, так и от присовокупленного к ней высокого духа и огня природного стихотворческого. Ибо кто знает, что стопа, что цезура, что женская, что мужская рифма, и с сим бедным запасом в Стихотворцах себя хочет числить, тот равно как бы хотел воевать, имея в руках огнестрельное оружие, не имея ни пуль ни пороху. Цицерон о Стихотворце говорит: ¹ В безделицах я Стихотворца не вижу, в обществе гражданина видеть его хочу перстом измеряющего людские пороки.

II. О „ПИСЬМЕ МОЛОДОГО РУССКОГО ВЕЛЬМОЖИ“

В пятом томе журнала «L'Année littéraire» за 1760 г. (стр. 194—203), издававшемся известным антагонистом Вольтера, Эли Фрероном (1719—1776), была помещена статья «Lettre d'un jeune Seigneur Russe à M. de ***» («Письмо молодого русского вельможи к г. де ***»). Фрерон, прославившийся яростной борьбой против энциклопедистов и Вольтера в особенности, с 1754 г. приступил к изданию «Литературного года», издававшегося им до самой смерти. Журнал следил за новостями французской и иностранной литератур, и в появлении статьи «молодого русского вельможи», посвященной современному положению русской литературы, не было ничего необычного. Не нужно забывать, что со времени возобновления при Анне Иоанновне дипломатических отношений Франции с Россией участились поездки русских дворян за границу, преимущественно во Францию.² Особенно

¹ Poetam non audio in nugis, in vitae societate audiam civem digitis peccata dimetientem sua (Цицер. Парадокса. III).

² Haumant, Emile. La culture française en Russie (1700—1900). P., 1910, p. 55.

сделались они частыми после заключения союза между Россией и Францией в 1756 г. Интерес к России возрастал во Франции как в связи с политическими событиями, так и под влиянием усиления экономических отношений; некоторую роль играло также появление в Париже русских вельмож.

Среди молодых русских аристократов, посетивших в эти годы западные страны, находился гр. Андрей Петрович Шувалов (1743—1789).¹

Двоюродный племянник фаворита Елизаветы Петровны, Ивана Ивановича Шувалова, гр. Андрей Петрович отправился за границу в 1756 г. Около этого же времени был за границей и его приятель барон Александр Сергеевич Строганов (1733—1811).

Путешествие гр. А. П. Шувалова продолжалось три года (с октября 1756 г. по август 1759 г.), причем два года молодой вельможа провел в Париже. Вторично гр. А. П. Шувалов ездил во Францию в 1764 г. и, пробыв в Париже по 1766 г., вращался, как и в первый свой приезд, в аристократических салонах, «писал остроумные стихи на французском языке и удивлял Парни, Мармонтеля, Лагарпа и Вольтера, ученых и неученых парижан любезностью, веселостью и учтивостью, достойною времени Людовика XIV» (Батюшков, К. Н. О характере Ломоносова. Соч., т. III, собр. 178). Ко времени этой второй поездки А. П. Шувалова относится его знакомство с Вольтером, которому очень понравились его стихи на французском языке и который ответил на обращенное к нему «послание» Шувалова рядом стихотворений à Mr. le Comte de Schowalou или Schowalow (к гр. Шувалову). Кроме того, Вольтером было переиздано «Послание к Нинон де-Ланкло, сочиненное гр. Шуваловым» («Épître à Ninon de L'Enclos, par Monsieur de Comte de Schwalow»). Послание это к знаменитой красавице, куртизанке эпохи Людовика XIV и Регентства, было написано столь правильным и изящным языком, что долго приписывалось современниками Вольтеру и Лагарпу.

Но, помимо своих французских стихов, гр. А. П. Шувалов был известен в истории русской литературы «Одой на смерть господина Ломоносова, члена Академии Наук в СПбурге («Ode

¹ Обычно датой рождения А. П. Шувалова считается 1744 г. Но в «Петербургском Некрополе», т. IV, стр. 602, указано, что он родился 23 июня 1743 г.

sur la mort de Monsieur Lomonosof de l'Académie des Sciences de St. Petersbourg»), 1765.¹

В предисловии («Avertissement») дается краткая биография Ломоносова, в которой, в отличие от обычного, обходится молчанием его крестьянское происхождение и сообщается, что родители поэта были торговцами («... nâquit de parens adonnés au commerce...»). Далее следует беглое перечисление важнейших трудов Ломоносова и делается попытка вкратце оценить его заслуги. Самая ода, как большая часть подобных произведений, написана «высоким» условным языком и представляет интерес, главным образом, в строфах 10 и 12, где идет речь о врагах Ломоносова. «О, кто сможет когда-либо сравниться с ним дарованием. Напрасно мерзкие соперники, воспаленные завистью, поносят его таланты, ищут у него недостатков. Их презренное занятие покрывает их позором и усугубляет нашу горечь. Один — неразумный копировщик недостатков Расина, ненавидит божественную музу северного Гомера; другие извергают желчь на его имя и характер (moeurs). Презренные насекомые, их преступные интриги вызывают омерзение. Бегите прочь, неблагодарные чудовища, сердца, исполненные ненавистью. Преступления — вот ваши утехи, ваше поприще — преисподняя. Никогда бог поэзии не вдохновит ваших песен. Из бездны Тартара толпы варваров рукоплещут вашими голосами». К слову «копировщик» сделано примечание: «Г. Сумароков (Sotogokof), автор нескольких трагедий, в которых наблюдается рабское подражание Расину и мания копировать этого великого человека, даже в тех его слабостях, за которые его упрекают. Этот г. Сумароков постоянно дозорил прославленного поэта, исключительно из-за превосходства талантов последнего». К слову «другие» примечание гласит: «да будет мне позволено вовсе не называть их».

За «Одой» следует прозаический перевод «Утреннего размышления о божьем величестве», предшествуемый и сопровождаемый небольшими примечаниями, не представляющими особого интереса.

По поводу этой «Оды» А. А. Волков в своем «Nachricht» писал: «Желающие иметь более полное понятие об этом великом человеке (Ломоносове) могут обратиться к изданному графом Андреем Шуваловым весьма изрядному сочинению на француз-

¹ Эпиграф на титульном листе: «Восхищенне заменяет мне дарование» (Mon admiration me tient lieu de génie).

ском языке, которое включает в себе жизнеописание Ломоносова, оду в честь его и перевод двух пьес его: Утреннего и Вечернего размышления о божием величестве, так же как письмо к Вольтеру с ответом на него. Сколько признательны мы графу Шувалову за эти прекрасные образцы его таланта, столько же сожалеем о жестокости, с которой написана им горькая сатира против Сумарокова; общество полагает, что она обличает более личной ненависти, чем справедливости. Уже одно то обвинение, будто Сумароков есть только переписчик недостатков Расина, вооружило против автора знатоков, которые судят Расина по правилам искусства, но в то же время отдают справедливость и г. Сумарокову».¹

Замечания автора «*Nachricht'a*» представляют значительный интерес, как отклики современника, подчеркивающего, что произведение Шувалова «вооружило против автора знатоков, которые... отдают справедливость г. Сумарокову». Вместе с тем, как уже отметил в свое время академик А. А. Куник, переиздавший в 1865 г. «Оду» Шувалова,² описание книжечки Шувалова в «*Nachricht'e*» не соответствует единственному известному экземпляру «*Ode sur la mort de M. Lomonosof*». Акад. Куник высказал предположение о том, что у автора «*Nachricht'a*» было в руках, повидимому, второе издание «Оды» Шувалова.

Однако до сих пор, известен только один экземпляр «Оды» 1765 г. из библиотеки Вольтера, хранящийся в настоящее время в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде.

Возвращаясь снова к цитированным выше заключительным строфам «Оды» Шувалова, следует отметить, что к числу «завистников», т. е. противников Ломоносова, о которых автор «Оды» не желал упоминать, относился в первую очередь И. П. Елагин, значительная фигура в придворном кругу шестидесятих годов XVIII в.,³ поэт и дилетант, представитель новой аристократии екатерининской эпохи. Кто были «другие» хулители Ломоносова из того же круга, не имеет столь важного значения. Существенно только одно: борьба за Ломоносова и против Сума-

¹ «Материалы для истории русской литературы», издание П. А. Ефремова. СПб., 1867, стр. 132—133.

² Куник, А. Сборник материалов для истории императорской Академии Наук в XVIII в., СПб., 1865, ч. I, стр. 216.

³ Круглый, А. И. П. Елагин. Биографический очерк. «Ежегодник имп. театров», сезон 1893—1894 г., приложения, кн. 2, стр. 99.

рокова и обратно делила литературную публику 50-х и 60-х годов XVIII в. на два лагеря. При этом, как будет указано ниже, деление это имело и внешние — социально-бытовые, и внутренние — классово-идеологические основания.

Забытое «Письмо молодого русского вельможи» представляет на этом фоне явление характерное и значительное.

Соперничество между Ломоносовым и Сумароковым по традиции сводят лишь к неуживчивости и самомнению обоих поэтов, упуская при этом из виду, что в лице Ломоносова, «певца Елисаветы», торжественного одописца, прославлявшего императорскую власть, высшее придворно-аристократическое дворянство имело своего идеолога. Гимны торговле и промышленности, как предпосылке торговли, панегирики науке и сильной власти, споспешествующей торговле, промышленности и науке, — все это идеологическое содержание высокой лирики Ломоносова может быть исторически истолковано только как продукт идеологии тех частей дворянства, которые в эти годы стали заниматься торговлей и промышленностью, расхватывая казенные заводы, беря откупа и т. д. Но в деятельности Ломоносова была еще одна сторона, даже заслонявшая другие и больше бросавшаяся в глаза современникам и ближайшим потомкам: это введение в литературу разговорного языка, в определенных пропорциях смешанного со славянским. Секуляризация языка, размежевание с церковным стилем, освобождение от многовекового господства духовной интеллигенции — все это, может быть, бессознательно делало Ломоносова героической фигурой в середине XVIII в., как живое доказательство возможности самостоятельного бытия «светского» стиля, причем «светский» — по тогдашним условиям — совпадал с понятием «дворянский». Эта двойственная позиция Ломоносова способствовала различным функциям его творчества в различных социальных группировках в разные периоды.

Роль Сумарокова была иная. В его деятельности следует различать два момента. По идеологическому содержанию трагедии его, основной фонд славы Сумарокова, являются апофеозом «идеального» монарха в представлении среднего дворянства, идеологом которого был Сумароков, резко выступавший против придворной аристократии времен Елизаветы. При оформлении этой основной идеи своих трагедий Сумароков стремился, в соответствии с эстетическими вкусами выдвинувшего его среднего

дворянства, к простоте, ясности и выразительности. Эти две черты в его творчестве делали Сумарокова, с одной стороны, неприемлемым для той части высшего дворянства, которая стояла при Елизавете, как Шуваловы, во главе управления государством, а с другой стороны, заставляли среднее дворянство видеть в творце «Хорева» и «Дмитрия Самозванца» своего эстетического вождя.

Таким образом, «меценатство» Шуваловых и Воронцовых по отношению к Ломоносову и в частности литературные восхваления его со стороны Андрея Шувалова делаются понятными только как своего рода оппозиция тому, «певцом» чего являлся Сумароков.

В статье А. П. Шувалова есть еще одна сторона, мимо которой не следует пройти. Выступая во французском журнале перед читателями, которым внутренние русские отношения не были известны, но у которых имелось старинное предубеждение против возможности культурного развития России, Шувалов невольно должен был в данном вопросе занять подчеркнутую позицию национальной гордости. Несмотря на то, что о Сумарокове он отзывается как о человеке, лишенном творческого гения и лишь способном подражать, притом подражать не недостижимому Корнелию, а слабому Расину, — несмотря на это, Шувалов говорит о Ломоносове и Сумарокове как «о двух поэтах, составляющих славу своего отечества, произведения которых доказывают, что эта страна вовсе не враждебна трудам Муз и в состоянии возвращать цветы и плоды Поэзии».¹

На эту сторону статьи Шувалова необходимо обратить внимание потому, что в ней и в ряде статей других авторов, также опубликованных на иностранных языках (напр. Волкова, Хераскова, Карамзина), этот национальный элемент играет не последнюю роль. Остановившаяся на этом пункте, не следует, конечно, забывать, что главное значение статьи Шувалова не в этом, а в той идеологической позиции автора, которая была обнаружена выше в побудительных причинах прославления Ломоносова и умаления роли Сумарокова.

письмо молодого русского вельможи к ***

Один из моих друзей, давно проживающий в Петербурге, на вопрос мой о новинках русской литературы, сообщил мне, что

¹ L'Année littéraire, 1760, t. V, стр. 202; ср. стр. 195.

двое молодых русских вельмож, оба камер-юнкеры, из которых наиболее взрослому — всего двадцать два года,¹ а у наиболее бедного — четыреста тысяч ливров дохода, возвратились недавно в свое отечество, объездив почти все европейские дворы и привезя с собою одни лишь только добродетели иноземцев, а также любовь к наукам и искусствам, которыми они сами с успехом занимаются. Ученые люди справедливо видят в них своих русских меценатов. Недавно они организовали маленькое литературное общество, для допущения в которое нужно обнаружить таланты, остроумие и любовь к труду. Общество это состоит только из русских и французов. Громадное пространство, разделяющее оба государства, существует как-будто только для того, чтобы сблизить гений, остроумие и самое сердце обоих народов. Письмо, которое пересылаю Вам, милостивый государь, касается двух наиболее известных русских поэтов и написано графом А. Ш.,² одним из тех двух молодых вельмож, о которых я Вам говорю. Оно было прочтано на одном из интимных заседаний этого литературного общества.

Вы спрашиваете, милостивый государь, мое мнение о двух русских поэтах, украшающих мою родину. Вы хотите знать их дарование и красоты; не легко удовлетворить вас и оценить достоинства Ломоносова и Сумарокова (Sougokof), достойных того, чтобы их знало потомство.

Ломоносов — гений творческий; он отец нашей поэзии, он первый пытался вступить на путь, который до него никто не открывал, и имел смелость слагать рифмы на языке, который, казалось, представляет весьма неблагоприятный материал для стихотворства; он первый устранил все препятствия, которые, казалось, должны были его остановить; он первый испытал торжество над той досадой, которую испытывают писатели-новаторы, и не руководствуемый никем, кроме собственного дарования, преуспел, вопреки нашим ожиданиям. Он открыл нам красоты и богатства нашего языка, дал нам почувствовать его гармонию, обнаружил его прелесть и устранил его грубость.

¹ Барону Александру Сергеевичу Строганову было в это время на самом деле 27 лет.

² В подлиннике — А. Ш. —, так как Шуваловы и по-французски писали свою фамилию согласно немецко-французской орфографии: Schouwaloff.

дворянства, к простоте, ясности и выразительности. Эти две черты в его творчестве делали Сумарокова, с одной стороны, неприемлемым для той части высшего дворянства, которая стояла при Елизавете, как Шуваловы, во главе управления государством, а с другой стороны, заставляли среднее дворянство видеть в творце «Хорева» и «Дмитрия Самозванца» своего эстетического вождя.

Таким образом, «меденатство» Шуваловых и Воронцовых по отношению к Ломоносову и в частности литературные восхваления его со стороны Андрея Шувалова делаются понятными только как своего рода оппозиция тому, «певцом» чего являлся Сумароков.

В статье А. П. Шувалова есть еще одна сторона, мимо которой не следует пройти. Выступая во французском журнале перед читателями, которым внутренние русские отношения не были известны, но у которых имелось старинное предубеждение против возможности культурного развития России, Шувалов невольно должен был в данном вопросе занять подчеркнутую позицию национальной гордости. Несмотря на то, что о Сумарокове он отзывался как о человеке, лишенном творческого гения и лишь способном подражать, притом подражать не недостижимому Корнелю, а слабому Расину, — несмотря на это, Шувалов говорит о Ломоносове и Сумарокове как «о двух поэтах, составляющих славу своего отечества, произведения которых доказывают, что эта страна вовсе не враждебна трудам Муз и в состоянии взращивать цветы и плоды Поэзии».¹

На эту сторону статьи Шувалова необходимо обратить внимание потому, что в ней и в ряде статей других авторов, также опубликованных на иностранных языках (напр. Волкова, Хераскова, Карамзина), этот национальный элемент играет не последнюю роль. Остановившись на этом пункте, не следует, конечно, забывать, что главное значение статьи Шувалова не в этом, а в той идеологической позиции автора, которая была обнаружена выше в побудительных причинах прославления Ломоносова и умаления роли Сумарокова.

письмо молодого русского вельможи к * * *

Один из моих друзей, давно проживающий в Петербурге, на вопрос мой о новинках русской литературы, сообщил мне, что

¹ L'Année Littéraire, 1760, t. V, стр. 202; ср. стр. 195.

двое молодых русских вельмож, оба камер-юнкеры, из которых наиболее взрослому — всего двадцать два года,¹ а у наиболее бедного — четыреста тысяч ливров дохода, возвратились недавно в свое отечество, объездив почти все европейские дворы и привезя с собой одни лишь только добродетели иноземцев, а также любовь к наукам и искусствам, которыми они сами с успехом занимаются. Ученые люди справедливо видят в них своих русских меценатов. Недавно они организовали маленькое литературное общество, для допущения в которое нужно обнаружить таланты, остроумие и любовь к труду. Общество это состоит только из русских и французов. Громадное пространство, разделяющее оба государства, существует как-будто только для того, чтобы сблизить гений, остроумие и самое сердце обоих народов. Письмо, которое пересылаю Вам, милостивый государь, касается двух наиболее известных русских поэтов и написано графом А. Ш.,² одним из тех двух молодых вельмож, о которых я Вам говорю. Оно было прочитано на одном из интимных заседаний этого литературного общества.

Вы спрашиваете, милостивый государь, мое мнение о двух русских поэтах, украшающих мою родину. Вы хотите знать их дарование и красоты; не легко удовлетворить вас и оценить достоинства Ломоносова и Сумарокова (Somorokof), достойных того, чтобы их знало потомство.

Ломоносов — гений творческий; он отец нашей поэзии, он первый пытался вступить на путь, который до него никто не открывал, и имел смелость слагать рифмы на языке, который, казалось, представляет весьма неблагоприятный материал для стихотворства; он первый устранил все препятствия, которые, мнилось, должны были его остановить; он первый испытал торжество над той досадой, которую испытывают писатели-новаторы, и не руководствуемый никем, кроме собственного дарования, преуспел, вопреки нашим ожиданиям. Он открыл нам красоты и богатства нашего языка, дал нам почувствовать его гармонию, обнаружил его прелесть и устранил его грубость.

¹ Барону Александру Сергеевичу Строганову было в это время на самом деле 27 лет.

² В подлиннике — А. S. —, так как Шуваловы и по-французски писали свою фамилию согласно немецко-французской орфографии: Schouwaloff.

Избранный им жанр наиболее трудный, требующий поэта совершенного и дарование разностороннее; это — лирика. Нужны были все его таланты, чтобы в этом отличиться. Почти всегда равен он Руссо,¹ и его с полным правом можно назвать соперником последнего. Мысли свои он выражает с захватывающей читателей порывистостью; его пламенное воображение представляет ему объекты, воспроизводимые им с той же быстротой; живопись его велика, величественна, поражающа, иногда гигантского характера; поэзия его благородна, блестяща, возвышенна, но часто жестка и надута. Иногда он приносит в жертву гармонию стилю силе выражения; он отступает от своего предмета, почти всегда подымается над своей сферой и полагается на пылкость своего воображения.

Он велик, когда нужно изобразить избиение и ужасы сражений, когда нужно описать ярость, отчаяние сражающихся, когда нужно нарисовать гнев богов, их кары, которыми они нас наказывают, и бедствия, разоряющие землю; словом, все что требует силы и энтузиазма, его гений передает с огнем. Ода его о шведской войне² — шедевр, который обессмертил его, здесь поэт проявляется во всей его силе.

Чтобы дать вам понятие о его красотах, я переведу несколько строк; недостатки моего перевода вы извините — в виду невозможности подражать великолепию поэта; вы не будете судить подлинник по слабости копии; вы хорошо знаете, сколько теряют в переводе даже лучшие произведения. В том месте, где он говорит о победе, одержанной нами над шведами, он выражается в следующей форме:

Всяк мнит, что равен он Алкиду,
И что Немейским львом покрыт,
Или ужасную Егиду
Нося, врагов своих страшит;
Пронзает, рвет и рассекает;
Противных силу презирает;

¹ Имеется в виду не Жан-Жак, а Жан-Баттист Руссо (Jean-Baptiste Rousseau, 1670—1741), считавшийся в XVIII и начале XIX в. одним из крупнейших французских лириков.

² «Ода о шведской войне». Ода 2. На прибытие ее величества великия государыни императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-петербург.

Смесившись с прахом, кровь кипит;
 Здесь шлем с главой, там труп лежит,
 Там мечь с рукой отбит валится,
 Коль злорада жестоко казнится.¹

В 21-й строфе 4-й оды,² говоря об открытии рудников, обогативших наше государство, он обращается к нашей августейшей повелительнице:

И се Минерва ударяет
 В верьхи Рифейски копием,
 Сребро и злато истекает
 Во всем наследии твоём.
 Плутон в расселинах мятется,
 Что Россам в руки предается
 Драгой металл его из гор,
 Который там натура скрыла;
 От блеску дневного светила
 Он мрачный отвращает взор.

В следующей строфе он обращается к своим согражданам:

О, вы, которых ожидает
 Отечество от недр своих
 И видеть таковых желает,
 Каких зовет от стран чужих.
 О, ваши дни благословенны.
 Дерзайте, ныне ободренны,
 Раченьем вашим показать,
 Что может собственных Платонов
 И быстрых разумом Невтонов
 Российская земля раждать.

В 24-й строфе он доказывает пользу наук:

Науки юношей питают,
 Отраду старым подают,

¹ В настоящем переводе ломоносовский текст восстановлен.

² В «Собрании разных сочинений в стихах и в прозе Михайла Ломоносова». Книга первая. 1751, стр. 92—104, Одой 4 является Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года. Во втором издании 1757 г. эта ода напечатана на стр. 73—82.

В щастливой жизни украшают,
 В нещастной случай берегут;
 В домашних трудностях утеха
 И в дальних странствах не помеха,
 Науки пользуют везде:
 Среди народов и в пустыне,
 В градском шуму и на едине;
 В покое сладки и в труде.

Этот слабый перевод дает вам лишь очень неопределенную идею о красоте нашего поэта; но он показывает вам, по крайней мере, идеи поэта и парение его гения.

К сожалению, к столь разнообразным талантам примешивается недостаток, искажающий порою его стихи и низводящий их с той ступени совершенства, которую они могли бы достичь: это — отсутствие нежности, той стороны поэзии, которая требует вкуса и тонкости и которая в наибольшей степени украшает произведение. Он, кажется, совершенно не признает искусства говорить к сердцу, характеризовать любовь и изображать чувство; способный чертить мужественные штрихи, он слаб при изображении трогательного; оттенки ускользают от него, они, кажется, убегают из-под его кисти, и, желая стать более нежным, он становится холодным, утомительным и однообразным. Но ему должно простить то, чего ему недостает, во имя того, чем он обладает; малейшего из блестящих его свойств довольно, чтобы подтвердить это; и кто же мог бы вообще отличиться во всех родах.

К славе великого поэта он присоединяет звание удачного прозаика; его похвальная речь Петру Великому¹ — бессмертное произведение, приносящее за раз похвалу герою и автору. Мужественное, возвышенное красноречие царит в этой речи беспредельно; без труда обнаруживается тут гений возвышенный, всегда стоящий выше того, что он предпринимает.

Что касается Сумарокова, то он отличился в совершенно ином роде, именно, драматическом. Он первый открыл нам красоты этого жанра; лишенный творческого гения, он умеет с ловкостью подражать; неспособный подняться до Корнеля, он избрал в образец Расина; живость его мысли дополняется сухостью

¹ Слово похвальное Петру Великому было напечатано в 1754 г.

его воображения; все сюжеты его нежны; любовь рассматривает он с несравненной тонкостью; он выражает это чувство во всей его утонченности; чувство он рисует с такой правдивостью, что поневоле удивляешься, и такими красками, которые кажутся взятыми из самой природы. Его завязки остроумны, характеры — хорошо обработаны, стиль его цветист и изящен; он умеет трогать нашу чувствительность и увлекать наше сердце. Это Рубенс любви. Патетическое господствует во всех его произведениях, в них царит чувство, сладостная гармония их украшает.

Но его можно упрекнуть в копировке недостатков своего образца, в подражании ему даже в слабостях, в том, что любовь он делает центром своих трагедий, и портит их мелкими интригами, перегружая излишними эпизодами. Вот, милостивый государь, суждение, которое я дерзаю высказать о двух писателях, наделенных природой редкими дарованиями и делающими честь своему отечеству, произведения их показывают, что эта почва вовсе не враждебна трудам муз и способна производить цветы и плоды поэзии.

Имею честь и прочее

С.-Петербург, 15 мая 1760 г.

Вас должно не мало удивлять, милостивый государь, то обстоятельство, что молодой русский вельможа пишет на нашем языке с таким красноречием и чистотой. Если похвалы, расточаемые им двум поэтам его родины, показались бы преувеличенными, их следовало бы извинить из уважения к его рвению и одушевляющему его желанию возбудить соревнование между своими соотечественниками.

Г. Ломоносов (Lomonosof — буква f произносится как v) родился вблизи Архангельска, на берегу Белого моря, Сумароков — в Финляндии. Оба не имели состояния, а сейчас, благодаря благодеяниям императрицы, наслаждаются достойным счастьем. Первый, кроме од, расцениваемых в качестве шедевров, и похвальной речи Петру Великому, которую считают удивительной, сочинил ряд посредственных Надписей и плохих трагедий. С успехом занимается он механикой. Второй не ограничился сочинением трагедий, которые, действительно, хороши; он также автор посланий и од, весьма посредственных. Эти два русских поэта, чтобы соблюсти, очевидно, правила, установленные среди их сотоварищей со времени рождения поэзии, ненавидят друг

друга от всей души. Они доходят даже до взаимных оскорблений, совсем так же, как автор Когда, Бедняка, Шотландки и пр.¹

Lettre d'un jeune seigneur russe à M. de***

Un de mes amis qui depuis plusieurs années vit à Pétersbourg et à qui j'ai demandé des nouvelles de la Littérature de Russie, m'a répondu, que deux jeunes seigneurs Russes, tous deux Gentilshommes de la Chambre de Sa Majesté Impériale, dont le plus vieux a vingt-deux ans et le moins riche quatre cens mille livres de rente, après avoir voyagé dans presque toutes les Cours de l'Europe, font de retour dans leur patrie, et n'y ont rapporté que les vertus des Etrangers et l'amour des Arts et des Sciences, qu'ils cultivent eux-mêmes avec succès. Les gens de Lettres les regardent avec raison comme leurs Mécènes en Russie. Ils ont exécuté depuis quelque temps le projet d'une petite Société Littéraire, où pour être admis, il faut prouver qu'on a des talens, d'esprit et l'amour du travail. Cette Société n'est composée que des Russes et des François. Il semble que l'intervalle immense qui sépare les deux Empires n'ait servi qu'à rapprocher le génie, l'esprit et le coeur des deux nations. La Lettre que je vous envoie, Monsieur, sur les deux Poètes les plus célèbres de la Russie, est la composition de M. le Comte A. S., un de ces jeunes seigneurs, dont je vous parle. Il l'a lue dans une des petites assemblées de la Société littéraire.

Vous me demandez, Monsieur, ce que je pense des deux Poètes Russes qui illustrent ma patrie. Vous désirez de connaître leur génie et leurs beautés, il est difficile de Vous satisfaire et d'apprécier le mérite de Lomonosow et de Somorocow, tous deux dignes d'être connus par la Postérité.

Lomonosow est un génie créateur et le père de notre Poésie, il est le premier qui ait tenté d'entrer dans une carrière que personne avant lui n'avoit ouverte, et qui ait osé rimer dans une langue qui paroissoit très ingrate pour la versification, il a le premier appani tous les obstacles que sembloient devoir l'arrêter, il a le premier triomphe de tous les dégoûts qu'éprouvent les littérateurs qui inventent et, sans autre guide que son génie, il a réussi

¹ Автором перечисленных произведений был Вольтер, антагонист редактора L'Année littéraire Фрерона, которому, повидимому, принадлежит конец статьи.

au-delà de nos espérances. Il nous a découvert les beautés et les richesses de notre langue, il nous en a fait sentir l'harmonie, il nous en a développé les grâces et l'a dépouillée en partie de sa grossièreté.

Le genre qu'il s'est choisi est le plus difficile de tous, il exige un Poète consommé et un génie des plus étendus, c'est le Lirique. Il y a fallu tous ses talens pour y exceller, il a presque toujours égalé Rousseau et on peut à juste titre le nommer son émule. Il exprime ses pensées avec une rapidité qui entraîne, son imagination ardente lui présente des objets qu'il trace avec la même vivacité, ses peintures sont grandes, majestueuses, frappantes, quelquefois gigantesques, sa poésie est noble, brillante, sublime, mais souvent dure et ampoulée. Il sacrifie quelquefois l'harmonie du style à la force de l'expression, il fait des écarts, s'élève presque toujours au-dessus de sa sphère et s'abandonne à la fougue de son imagination.

Il est grand quand il faut exprimer le carnage et les horreurs des combats, quand il faut d'écrire la rage, le désespoir des combattans, quand il faut peindre la colère des Dieux, les fléaux dont ils nous accablent, et les malheurs qui désolent la terre, en un mot, tous ce qui demande de la vigueur et de l'enthousiasme, son génie le rend avec feu. Son Ode sur la guerre de Suède est un chef-d'oeuvre, qui l'immortalisera, on y découvre le Poète dans toute la force.

Pour vous en faire connaître les beautés, j'en traduirai quelques Strophes, dont vous pardonneriez les défauts à l'impossibilité d'imiter le sublime du Poète, vous ne jugerez pas l'original sur la foiblesse la copie, vous savez trop combien les meilleurs ouvrages perdent dans la traduction. Dans un endroit où il parle de la victoire que nous avons remportée sur les Suédois, il s'exprime en ces termes dans la 20-e Strophe.

«Chaque Guerrier se croit un Alcide revêtu de la peau du Lion de Némée, ou bien un héros armé de l'Egide terrible qui répand la terreur et sème l'épouvante dans le coeur de ses ennemis, il attaque avec une intrépidité étonnante, rien ne résiste à ses efforts, rien ne s'oppose à la fureur de ce torrent débordé, il perce, détruit et fait plier les rangs. Les plus audacieux périssent sous le tranchant de son glaive homicide. Le sang répandu sur la terre bouillonne mêlé avec la poussière, partout on ne voit que de membres épars, des crânes sanglants, des corps pâles, défigurés,

environnés des ombres du trépas. Ce spectacle affreux qui fait frémir est un exemple de l'horrible châtement d'une Haine, injuste».

Dans la 21-e Strophe de sa 4-e Ode, en parlant de la découverte des mines qui ont enrichi notre Etat, il s'adresse à notre auguste Souveraine:

«J'apperçois Minerve qui de sa lance fend les sommets des Monts Riphées, je vois les métaux de couler de leur sein pour enrichir ton pais. Pluton frémit de voir les trésors, que la nature sembloit avoir cachés dans son Empire, devenir ta proie, et ne pouvant soutenir la lumière du jour qu'il abhorre, il en détourne sa vue appesantie».

Dans la strophe suivante il parle à ses consitoyens:

«O vous que la patrie attend de son sein, vous qu'elle désire voir semblables aux étrangers qu'elle appelle, vertueux citoyens, tâchez de les égaler et, encouragés par l'auguste Elisabeth, montrez à l'univers que la Rnssie peut enfanter des divins Platons et des immorteles Newtons».

Dans la 24-e Strophe il prouve l'utilité des Sciences:

«Les Sciences, dit-il, sèment les fleurs tous les instans de la vie, nourrissent la jeunesse, adoucissent les chagrins et les amertumes répandues sur l'hyver des ans, embelissent les charmes d'une vie heureuse, consolent dans l'adversité, et dans le sein des embaras domestiques, elles procurent des instans délectables. En un mot, les Sciences sont toujours utiles dans le grand monde et dans la solitude, dans l'oisiveté et dans les travaux, elles répandent de l'agrément sur nos jours».

Cette foible version ne vous donne qu'une idée très vague des beautés de notre Poète, mais du moins elle vous fait appercevoir ses idées et l'élévation de son génie.

C'est dommage qu'à tant de talens divers se mêle un défaut qui dépare quelquefois ses vers, et qui les privent de ce degré de perfection auquel il pourroit atteindre, c'est celui de méconnoître le gracieux cette partie de la poésie qui exige le plus de goût et de délicatesse, et qui embellit le plus un ouvrage. Il semble ignorer absolument l'art de parler au coeur, de caractériser l'amour, et de peindre le sentiment habile à tracer des traits hardis, il est foible à exprimer le touchant, les nuances lui échappent, semblent fuir son pinceau, et, lorsqu'il veut l'adoucir, il devient froid, languissant et monotone. Mais on doit lui pardonner

ce qui lui manque en faveur de ce qu'il possède, la moindre de ses brillantes qualités suffiroit pour l'illustrer, et quel est l'homme qui puisse exceller dans tous les genres?

Au titre de grand Poète il unit celui d'habile prosateur, son panégyrique de Pierre le Grand est un ouvrage immortel qui fait à la fois l'éloge du héros et de l'auteur. Une mâle et sublime éloquence y règne sans cesse, on y découvre aisément un génie élevé, toujours supérieur à ce qu'il entreprend.

Pour Somorocov il se distingue dans un genre bien différent, c'est dans le Dramatique. Il est le premier qui nous en ait découvert les beautés: privé d'un génie créateur, il sçait imiter avec adresse, incapable d'atteindre à Corneille, il a choisi Racine pour modèle, la vivacité de son esprit a suppléé à la sécheresse de son imagination, tous ses sujets sont tendres, il traite l'amour avec une finesse difficile à égaler, il exprime cette passion dans toute sa délicatesse, il peint le sentiment avec une vérité qu'on est contraint d'admirer et avec des couleurs qui semblent être celles de la Nature même. Ses intrigues sont ingénieuses, ses caractères bien faits, son style fleuri et élégant il sçait émouvoir notre sensibilité et séduire notre cœur. C'est le Rubens de l'Amour. Le pathétique domine dans toutes les pièces, le sentiment y règne, une douce harmonie les embellit.

Mais on peut lui reprocher d'avoir copié les défauts de son modèle, et de l'avoir imité jusques dans sa foiblesse, en faisant de l'amour l'âme de ses Tragédies, en les avilissant par des petites intrigues, en les chargeant des épisodes superflus.

Voilà, Monsieur, le jugement que j'ose porter de deux hommes qui ont reçu de la Nature des talens rares, qui font l'honneur à leur patrie, et dont les ouvrages prouvent que cette terre n'est point rebelle aux travaux des Muses, et qu'elle peut produire les fleurs et les fruits de la Poésie.

J'ai l'honneur d'être etc.

A S. Pétersbourg, ce 15 Mai 1760.

Vous ne devez pas être peu surpris, Monsieur, de voir un jeune Seigneur Russe écrire dans notre langue avec cette élégance et cette pureté. Si les éloges qu'il donne aux deux Poètes de son pays paroïssent outrés, ils seroient pardonnables a son Zèle et au désir qui l'anime d'exciter l'émulation parmi ses compatriotes.

М. Lomonosow (le double w se prononce comme un f) est né près d'Archangel sur les bords de la Mer Blanche, M. Somorocow en Finlande. Ils étoient tous deux sans biens et jouissent actuellement d'une fortune honnête par les bienfaits de l'Impératrice. Le premier, outre ses Odes regardées comme des chefs-d'oeuvres, et le panégyrique de Pierre le Grand qu'on trouve admirable, a fait des Inscriptions communes et des mauvaises Tragédies. Il s'applique avec succès aux Mécaniques. Le second ne s'est pas borné à faire des Tragédies qui sont bonnes en effet, il est encore auteur d'Epîtres et d'Odes fort médiocres. Ces deux Poètes Russes, pour observer sans doute les règles établies entre leurs confrères dès la naissance de la Poésie, se haïssent très cordialement. Ils sont même parvenus à se dire des injures tout aussi bien que l'auteur des Quand, du Pauvre Diable, de l'Ecossoise etc.

III. ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ М. М. ХЕРАСКОВА

(Анонимная статья „О письменах Словенороссийских и тиснении книг в России“.)

Интерес русского дворянства к истории России, обнаружившийся с особенной силой с 30—50-х годов XVIII в., общеизвестен. Социальная природа этого факта несомненно находится в тесной связи с тем процессом формирования национального рынка, о котором писал Ленин в брошюре „Что такое «друзья народа»“: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких [отдельных] областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями..., и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных» (Соч., изд. 2, т. I, стр. 73). Делать из этих слов Ленина вывод, что буржуазия являлась в данный период, точнее, в начале его, в XVII—XVIII вв., господствующим классом, неверно. Однако несомненно, что образование национально-буржуазных связей и сопутствующий им национализм нашли свое отражение и

М. М. Херасков.
(Миниатюра.)

в культуре господствующего класса, в культуре дворянства. Этим дворянским отражением буржуазного национализма объясняется борьба русского дворянства с «немецким засильем» при Анне и Елизавете и галлофобия его при Екатерине, этим же объясняется интерес дворянства к историческому прошлому России в XVIII в., в том числе и к истории русской литературы.

Среди ряда памятников исторического изучения русской литературы в XVIII в. особое место занимает помещенная в журнале Н. И. Новикова «Утренний свет» (1777 г., месяц сентябрь, стр. 55—61) анонимная статья: «О письменах Славенороссийских и тиснении книг в России».¹ В ней ставится вопрос о славянских письменных знаках как предпосылке литературы, анализируются скудные исторические свидетельства о славянской азбуке и высказываются более или менее основательные догадки и соображения о времени и характере древней русской письменности, в частности о старинных переводах. Последняя тема дает автору повод к следующей проникнутой национальной гордостью сентенции. «Каковы бы ни были оные священных книг переводы, но то истинно, что в самое то время, когда почти все Европейские народы на чужих языках богослужение отправляли, Россияне уже, на природном своем языке установив церковные обряды, прославляли бога, и пение к небесам воссылали. Но гордость и самолюбие заставляли думать прочие державы, что северные народы в глубине невежества пресмыкаются; таковые ошибки не к одному богословию в рассуждении России относятся, сколько мог я приметить, но до многих наших обстоятельств и до самых нравов, чувств и мыслей наших коснулись». (Утренний свет, ч. I).

Далее автор сообщает, что задумал работу по сравнению «домашних историков с повествованиями внешних» «И тогда, — продолжает он, — может быть оправдаются предки наши пред целым светом, докажут, сколь несправедливо современные внешние писатели об них судили, и еще изобличат в невежестве самих прорицателей» (там же, стр. 59).

Отметив, что «художество и некоторые механические науки поздно пришли в Россию», автор переходит к «тиснению книг», сперва славянским шрифтом, затем, при Петре, гражданским. При этом автор указывает, что «в бытность... директором при

¹ Во втором издании «Утреннего света» (1779) статья это находится в ч. I, стр. 202—207.

синаодальной типографии» (стр. 60) он разыскал подлинный первый оттиск гражданской азбуки с собственноручными поправками Петра и велел «соблюдать его в особом хранилище». Далее автор высказывает мысль о том, что литеры для новой азбуки были отлиты не в Москве, «по неискусству тогдашних Российских словолитцов», а в Голландии. Заключает свою заметку автор приглашением к читателям присылать примечания на данную статью: «Мы с охотой примем наставления, ежели кто, имея больше сведений о двух таковых пользах и основаниях наук, сообщит нам свои примечания на оные, ибо другой цели, кроме общей пользы, мы в наших трудах не поставляем» (там же, стр. 61).

Из подробного изложения этой статьи видно, что интерес ее заключается не в фактическом материале, которого, как показано, нет, а в идеологической позиции автора. Заключительные слова статьи формулированы так, что автора можно считать одним из членов редакции, состоявшей, как указано в «предупреждении» в № 1, из десяти человек. Состав редакции неизвестен, и, таким образом, пойти по этому пути определения автора нельзя. Однако в литературе вопрос об авторстве статьи «О письменах Славяно-русских» уже дебатировался. Сто лет тому назад И. М. Снегирев в статье «Труды Петра Великого в книгопечатании» (Библиотека для чтения, 1834, т. III, литературная летопись, стр. 43) бездоказательно приписал ее Алексею Кирилловичу Барсову (1673—1736), директору московской типографии при Петре. Н. М. Петровский обнаружил несостоятельность данной гипотезы ссылкой на заключающееся в статье упоминание о заботах Екатерины II по охране русских древностей («Библиографические заметки о русских журналах XVIII века». Изв. II отд. А. Н. 1907, т. XII, кн. 2, стр. 304). Но, опровергнув взгляд И. М. Снегирева, Н. М. Петровский, вслед за С. К. Буличем (Очерк истории языкознания в России, СПб., 1904, т. I, стр. 284—285), оставляет вопрос об авторе статьи открытым.

Между тем, автора можно определить безошибочно; это М. М. Херасков. За принадлежность ему статьи говорит: 1) наличие в ней фразы, деликом перенесенной из неопубликованного на русском языке «Рассуждения о российском стихотворстве», напечатанного в качестве предисловия к французскому и немецкому переводам «Чесменского боя».

О письменах.

Каковы бы ни были оные священных книг переводы, но то истинно, что в самое то время, когда все почти Европейские народы на чужих языках богослужение отправляли, Россияне уже на природном своем языке, установив церковные обряды, прославляли бога, и пение к небесам воссылали (стр. 58).

До своего переезда в Петербург, М. М. Херасков был некоторое время директором Синодальной типографии, или, как она иначе называлась, Московского печатного двора.²

Переехав в 1775 г. снова на жительство в Москву, М. М. Херасков сохраняет близкие отношения с Н. И. Новиковым и принимает, хотя и анонимно, участие в новиковском «Утреннем свете». Два стихотворения его были помещены в этом журнале, на что в свое время указали Л. Н. Майков³ и Н. М. Петровский.⁴

¹ Даю этот отрывок «Discours'a» в своем переводе, полностью помещенном в «Литературном наследстве», 1933, № 9—10, «XVIII в.», стр. 291: «Книги, святым стихотворством наполненные, были предлагаемы на язык российский; и во время, когда Европы большая часть славословила бога и обеты ему на языке чужестранном возносила, россияне уже пели песнопения церковные на своем языке». Кстати, пользуюсь здесь случаем уточнить указанную статью: перевод «Discour'a» на французский язык был сделан М. В. Храповицкой-Сушковой. (Паут. Книга третья, М., 1854, стр. 128).

² Соловьев, А. Н. Московский печатный двор, М., 1917, стр. 38. Здесь не указаны годы директорства Хераскова. Говоря о цветущем состоянии Синодальной типографии при Елизавете, А. Н. Соловьев сообщает: «Во главе ее [типографии] некоторое время стоял известный писатель, поэт М. М. Херасков». Надо полагать, что это было около 1755—1760 гг., так как в начале 1760-х годов директором Синодальной типографии был Юрьев (см. Месяцослов на 1765 год с росписью чиновных особ в государстве, Спб., 1765).

³ Очерки по истории русской литературы XVII и XVIII вв. Спб., 1889, стр. 410.

⁴ Библиографические заметки о русских журналах XVIII в. Изв. II отд. А. Н., 1907, т. XII, кн. 2, стр. 303.

Статья «О писменах Славенороссийских» свидетельствует о более активном участии Хераскова в «Утреннем свете», заключительными словами давая основания предполагать о вхождении М. М. Хераскова в состав редакции журнала.

IV. „ЛИХОИМЕЦ“, КОМЕДИЯ В. И. БИБИКОВА

В литературно-театральных кругах 60—70-х годов XVIII в. Вас. Ильич Бибииков (1740—1787) играл видную роль, занимая в то же время заметное место в придворном круге.

Принадлежа в царствование Елизаветы и Петра III к «партии великой княгини», Бибииков, в то время инженерного корпуса капитан-поручик, принимает участие в дворцовом перевороте 28 июня 1762 г. и сопровождает будущую императрицу из Петергофа в Петербург.¹ Екатерина не забыла Бибиикова среди прочих пособников восшествия ее на престол, произвела его в камер-юнкеры² и вообще приблизила ко двору; имя Бибиикова постоянно встречается на страницах камер-фурьерских журналов екатерининской эпохи, представляющих поденную придворную летопись.³ Довольно часто встречается имя Бибиикова и в материалах по истории русского театра начала 60-х годов XVIII в. Он участвовал в так называемых «кавалерских» или «дворянских» комедиях, дававшихся на большом придворном театре. Семен Порошин, наставник Павла, отмечает в своих «Записках» под 6 февраля 1765 г.: «Для пубрики на сей неделе нижеследующие были увеселения. Сего числа (т. е. 6 февраля) ввечеру была на большом придворном театре дворянская комедия: «Мнением больной».⁴ Входили по билетам. Действующие лица были: Арган — Иван Иванович Кропотов; Бералд — г. Титов, офицер гвардии; Диафорий — Александр Андренч Волков; Фома Диафорий — Василий Ильич Бибииков; Доктор Пургюн — Волков меньший;

¹ Русский архив, 1870, стб. 966.

² Камер-фурьерский журнал 1762, стр. 112.

³ О Бибиикове см. Алфавитный указатель к камер-фурьерским, походным, банкетным и церомониальным журналам 1695—1774, СПб., 1910, стр. 140—141.

⁴ Перевод мольеровского «Le malade imaginaire», сделанный Александром Волковым. Ср. Всеволодский. Гернгросс, В. Н. Библиографический и хронический указатель по истории театра в России в XVII и XVIII вв. (Сборник Историко-театральной секции. Пгр., 1918, стр. 12 особой — восьмой — пагинации).

Аптекарь — меньшей Бибиков. Женские роли все играли сестры Василия Ильича Бибикова, выключая дочь Аргантову, которую представляла какая-то девушка Ушакова. Балет был «Ацис и Галатей». Танцевали всё фрейлины и кавалеры... Маленькая пьеса была: «Филантроп». Филантроп был Титов; жена его жену Филантропову представляла; кучера Александр Волков играл очень хорошо».¹ Под 9 февраля того же года Порошин отмечает: «Вечеру выше помянутая ж дворянская комедия и теми же лицами была представлена. Балет был тот же и маленькая пьеса та же».²

Наконец, в тех же «Записках» под 13 февраля 1765 г. сообщается: «С кургагу пошли в театр. Входили все по билетам... Была трагедия (русская) «Синав и Трувор». Играли благородные: Синав — Иван Иванович Кропотов; Трувор — Петр Иванович Мелиссино; Гостомысл — господин Титов; Ильмена — жена госп. Титова; очень хорошо играла. Вестник — Василий Ильич Бибиков. Паж — артиллерийский кадет. Балет был прежний же «Ацис и Галатей». Маленькая пьеса была «Пустомеля», сочинения господина Лукина. Роль пустомели играл Василий Ильич Бибиков».³

Об участии В. И. Бибикова в «русской комедии» упоминает под 25 января 1766 г. и камер-фурьерский журнал.⁴

Если всмотреться в список участников «дворянской» комедии, о которой сообщает Порошин, то окажется, что это в большинстве литературно-театральные деятели начала 60-х годов XVIII в., переводчики Мольера, де-Туша и др. французских комических авторов — Кропотов, Титов, А. А. Волков; даже П. И. Мелиссино, начинавший с Сумароковым «кадетские» спектакли в конце 40-х годов, принимает участие в театральных забавах второго поколения придворных театралов. Любопытно, что во «Мнимом больном» участвуют, кроме В. И. Бибикова, еще его младший брат и две сестры, что показывает степень театральных интересов семьи Бибиковых.⁵

¹ Семна Порошина Записки. Изд. 2. СПб., 1881, стр. 254.

² Там же.

³ Там же, стр. 256.

⁴ Камер-фурьерский журнал 1766, стр. 18—19.

⁵ Я. Штелин в своей статье «Zur Geschichte des Theaters in Russland» (Haigold's Beylagen zum neueränderten Russland, Riga und Mieltau, 1769, V. I. S. 424), несколько подробнее и расходясь в деталях с Порошиным, говорит об этом кавалерском спектакле, отмечая среди игравших трех сестер Бибиковых, «из которых младшая, по его словам в возрасте 9—10 лет, совсем

Повидимому, В. И. Бибиков выделялся своей игрой среди придворных театралов; может быть, он был даже режиссером «дворянских» спектаклей. Во всяком случае, несомненно, в связи с этим, а также и вообще с его придворным положением, находится назначение его 12 декабря 1765 г. директором русского театра. В «Указе нашей придворной конторе» Екатерина предлагала Бибикову «иметь Дирекцию над Российским театром и всему, что до оного принадлежит быть в его ведомстве».¹ В 1779 г., после увольнения директора императорских театров И. П. Елагина, В. И. Бибиков назначается его преемником,² но в 1783 г. из-за каких-то неполадков в отчетности он увольняется от этой должности,³ хотя через два с половиной года ему Российский театр вновь «поручен в попечение».⁴

Однако для истории русской литературы и театра представляет интерес не его любительская и административно-театральная деятельность, а литературная. А. А. Волков в своем известном «*Nachricht von einigen russischen Schriftstellern*» (1768), говорит, что «два года тому назад Бибиков написал комедию в пяти действиях, под названием Лихоимец, то есть судья, который вымогает деньги у бедных просителей. Сразу очевидно (*Man wird bald gewahr*), что сюжетом комедии послужило личное приключение (*eine persönliche Geschichte*), и это и расположило публику в пользу пьесы. Есть надежда увидеть вскоре и другие комедии его».⁵ Таким образом, надо полагать, комедия Бибикова была написана в конце 1765 или начале 1766 г. Возможно, что русская комедия, о которой упоминает под 25 января 1766 г. камер-фурьерский журнал, и была первая постановка «Лихоимца». Во всяком случае, Н. И. Новиков свидетельствует в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» в 1772 г., что

отлично (*gar vortrefflich*) сыграла роль дочери *Malade imaginaire*. В русском переводе статьи Штелина (СПб. Вестник, 1779, сентябрь, стр. 170. Статья Штелина перепечатана также в «Музыкальной старине» под ред. Н. Н. Финдейзена, СПб., 1907, вып. III и IV, стр. 4—25) это место опущено.

¹ Архив Дирекции императорских театров. СПб., 1892, вып. I, отд. II, Документы, стр. 84, № 92.

² Там же, № 112, стр. 103; указ 21 мая 1779 г.

³ Там же, стр. 118, № 131; указ 17 июля 1783 г.

⁴ Там же, стр. 306, № 292; указ 14 февраля 1786 г.

⁵ Ефремов, П. А. Материалы для истории русской литературы, СПб., 1867, стр. 156—157; перевод М. Л. Михайлова, см. там же на стр. 140; выше дан новый перевод, более близкий к подлиннику.

комедия Бибикова «многokратно на придворном российском театре была представлена с успехом и всегда принимана с особливою похвалою; но она еще не напечатана».¹ «Впрочем, — продолжает Новиков, — надлежит засвидетельствовать справедливую похвалу сочинителю сей комедии: ибо он, держась театральныx правил, сочинил ее точно в наших нравах; характеры всех лиц его комедии выдержаны порядочно и свойственно их подлинникам; завязка и предложение естественны и кажущиеся подлинными, и игры довольно; наконец, сказать должно, что комедия сия почитается за одну из лучших в российском театре».²

Характеристика Новикова чрезвычайно любопытна. Ставя комедию Бибикова очень высоко и называя ее одной из лучших в российском театре, автор «Опыта исторического словаря» всячески подчеркивает ее реалистичность, близость к жизни и естественность ее содержания. Он указывает, что пьеса сценична («держась театральныx правил» . . . «игры довольно»), но, вместе с тем, настойчиво выдвигает момент «подлинного». В особенности останавливает внимание фраза: «Характеры всех лиц его комедии выдержаны порядочно и свойственно их подлинникам». Если вспомнить сказанное А. А. Волковым о «личном приключении» (*eine persönliche Geschichte*), легшем в основу комедии Бибикова, слова Новикова, приведенные только что, можно понять в том смысле, что персонажи «Лихоимца» были до известной степени портреты, то-есть, что пьеса имела несколько памфлетный характер.

К сожалению, источники XVIII в. ничего больше не сообщают о «Лихоимце». Не дает о нем никаких сведений и «Драматический словарь» 1787 г.;³ даже м. Евгений в своем «Словаре русских светских писателей» только повторяет данные Новикова. Текст комедии до нас не дошел; по крайней мере, ни в одном из известных книго- и архивохранилищ «Лихоимца» нет. Новиков, как видно из приведенной выше цитаты, указывал в 1772 г., что комедия Бибикова еще не напечатана.

¹ Ефремов, П. А. Материалы, стр. 15. Впрочем, в «Архиве Дирекции императорских театров» в перечне пьес, составлявших репертуар «Российского театра» 1746--1803, «Лихоимец» отсутствует вовсе.

² Там же.

³ Не сохранилось никаких следов о пьесе Бибикова и в Архиве Дирекции 6. императорских театров (Архив русской драмы).

Однако есть основания предполагать, что сведения Новикова были не вполне точны. Дело в том, что в то время как русские источники не сохранили, кроме приведенных, никаких иных сведений о комедии Бибикова, неожиданный материал о «Лихоимце» доставляет один французский источник.

В *Gazette universelle de littérature. Aux Deux Ponts* (Année 1770. Nr. XLVI, pp. 366, col. α — 367, col. β) вообще, повидимому, интересовавшейся вопросами русской литературы и театра,¹ в отделе Théâtre была помещена следующая рецензия,² дополняющая наши сведения о пьесе Бибикова:

Théâtre. Lichoïmetz, etc. Le Juge avare. Comédie en trois actes, par M. Wasel de Bibikoff, Chambellan de S. M. I. et Directeur du Théâtre national. A Pétersbourg, in—8. (Лихоимец, и т. д. Скупой судья. Комедия в трех действиях. Василия Бибикова камер-юнкера е. и. в. и директора национального театра. Петербург, в восьмую долю листа).

«Русские не ограничиваются тем, что обогащают свой театр лучшими пьесами французского, английского, немецкого и итальянского репертуара; у них существует также несколько пьес оригинальных, в которых мы встречаем старинную веселость, забавлявшую нас некогда во Франции и сейчас уступающую место чудовищным ужасам английских подмогтов... Комедия, заглавие которой выписано выше, исполнена остроумия, но не вполне правильно построена (peu régulière). В ней изображается корыстный судья, берущий деньги у несчастных бедняков, обращающихся к нему за защитой от несправедливостей.

«У него есть сын, который обзавелся своим домом и вследствие этого живет отдельно от отца. Среди имущества, предоставленного судьей сыну, наибольшая часть обременена серьезной тягой, дряхлеющей с давних пор; исход процесса сомнителен, и по этой-то причине судья и отступился от него. После передачи этого имущества судья получил повышение по должности и был назначен председателем высшей судебной инстанции, именно той, где должен был разбираться процесс, грозивший разорением его сыну.

¹ В майской книжке журнала *Esprit des journaux* за 1776 г. (pp. 227—234) была помещена статья «*Essai sur l'ancien théâtre russe*», перепечатанная из «*Gazette universelle de littérature*». Самой *Gazette* в ленинградских и московских книгохранилищах нет, и ознакомиться с ней de visu мне не пришлось.

² Французский текст рецензии был доставлен мне через любезное посредство проф. А. А. Мазона, которому выражаю глубокую признательность.

«Молодой человек, вынужденный в это время отправиться в путешествие, оставил доверенность одному из своих друзей, заклятому врагу его соперников. Этот друг, восхищенный представляющейся возможностью преследовать своих врагов, ведет дело от своего имени. Видя его пыл, судья не сомневается в том, что тот купил именье у его сына, чтобы иметь удовольствие судиться со своими противниками. Это убеждение его утешает, ему было бы неприятно, если бы пришлось осудить сына. Успокоившись на этом, он предполагает извлечь от тяжущихся возможно больше выгоды. Следует несколько забавных сцен с челобитчиками; к нему подсылают красивых женщин, но судья остается неподкупным. Ему намеками сулят деньги, и он как-будто становится более доступным. В свою очередь является к нему друг его сына, чтобы просить его о деле. Он не скрывает, что является подставным лицом, надеясь этим расположить судью в свою пользу. Но тот отказывается верить этому, не желая упустить обычных подарков; он воображает даже, что это не что иное, как уловка со стороны нового владельца. Производится следствие, из которого явствует, что противники сына судьи неправы. Судье досадно, что он теряет имущество, которое было столь верно и которое его сын продал. Истцы, которых закон должен осудить, снова являются, чтобы воздействовать на судью, и предлагают ему четверть всего имения, если дело будет решено в их пользу. Этот посул соблазняет его, но прежде чем окончательно принять решение, он хочет посоветоваться с другом своего сына, то есть, попытаться, не даст ли ему тот чего-либо; здесь происходит другая, очень забавная сцена благодаря тому, что он стесняется сказать этому молодому человеку, что может обеспечить ему выигрыш процесса. Его не понимают, и чтобы не скомпрометировать себя, слишком открывая свои карты, он решает дело в пользу первых. Его приговор делает их владельцами спорного имущества и присуждает захватчика к оплате всех издержек, а в случае его несостоятельности возлагает оплату на его семью. К своему великому изумлению, судья видит, как к нему являются пристава с требованием об уплате издержек, так как его сын неплатежеспособен. Он в отчаянии, что не поверил другу своего сына, но уже слишком поздно. Он наказан за свое корыстолюбие.

«Эта пьеса пользуется большим успехом в Петербурге; она построена на истинном происшествии, которое имело место не-

давно и которое все еще помнили. Нет сомнения, что это содействовало ее успеху. Автор очевидно знает истинные источники комического, и если он будет работать дальше и будет выбирать сюжеты еще более удачно, он может надеяться, что добьется славы на избранном поприще».

Приведенная рецензия, написанная, очевидно, французом (ср. в начале: «старинная веселость, составлявшая некогда наше наслаждение во Франции...»), раскрывает таким образом, содержание комедии Бибикова и вновь подчеркивает реальный источник ее сюжета; однако при нынешнем состоянии наших знаний о XVIII в. невозможно сейчас установить, кто были живые участники той *persönliche Geschichte*, на которой построен «Лихоимец».

Останавливают наше внимание некоторые мелочи: и Волков и вслед за ним Новиков указывают, что пьеса Бибикова была в 5 актах; рецензия говорит только о трех. Впрочем, возможно, что в статье Волкова имела место опечатка, так как в ней число актов указано цифрой, а не буквами. Затем рецензия указывает, что «Лихоимец» напечатан в Петербурге в осьмую долю листа (in—8), тогда как Волков ничего не говорит о ее напечатании, а Новиков даже отмечает, что она еще не напечатана. Можно предположить, что она все же была напечатана, либо в небольшом тираже для очень узкого круга лиц, либо была уничтожена осмеянными в ней сановниками.

Так как Бибиков принадлежал к «партии Екатерины», можно полагать, что «Лихоимцем» был кто-либо из группы приверженцев Елизаветы или Петра III; вероятно, это был какой-либо сенатор, кто именно — установить едва ли возможно. Впрочем, «личный» момент в комедии Бибикова сейчас не представляет никакого интереса; гораздо важнее отметить реалистический характер «Лихоимца», на полтора десятка лет предвосхитившего реализм фонвизинского «Недоросля» (1782).

ОБ ИЗДАТЕЛЯХ ПЕРВОГО ЧАСТНОГО РУССКОГО ЖУРНАЛА

(По материалам архива кадетского корпуса)

Д. Д. Шамрай

Тема о первом частном русском журнале «Праздное время в пользу употребленное» находится в стадии незавершенного исследования почти по всем пунктам, а по вопросу об его издателях мы не вышли из той неизвестности, которая была констатирована А. Н. Неустровым в его труде «Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг.», СПб., 1875. Между тем все изучавшие русскую литературную общественность XVIII в. непременно должны были так или иначе коснуться периодических изданий и высказаться по открытым вопросам этого журнала, допуская неточности, а иногда свои догадки, быстро превращавшиеся в традицию, которую разбить возможно только при помощи надежных источников. Среди таких неточностей особо выпукло выступает мнение В. В. Каллаша, что «Пр. вр.» является органом Сухопутного шляхетного кадетского корпуса,¹ мнение, вынуждающее нас исследовать вопрос, — действительно ли этот журнал издавался на частные средства отдельных лиц, среди которых были и питомцы кадетского корпуса, или журнал был казенным изданием, тем более, что вторая возможность считалась единственно правильной вследствие большой распространенности взгляда, будто в казенных типографиях того времени, за исключением академической, выполнялись только казенные заказы.

Документально засвидетельствованным началом жизни «Пр. вр.» является подписанное известным Алексеем Петровичем Мельгуновым без названия своего военного чина и своей должности по корпусу ходатайство от 18 XI 1758 «... при Шля-

---

¹ Очерки по истории русской журналистики, М., 1903., стр. 19.

хетском Кадетском Корпусе по примеру Академии Наук издавать ежемесячные сочинения, печатая на счет их сочинителей, с генваря месяца будущего 1759 года, которыми общество может пользоваться, а казна будет такую от того прибыль иметь, что оной на содержание всех типографских служителей будет довольно».¹ На это князь Юсупов дал 21 XI свое согласие, обусловив, чтобы ранее напечатания текст представлялся не только в корпусную конференцию, но и ему самому. Итак, группа сочинителей получила право издавать на свой счет свои труды в виде ежемесячного журнала, который, однако, через несколько дней после разрешения вырисовывался уже, как еженедельное издание,² и был таким с первого же листа. Недельная периодичность журнала была так нова для русских, что все книготорговые объявления и типографские документы указывают только ее и не приводят самого названия журнала. Незнавшие нигде поименно сочинители свои денежные обязательства перед типографией за первый год существования журнала выполняли через заведующего типографией В. А. Черткова необыкновенно точно: 25 янв. было внесено задатку 250 руб., 17 мая — 83 руб., 9 окт. — 100 руб. и 20 февр. 1760 г. — последние 100 руб.; итого была выплачена большая по тому времени сумма 533 руб. за 600 экземпляров, из которых 500 экземпляров печаталось на белой бумаге. Если из приведенных здесь архивных справок относительно первого года выходит, что каждый автор сам оплачивал стоимость бумаги и типографских работ, вероятно, соответственно объему своего сочинения, то этим собственно и дан в общей форме ответ об издателях «Пр. вр.» в 1759 г. На втором же году этого журнала произошли большие изменения. Хотя 21 VIII 1759 г. в нем и объявлялось, что розничная продажа январских и февральских померов уже прекратилась за исчерпанием и что оставались только полугодовые переплетенные томы; хотя там же был напечатан анонс о продолжении журнала и в 1760 г., впрочем уже без доставки по домам подписчиков; однако, во-первых, издательское право перешло в единоличные руки сержанта Петра Пастухова, поскольку

¹ ЛОЦИА, фонд 314, № 66 за 1757 г., л., 129. Доношение же Сумарокова о печатании 1200 экз. «Трудолюбивой пчелы» датировано 14 XII 1758 г. и находится в архиве Академии Наук.

² СПб. Вед., 1758, № 96 от 1 XII объявляла об еженедельной получке журнала.

в архивных документах денежного характера за 1760 и последующие годы он прямо называется «издателем» недельных листов, а, во-вторых, тираж вопреки бодрым объявлениям 1759 г. был снижен до 400 экземпляров, из которых на белой бумаге печаталась только половина. Денежные расчеты у издателя Пастухова с типографией происходили неаккуратно: на протяжении всего 1760 г. он из общей суммы 400 руб. 40 коп. не заплатил ничего и ликвидировал свои обязательства лишь 13 мая 1762 г., хотя весь тираж получал на руки сразу же по отпечатании.¹ В общем причиталось типографии корпуса чистой прибыли за печатание «Пр. вр.» в 1759 г. 193 руб. 34 коп. и в 1760 г. 187 руб. 24¹/₄ коп. Таким образом оказывается, что первый частный русский журнал, просуществовавший два года, делит свою кратковременную жизнь на два периода, не сходных между собою по организационной структуре и по материальной обеспеченности издателей. В характере печатаемых материалов тоже было различие, которое А. Н. Неустроев оценивал чрезвычайно субъективно или с неясной точки зрения. «Журнал за второй год своего существования, — говорит он, — стал разнообразнее. У «Пр. вр.» конец был лучше начала» (стр. 71). Но можно с достаточной основательностью защищать обратное, потому что в 1759 г. журнал интересовался сельскохозяйственными техническими культурами (конопля), гидравликой практической (установка на заводах водяных мехов для горнов и плавильных печей), историей русской торговли, начал печатать в переводе лучший образец творчества аббата Сен-Реаля, рассуждал о желательности всемирной империи во главе с Россией, знакомил читателей с бурлеском италиянским (Доредано) и французским («разговоры богов» не названного автора Ремон де-Сен-Мара, — правда, перевод с немецкого), писал о женском образовании, а также по общему вопросу о чтении и о книгах и др. На втором же году своего существования «Пр. вр.», сообщая о важнейших событиях казенной жизни корпуса, вплоть до помещения проповеди на освящение знамен, или печатая хроникерского типа заметки о читальне, биллиарде, прогулках и буфете в корпусном саду, было по преимуществу литературным журналом, приобретало сатирический характер и вследствие этого, напр., в женском вопросе утратило ту принципиальность,

¹ ЛОЦИА, фонд 314, № 115 за 1757 г., лл. 6 и 11.

которая чувствуется в 1759 г. В соответствии с вышеизложенным нужно ожидать, что состав сотрудников за оба года не будет совпадать. Однако здесь и там было много общего: господствует анализирование добродетельных и порочных чувствований и поступков, и совершенно ясно здесь и там националистическое настроение, особенно возросшее и обострившееся до антинемецкого направления под пером Сумарокова, который присоединился к Петру Пастухову, прервав издательство своего журнала. Мы должны подчеркнуть, что сообщество литературных сил, опиравшийся на типографию кадетского корпуса, имело некоторую сплоченность и устойчивость, несмотря на отливы и приливы. Убедившись, что форма еженедельного журнала за два года себя не оправдала, они не распались, а ищут новых путей: так как ежемесечники были в руках Академии Наук, и ежемесечная «Трудолюбивая пчела» не удержалась, то они избрали род сборника или альманаха. Было объявлено, что в типографии корпуса находится в тиснении «Собрание разных сочинений и переводов из наилучших писателей на 1761 год».¹ Указанием 1761 г., несомненно, была отменена преемственность намечавшейся работы с предыдущими годами или открывалась перспектива какой-то ее систематичности и постоянства на будущее время. Мы должны с очень большим вниманием отнестись к тому факту, что на протяжении своего существования «Пр. вр.» на своих страницах поместило полный перевод сочинения аббата Сен-Реаля Dom Carlos, nouvelle historique, вышедший в 1760 г. сверх того отдельным оттиском под заглавием «История о гишпанском принце Дон Карлосе, сыне Филиппа II-го» и в 1763 г. вторым тиснением в количестве 600 экземпляров. Только-что приведенное объявление на 1761 г. было вполне реально. В декабре 1760 г. поручик Семен Порошин заказал типографии корпуса отпечатать по 2450 экземпляров I и II чч. собственного перевода сочинения Прево д'Ескаля «Англинской философ или житие Клевеланда, побочного сына Кромвелева, писанное им самим».² В декабре же 1760 г. капитан Петр Свистунов сдал в типографию корпуса для печати сразу четыре произведения: комедию де-Сент-Фуа «Оракул»,

¹ Реестр книгам, приложенный к I тому соч. Лепренс-де-Бомонт «Детское училище», СПб., 1761.

² La philosophie anglaise ou histoire de M. Cleveland fils naturel de Cromwell, Utrecht, 1741.

1300 экз., комедию Вольтера «Нескромный», соч. Лепренс-де-Бомонт «Детское училище», т. I¹ и повесть Кошуа «Изабелла Мендоза», все три по 1500 экз. В сентябре 1761 г. он же сдает в печать комедию Мольера «Амфитрион», 1200 экз. Поручик Евсигней Харламов сдал в печать в 1761 г. в ту же типографию три произведения: «Новой Телемак или путешествия и приключения графа^{***} и сына его», т. I, в 1500 экз., «Нещастная Флорентинка или тайная повесть о заговоре фамилии Пацци против фамилии Медисис», 1200 экз. и «Непоколебимое постоянство или приключения графини Савойской», 1000 экз. На счет поручика Степана Перфильева в этом же году вышла «Аделейда, африканская повесть», 1200 экз. В сентябре 1761 г. кабинет-переводчик Степан Савицкий сдал в печать свой перевод книги Гольберга «*Iter subterraneum Nicolai Climii*» 2400 экз. От нас ускользнула причина, вследствие которой эти переводы не были оформлены в виде альманаха или сборника. Но количество их показывает, что обещание было выполнено с избытком. В 1762 г. Свистунов продолжал издание «Детского училища»; Харламов напечатал II и III тт. «Новог. Телемака», а Степан Решетов «Историю о персидском шахе Тахмаса Кулы Хане», в количестве 1200 экз.² Перед нами вскрылся первый этап того течения, которое немного позже могло оглядываться на пройденный путь и формулировать свою установку устами Евсигнея Савельевича Харламова в обращении к читателю книги «Геройский дух и любовные прохлады Густава Вазы, короля шведского» (СПб., 1764). «Хотя романы и не приносят такой обществу пользы, какую получает оно от чтения книг математических, философических и исторических, однако же оные удобны острить человеческий разум, искоренять пороки и насаждать добродетели подаваемыми во оных добрыми и худыми примерами. Я должен отдать справедливость сочинителю «Деревенской библиотеки», что большая часть находящихся во оной историй весьма хорошого изобретения, почему уже многие мною из оной книги переведены и в печать изданы, как-то «Едикариса», «Побочный

¹ Характерно, что этот труд подвергся при переводе литературной обработке: «Я переменял место училища, перенес его из Англии в Россию, переименовал действующие лица, дав им названия, знаменующие их свойства и склонности, сколько смог к тому сыскать приличных» (стр. XIII).

² *Histoire de Thamas Kouli Kan, roi de Perse* [par l'abbé Declaustre], Paris, 1743 et 1758.

сын», «Графиня Савойская», «Несчастливая флорентинка», «Инецца Кордуанская». И как я в предисловии моем к книге, называемой «Сирота англинская», обещал моим читателям стараться в промышленности им пользы и увеселения, то и впредь не премину, изыскивая лучшие по моему мнению книжки, предавать их на рассуждение благосклонных читателей». Как раз о самом начале этого течения на русской почве имеется печатное свидетельство с враждебной стороны. Стефан Писарев, издавая в 1759 г. первый том «Поучений» еп. Илии Миняitia в своем переводе с греческого, писал в предисловии к читателю о своей малой надежде, что хоть один раз в год возьмет в руки эту книгу кто-либо и такой, который «всегдашнюю охоту имеет к забавлению себя историческо-басенными называемыми романы и прочими подобными книжками, от коих единственно только в совести соблажнение и к страстям поползновение ощущается». Конечно, неудовольствие Писарева, служившего в коллегии иностранных дел, должно быть отнесено главным образом к чиновному дворянству, которое знало французский язык. В частности и для Харламова одним из источников была «Деревенская библиотека», т. е. *Bibliothèque de campagne ou amusements de l'esprit et du coeur*, представляющая из себя многотомный сборник, первый том коего вышел в 1735 г. и спустя почти 30 лет переводился на русский язык (Инецца Кордуанская и др.). Такой большой промежуток времени потребовался на то, чтобы эти сочинения в подобранном виде проникли из Франции к дворянским верхушкам, а оттуда спустились в среднее дворянство и обслуживали буржуазные ячейки и круги уже в переводах на русский язык. Наиболее полное представление о живом комплексе подобной литературы на русской почве можно получить, ознакомившись с известным каталогом погибшей библиотеки Шереметевых.¹ Солидный ответ С. А. Порошина на это выступление С. Писарева помещен на 1—6 стр. предисловия к I т. перевода «Философа Англинского» (СПб., 1760). «Историю о гишпанском принце Дон Карлосе», как выше было показано, мы можем считать наглядным связующим звеном между «Пр. вр.» и материалами для «Сборника на 1761 год». Ее издатель в настоящее время столь же ясен, как и открыто подписавшиеся под своими произведениями в 1759 г. Николай Титов и князь

¹ Опись библиотеки, находившейся в Москве, на Воздвиженке в доме графа Д. Н. Шереметева до 1812 года, СПб., 1883.

Василий Белосельский, ибо 9 декабря 1759 г. было отдано распоряжение «при кадетской типографии напечатать переведенной секундротмистром Алексеем Семичевым с французского на российский «Истории гишпанского принца Дон Карлоса» 600 экз. на собственный издателя кошт». В архиве сохранилось и заявление Семичева.¹ Но Семичев в своей деятельности обнаружил склонность к историческим наукам. Например, он перевел книгу La Croze. Abrégé de l'histoire universelle revu et continué par Fougerey и добавил к ней краткую российскую, шведскую, датскую и польскую историю. Кроме 600 экз. по собственному заказу переводчика, было напечатано этой книги — «Краткая универсальная история господина Ла Кроца» — еще 600 экз. для употребления в классах.²

Двигаясь дальше в розысках имен сотрудников «Пр. вр.», мы не рассчитываем преодолеть те громадные затруднения, которые созданы отсутствием подписей. Однако, сами издатели с какою-то долею основательности заявляли, что их журнал «берут многие любители наук».³ Мы должны смелее допускать среди сотрудников наличие образованных людей и даже научных имен, как не можем отрицать научных и образовательных интересов у читателей журнала. Известно, что часть содружников ежемесячных сборников Академии Наук составляли посторонние ей лица.⁴ Мы можем отметить даже случай приоритета «Пр. вр.»: наир., «Разговоры богов» Ремон де-Сен-Мара были в одном и том же объеме, но в различных переводах напечатаны сначала в «Пр. вр.» в 1759 г., а потом появились в 1761 г. в XIII т. Академического ежемесячника, или басня «Сатир и крестьянин» была из «Пр. вр.» за 1759 г. целиком, без всяких изменений, перепечатана в 1792 г. журн. «Дело от безделья» (II, 234). Считается прочно установленным, что в журн. «Пр. вр.» 1759 г. участвовал С. А. Порошин, сотрудничавший в Академических ежемесячниках.⁵ Статьи «Пр. вр.» 1759 г. по женскому вопросу мы можем признать принадлежащими Свистунову, поскольку

¹ ЛОЦИА, фонд 314, № 178 за 1757 г.

² Там же, л. 74.

³ «Пр. вр.», 1759, II, 126.

⁴ Акад. П. П. Пекарский. Редактор, сотрудник и цензура в русском журнале, 1755—1764 гг. СПб., 1867.

⁵ Л. Н. Майков. Несколько новых данных для истории русской журналистики, СПб., 1876, стр. 23.

«Детское училище» его издания имеет предисловие с ясным тезисом о правах женщины на правильное образование и о прорастающей отсюда пользе. Едва ли можно ограничивать роль Черткова одной только передачей денег корпусу за печатание еженедельных листов в кадетской типографии. Чтобы пролить возможно больше света на личности сотрудников «Пр. вр.», мы укажем, что в самом конце 1760 г. кадетский корпус напечатал в 30 пп. на 3 страницах листового размера «Запросы, которыми требуются в Сухопутный Шляхетный Кадетский Корпус географические известия из всех городов во всех губерниях и провинциях российского государства для сочинения географического описания оных» и что ответы должен был обрабатывать поручик Наковальнин под смотрением обер-профессора Эпениуса, капитанов Черткова, барона Унгарна, Свистунова и поручика Порошина.¹ Сергей Федорович Наковальнин, продолжатель работы юстиц-советника Греча в области географии, был издателем сочинений Феофана Прокоповича по очень широкому плану, с внесением даже мельчайших светских стихотворений.² Вполне естественно, статьи о Великом Моголе и Тахмаса Кулы-Хане могут принадлежать Решетову, который, как указано выше, издал в своем переводе «Историю о персидском шахе Тахмаса Кулы-Хане».

Что же касается второго года жизни журнала «Праздное время», то добавочных разысканий об издателе не требуется. Присоединившийся к П. Пастухову Сумароков сообщил журналу колорит своими многочисленными стихами и статьями, но денег на издательство принести, повидимому, не мог: финансовые затруднения у него по делам «Трудолюбивой пчелы» хорошо известны.

В итоге изучения прошедшего перед нами документального материала мы можем утверждать следующее:

1 «Праздное время» было частным изданием.

2 Издательский коллектив 1759 г. при националистическом настроении обращал свое внимание на вопросы народно-

¹ ЛОЦИА, фонд 314, № 19 за 1760 г. л. 3. Здесь же сохранился экземпляр печатных «запросов». По сведениям данного архива, большинство ответов с мест поступало в Академию Наук.

² Список собранного Наковальниным литературного наследства Ф. Прокоповича помещен в конце I т. «Слов и речей» последнего. СПб., 1760 г. Тираж был 5000 экз.

хозяйственного обогащения и усиленно насаждал французскую буржуазную литературу типа исторических романов и повестей в собственных переводах, значительно повышая тиражи по сравнению с тиражом самого «Праздного времени». Издательский коллектив 1859 г. вложил в книгопечатание большую сумму денег и дал книжной продукции по продажной цене на 10 000 руб.

3 Резко выраженное антинемецкое течение журнала в 1760 г. сопровождалось отливом лучших сил.

4 Участие кадетов в жур. «Пр. вр.» должно быть чрезвычайно ограничено, вследствие необходимости каждому сотруднику оплачивать печатание своих произведений.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ АРХИВА АКАДЕМИИ НАУК ПО ЛИТЕРАТУРЕ И ЖУРНАЛИСТИКЕ XVIII В.

Р. М. Тонкова

И. А. П. СУМАРОКОВ И КАНЦЕЛЯРИЯ АКАДЕМИИ НАУК В 1762 ГОДУ

С первых шагов своей литературной деятельности А. П. Сумароков был связан с канцелярией и типографией Академии Наук, так как здесь печатались его произведения за авторский счет.

Вскоре после вступления на престол Екатерины II, 28 августа 1762 г. канцелярия Академии Наук обратилась к президенту Академии, графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, с письменным представлением, в котором просила его или самолично разрешить печатать произведения Сумарокова за казенный счет или испросить на это разрешение императрицы. В тот же день Екатерина, по представлению Разумовского, аннулировала всю прежнюю задолженность, числящуюся за Сумароковым еще с 1748 г. «за напечатанные его трагедии и другие сочинения», и отдала распоряжение, чтобы впредь все произведения Сумарокова печатались в академической типографии за счет кабинета ее величества.¹

Постоянные конфликты между А. П. Сумароковым и академической канцелярией на почве денежных расчетов за печатавшиеся по его заказу произведения общеизвестны, однако до последнего времени оставалось неясным, почему именно канцелярия Академии Наук является ходатаем перед графом Разумовским за бесплатное печатание произведений Сумарокова.

В настоящее время есть возможность более точно восстановить обстановку, при которой состоялось это ходатайство. Среди так

¹ См. Архив Акад. Наук, фонд 3, оп. 1, кн. 269, л. 294—312, в «Деле о печатании в новой типографии г-на бригадира Сумарокова сочиненных его Притчей». Напечатано у В. И. Семенникова в Материалах для истории русской литературы, СПб., 1914, стр. 93.

называемых «Неподшитых дел по типографии Академии Наук»¹ удалось обнаружить один неопубликованный документ, который, повидимому, можно поставить в связь с распоряжением Екатерины о печатании произведений Сумарокова за казенный счет.

Как известно, одна из од 1762 г., посвященных восшествию на престол Екатерины II, принадлежит А. П. Сумарокову.² В текущих делах канцелярии Академии Наук нет доношения Сумарокова, в котором он просил бы о напечатании этой оды; нет о нем никаких следов ни в «Журнале входящим делам за 1762 год»,³ ни в Протоколах академической канцелярии.⁴

Вполне допустимо, что в виду срочности заказа, Сумароков и не писал никакого доношения, а просто передал рукописный экземпляр оды в канцелярию Академии Наук с устной просьбой о напечатании. Это предположение в известной степени находит себе подтверждение в том, что в рапорте фактора Лыкова по поводу выполнения заказа, вопреки установленному порядку, отсутствует трафаретное начало: «По резолюции от такого-то месяца и дня под номером таким-то велено было напечатать» . . . и т. д. (которое обычно основывалось на резолюции, наложенной на поданном в канцелярию доношении); в рапорте Лыкова просто говорится:

№ 619

В Канцелярию Академии Наук

Репорт.

По приказанию канцелярии Академии Наук на день восшествия ее императорского величества на всероссийский престол напечатано в типографии на российском языке сочинения господина бригадира Сумарокова оды четыреста экземпляров. Наборным художеством учинила она одя гробе-миттелем шрифтом два листа в четверку. За набор надлежит считать по три рубля с листа, и того 6 рублей, за напечатание по одной копейке с листа, и того восемь рублей, всего на все за набор и печатание 14 руб. без бумаги. Бумаги употреблено с корректурою, приправкою и порченными листами любской две стопы, российской комментарной четыре дести. По напечатании же выше-

¹ Ф. 3, оп. 4, картон 66, папка с делами 1762 г.

² Сопиков, № 7149. Ода императрице Екатерине II на день восшествия ее на престол; А. Сумарокова, СПб., 1762, в 40.

³ Ф. 3, оп. 1, кн. 671.

⁴ Ф. 3, оп. 1, кн. 475.

означенные 400 экземпляра по требованию его господина бригадира Сумарокова из типографии отпущены с распискою, которую при сем и сообщаю. О сем канцелярии Академии Наук покорнейше репортую. Фактор Артемий Лыков. Июля 15 дня 1762 года.¹

На обороте рапорта дана справка: «За бумагу следует требовать шесть рублей восемьдесят шесть копеек. Инспектор Иван Ильин».

Кроме того, на этом рапорте наверху имеется резолюция: «Июля 25 д. 1762 доложить».

К рапорту Лыков приложил расписку кописта Николая Кострецова от 8 июля 1762 г. о принятии им 400 экз. оды, очевидно, для передачи автору.²

Далее следует копия распоряжения советника Тауберта:

Копия.

1762 года июля 25 дня по резолюции канцелярии Академии велено из одного репорта (фактора Лыкова) учиня счет для требования денег послать к нему, г-ну Сумарокову, коллегии юнкера Орлова, а по истребовании деньги для записи в приход отдать комиссару Зборомирскому, коему по приеме и по записке в приход канцелярию отрепортовать. И о том Зборомирскому дать ордер, а Орлову приказать. Подлинное за подписанием г-на советника Тауберта, за скрепою секретаря Михайла Гурьева. С подлинным читал подканцелярист Самойло Морозов.³

Далее, на л. 300^a набросан черновик счета Сумарокову, а на л. 300^b — новый рапорт фактора Лыкова:

№ (не поставлен)

В Канцелярию Академии Наук

Репорт.

Прошедшего июля м-ца 15 дня сочиненной на российском языке г-ном бригадиром Сумароковым на день восшествия ее величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны на всероссийский престол оды, которой по приказанию канцелярии а по желанию автора [подчеркнуто в подлиннике] печатано четыреста экземпляров, кои по напечатании ему г-ну бригадиру и отданы с распискою, о чем и канцелярии репортовано; а сего августа 1 дня вышенаписанной же

¹ Ф. 3, оп. 1, кн. 269, л. 298. Дело о напечатании этой оды вшито в цитированное выше дело о печатании Притчей.

² Там же, л. 300, который ошибочно вшит между 298 и 299 листами.

³ Там же л. 299.

оды по приказанию канцелярии для него же г-на Сумарокова двести экземпляров [напечатано], которые по напечатании ему, г-ну Сумарокову, и отданы. За напечатание двусот [sic!] экземпляров надлежит требовать четыре рубли. Бумаги употреблено любской одна стопа, российской комментарной две дести. О сем канцелярии Академии Наук репортую. Фактор Артемий Лыков.

На обороте приписка: «За бумагу следует требовать три рубли сорок три копейки. Инспектор Иван Ильин. Августа дня 1762».¹

На этом рапорте имеется следующая резолюция: «августа 5 д. 1762 г., сообщая с делом денег требовать обще».

Из второго рапорта фактора Лыкова неясно, что произошло между 25 июля и 1 августа и чем был вызван дополнительный тираж оды в 200 экземпляров. Обнаруженный в делах архива Акад. Наук документ содержит ключ к расшифровке второго рапорта Лыкова. Этот документ — нечто иное, как счет, посланный А. П. Сумарокову с юнкером Орловым по распоряжению Тауберта. Написан он на листе обычного формата, но занимает лишь половину страницы:

Счет сколько надлежит с г-на бригадира Сумарокова за напечатание при Академии на день восшествия ее императорского величества на российский престол сочиненной им оды денег взять надлежит.

	Руб.	Коп.
За набор 2-х листов по 3 руб. .	6 р.	
За печатание 400 экземпляров на 2-х листах по 1 к. с. листа . .	8 р.	
За бумагу	6 р.	86 к.
Итого . .	20 р.	86 к.

Секретарь Михайло Гурьев

Канцелярист Яков Соколов

Июля 31 дня 1762 г.

¹ Там же, л. 300^б и оборот.

На том же счете Сумароков написал следующий ответ:

Ответ

Академии секретарь г. проф. Миллер, а кто такой Гурьев я этого не знаю.¹ А фактор двухсот экземпляров по приказу г. статского советника Тауберта и по моему требованию напечатать не соизволил, не ведаю по какому закону. А я прошу чтобы подъячие ко мне записок не приносили, ибо я имею дела до Академии а не до подъячих. А. Сумароков.

На обороте первой страницы значится:

Фактор Лыков в канцелярии объявил, что к господину бригадиру Сумарокову последние двести экземпляров отосланы следовательно оный господин Сумароков в требовании его удовольствован, а денег за напечатание сих достальных и с бумагою

должно получить . . . . . 7 р. 43 к.
а с вышеописанными прежними 28 р. 29 к.

которых яко казенного интереса нетолько канцелярский секретарь или подъячий но и посланный от канцелярии с запискою солдат учтиво требовать смеет. Секретарь Михайло Гурьев. Канцелярист Иван Кириллов.

Сумароков не стерпел выпада Гурьева и еще раз написал:

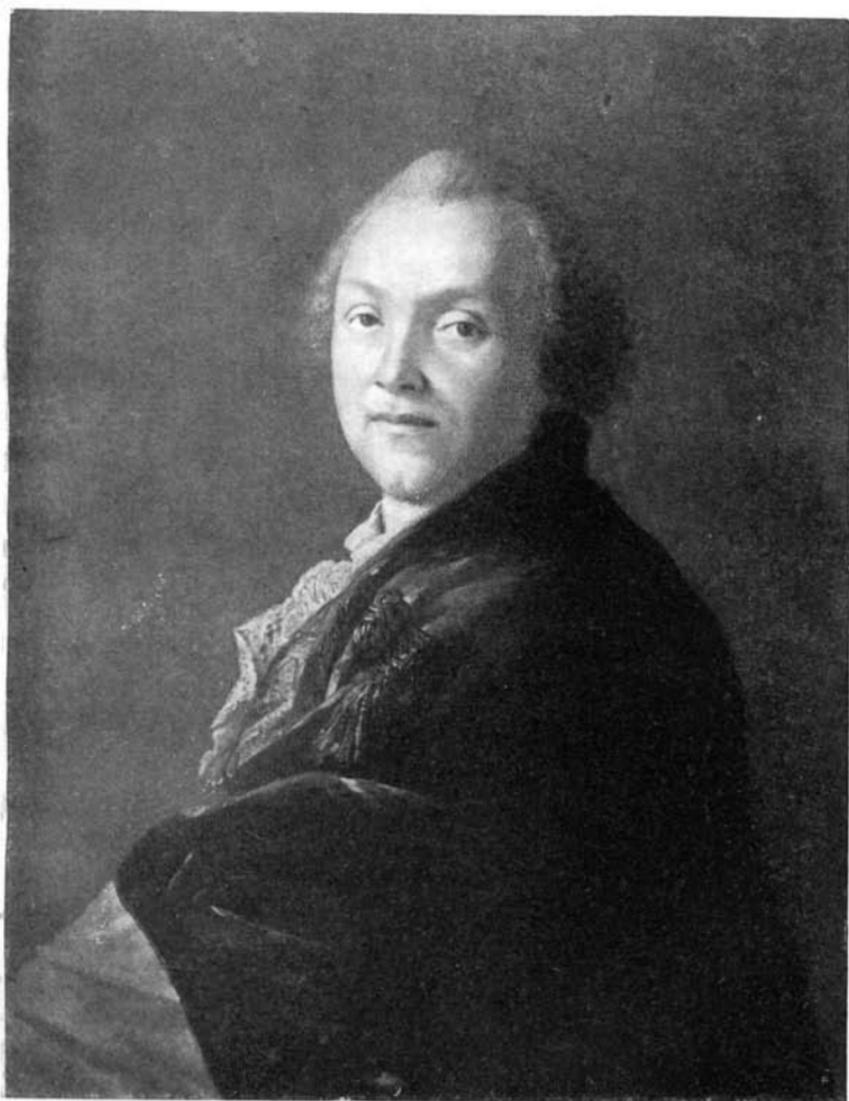
Я с Гурьевым дела не имею а что надлежит заплатить, то от меня внесется в Академию а секретарей и канцеляристов на Парнассе нет, а я прошу Гурьева ко мне ни за чем не присылать; я с ним переписываться не намерен а наставления от Гурьева я не приемлю; не пристало ему меня учить, а он делает, что хочет. Казенный интерес надлежит до Академии а не до подъячих (подписи нет).

¹ В делах Архива Академии Наук сохранились два документа: автобиографическое доношение регистратора Михаила Гурьева от 25 февр. 1754 г. и автобиография коллежского ассессора Михаила Гурьева, поданная им в канцелярию Академии Наук 2 марта 1770 г. в связи с уходом в отставку. Из этих документов видно, что он родился в 1722 г., в 1734 г., т. е. двенадцати лет от роду, начал свою карьеру и прослужил в приказном чину 35 лет, постепенно поднимаясь в звании и в чинах. В 1748 г. он был принят в канцелярию Академии Наук канцеляристом, а в 1756 г. перешел в Монетную экспедицию в чине коллежского секретаря, но уже в 1759 г. он был снова переведен с тем же чином и званием секретаря в академическую канцелярию, где до 1770 года исполнял секретарскую должность. В 1770 г., при уходе в отставку, он получил чин надворного советника и пенсию в половинном размере оклада, т. е. 250 рублей в год (Ф. 3, оп. 1, кн. 2332, л. 29 и кн. 325, л. 509 и об.).

Приведенный документ, с одной стороны, характеризует взаимоотношения представителей двух различных социальных группировок, с другой стороны, он разъясняет, чем был вызван срочный дополнительный тираж оды. Счет, посланный А. П. Сумарокову, датирован 31 июля, а Лыков доносит, что дополнительные 200 экземпляров оды были напечатаны 1 августа, т. е. на другой же день.

Из резолюции на этом рапорте явствует, что общий счет за напечатание всех 600 экземпляров, был предъявлен автору не ранее 5 августа, на что и последовал вторичный ответ Сумарокова с возвращением счета. Выпад Сумарокова без сомнения нарушил бюрократическое благодушие академической канцелярии и, возможно, не только заставил ее «изъять» компрометирующий документ из официальных дел, но и, во избежание дальнейших недоразумений, умиловить разгневанного представителя дворянского парнасса исходатайствованием ему, в виде исключения, разрешения на бесплатное печатание его произведений. Расходы по печатанию оды на восшествие на престол Екатерины II были покрыты из средств кабинета ее величества.¹

¹ В упоминавшемся уже деле о напечатании для Сумарокова Притчей имеется специальная справка, составленная для кабинета ее величества, о задолженности Сумарокова по типографии с 1748 г. по август 1762 г. включительно, в которую вошли и 28 руб. 29 коп., причитавшиеся за оду. А. П. Сумароков печатал свои произведения в академической типографии и до 1748 г. Так, кроме общеизвестной парафрастической оды 1744 г., была напечатана им «Ода ее императорскому величеству всемилощивейшей государыне императрице Елисавете Петровне самодержице всероссийской в 25 день ноября 1743 чрез Александра Сумарокова генеральс-адъютанта его превосходительства обер-егермейстера и кавалера Алексея Григорьевича Разумовского, печатана при императорской Академии Наук». В ст. В. И. Резанова «Рукописные тексты сочинений А. П. Сумарокова» (Изв. ОРЯС, 1904, т. 9, кн. 3, стр. 41) неправильно указан 1745 год, как время выхода в свет этой оды. При проверке этой даты по рукописи, хранящейся в Рукописном отделении Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, оказалось, что В. И. Резанов ошибочно прочитал 1745 вместо 1743. Правильность последней даты подтверждается и Третьяковским в письме о сочинениях Сумарокова (Куник, А. Сб. материалов по истории АН., СПб., 1865, стр. 473—474). В этом письме Третьяковский приводит текст оды 1743 года по имевшемуся у него печатному оригиналу, между тем, в распоряжении В. И. Резанова была дефектная, сильно потрепанная рукописная копия. Сличение текста, приведенного Третьяковским, с текстом В. И. Резанова дает возможность полностью восстановить пробелы последнего (см. указанную статью стр. 41—46). Так, у В. И. Резанова в строфе 10-ой

А. П. Сумароков.
Портрет Лосенко.

То обстоятельство, что Екатерина так охотно пошла навстречу представлению канцелярии Академии Наук, переданному через Разумовского, объясняется, несомненно, политическими соображениями: в Сумарокове она видела выразителя интересов той дворянской группировки, которая только что возвела ее на престол.

III. К ИСТОРИИ ЖУРНАЛА „ДЕМОКРИТ“

В работе В. П. Семенникова о сатирических журналах 1769—1774 гг., составленной на основании документов архива конференции Академии Наук, воспроизведена резолюция Академической комиссии от 4 апреля 1771 г. о напечатании по заказу купца Михаила Седельникова ежемесячного журнала «Демокрит». «Однако, — говорит В. П. Семенников, — «Демокрит» в свет не появился. Несомненно это был журнал сатирический, на что указывает самое заглавие. Повидимому, сатирический элемент стал изгоняться цензурой из нашей журналистики: вместо «Демокрита» иждивением того же Седельникова с августа 1771 г. стал печататься «Трудолюбивый Муравей», журнал очень бесцветный».¹ Кроме В. П. Семенникова никто из исследователей периодических изданий XVIII в. не упоминает о журнале «Демокрит».

Эта скудость сведений объясняется отсутствием материалов, по которым возможно было бы проследить судьбу журнала.

В настоящее время в так называемых «Неподшитых делах по типографии» за 1771 г. Архива Академии Наук обнаружены неопубликованные документы, имеющие отношение к «Демокриту» и подтверждающие догадку В. П. Семенникова о замене этого журнала «Трудолюбивым Муравьем». Вот один из документов — собственноручное доношение купца Михаила Седельникова.

пропущен первый стих (сравни стр. 468 у Тредиаковского и стр. 44 у В. И. Резанова), пропущены строфы 12-я и 13-я и первый стих строфы 14-й (стр. 464—468), а две последних строфы, — 16-я и 17-я, — воспроизведены частично, так как края рукописи в этом месте были порваны. Украинизмы, встречающиеся в тексте В. И. Резанова («кровавий меч», «плененний ум», «страшний час», «успехы» и т. п.) дают основания предполагать, что он пользовался рукописной копией, писанной украинцем.

¹ В. П. Семенников. Русские сатирические журналы 1769—1774 гг. Разыскания об издателях их и сотрудниках, СПб., 1914, стр. 7—8.

№ 179 апреля 4 дня 1771 года.

В учрежденную при императорской Академии Наук комиссию

Покорное доношение.

Желаю я печатать при типографии оной Академии Наук на свой кошт ежемесячные издания под именем Демокрит по триста экземпляров каждого месяца. Того ради Академии Наук комиссию покорно прошу приказать по приложенному при сем оригиналу на месяц март напечатать триста экземпляров, а во что они обойдутся за набор, печатание и за бумагу имею заплатить наперед деньги, да и впредь платить имею за каждый месяц наперед же. Купец Михайло Седельников.

[Резолюция:] Прочитав и сделав цензуру печатать Степан Румовский, ежели другим делам не будет остановки.

На обороте этого доношения имеется «Копия с журнала академической комиссии апреля 4 дня 1771 года», текст которой приведен и у В. П. Семенникова: «С представленного от купца Михайлы Седельникова и впредь представляемого от его ежемесячного сочинения под заглавием Демокрита печатать по триста экземпляров на такой бумаге, на какой он похочет, за напечатание коих брать с его Седельникова деньги по факторскому счету наперед и отдавать в экономическую сумму к комиссару Панкратову, а экземпляры ему, Седельникову. Цензуру сего сочинения поручить переводчику Поленову; а для того фактору Лыкову накрепко приказать, чтобы он без подписания его, Поленова, отнюдь оного сочинения не печатал. Подлинный за подписанием гг. комиссии присутствующих. С подлинным читал корист Иван Фролов. [Приписка] Копия ф. Лыкову дана 6 апреля под № 317».

Третий документ, рапорт фактора Лыкова от 23 сент. 1771 г. сообщает дальнейшие сведения о «Демокрите»:

К № 610 сент. 23 д. 1771 г.

В учрежденную при Академии Наук комиссию

Репорт.

По резолюции апреля м-ца 4-го дня под № 317-м купцу Михайле Седельникову повелено было печатать ежемесячного сочинения под именем Демокрита; но по желанию авторскому оное сочинение переименовано в С м е с ь; да к оной же С м е с и Р о с с и и продающимся у него книгам напечатано каждого по триста

экземпляров на собственной его бумаге. Набором Смесь учинила один лист с осьмушкой, а Роспись один лист, в октаво формат из цецеро литер; за набор следует считать по три рубли с листа, учинит шесть рублей тридцать семь копеек с половиною; за печатание шестисот тридцати семи листов с половиною, шесть рублей тридцать семь копеек с половиною; всего на все помянутых Смеси и Росписи триста экземпляров коштуют по типографии в двенадцать рублей и семьдесят пять копеек, которые в силу вышеписанной резолюции при сем и вносятся.

Фактор Артемей Лыков

Петр Сидоров

Сентября 23 дня 1771 года.

Из этого рапорта видно, что 23 сентября 1771 г. в свет вышли два издания — журнал «Смесь» и «Роспись» книгам, продающимся у купца Седельникова.

Между тем, 28 сентября того же года, по заказу Седельникова же в академической типографии было напечатано особое «Объявление» в количестве 500 экземпляров, в котором сообщалось о выходе в свет еженедельника «Трудолюбивый Муравей»; «Объявление» было напечатано вместе с «Росписью» книгам, продающимся у переплетчика Миллера.¹

На первый взгляд создается впечатление, что между рапортом Лыкова и появившимся вслед за ним объявлением нет ничего общего, потому что в них идет речь о различных вещах. Однако, если учесть, что в 1771 г. кроме «Трудолюбивого Муравья» не выходило ни одного еженедельника, то возможен единственный вывод: в своем рапорте фактор Лыков не мог сообщать ни о чем другом, как только о выходе «Трудолюбивого Муравья», который он назвал «Смесью», используя это слово для выражения понятия «Еженедельное издание»² по аналогии с еженедельником «Смесь», издававшимся в 1769 г. и вторично переизданным в 1771 г., незадолго до выхода в свет «Трудолюбивого Муравья» (сохранившееся в «Неподшитых делах» доношение купца Арефия Круглова о выпуске второго издания «Смеси» с резолюцией

¹ Сведения об этом объявлении почеркнуты из упоминавшихся уже «Неподшитых дел» за 1771 г. и из журнала Академической комиссии за тот же год (Кн. 542, запись № 585).

² «Демокрит» должен был выходить е же м е с я ч н о.

канцелярии Академии Наук, неизвестное В. П. Семенникову, датировано 19 апреля 1771 г.).¹

Предположение, что под «Смесью» фактор Лыков подразумевал «Трудолюбивого Муравья», подтверждается еще следующим обстоятельством: Лыков рапортовал, что в первый прием напечатано «Смеси» лист с осьмой, т. е. 18 страниц, что как раз соответствует двум первым номерам журнала (по 8 страниц на каждый номер) в соединении с объявлением о его выходе в свет, помещенном непосредственно после титульного листа и занимающем 2 страницы (Неустроев в «Историческом разыскании», СПб., 1875, стр. 165, рассматривает «Объявление» как неотъемлемую часть журнала, вероятно на том основании, что он и вышел в таком составе). Содержание объявления, опубликованного с двумя первыми номерами «Трудолюбивого Муравья», совпадает с содержанием «Объявления», напечатанного особым тиражем 28 сентября 1771 г., только к последнему приложена на двух страницах роспись книгам, продающимся у переплетчика Миллера.² Спрашивается, какое же соотношение существует между этой, незначительной по объему росписью и той, о которой рапортовал фактор Лыков 23 сентября и которая «учинила набором» один лист. Последняя «роспись», повидимому, не сохранилась, о ней

¹ № 235. Апреля 22 дня 1771 г.

Императорской Академии Наук в комиссию
покорное доношение

По приложенному при сем оригиналу в книгу С м е с ь на один первый лист покорно прошу приказать в типографии (sic) оной Академии Наук напечатать на мой счет двести экземпляров а во что оные по исчислению печатанием обойдутся имею деньги заплатить при сем. Арефей Круглов.

Апреля 19 дня 1771 года.

(На обороте)

Приложенного при сем собрания разных философских и критических сочинений под именем С м е с ь набором литер учинит один лист. И если напечатано будет двести экземпляров на авторской бумаге, то коштовать будет по типографии в четыре рубли. Фактор Артемий Лыков.

Апреля 19 дня 1771 г.

² В фонде XVIII в. ИКДП АН имеются три разных экземпляра «Трудолюбивого Муравья»: в одном из них «Объявление» помещено непосредственно после титульного листа, в другом — объявление в этом месте отсутствует (м. б. оно было утеряно), но зато в конце тома прилетен экземпляр объявления вместе с росписью «прошлогодних журналов и других многих книг», продающихся у Миллера. Третий экземпляр дефектный — без объявления и без росписи.

не упоминают ни Д. В. Ульянинский,¹ ни проф. А. И. Маленин, только что подготовленной им к печати статье «Книжные росписи XVIII в.»;² поэтому сличение текстов обеих Росписей исключается. Однако, ближайшее ознакомление с текстом объявления о выходе еженедельника «Трудолюбивый Муравей» позволяет высказать предположение, что обе Росписи имели один и тот же источник для своего возникновения и служили одинаковой цели — рекламировать книжную лавку книгопродавца Карла Вильгельма Миллера «в Луговой Миллионной улице в доме под № 77», отличаясь друг от друга лишь полнотой приведенных названий. В «Объявлении» говорится: «Письмы с надписью к издателю «Муравья» принимаемы будут в Луговой Миллионной в доме переплетчика Миллера, у которого сии листы продаваться имеют с 30 числа сего месяца [сентября], а напечатано будет к тому числу пять номеров». Если бы купец Седелников заказывал Роспись книгам, продающимся в особой, принадлежащей ему, книжной лавке, то, несомненно, финансируя «Муравья» он и продавал бы его у себя, но не у Миллера. Повидимому, Седелников был неофициальным компаньоном Миллера и, как таковой, оплатил в типографии Академии Наук расходы по печатанию еженедельника, книжной Росписи размером в один лист и Объявления совместно с сокращенной Росписью, что дало фактору Лыкову основание превратить Седелникова из книгоиздателя в книгопродавца.

К сожалению, в Архиве Академии Наук не удалось обнаружить материалов, вскрывающих причины, по которым уже подготовленный к печати «Демокрит» не появился в свет и был заменен «Трудолюбивым Муравьем». Возможно, что здесь имели место цензурные препятствия. Как бы то ни было, но обнаруженные в Архиве документы не лишены ценности: они безоговорочно устанавливают неизвестную до настоящего времени связь между двумя периодическими изданиями — «Демокритом» и «Трудолюбивым Муравьем» — и являются некоторым вкладом в небогатый по своему составу документальный фонд источников для изучения истории журналистики XVIII в.

¹ Ульянинский, Д. В. Среди книг и их друзей, ч. I, М., 1903.

² Предполагается к опубликованию в ближайшем выпуске Трудов ИКДП по отделу книги

III. И. К. ГОЛЕНЕВСКИЙ

Иван Кондратьевич Голеневский является одним из мало известных писателей XVIII в. Биографические сведения о нем крайне скудны. В делах Архива Академии Наук сохранились доношения Голеневского от 1752, 1754 и 1763 гг., в которых он именуется себя «придворным певчим».¹ Позднее, в 1774 г., в тех же архивных делах он фигурирует как переводчик.² В дошедших печатных произведениях Голеневского отсутствуют прямые автобиографические указания, так что в этом отношении остается возможность для построения гипотез.

В первом томе «Русской поэзии»³ С. А. Венгеров высказывает предположение, что Голеневский был белорус по происхождению, так как одна из его од, — на день коронации императрицы Екатерины Алексеевны, — принесена от города Полоцка. Однако, с такой же степенью вероятности допустимо предположение, что Голеневский мог быть родом из Украины, потому что в сентябре месяце 1752 г. он взял из академической гимназии определенного туда по его же, Голеневского, желанию племянника, Ивана Степанова Протанского, чтобы «отправить его в Малороссию».⁴ К этому можно прибавить, что в 1774 г. он издал переведенную им с польского языка речь украинского писателя, белорусского епископа Георгия Конисского к польскому королю Станиславу Августу. Во всяком случае, польским языком Голеневский владел, но где он служил в качестве переводчика и с какого языка — сведений не имеется.

Голеневский был одним из ранних русских стихотворцев. Н. И. Новиков, современник Голеневского, упоминая о нем в своем словаре,⁵ говорит, что «Голеневский издал в свет несколько од и песен», в словаре же митрополита Евгения⁶ он совсем не

¹ Дела Архива Академии Наук 1752 г., кн. 166, л. 514 и 516. Там же, 1754 г., кн. 193, л. 151—159. Дела 1763 г., кн. 279, л. 55. Это последнее доношение напечатано у В. П. Семенникова в «Материалах для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II». Петроград, 1915, стр. 28—29.

² Журнал Академической комиссии 1774 г., кн. 545, запись №№ 181 и 364.

³ Венгеров, С. А. Русская поэзия, т. I, СПб., 1897, примечания и дополнения, стр. 72.

⁴ Дела 1752 г., кн. 166, л. 514 и 516.

⁵ Новиков, Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях, СПб., 1772, стр. 30—31.

⁶ Евгений, митр. киевский. Словарь русских светских писателей. Изд. И. Снегирева, т. I, 1838.

упоминается. Литература о нем указана в Источниках словаря Венгерова.¹ В 1777 г. Голеневский издал Собрание сочинений, которое дает возможность установить приблизительное начало его литературной деятельности.

1. Самый ранним по времени выхода в свет произведением Голеневского, помещенном в Собрании сочинений, является ода на бракосочетание великого князя Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны, 1745 г. (Собр. соч., стр. 45—49.)² Остальные произведения Голеневского распределяются в следующей хронологической последовательности:

2. Ода на день тезоименитства графа Алексея Григорьевича Разумовского. Марта 17 дня 1751 г. (отдельное издание in f^o, 4 стр., напечатанное в академической типографии, имеется в коллекции Библ. Академии Наук.)

3. Ода на день тезоименитства Елисаветы Петровны. Сентября 5 дня 1751 г. (Собр. соч., стр. 50—55; отдельное издание in f^o, 4 стр., напечатанное при Акад. Наук, имеется в коллекции Библ. Акад. Наук.)

4. Ода на день восшествия на престол Елисаветы Петровны. Ноября 25 дня 1751 г. (Собр. сочин., стр. 56—62; отдельное издание in f^o, 4 стр., напечатанное при Акад. Наук, имеется в коллекции Библ. Акад. Наук.)

5. Ода на день рождения Павла Петровича. Сентября 20 дня 1754 г. (Собр. соч., стр. 34—44.)

6. Плач по успшей императрице Елисавете Петровне. СПб., 1762, in f^o, 4 стр. (Первое издание этой элегии имеется в коллекции ИКДП АН, но в Библ. Акад. Наук и в Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина оно отсутствует. У Соликова (№ 8284) Плач описан не de visu. Редкость первого издания элегии объясняется, по всей вероятности, наличием в 10 строфе стиха: «Когда б здесь не был Третий Петр», и в 11 строфе следующих первых шести стихов:

Петр Третий будет вам отрада,
Елисаветин слышу глас:
Блаженны вы, российский чада,
Что есть такой отец у вас.

¹ Венгеров, С. А. Источники словаря русских писателей, СПб., 1910, т. II, стр. 4.

² Названия приводятся в сокращенном виде.

Петр кушно и Екатерина
Утех, спокойств, щедрот пучина.

В последующих изданиях эти стихи заменены другим текстом.

7. Ода на день восшествия на престол Екатерины II. Июня 28 дня 1762 г. (Собр. соч., стр. 3—7.)

8. Ода на день тезоименитства Екатерины II. Ноября 24 дня 1762 г. (Собр. соч., стр. 8—12; отдельное издание in f^o, 4 стр., напечатанное в типографии Московского университета, имеется в коллекции ИКДП АН и в Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина.)

9. Ода на день тезоименитства Екатерины II. Ноября 24 дня 1763 г. (Собр. соч., стр. 13—17, отдельное издание in f^o, 4 стр., напечатанное при Акад. Наук, имеется в коллекции ИКДП АН и в Библ. Акад. Наук.)

10. Ода на день рождения Павла Петровича. Сентября 20 дня 1765 г. (отдельный экземпляр in f^o, 4 стр., напечатанный в СПб., имеется в коллекции Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина. Эта же ода включена с небольшими изменениями и в Собрание сочинений Голеневского, стр. 29—33, но интересно отметить, что здесь она фигурирует как ода на день тезоименитства Павла Петровича, Июня 29 дня 1765 г.)

11. Ода на день рождения Екатерины II, Апреля 21 дня 1766 г. (Собр. соч., стр. 18—22.)

12. Ода на день коронации Екатерины II, принесенная от города Полоцка сентября 22 дня 1772 г. (Собр. соч., стр. 23—27; в коллекции ИКДП АН и в Библ. Акад. Наук эта ода имеется как отдельное издание, вышедшее в Петербурге в 1774 г. in 8°, 8 стр. В коллекции ИКДП АН эта ода включена в сборник, поднесенный И. Голеневским М. Н. Кречетникову.¹

13. Плач на кончину Елисаветы Петровны, усопшей декабря 25 дня. 2-е издание, СПб., 1774, in 8°, 8 стр. Вместе с Плачем в этом издании помещена песнь Утешение скорбящего (имеется

¹ Михаил Никитич Кречетников (1729—1793), исполняя должность калужского, тульского и рязанского губернатора, получил 11 июля 1779 г. орден Александра Невского. В связи с этим событием И. Голеневский преподнес ему специально подобранный сборник некоторых своих произведений. (Кроме Оды от города Полоцка в сборник включены №№ 14, 16, 17 и 18 настоящего перечня). Сборник снабжен «подносным» листком и стихотворением, посвященным М. Н. Кречетникову.

в Библ. Акад. Наук. В третий раз Плач напечатан, но без песни, в Собр. соч., стр. 63—67).

14. Речь к Станиславу Августу, королю польскому, Георгия Конисского. Перевод с польского текста Ивана Голеневского, СПб., 1774, in 8°, 13 стр., параллельный текст на русском и польском языках. (Это издание имеется в коллекции ИКДП АН в сборнике М. Н. Кречетникова. Год издания отсутствует, но указанный Сопиковым (№ 10060) 1774 г. подтверждается записью в Журнале комиссии Акад. Наук за 1774 г., под №№ 181 и 364, книга 545.)

15. Собрание сочинений с переводами, СПб., 1777, in 8°, 67 стр. (имеется в коллекции ИКДП АН и в Библ. Акад. Наук).

16. Дар обществу, СПб., 1779, in 8°, 52 стр. (имеется в коллекции ИКДП АН в виде отдельного издания и в сборнике М. Н. Кречетникова. Отдельное издание имеется и в Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина).

17. Надпись к портрету Екатерины II. Без года издания, 10 строф. Помещена в Собр. соч. на стр. 28, а в сборнике М. Н. Кречетникова напечатана на обороте последней страницы Речи к Станиславу Августу.

18. Слово на день коронавания Екатерины Алексеевны. Говорено проповедником иезуитского ордена Иосифом Катенбрингом сентября 22 дня 1772 г. в Полоцке [перевел с латинского П. Голеневский]. Без места и года издания, но не позднее 1779 г., in 8°, 14 стр. Помещено в сборнике М. Н. Кречетникова из коллекции ИКДП АН. У Сопикова не упоминается.

Из вышеприведенного перечня видно, что до нас дошло одиннадцать похвальных од Голеневского и ряд других произведений и переводов. Можно предполагать, что все оды выходили отдельным изданием, но из-за ограниченного тиража разошлись по рукам и не сохранились.¹ Этот же перечень показывает, что гворчество Голеневского охватывает 1745—1779 гг., т. е. не менее чем 35-летний период. Многие произведения Голеневского были переизданы, но характерно, что в Собрание сочинений из 11 од он не включил только оду на тезоименитство графа Алексея Григорьевича Разумовского. Очевидно в 1777 г. этот сюжет был не актуальным.

¹ Например, ода 1754 г. была отпечатана в количестве 50 экз. (Дела Архива Акад. Наук 1754 г., кн. 193, л. 151—159.)

Сочинение Голеневского Дар обществу, объемом в 52 страницы, представляет собой собрание его мелких произведений, преимущественно его песен церковно-богослужебного и религиозно-этического содержания, как-то Преложение псалмов стихами купно с содержанием оных, Псалмы рождеству христову, Псалма великопостная, и т. д., Надписи духовные в стихах (трипостасным лицам, положению во гроб спасителя, на похвалу богоматери), уже упоминавшееся Утешение скорбящего, и др. Далее помещены 12 «эпитафий или надгробных надписей» в стихах и в прозе, среди которых выделяются следующие: 1) Зиновию Богдану Хмельницкому, малороссийскому гетману (в прозе и в стихах.) 2) В память славному мужу Михайле Ломоносову, на гробницу, воздвигнутую графом М. Воронцовым (в прозе и в стихах.) 3) Мужу знаменитому Александру Петровичу Сумарокову (в прозе и в стихах.)

Последний раздел в этом сборнике отведен шестидесяти двум мнениям правоучительным, написанным шестистопным ямбом.

Текстологическое сравнение произведений Голеневского, дошедших в разных изданиях, дает возможность проследить, по каким линиям шло исправление текста. В некоторых случаях замена одних слов другими обнаруживает в авторе тенденцию к архаизации языка в целях придания ему большей торжественности, например,

ода 5 IX 1751 г.

строфа 10, ст. 8—10

изд. 1751 г.

изд. 1777 г.

Фавоний машет там крылами,	.....
Летая кротко над браздами,	.....
Лобзает колос не боясь.	Лобзает класы не боясь.

строфа 15, ст. 1—3

Зажги светильник сердца ясный	.....
И дух пред нею покори,	.....
У сердий ток пролей все-	Усердый ток пролей все-
часный.	часный.

ода от города Полодка

строфа 6, ст. 1—4

изд. 1774 г.

изд. 1777 г.

Великая Екатерина	.....
Трудом величим возмогла.	.....

Защитница церкви едина . . . . .
 Вам избавление дала. . . . . Вам избавление посла.

ода на 24 XI 1762 г.
 строфа 1, ст. 8—9

изд. 1762 г.

изд. 1777 г.

Нам радостны дни вновь сияют, ...
 Надежду с счастьем обещають, Надежду с счастьем вещают.

ода на 24 XI 1763 г.
 строфа 9, ст. 4

изд. 1763 г.

изд. 1777 г.

А сферу в шуицу вмести л. А сферу в шуицу вмести л.
 В других случаях выражено стремление приблизиться к существующим языковым нормам, придать стихам большую стройность, например,

ода на 5 IX 1751 г.
 строфа 6, ст. 1—4

изд. 1751 г.

изд. 1777 г.

На что ни кинешь светлым . . . . . На что ни вскинешь свет-
 оком, ... лым оком
 Везде веселие, краса; . . . . .
 Россия в счастья высоком . . . . . Россия в счастья глубоком
 На небе видит чудеса. . . . .

строфа 7, ст. 5 и 6

Приносит фрукт златый . . . . . Приносит плод златый
 Помона . . . . . Помона
 С древ Гесперидских днесь . . . . .
 до трона . . . . .

ода на 24 XI 1763 г.
 строфа 7, ст. 5—10

изд. 1763 г.

изд. 1777 г.

Твой меч коварных так по- . . . . .
 губит, ...
 Побед тебе бог усугубит . . . . .
 К победам прежним . . . . . Их острый рог сим будет
 с славой вновь. . . . . стерт.

Что фин, гот были нам суровы,	.....
За то подданства чтят оковы	.....
Карела, Эльбинг, Дерпт,	Карела, Эльбинг, Пернов,
Пернов.	Дерпт.

К третьей категории относятся исправления, обусловленные логической необходимостью заменить одно понятие другим или вообще изменить текст в целях создания более правдоподобного художественного образа, например,

ода на 5 IX 1751 г.

строфа 1, ст. 1—4

изд. 1751 г.

изд. 1777 г.

Красуясь Нева судами,	.....
Бег правит быстро свой к	.....
морям,	.....
Бросает яркими волнами	Бросает бурными волнами
По влажным, тучным берегам.	.....

строфа 2, ст. 1—4

Титан с востока к нам стре-	.....
мится,	.....
В лазоревый покров одет,	.....
Горящим дугом он	Великолепием гордится,
гордится,	.....
Огонь из поздрей на	И огонь лучей на землю
землю льет	льет

строфа 4, ст. 1—4

Отверзты двери там золотые,	.....
Где первых входит	С сиянием звезд и пла-
хор планет,	нет,
За ним во след текут	Текут с старейшими
младые	младые
Поздравить днесь Ели-	.....
савет.	.....

строфа 5, ст. 5—10

Для пользы целого народа	.....
Приятств открылась вся	Приятств открылась при-
природа	рода

И ударяет в свой тимпан.	. . . . .
Вражды, печали, про- падайте,	Печальны мраки, исче- зайте,
Алтайски горы, возы- грайте,	Рифейски горы, возыграйте
На радость всех российских стран.	. . . . .

строфа 12, ст. 4 и 5

Где с ними купно Амфион	. . . . .
На лютне громкой уда- ряет	На лире громко ударяет

строфа 15, ст. 4—7

Как Герм Лидийск из под горы	. . . . .
Края златыми чтит струями,	. . . . .
Дая из недр и перла тьмами	
И алыи с ними же	Дражайший обществу
кораль.	металл

ода на 25 XI 1751 г.

строфа 2, ст. 6 и 7

изд. 1751 г.

изд. 1777 г.

В порфире на российском троне	. . . . .
Богатство с счастьем	Богатство с счастием
в нас растет	цветет

строфа 3, ст. 5—7

Где виды бисерной их	Где вид их бисерныя
пены	пены
И маргаритны зрятя стены	. . . . .
По равным, мягким берегам	По равным, влажным берегам

строфа 8, ст. 5—8

Но весь свет, что преж было тмился,	Весь свет, что мраком прежде тмился
В очах днесь русских отро- дился,	В очах днесь русских про- светился
Как чистый зрится сквозь нектар	И чистым зрится как нектар

Своим так взором бе- Сияние повсюду кажет
дость кажет

строфа 11, ст. 9

И сахарну рукой льет сла- Сладчайшую рукой льет
дость сладость

строфа 19, ст. 7—8

Ты плод приятнейших деревьев, ...
Во граде вышнем наса- В земном Едеме наса-
жденных жденных

ода на 24 XI 1763 г.

строфа 3, ст. 1—2

изд. 1763 г.

изд. 1777 г.

Желанный Эак и с Ми- Еак избранный и с Ми-
ноем ном

И купно с ними Радамант . . . . .

строфа 8, ст. 8

Он гордых сломит рог Он мышцей гордых
и выю сломит выю

Более значительным изменениям подвергся текст оды на день тезоименитства Екатерины II, 24 ноября 1762 г. В издании 1777 г. не только произведена во многих местах замена одних выражений другими, но выщущены целые строфы и заменены совершенно новыми,¹ а последняя, 12-я строфа, подверглась коренному изменению:

изд. 1762 г.

изд. 1777 г.

О царствуй, вышним покровенна,	Да будет день сей вождеденный
От всех народ избавив бед,	Началом неисчетных лет
Ты к счастью тому рожденна,	Тебе, о ангел наш бесценный,
Привя корону для побед.	Сдражайшим Павлом без павет.
Златые россам даруй веки,	России, долг свой исполняя,
Пролей на всех щедротны реки	Усердно сердце преклоняя,
И жизнь должайшую веди,	Нелицемерный дар ся
Цвети в порфире на престоле	Приими сей, мать милосерда,

¹ В издании 1777 г. исключены из первоначального издания и заменены другими строфы 5, 6, 7 и 11.

С дражайшим Павлом в светлом Ты щит, покров, надежда тверда,
 поле,
 Ничто их в свете не вреди. Всяк ждет щедроты твоея. .

Все же частичные исправления текста в произведениях Голеневского не изменили общего характера его стихов, написанных тяжеловесным языком, в духе школьной учености, с постоянными упоминаниями богов, героев и географических названий классического мира.

По своей литературной ориентации Голеневский, повидимому, стоял на распутьи между Сумароковым и Ломоносовым. Исправления, вносившиеся в переиздававшиеся произведения, обнаруживают стремление, правда, не всегда успешное, приблизиться к разговорной речи и следовать Сумарокову. Одновременно Голеневский не скрывает своего преклонения и перед Ломоносовым; так он обращается к уже умершему поэту со следующими словами в оде 1766 г.:¹

Сном вечным мужу восхищенный,
 Проснись и ободри Парнасс.
 Похвал что носишь лавр зеленый,
 Подвигни лирою Кавказ;
 К сугубой радости сей россов
 Пиит наш сладкий Ломоносов,
 Взыграй приятностью струн,
 В пример последуя Орфею,
 Плененному шуметь Борею
 Претит юпитеров перун.²

Ломоносов в свое время тоже дал оценку Голеневскому, давая для канцелярии Акад. Наук отзыв об оде Сумарокова на смерть Елисаветы Петровны и о «Плаче» Голеневского по тому же поводу. Этот отзыв Ломоносова отчасти уже известен, в 1865 г. его напечатал П. С. Билярский в «Материалах для биографии Ломоносова» (СПб., 1865, стр. 560), а с него перепечатал П. П. Пекарский в Истории императорской Акад. Наук, СПб., 1873, т. II, стр. 763, по в виду того, что текст отзыва приведен

¹ Ломоносов умер в 1765 г.

² Ода на день рождения Екатерины II 21 апреля 1766 г. Собр. соч., стр. 20, строфа 7.

Биллярским не совсем точно, будет излишним воспроизвести его еще раз.

«Стихи господина Голеневского на погребение сделанные можно отдать в печать, так как и господина Сумарокова оду на погребение печатают, со мной не обсылаясь, чего я и не требую, как и цензором быть не желаю; и впрямь прошу на меня никого с такими комиссиями не насылать; притом могу сказать, сей господина Голеневского Плач ничем не уступает погребальной оде. Некоторые погрешности обещался он исправить. Михайло Ломоносов».¹

Определение классового лица Голеневского не представляет больших затруднений. Приведенный выше перечень его од и песен с достаточной ясностью показывает, какие сюжеты вдохновляли его поэтическое творчество. Все его оды написаны в характерном для того времени раболепном тоне, что нашло отражение и в их заглавиях.

Особенно показательно в этом отношении заглавие оды, посвященной А. Г. Разумовскому:

«Ея императорского величества лейбкомпании капитану-поручику обер-егермейстеру генералу аншефу лейб-гвардии конного полку подполковнику действительному камергеру, российских орденов, также белого орла и святыя Анны кавалеру, российский и римский империи высокосиательнейшему графу Алексею Григорьевичу Разумовскому всеусерднейшее поздравление, которое приносится в день тезоименитства его в приветственной оде чрез всеижайшего слугу и искреннейшего доброжелателя Ивана Голеневского. 1751 марта 17 дня. Печатана в Санктпетербурге при императорской Академии Наук 1751 году. In f^o, 4 стр.»

Повидимому, с Разумовским Голеневского связывали более глубокие отношения, чем только преклонение перед человеком «попавшим в случай», и в слова «всеижайшего слугу и искреннейшего доброжелателя» он хотел вложить особый смысл. Несомненно, песнь Утешение скорбящего, напечатанная вместе с Плачем на кончину Елисаветы,² имеет в виду Разумовского. Возможно, что Голеневский был родом из Украины, не исключена возможность, что Голеневский был товарищем Разумовского по участию в придворном хоре. Не исключена также возмож-

¹ Дела Архива Акад. Наук 1762 г. кн. 267, л. 2. Датировано 4 февр.

² См. № 13 приведенного выше перечня.

ность, что Голеневский, кроме песен религиозно-правственного содержания, писал и светские песни и мог быть участником кружка придворных певчих, группировавшихся вокруг кратковременного фаворита Елисаветы — Никиты Афанасьевича Бекетова¹ генерал-адъютанта Разумовского. Разночинец по происхождению, судя по сборнику Дар обществу, может быть, из духовного звания, Голеневский служил интересам господствующего класса — дворянства и явился одним из проводников феодально-дворянского начала в русской литературе.

---

¹ Литература о Н. А. Бекетове указана в I томе упоминавшихся «Источников для словаря российских писателей» С. А. Венгерова, стр. 204.

НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ РУБАНА

Лидия Гинзбург

В незаконченной статье 1833—1835 гг. так наз. «Мысли на дороге» Пушкин писал: «Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется в обычаях английской литературы. Почтенный Кребб, умерший в прошлом году, поднес все свои прекрасные поэмы To his Grace the Duke etc. (его светлости герцогу и т. д.)... в России вы не встретите ничего подобного. У нас, как заметила M-me de Staël, словесностию занимались большею частью дворяне... Это дало особенную физиономию нашей литературе; у нас писатели не могут изыскивать милости и покровительства у людей, которых почитают себе равными, и подносить свои сочинения вельможе или богачу, в надежде получить от него 500 рублей или перстень, украшенный драгоценными камнями. Что же из этого следует? Что нынешние писатели благороднее мыслят и чувствуют, нежели мыслил и чувствовал Ломоносов или Костров? Позвольте в том усумниться.

«Нынче писатель, краснеющий при одной мысли посвятить книгу свою человеку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному в общем мнении, но который может повредить продаже книги, или хвалебным объявлением заманить покупателей...»

«К тому ж с некоторых пор литература стала у нас ремесло выгодное, и публика в состоянии дать более денег, нежели его сиятельство такой-то или его высокопревосходительство такой-то».

Пушкин довольно точно сформулировал буржуазную социологию писательского ремесла, в отличие от феодальной социологии, и отдал предпочтение феодальной. В середине 30-х годов вопрос о социальном положении писателя был для Пушкина мучительным и личным вопросом. Он говорит об этом как историк и как современник, для которого даже времена Ломоносова и Кострова существовали еще в устном предании вос-

поминаний и анекдотов. Наряду с новым для России буржуазным типом писателя, прямо зависящего от публики, Пушкин различает два феодальных типа: писатели-дворяне «не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными», и вместе с тем: «Ломоносов наполнил торжественные свои оды высокопарной хвалою; он без обиняков называет благодетеля своего графа Шувалова своим благодетелем; он в какой-то придворной идиллии воспевает графа К. Разумовского под именем Полидора; он стихами поздравляет графа Орлова с возвращением его из Финляндии... Дело в том, что расстояние от одного сословия до другого в то время еще существовало. Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостью и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину он мог быть им равным)». («Мысли на дороге»).

Формально Ломоносов статский советник и дворянин. Но писатели из рядов поместного дворянства, с их исконными классовыми вожделениями, с их враждебностью принципу бюрократического самодержавия — противопоставались Пушкиным идеологически безответственным наемникам власти и знати.

В деятельности писателей-наемников XVIII в. на некой «высшей» ступени стояли темы столь официальные, что в их пределах и воспеваемый и воспевающий теряли личные признаки, превращаясь в абстракцию монарха, вельможи, полководца, как и в абстракцию пиита. Абстракции и стали по преимуществу достоянием печати и потомства. Те же ступени поэтической лестницы, на которых социальное раболепство неприкрыто сменялось личным угодничеством, обычно скрывались в быту. Тем существеннее для малоисследованного вопроса о вельможном меценатстве XVIII в. рукописное наследие коллежского секретаря и сочинителя Василия Рубана.¹ Ибо вряд ли ритмическая речь когда-либо служила для более откровенного разговора о подачке за восхваление и о восхвалении за подачку.

¹ В рукописном отделении ГПБ хранятся две тетради стихотворений В. Г. Рубана (шифр F XIV, № 46). Наряду с черновиками и списками его печатавшихся од, переводов и на шпеей, они содержат большое количество подносных стихотворений. Из этого материала до сих пор опубликовывались только отдельные строки в статьях и библиографических заметках о Рубане. Ряд подносных стихотворений публикуется целиком впервые в настоящей работе. Тексты рукописей Рубана часто неисправны; в иных случаях недостает части стиха или даже целой строки и т. д.

Его высокопревосходительству Санктпетербургского вольного
Общества Президенту Петру Богдановичу Пассеку.

Дел домостроительственных ты, Пассек, председатель.
И блага общего ты твердый надзиратель.
Все Общество тебя за труд благодарит,
Споспешником тебя оно благ общих зрит.
Быть членом Общества сего я честь имею,
Но как полезным быть ему не разумею.
О земледелии писал стихи Марон,
Но в Риме огород имел при доме он
И дачу, какова твоя при Могилеве,
Он хлеба всякого заботясь о посеве
И роды разного там содержал скота.
Шленила взор его мест сельских красота.
И хвалит своего щедроты Мецената, —
Чувствительной души то должна дань и плата.
Подобной щедростью и я тебе хвалюсь
И царской звать ее щедротой не стыжусь.
Пять тысяч четвертей земли мне князь Тавриды
Давал, но на письме ее лишь зряся виды,
В поместье ж не пришла сия поднесь мне часть.
И я не знаю кто принял ее во власть,
Или казенною осталася поныне.
Я бобылем живу и в горестной судьбине,
И нанимаю дом, хоть не весьма хорош,
Доколе есть еще в кармане царский грош.
Своей же нет земли ни четверти аршина.
Наследие мое всех улиц грязь и тина,
Котору всякий день ногами я мешу
И часть не малу в дом на обуви ношу.
Я делал опыты и из сего навоза,
И на грязи моей росли тюльпан и роза.
Но каля польза мне от опытных цветков,
Я лишню истоптал лишь пару башмаков,
И опыты мои мне бесполезны стали,
Когда цветы мои засохли и увяли.
Под руководством я теперь твоим иду
И ниву новую парнаску заводя
Во приобретенном краю недавно польском.

И слыша земляков о действе том иройском,
 Во кратком слоге их я подвиг описал;
 С сим опытом трудов пред твой я взор предстал.
 Врожденную в тебе любовь к наукам зная
 И добротворный дух твой сердцем почитая,
 Льщусь выгоды в тебе желанные иметь:
 Домостроитель ты и знаешь, чем согреть
 Оледеневшую земли замершей жилу.
 На многомошную твою надеясь силу,
 И опыты моих хоть небольших трудов
 Во благодетельный вручая твой покров,
 От меценатской же я жду твоей десницы,
 Что щедрой взору ты представи их царице,
 Желаемое мной составишь щастье тем;
 С покорностью теперь тебя прошу о сем.

Социальные факты, сопутствовавшие торжественной оде, как нечто запредельное тексту и подразумеваемое, на низах одической литературы переместились в текст. Послание к Пассеку имеет двойное назначение: во-первых, утилитарное — прошение о пожаловании земли;¹ во-вторых, теоретическое — размышление о том, что каждый меценат имеет такого Марона, какого он заслуживает.

Рубан был украинец, вероятно, из казаков. Во всяком случае из Московской духовной академии он поступил в разночинскую гимназию при Московском университете.² По окончании университета Рубан служил в Коллегии иностранных дел переводчиком; потом протоколистом Межевой экспедиции в Сенате. С 1774 г. он, в течение 18 лет, состоял секретарем

¹ Для верности Рубан адресовал еще и Зоричу то же самое послание с небольшими вариантами:

Ты в крепость, в слабость я телесну облечен,
 Твой дом обилием — мой скудостью снабден.
 Карета, лошади — все у тебя готово.
 На стихотворное лишь я обилен слово.
 Деревни у тебя и многоплодный сад.
 Я и надежды сих лишен иметь отрад.

и т. д.

Деловая часть обоих посланий совпадает полностью.

² О существовании документа, подтверждающего это с несомненностью, сообщил мне Г. А. Гуковский.

Потемкина, причем в 1784 г. был определен Потемкиным в Военную коллегию, в качестве заведывающего иностранной перепиской и переводчика с польского языка деловых бумаг. В этой должности Рубан дослужился до чина коллежского советника (см. Б. Модзалевский. В. Г. Рубан, СПб., 1897).

Рубан — один из самых усердных и плодовитых литературных работников второй половины XVIII в.: переводчик, поэт, автор статистических, географических и исторических статей, специалист по сочинению надгробных и других надписей и издатель нескольких журналов. Но современники знали не только официальную и печатную сторону деятельности Рубана. В. Капнист писал

Но можно ли каким спасительным законом
 Принудить Рубова мириться с Апполоном,
 Не ставить на подряд за деньги гнусных од
 И рылом не мутить Кастальских чистых вод?¹

(«Сатира I»)

Очевидно, что Капнист не имел здесь в виду рубановских од в честь побед Суворова, или «... на кончину ее светлости Евдокии Борисовны, владеющей герцогини Курляндской и Семигальской», или «На день рождения Императрицы Екатерины II»:

Узрев рожденья день на свет Екатерины,
 Покрылись зеленью и горы, и долины,
 И небо, и земля, и сонм огней и вод.
 И церковь, и чертог, и войско, и народ
 Приемлют радостны торжествования виды,
 Питомицу зря муз и Марса, и Фемиды,
 Возведшую с собой на августейший трон
 Науки, ремесла, художества, закон...

Все это могло быть как угодно бездарно, но в конце концов ничем принципиально не отличалось от оды вообще. Капнист очевидно намекает на специфическую подносную поэзию Рубана, в значительной своей части рукописную.²

«Гнусная ода» отличалась от торжественной оды, прежде всего, отсутствием одической абстрактности и перифрастичности,

¹ Ср. отзыв Д. И. Хвостова: «Рубан не иначе восходил на Парнас как для прославления богатых и знатных особ».

² Впрочем, и среди печатной продукции Рубана можно указать весьма своеобразный опыт. А именно «Дифирамб пану Фаддею Костюшке, раз-

в силу которой вещи не назывались своими именами, а по возможности греческими и римскими; по-русски то же самое выходило «гносно». Причем гнусность могла ощущаться не только в попрошайничестве самого пиита, но и в чересчур откровенном ожидании «монаршей мзды» для особ воспеваемых. Вроде обращения к Ал. Ал. Саблукову:

Грудь, Саблуков, твою Владимир осеняет
И сродника к себе в соседство ожидает.
О сем на небеса мольбу усердну лью:
Да Невский озарит грудь Александр твою,
И если вечным сном я взора не закрою,
То с александровской узрю тебя звездою . . .

Рубан работал и в торжественном и в «гносном» роде, иногда простодушно смешивая их признаки. Подобное сочетание мифологических абстракций с бюрократическими терминами представляет собой следующее его произведение:

Письмо

Его Сиятельству

Графу

Платону Александровичу

Зубову

от Коллежского советника Рубана.

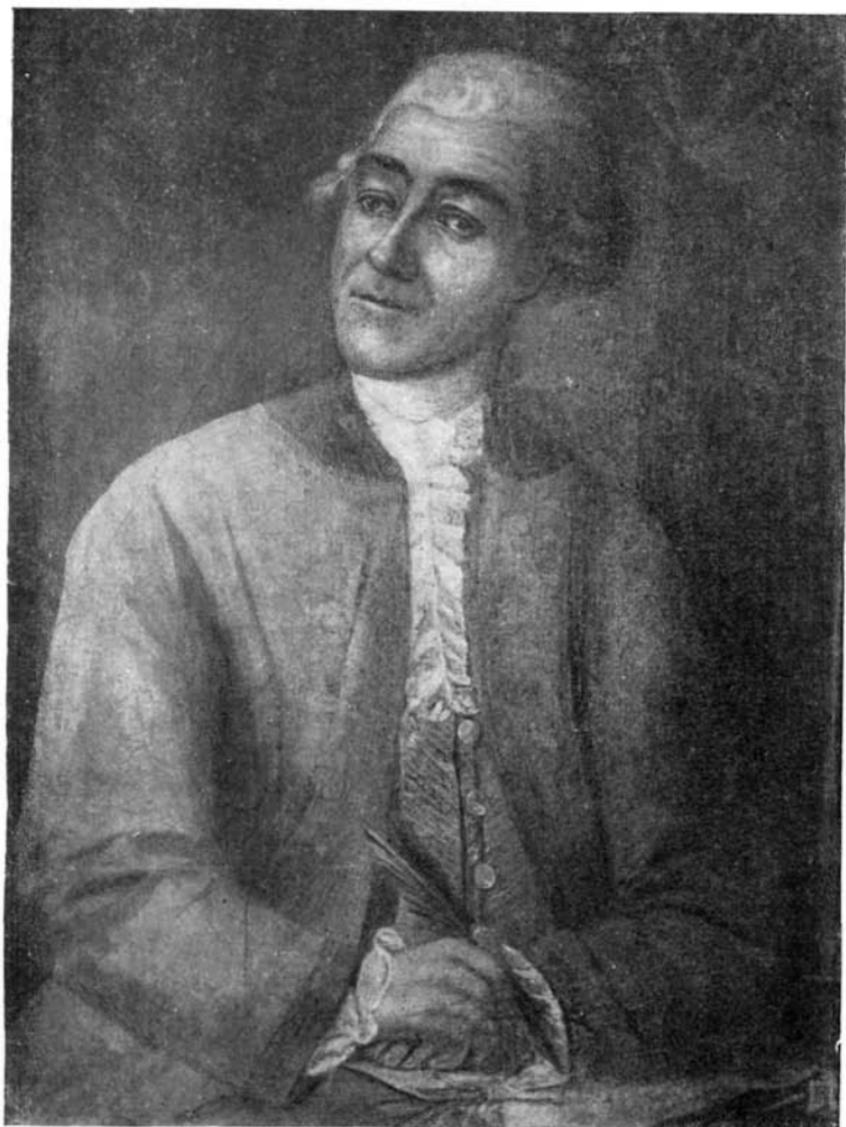
По воле божества и силою указа,

Граф Зубов членом стал Военного приказа!

битому и взятому в плен с предводимыми им польскими мятежниками при замке Мачевице в 60 верстах от Варшавы 29 сент.» (1794 г.). Это вещь, написанная в солдатском, «суворовском», стиле, очень далекая от официальной военной поэзии XVIII в., нечто вроде агитационных афишек Растопчина 1812 г.

Узнавши Ферзен сих к себе гостей приход,
Венгерское вино и липец ставит миод,
С учтивостью прося их питей сих покушать;
Но зря, что не идут и не изволят слушать,
Солдатским их своим попотчивал пивцом,
И показал себя пред ними молодцом,
Он храбрым русским дал приказы генералам,
Чтоб воздали они сим должное пахалям . . .

В. Г. Рубан.

Портрет Клиникова, 1783 г.
(Музей Института русской литературы.)

Держащим на врагов со молнией перун,
Которому и Марс послушен и Пептун.
Все рады суть сему, я паче всех доволен,
Быв лета многие неизделимо болен,
Надеяся, что он по милости своей
Спокойством облечет моих остаток дней:
В военной бо и я советником служу,
Но не советую, а только превожу
На русской польские патенты и дела,
Но кроет мрачная мои зеницы мгла,
И продолжать уже сей труд не дозволяет,
Хотя усердием мой к службе дух пылает:
Уже бо тридесат и слишком лет прошло,
Как в офицерский чин мя счастье возвело,
Шестой же от роду лет прохожу десяток,
И в жалованьи весь мой состоит достаток,
Да разве мне своей деревней счесть Парнасс.
Скотины же один, но ветхий уж Пегас.
Осьмнадцать лет служил при князе я Тавриды;
Но к горести моей и к чувствию обиды
Тот, кто трудившихся при оном представлял
Умершим знать меня сочтя, не написал,
И тем лишил меня участия награды
На штат покойного от россия Памлады,
Котора матерни на всех щедроты льет
И как живущим, так и мертвым воздает
За труд к отечеству, о редка добродетель!
Да продлит жизнь ее вселенная содетель
До самых позднейших времен и лет, и дней,
Для счастья подданных, для помощи царей.
Не люди лишь одни, но рыбы, звери, птицы,
Как удивленный перс, быв у сея царицы,
Заметил, — от нее довольством снабдены, —
Чего же ожидать словесные должны?
Хоть подданным ее последним я считаюсь,
Но милостями ее вседневно озаряюсь,
И благодарственные песни приношу
И буду пети ей доколе же дышу.
Наибольшим для себя то счастьем почитаю,
Что жизнь во дни ее на свете продолжаю.

Не лишних требую при старости наград,
 Но чтоб коллежских мне советников оклад,
 Каков в сем городе по штатам утвердила,
 Чтоб оной дать и мне теперь благоволила;
 Или ясней сказать, чтоб до последних дней
 Мне семьсот пятьдесят в год пенсии рублей
 Высоким повелеть изволила указом,
 И чтоб уволен я Военным был приказом
 От скрибы, ибо я уже и слеп и глух,
 Лишился зрения и потерял мой слух.
 Вот в чем моя к тебе, граф Zubov, просьба слезна
 Не сделай моего прошенья бесполезна;
 Но милость бедному пииту покажи,
 И к благодарности дух старца обяжи.¹

23 января 1794.

Перун и Нептун, Парнасс и Пегас не закрывают от взоров
 читателя вполне житейскую обстановку военной канцелярии;
 а от «Росская Паллады» требуется —

. . . чтоб коллежских мне советников оклад,
 Каков в сем городе по штатам утвердила,
 Чтоб оной дать и мне теперь благоволила;
 Или ясней сказать, чтоб до последних дней
 Мне семьсот пятьдесят в год пенсии рублей
 Высоким повелеть изволила указом . . .

¹ Это послание, так же как и первое, о двух адресатах. В том же 1794 г. оно было представлено графу Салтыкову, причем строка: «Вот в чем к тебе моя, граф Zubov, просьба слезна» — в салтыковской редакции читается: «Вот в чем к тебе моя, граф, ныне просьба слезна». После точно воспроизведенной деловой части, следует вариант:

Прости, что просьбой сей тебя я утруждаю,
 Надежнейших к сему путей не обретаю.
 Что пользы в том, что я зажиточным знаком,
 Они на лошадях, а я хожу пешком,
 А конный пешему товарищ не бывает,
 И сыт голодного ева ли понимает?
 Ты с чувством и душой, граф Салтыков, рожден,
 Будь горестной моей судьбою убежден.
 Все то свидетельством любви твоей ночью
 И добротворцов тя к числу моих причту.

Вот это стремление «ясней сказать» о 750 рублях пенсии и покорило дворянскую щепетильность Капниста. Поэзия славословий звучала пристойно, покуда она оперировала общими знаками политических величин и социальных категорий. Всякий частный случай граничил уже с неприличием. Кстати, как бы конкретно ни изъявлял Рубан желания получить пенсию, в этих домогательствах все же был оттепок официальности. Но Рубан дошел и до таких «частных случаев», как стихотворная благодарность за обед:

Его Высокопревосходительству Александру Александровичу
Нарышкину

Благодарение за письмо полученное из Екатеринослава от
25-го ноября 1794 г.

Нарышкин, обершенк Второй Екатерины,
Дом коего явил мне древние Афины!
С гречанкой грека в нем беседующих зрел,
Равно и древний Рим тут случай зреть имел,
Латинским языком имея в нем беседу,
Хозяйкою потом оставлен для обеда,
Которой слабых сих был слог мой поднесен,
И с благосклонностью от оныя прочтен.
На ней священнейший геройский знак сияет,
И образ божества грудь оной украшает!
Отборных яств имел я за столом куски
От благотворных хозяйския руки,
С благоговением когору лобызаю,
И что за милости сии воздать? — не знаю.
Какое лучшее на свете есть вино:
Такое при столе мне было подадо.
Потом, когда уже из-за стола все встали,
То о приехавшем с письмом гонце сказали.
Хозяин сам сего представил мне гонца,
Запечатленного я видел письмеца
Обверт со надписью и города на оном,
Я удовольствие мое явил поклоном.
Простаясь с хозяином и в дом свой отхожу,
Открыл письмо и клад во оном нахожу.
Без всех заслуг моих хозяйской знак любви
И знаменитая благородной крови

О ближнем чувствие, я оным поражен,
 Не зная сам за что был столько одолжен.
 Но сим не кончилось, еще, еще оттуда
 Два сорта яблок мне пришли, два целых блюда
 Печеных с сахаром, а из других компот —
 Чем вдруг с запасом стал карман, желудок, рот.
 Блажен кто жизнь свою во благе провождает,
 Небесну мзду тому создатель обещает,
 Для оказания ж без просьб, догук услуг
 Являет образ нам пресветлый Фебов круг.
 Вседневно он, всходя небесных вверх селений,
 Не дожидаясь ни от кого молений,
 Благотворительны лучи лиет на всех,
 Чтоб быть споспешником отрады и утех
 Многообразного земных творений рода;
 Им оживляется и всех вещей природа;
 Как благотворный дождь иль нежная роса
 Засохшие живит и злак и дрeвеса, —
 Так лира скудная живится от щедроты
 И новые к стихам виною есть охоты.
 Вот чувство какво, Нарышкин, я вмещал,
 Как благотворное твое письмо читал;
 Я начертание твоей лобзал десницы,
 Имея полные слез радостных зеницы.
 Что благо я себе нечаянно обрел,
 Небесному сие все промыслу причел.
 И милости твои, как и твоей супруги,
 Без наималейшей мне оказаны услуги,
 Во всю чувствительны пребудут жизнь мою,
 И я на лире их пред светом воспою.
 Доколе будут в Белт струи Невы катиться,
 Доколе дней моих течение продлится, —
 Доколе буду я щедроты ваши петь
 И благодарное к вам чувствие иметь.

Отдано 27 ноября 1794 года.

В обращении к Нарышкину фигурируют еще некоторые одические аксесуары — вроде «Рима» и «Белта». Но у Рубана есть и вещи, выдержанные в едином коммерческом стиле. Напри-

мер, краткое послание к Яковлеву (очевидно Сергею Саввичу, сыну известного богача из мещан — Саввы Яковлева):

Коль, Яковлев, тебе хвала для дочки любя,
 Потщися, чтоб была мне тепленькая шуба,
 Которую уже ты мне и обещал,
 До сочинения еще ее похвал.
 Немедленно они, я думаю, поспеют,
 Коль муфта с шубою мне руки посогреют,
 Которые теперь привел в озноб мороз.
 Я и зимой растить пучек умею роз,
 А матери твоей за похвалу духовной
 Счет после сделаем с тобою полюбовной.
 Она уж сделана мной по твоей мольбе
 И мною вручена, как помнится, тебе.
 Вот видишь, что твоих я просьб не забываю,
 Не забывай и ты, о чем напоминаю.¹

Столь же стилистически последователен стихотворный «Счет» представленный какому-то заказчику (как видно из текста,

¹ Приезду еще несколько соответствующих мест из разных посланий:
 Зоричу

Ты здравие, герой, беречь мне предписал
 И пятьдесятных шесть при том бумаг прислал.
 С трудом читал руки я почерк твой священный,
 Но списком бывшим в нем столь ясно вразумленный
 И луч твоих щедрот блистательных в них зря,
 Приемлю, искренно тебя благодаря,
 И благотворную десницу лобызая,
 Лью слезы радости, взор к небу простирая,
 Чту новых милостей твоих к себе залог...

Родзянке

Я вознесенский лист и три листа при нем
 В обверте получил с исправностью твоим,
 Судакское вино, и киевские вишни,
 Благодарения не могут быть излишни...

Даву (после благодарности за присланный
 табак):

И думаю еще я от руки твоей
 Из мокрых или же и из сухих вещей*
 В дар что либо принять, что сам ты порассудишь,
 Чем к благодарности ты сам меня побудишь.

* Вариант: Иль яблок, иль сельдей, иль вин, иль овощей.

игольному фабриканту) за хвалу «покойному родителю» (Рубан был профессиональным составителем надгробий):¹

Счет забранных в зачет надгробия вещей.

Я, требуя от вас за надпись награждений,
 За долг вменяю счет составить одолжений,
 Какими жадован я в бытность здесь от вас.
 Вы ласковы ко мне бывали всякой час,
 Фунт чаю получил от вашего я сына
 И в ангел мой сукна для фраку три аршина,
 Бумаги разные бракованные дествь,
 Да Вашей фабрики иглоок двадцать шесть.
 Вот безуронная вам вся до нитки смета,
 Чем своего снабдить изволили поэта,
 И буде нужно, то поставьте в счет их мне, —
 С охотою и то я всё приму в цене,
 Какая, за хвалы родителя покойна,
 Покажется для вас прилична и пристойна.
 Хотя бы согую иль тысячную часть
 Того, что вы по нем в свою приали власть,
 Благоволили вы на бедных уделити,
 Не может, кажется, за то греха вам быти
 И польза б тем была родительской души —
 Чистосердечия ты голосу внуши.

За этим утилитарным стихотворством вырисовывается социальное лицо автора — лицо литературного наемника и разночинца; причем позиция эта Рубаном осознана:

Послание Н. Н. Д[емидову] на новый 1795 год.

Д[емидов], ты желал, чтоб я писал сатиру,
 Да сто рублей твоих² известны будут миру,
 Пииту данные в день именин твоих,
 Чем щедрость изъявил ты за похвальный стих.
 Ты встретил с таким подарком и пиита,
 С каким того, твоя кем пара платья сшита,

¹ В 1799 году, по случаю посещения могилы Рубана, Лвостов написал:

Здесь Рубан погребен; он для писанья жил
 Надгробописец быв, надгробну заслужил.

² Вариант: «Да знак щедрот твоих» . . .

Считая наравне пера с иглою труд;
Подобный в старину бывал Шемякин суд.
Теперь ума и рук способность различают,
Художеств и наук прямую цену знают;
Но и за сей тебя я дар благодарю;
И не сатиру, но послание творю;
И нежности твоей легонько дам заметить:
Не все то золото, или алмаз, что светит;
Гнилое дерево равно и червь земной
В углу при темноте свет испускают свой.
Блестящи мотыльки, летая над свещою,
И искры снежные блеск издают зимою.
Но ошибается наш часто слух и взор,
Передко холмики нам кажут виды гор,
И вещи разные нас издали прельщают;
Но ближе рассмотри, восторги исчезают,
И бубны славятся, но за горами лишь;
Мня зреть большой корабль, смотрю поближе — лодка;
Мне с кедра шишечка свалилась иль колодка,
Но я и шишечке при недостатке рад:
И из нее развесть кедровый можно сад;
И добрым знаком дар сей неба почитаю,
Задатком большего я малое считаю,
Как слышал из твоих я благотворных уст,
Ты обещал еще, и твой обет не пуст.
Мне твой родитель был и дядя благодетель,
Им щедрости была врождена добродетель,
Они покоятся уже в блаженном сне,
Ты благ споспешником по оных буди мне.
От них была моя ущедровапа младость,
Ты не оставь мою днесь дряхлу видя старость,
Которую уже влечет недуг во гроб.
Дух благодетельных имея ты особ,
Призреньем не оставь, да кончу дни в покое.
Большому кораблю и плаванье большое
Приличествует быть, ты и за малый стих
Потщись давать дары достойны рук твоих,
Усердный буди благ ты ближнему содетель,
И не останется безмездна добродетель.
Щедротой шествовать ты начал славы в храм

И узришь славную щедрот награду там.
 В наставший новый год тебя я поздравляю
 И прошлогоднего обета ожидаю,
 Который исполнять за долг души вменя
 И дешево труды пиита оценя,
 Вознаграждение соделав оным пово,
 Исполни чрез сие тобою данно слово,
 Которого уже не малы дни я жду,
 Имев с моим трудом недостаток твой в виду,
 Понеже старику больному очень больно,
 Когда довольные дать не хотят довольно:
 А от других не так достаточных людей,
 Я с удовольствием в дар беру и сто рублей,
 И меньшей дар цены с приятностью приемлю;
 От многих же совсем и ничего не возьмю;
 Мне бог невидимо прещедрый воздаст
 И с лишком пятьдесят меня питает лет.
 Щедрот его к себе я вечно не забуду
 И прославлять его в похвальных песнях буду.
 Доколе же дышу, и тех благодарить,
 Кто будет волей мне его благодворить;
 И не имев своих ни деревень, ни дому,
 Я промыслу его себя вручу святому;
 Зрю щедрящи меня вседневно небеса,
 И благостей его меня поит роса.
 На милосердие его я уповаю
 И дней моих конца спокойно ожидаю;
 Бог мне прибежище, защита, и оплот.
 Вот мысль тебе моя, Д[емидов], в новый год.

Рубан характеризует положение литературного наемника, с горечью отмечая несправедливость в оценке умственного труда. Однако, все это в тоне лакейской резиньяции. Существующее положение вещей очевидно несправедливо, но для резиньяции достаточно и того, что оно существует:

Но и за сей тебя я дар благодарю
 И не сатиру, но послание творю...

Замечательно, однако, что именно плебейская «гнусная ода» вместила некие, хотя бы уродливые, зачатки социального протеста, невозможного в поэзии высоких славословий:

Понеже старику больному очень больно,
Когда довольные дать не хотят довольно.

А вот начало «Письма» к Сергею Саввичу Яковлеву:

Я в новой, Яковлев, твоей деревне был
По зву, но там тебя тогда не улучил,
Хотя же твоему сказался я гусару,
Но мною не вилял он слов: как лошадь без удару
Извозничьим кнутом или концом возжей,
Блестящею гордясь ливреею своей,
К простому ж моему суконному убору
Не восхотел возвесть очей своих и взору,
Однако ж проворчал сквозь зубы: я скажу
И барину, когда приедет, доложу . . .

Декларация плебейской обездоленности придает Рубану определенные социальные черты, тогда как в официальной оде XVIII в. автор выступает не только без личных, но и без общественных признаков; это только — лицо воспевашее. Официальная ода, порожденная феодальным обществом, была жанром косным и преимущественно приспособленным к выражению узко-феодальных отношений. Бытовое же стихотворство Рубана топорно, коряво, но все же как-то отражает рост новых буржуазных сил. Так, в обращении к Николаю Никитичу Демидову Рубан дает апологию дельца, организатора национальной промышленности. Образ новый, наряду с традиционными в феодальной поэзии образами — полководца, вельможи, «справедного судьи»:

Поздравление его высокородию
Николаю Никитичу Демидову

Со вступлением в должность советника горной экспедиции
1795 года.

Природы тайны знать, руд положенье ведать,
Почетней, нежели на серебре обедать,
Неистощимого устав знать естества,
Полезнее, чем знать наряды щегольства
И ведать разные новейших мод уборы,
Приличней для коней какой кареты цвет,
Иль как протанцевать искусно минавет,

Что высшим даром благ считают петиметры,
 И их сообщницы, в главе посящи ветры,
 Которых жизни в том верховный есть закон,
 Чгоб время года знать, или по их сезон,
 Когда в тафту, в атлас, иль в бархат нарядиться,
 Когда, кому с каким изгибом поклониться,
 Как острым меж каких умов блеснуть словом,
 Презренье, иль хвалу кому явить лицом.
 Вот знающего свет наибольши совершенства,
 Но ведать способы народного блаженства,
 Потребно более и знаний и труда,
 Какая и каких крушцов¹ у нас руда,
 В какой стране какой доброты или видов? —
 То ведать преддежит тебе теперь, Демидов! —
 Понеже горних дел советником ты стал,
 Я в сем достоинстве тебя не поздравлял,
 Поздравить же теперь за долг и честь вмению,
 Не в прозе, но в стихах, и оным исполняю
 Желание твое, и с радостию жду
 Да вскоре узришь ты от рук монарших мзду.

Еще выразительнее в социальном отношении «Ода откупщикам»:

К откупщикам

оказавшим услугу короне падачею
сумм при торгах 1794 года.

Пою податливость усердных руки!
 Наддачей при торгах казны откупщики,
 Благопогребную явившие услугу
 Для пользы отечества, земному в славу кругу!
 Я ваши в алфавит привел здесь имена,
 Да их и поздние узнают времена.
 В пределах будете всего известны света,
 Ходячая везде прославит вас монета.
 Вы, вы, Силен и Вакх, веселий божество,
 Народов радостно умножьте торжество!
 В честь вашу строятся откупщиками храмы

¹ Крушец — металл.

И украшаются зелеными листьями
Неувядающих древес чрез целый год,
Да весел завсегда пребудет в них народ.
Кто ж именно и где усердный труд являют,
Читатели сие из росписи узнают,
В порядке азбучном предложена она
С названиями мест чины и имена
Благоуслужливость отечеству явивших
И за усердность песнь похвальну заслуживших
Пшита, коего готовность есть пера
Описывать весь век споспешников добра
Да в росском и они известны будут мире!
И радость возглашать соотчичей на лире,
На казовый конец и полный алфавит
Имен их и чинов являет здесь пшит.
Да каждый, кто его увидит, прочитает
И об отличии усердия узнает.
По званию и числу взятых на откуп стран
И сколько у кого обилеи есть карман, —
Удобно может то в уме своем расчислить,
И о имени своих сограждан мыслить
Удобность каждому откроется чтецу.
Но славы вашей, откупщики, певцу
Логь малу часть своих доходов уделите,
И книжек по пяти трудов его возьмите,
Которы издал он для пользы общей в свет.
Сего возмездия себе от вас он ждет
За сочинение стихов и алфавита,
Где ваша взору всех услужливость открыта.
В признании вашем он себя надеждой льстит
И щедрость вашу вновь пред светом возвестит,
Прострет похвальное о вас к народу слово,
И сборище у вас веселых будет ново.
В противном случае, оборота назад,
Он лиру на другой свою настроит лад.

Восхваление откупщиков — акт несколько не предусмотренный традицией высокой поэзии XVIII в. и непосредственно идущий от самой злободневной действительности. Любопытно, что Рубан не подводит своих новых героев под нивелирующий масштаб

феодалных достоинств и добродетелей. Он сохраняет буржуазную специфику в самом строе образов, в подборе воспеваемых качеств:

Ходячая везде прославит вас монета

По званью и числу взятых на откуп стран
И сколько у кого обиден есть карман...¹

Рубановская буржуазность, разумеется, не имеет ничего общего с передовой буржуазностью радищевского толка. Это буржуазность реакционная, поклоняющаяся откупщикам и прислуживающая власти. Но как бы то ни было — в стихотворческий оборот Рубана вместились явления разного порядка, в том числе и такие, для которых в более высоких литературных этажах вовсе еще не найдено было выражения. Между прочим, Рубану принадлежит, вероятно, первое в русской литературе стихотворение о рабочих:

¹ Тема денег вообще разрабатывалась Рубаном и в рубановском окружении с величайшей прямолинейностью. В свое время Незеленов даже усмотрел в журнале Рубана «Ни то, ни сию» — «материалистическое направление» на основании напечатанного там стихотворения о деньгах:

Можно ли нищенство
Деньгам предпочесть?
Деньги — лучше средство
В свете все обресть!
Деньги в честь выводят,
Нам друзей находят.
Где серебро блеснет,
Взоры там народны;
Где богач идет,
Путь открыт свободный.
. . . . .
Царств великолепность,
Блеск безбренных дней,
В брани нужну крепость,
Всех союз вещей
Деньги составляют,
Деньги прикрывают
И пороки злых!
Кто серебром запасен,
Тот в глазах людских
Честен, остр, прекрасен.

Песня рабочих людей.

Устал, устал до нота
Лукерьян кум Кузьма!
Мила мне, рек, работа,
Калинишна кума!
Соль и хлеб у нас с водою,
Ляжем кумушка с тобою.

Ночь нам весело минет
Мне с кумою грусти нет.
Кто как хочет пусть толкует,
Моя совесть не тоскует,
Я и ухом не веду,
Что с кумою спать иду.

Пусть роскошные соседы
Пиры строят и обеды,
А мы хлебом и водой
Будем сыты век с кумой.
Наша крестница здорова,
Ей дана от нас корова.

На молочной та еде,
Мы на хлебе и воде;
Жизнь спокойно провожаем,
Больше счастья не желаем.
Кто что хочет примечай,
Спать с кумой нам не мешай.

В этой идиллии сделан все же очень серьезный упор на хлеб с водою и на пиры и обеды «роскошных соседей». Вопрос о распределении благ явно интересовал Рубана.

Качество поэзии Рубана крайне низко, благодаря чему он с легкостью достигал того, что настоящим поэтам давалось с трудом. Державин, гениальным усилием преодолевая одическую отрешенность, перерабатывал быт в поэзию, т. е. он находил способы выражения, превращавшие идеологически нейтральные бытовые вещи в ценности поэтического слова. Для Рубана дело обстоит много проще, потому что ему нечего преодолевать и перерабатывать. Его подносное стихотворство — это сырой быт с приправой из Минерв и Нептунов; прямой язык канцелярии и передней, только с дезурой на третьей стопе:

Дубликат М. И. А[никипу]

3-го апреля 1795 г.

О наглости к тебе писал я мушниковой,
 Что честь он повредил супруги Клепоковой,
 Невежливо свой рот широкий растворя,
 Кричал за нею вслед ура, ура, ура,
 С протяжкой повторял потом и ура,
 От слова же сего педалека и дура;
 И множество других нелепостей вещал,
 Чувствительность ее чем сильно обижал,
 На улице большой в дни сырныя недели,
 И люди на сие позорище смотрели
 Со удивлением; представь же сколько зла
 Мушная даме пасть сей песню нанесла,
 Что она, шести рублей не пожалев,
 Приходит на сего с прошением злодея
 В судилище твое, Аникин; ты вземли
 И пасть мушным кулям к ее ногам вели.
 Сего единого она и ожидает,
 А то квашня ее без хлеба рассыхает,
 И живописная засохла мужа кисть,
 Потщися хлеб ему доставить иль корысть
 Решением его жены в бесчестьи дела,
 Как только Фомина покажется неделя.
 А просьбы моя сей дубликатный стих
 Послал в апреле я, в день именин твоих,
 С которыми тебя усердно поздравляю
 И всех тобой самим желанных благ желаю!
 Ты ведаешь, что я тебе на всякий год
 В сей день трудов моих препровождаю плод.
 Прими с приягностью мою невежну службу
 И продолжай твою мне драгоценну дружбу.
 О сем единственно тебя я и прошу
 И яко друг тебе свой дубликат пишу.

А при случае тот же Рубан пишет торжественные оды «настоящими стихами». Уже подносные произведения Рубана, рассчитанные на печатъ, гораздо больше похожи на стихи вообще — например, напечатанные благодарственные стихи Полемкину. В них благодеяния, оказанные пиуту, фигурируют не в виде

ассигнаций, печеных яблок, отреза на фрак, шубы и тому подобных неприличных конкретностей, а в виде перифрастических «камней, серебра и золота»:

Ты блакости лишь подобием реки,
 В добротворении прерывности не зная,
 Всечасно милости различны изъявляя,
 Ни камней не щадишь, ни злата, ни серебра
 Для пользы ближнего иль общего добра,
 О коем каждое мгновение ты мыслишь
 И день погибшим тот невозвратно числишь,
 Благодсяний ты в который не явил.
 Веспасианов сын таков у римлян был.
 Ты милосердие в себе являешь Тита,
 Благодотворительно всем грудь твоя открыта...

Произведение подобное «Дубликату» могло явиться только на почве графомании. Б. Модзалевский сообщает: «Помимо пользы, которую Рубан извлекал из занятий своих стихотворством, последнее служило ему и удовлетворением страсти к сложению стихов, которую он был одержим почти в равной степени с своим критиком гр. Хвостовым. Стихотворная производительность Рубана простиралась до огромных размеров, выражаясь в самых разнообразных формах. Дело доходило до того, что даже частная переписка велась с его стороны не прозою, а стихами. Сохранился рассказ, записанный П. Ф. Карабанным о том, как Потемкин, знавший слабость своего секретаря, предложил ему однажды написать в Соляную контору, вместо отношения, стихотворное послание о выдаче 10 000 рублей. Иногда случалось, что в один день Рубан сочинял по несколько стихотворений; даже во время своей предсмертной болезни он не пропускал почти дня, чтобы не написать кому-нибудь поздравления, письма в стихах и т. п.».

Потребность графомана изъяснять стихами свои обиходные интересы натолкнула Рубана на нечто вроде «дружеского послания»:

1-е Марта 1795 года.

Родзянка! У тебя прекрасная жена.
 Благовоспитана, быв в Дерпте рождена;
 Пленила кротких уст меня ее беседа,
 Хотя ж у твоего и не был я обеда,

Но пил за здравие ее вино твое,
 Тавридский коему Судак дал бытие.
 В сем граде образ был боготворен Афины,
 Он, став днесь и в области Екатерины,
 Оденет в новый блеск поблекшу старину
 И славу новую даст своѐму вину.
 Но что приятный вкус сего вина я знаю,
 Виновником тебя, Родзянко, почитаю,
 Покорно за него тебя благодарю
 И ведомым сей дар я свету сотворю
 Для умножения вину сему расхода,
 И начата ему уже похвальна ода.

19-го Августа 1794 года.

Когда б забывчивых петъ можно леногузов,
 То б похвалу соткал я и тебе, Кутузов,
 Я многажды тебя, для выкройки чехлов,
 Просил ко мне прислать портного из хохлов —
 Сидорку; или же кого ты сам рассудишь.
 И ты сказал — пришло, и верно не забудешь,
 Однако ж позабыл, и по сие число
 Творение сие в чертог мой не вошло.
 И о твоей мои чехлы не шиты лени,
 Однако ж говорить тебе не стану лени,
 Но с ласкою еще учтиво попрошу
 И благодарный стих, коль пришьешь, напишу.

В распоряжении Рубана оказалось огромное разнообразие вещей, при полном отсутствии метода для литературного освоения новых в литературе материалов. Лет через двадцать пять графоманы XIX века могли уже с легкостью писать на обиходные темы по образцам Батюшкова и Жуковского. Карамзинисты отобрали некоторое количество обиходных вещей, распределили их по местам, вытряхнули из них вещественное содержание и создали так стиль дружеских посланий. Что же касается рубановских чехлов, то они вышли из быта и в быту остались.

Подносные стихи Рубана — явление быта. Именно потому они — замечательное по своей прямоте свидетельство о социальном факте наемничества, зашифрованном в высокой поэзии XVIII века.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Статьи	
А. С. Орлов. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского	57
А. И. Маленин. Приложение к статье А. С. Орлова «Тилемахида» .	61
П. Н. Берков. Из истории русской поэзии первой трети XVIII в.	61
Л. В. Пумпянский. Очерки по литературе первой половины XVIII века	83
С. Н. Чернов. М. В. Ломоносов в одах 1762 г.	133
П. Н. Берков. «Хор ко превратному свету» и его автор	181
Гр. Гуковский. О «Хоре ко превратному свету»	203
Ив. Н. Розанов. Песни о гостинном сыне	219
А. Я. Кучеров. Французская революция и русская литература XVIII века	259

Материалы

Л. Б. Модзалевский. «Евнух» В. К. Тредиаковского	311
П. Н. Берков. Непользованные материалы для истории рус- ской литературы XVIII века	327
Д. Д. Шамрай. Об издателях первого частного русского журнала	377
Р. М. Тонкова. Из материалов Архива Академии Наук по лите- ратуре и журналистике	387
Лидия Гинзбург. Неизданные стихотворения Рубана	411

